Годъ 3-й. Кн. VIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 1.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 26 марта 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, профессоръ

Д. Анучинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЯТЬ БЫЛИНЪ

по рукописямъ XVIII вѣка.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ относятся,—насколько до сихъ поръ извѣстно,—къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для баккалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ [1]), шесть пѣсенъ: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» [2]). Тексты этихъ пѣсенъ записаны *со словъ* [3]) *по заказу* любознательнаго баккалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальныя – съ раздѣленіемъ на стихи [4]). Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія*. Такъ въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено

---

[1]) Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19 января по 20 августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

[2]) Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5–10); потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

[3]) Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнѣ 1619 года*, записана въ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія*. Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи*.

[4]) Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

„Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградцкихъ богатырей, учинили себѣ честь“ [1]). Это „*Сказаніе*“ помѣщено въ сборникѣ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впослѣдствіи въ *народномъ*) *чтеніи* «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитреѣ купьцѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла» [2]). Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кіевскихъ богатыряхъ была уже не *пѣснью*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» *письменной* литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кіевскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ [3]); но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, принаровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени внѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время [4]).

---

[1]) *Сказаніе* напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

[2]) Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

[3]) Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, XXXVI, 357.

[4]) А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ“ сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами“ (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Ѳ. Миллера (который зналъ „Сказаніе“ по другому, позднѣйшему, списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только, замѣтно *коренное извращенье* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идолище въ Цареградѣ“. Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжною *передѣлкою* XVII столѣтія“ (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень-мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсенъ [1]). Можно однако думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ „сказанія о богатыряхъ“, встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды *копированія* съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *собирать* и записывать и «пословицы всенароднѣйшія» [2]). Былина подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе «сказанія» и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи»,

и напечатаннымъ въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ“ и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

[1]) Къ XVII вѣку относитъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ“ Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче“, то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше *1688 года* и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ“. Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче“, указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни*: 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 619=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни“. Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ варіантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во двадцать седьмомъ году, „Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи“ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Наѣзжалъ царище Кудрянище“. (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

[2]) „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*“ внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку изданъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева: «Русскія пословицы и поговорки» (въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“, Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчелъ»,—и даже съ «словцами божественныхъ писаній». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Словца, избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона" [1]).

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоцѣнный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Θ. И. Буслаеву [2]). Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію [3]). Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большею частію начальные или конечные). Такъ въ первой тетрадкѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ „Сказанія о Акирѣ премудромъ"), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: „Чаша моря соловецкаго"). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того,* какъ перемѣчены были по листамъ (по старинному—буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283- 401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи послѣ листовъ помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: „Сия тетрать Никиты Андрѣева сна (сына) Кора...". Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позд-

---

1) Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

2) Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

3) На оборотѣ 368-го листа читается: „Конецъ тетърати сеї"; на листѣ 375-мъ: „Конецъ сей тетрати свершися. Аминь".

нѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: „Сия книга дому гсдна [1]) лейбъ-гварди прапорщика алеѯея ильича желябужскаго служитѣля ево ивана тимофиева с҃на быкова“ [2]). На обор. 390 листа позднѣйшая запись: „Сия книга гсдрьственнои вотчинном колегиі капеиста петра иванова с҃на степанова“. Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. Й. Буслаева совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ „народныя книги“, въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ *древне-русской* литературы отмѣтимъ: 1) „Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху“; 2) „Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломонї“ [3]); 3) „Сказание о ризѣ господа нашего Іисуса Христа“; 4) „Сказание о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человѣка писати іконы“ [4]); 5) „Ис книги Пролога—м҃ца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣниі божиі“; 6) „Притъча о нѣкоемъ дворецкомъ і селянинѣ“ [5]); 7) „Повѣсть о Дмитрие купцѣ і о премудромъ слове сына ево“ (Басарга); 8) „Сказание о Акире премудромъ і о премудрости ево“; 9) „Како баба диявола обманула“ [6]); 10) „Повѣсть града Вавилона“ [7]); 10) „Слово святаго мученика Егория о змиі і о девіцѣ [8]); 11) „Слово о бражнике, како вниде въ рай“.

---

[1]) Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи по ь титлами или прямо надъ строкой.

[2]) На об. л. 159 запись, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексѣя.

[3]) Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

[4]) Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

[5]) Срв. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

[6]) Изъ польскихъ фацецій.

[7]) Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

[8]) Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

Не перечисляя другихъ статей сборника отмѣтимъ апокрифы: *Іерусалимскій свитокъ*, *Сказаніе о потопѣ и о Ноевомъ ковчегѣ*, *О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) „Слово о піянствѣ" [1]); 2) „Списокъ судьнаго дѣла, какъ тягался лещъ сь ершемъ о ростовскомъ озере и о рекахъ"; 3) „Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника"; 4) „Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ" [2]); 5) „Роспись о приданомъ" [3]); 6) „Повесть о Ереме с Ѳомою" [4]); 7) „Колязинская челобитная" (безъ начала и конца [5]); 8) „Сутъ Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ" [6]). Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѳ. И. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые — сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что „текстъ картинки *Ерема, Ѳома и Парамошка* заимствованъ, *съ большими сокращеніями* изъ *повѣсти*, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки" [7]). Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ*, въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки [8]), нежели къ лубочному. „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ" и „Повѣсть сказуемаго ерша ершова", при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ. [9])

---

[1]) Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ „Очеркахъ русской народной словесности". I, 570. Ср. Ровинскаго Русскія народныя картинки I, 319—320.

[2]) Ровинскій, I, 272. [3]) Тамъ же, I, 367—371. [4]) Тамъ же, I, 436. [5]) Тамъ же, I, 405. [6]) Тамъ же, I, 189. [7]) Ровинскій, Русскія народныя картинки. IV, 295. [8]) Тамъ же, 295—299. [9]) Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла" начинается такъ: „Гос-

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) „Сказание о седми русскихъ богатыряхъ“ (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337) [1]) и 3) „Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбоинике“ (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетрадкѣ; «повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о седми богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ [2]). Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ в хъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

„Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владиміръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубокъ погребъ,
(Въ глубокъ погребъ) [3]) сорока саженъ,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною“.

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, за-

---

подамъ моимъ *новогороцкимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *кормовой* сынишко боярской лещишко съ товарищи...“ Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла“ и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей“. Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

[1]) Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

[2]) Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тое земли из Галацъкия отъ короля *посолскова*“, вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767,768 и др.), Василиса пріѣзжаетъ «изъ земли Ляховецкія». Слово „Галацъкия“ рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто: „Галицкія“, а можетъ быть вм.: „Галанскія“; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскія“ (I, 243).

[3]) Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ,—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

писанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими варіацями.

Значеніе текста былины „О седми русскихъ богатыряхъ“ [1]), представляющей варіантъ къ „Богатырскому слову“ рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ [2]). Запись третьей былины сборника Ѳ. И. Буслаева: „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ“, указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: „себе“, „себѣ“ — вмѣсто: „Себежъ“ (городъ); неразобранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: „Себежскова“ или „Сибежскова“, писалъ: „Сибирскова“.

Изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева заимствованы напечатанные ниже тексты двухъ былинъ: *О Ставрѣ* (подъ № I) и *О Ильѣ Муромцѣ* (подъ № II).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ) помѣщена „*Повѣсть* о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике.“ Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впослѣдствіи соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: „$\frac{17}{30}$ году“. Эта помѣта опредѣляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана „*Повѣсть*“ объ Ильѣ Муромцѣ. Къ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: „Въ славномъ граде Муроме слушалъ Ілья Муромецъ воскресную заутреню; походъ держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...» Конецъ: «... службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончания вѣка.

---

[1]) Эта былина издана *очень неисправно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318,

[2]) Сборникъ Втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

Аминь.» Уцѣлѣвшія строки «повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника [1]). Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «*Повесть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицемъ граде Иерусалиме сказание, идеже гробъ господень предстоитъ и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65 — 74 (по ст. нумер. 123—132) — «*Повесть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца» [2]); наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133 — 139) написана «*Повесть* о Дмитриі купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленый въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ» [3]), названъ здѣсь «повѣстью»; такое наименованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева и другихъ рукописяхъ XVIII вѣка. [4]) Въ тетрадкѣ второй половины XVIII вѣка, [5]) принадлежащей И. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а окрещена иностраннымъ словомъ: «*Гисторія*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй

---

[1]) Ср. ниже тексты, напечатанные подъ № II и № III.

[2]) Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ «Народныхъ русскихъ легендахъ» Аѳанасьева, стр. 99—104.

[3]) Ср. „Памятники старинной русской литературы", изд. Костомаровымъ, II, 347, 352; Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

[4]) Срав. ниже напечатанные тексты № II и № III.

[5]) Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностію; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти [1]). По этому списку И. Е. Забѣлина «Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аѳанасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып. I, стр. 77—80). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*». [2]) Такое начало *ближе всего подходитъ* къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевскаго сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ (ср. ниже № II); въ другомъ текстѣ XVIII вѣка (ниже № III) о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетрадкѣ И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*» [3]). Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: „тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты“. Позволительно заключить, что одна и та же версія былины вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпическаго стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ и 2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Попо-

---

[1]) Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 284—289, и его же „Для любителей книжной старины“, стр. III, V, 4, 5 и др.

[2]) „Народныя русскія сказки“ Аѳанасьева, вып. I, стр. 77—78

[3]) Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки,“ I, 80.

вичѣ“ [1]). Въ первомъ сказаніи утрачены начальные листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: „взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую“. Въ этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе „сказаніе“ (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ ниже по двумъ спискамъ (№ IV и V) „Сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ“.

Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озаглавленная: „Россійскія пословицы, собранныя по алфабету въ Москвѣ 1749“. Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янькова*. По словамъ Ѳ. И. Буслаева, рукопись эта „содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною“ тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ [2]). Можетъ быть, Яньковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи „въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь“, чѣмъ напечатанныя впослѣдствіи въ извѣстномъ изданіи Снегирева: „Русскія народныя пословицы и притчи“ [3]). Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепиской „русскихъ пословицъ“ занимался *въ Москвѣ*,

---

[1]) Д. А. Ровинскій относитъ этотъ „*замѣчательный* списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб. 1841), стр. 66. Къ сожалѣнію г. Ровинскій приводитъ лишь небольшія выписки изъ замѣчательнаго списка Забѣлина. (Русскія народныя картинки IV, 2—3).

[2]) Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева, II, 2, стр. 67.

[3]) Тамъ же.

въ 1749 г., человѣкъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янькова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ „Авантуры Аристоноюсовы,"—нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: „A: de Yancoff". На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка*: „Авантуры Аристоносовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янькова*" [1]). Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохранялъ очевидно живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго гисторію [2]).

Бытъ помѣщиковъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка „Недоросля" „еще съизмала былъ къ исторіямъ охотникъ" и „заставлялъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью;" „въ иной исторіи залеталъ за тридевять земель, за тридесято царство." Скотининъ „безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не разсказывалъ ему исторій". Самъ авторъ „Недоросля" слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонвизиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи [3]). Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ,—того, который любилъ щеголять патріархальными пріемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года

---

[1]) Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка" въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности" на 1891 г., стр. 542—543.

[2]) Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—*съ англійскаго*. („Роспись" Смирдина, № 9268).

[3]) Татищевъ, Россійская исторія, часть I, кн. 1, стр. 50.

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ писалъ „россійскому исторіографу“ Г. Ф. Миллеру: „Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую *исторію* поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю“. Печатая это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: „Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршѣ Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинфіевича Демидова“ [1]). Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ [2]). Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная впослѣдствіи въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“, написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку [3]). По словамъ К. Ѳ. Калайдовича, „оригиналъ Древнихъ Русскихъ стихотвореній писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орѳографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*“ [4]). Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: „За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, *для коего они предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны*“ [5]). Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ готоваго оригинала

---

[1]) Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

[2]) Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель (Древнихъ россійскихъ стихотвореній) былъ П. А. Демидовъ, жившій *въ Тулѣ* въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ* пѣсельниковъ, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Ср. Сказанія русскаго народа, изд. 3-е, I, 30.

[3]) Москвитянинъ 1854 г., № I и 2, стр. 10.

[4]) Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

[5]) Тамъ же, стр. I.

(а *не* записаны *со словъ*), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, „что собиратель Древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“ [1]). Это предположеніе издатель основываетъ на пѣсни: „Свѣтелъ, радошенъ царь Алексѣй Михайловичъ“, и еще болѣе на „повѣсти *о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ*, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе“ [2]). Сборникъ древнихъ россійскихъ стихотвореній, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были *записаны съ голосу сибирскихъ людей*, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: „Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей“. Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь *въ сплошную строку*; но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: по видимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь руко-

---

[1]) Тамъ же, стр. VIII—IX.

[2]) Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п“. (Приложеніе къ седьмому выпуску „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря: „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidov'schen Eisenbergwerken im Gouvernement *Perm* beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (Wollner, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. О. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

писи [1]). Въ „Универсальной грамматикѣ“ народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ* — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ „кантъ“ и „кіевокалѣкскихъ“ стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти“ (въ родѣ польскихъ фацецій), 2) „Древнія апоѳегмы“ (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году) и наконецъ 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“. Послѣднія, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались впослѣдствіи со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр. въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). „Универсальная грамматика“ впослѣдствіи была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ „Письмовника“, заняла почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской“ литературѣ; этимъ книга Курганова обязана конечно и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы“ и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и посло-

---

[1]) Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ болшой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132 — 135.—

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывати: 2. Про грозна Царя Івана про Васильевича: Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубіянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и Зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари призадумалися: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ: Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися.“ Пѣсни того же содержанія („бояринъ Шереметевъ“ и „взятіе Казанскаго царства“) есть и въ Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ (стр. 284, 314), но—*въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова

вицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Универсальной грамматики“ перешли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка [1]).

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части „Собранія разныхъ пѣсенъ“; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ „Собраніи“ много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ немного.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ „Собраніи“ Чулкова, повидимому извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ „предувѣдомленіи“ Чулковъ говоритъ: „Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѳмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, естьли бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоять будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*“.

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни „разнаго званія“. Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи А. П. Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: „Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно

[1]) Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки IV, 190, 241, 254, 353.

такъ называемыхъ стихотвореній очень немного. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ срединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ остальныя пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи" [1]). Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать „Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ" и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. «Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича»... „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь" [2]). Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», извѣстный писатель Михайла Поповъ [3]), составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ» [4]), вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и такъ же, какъ

---

[1]) Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

[2]) Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части «Русскихъ сказокъ» Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ приписано было Левшину Калайдовичемъ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, «какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской» (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXVI, стр. 375).

[3]) Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 243.

[4]) Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

и Чулковъ, жалуется на „безграмотныхъ писцовъ“, отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе» [1]). У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсенъ». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: „Со старинными [2]) пѣсьнями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныя стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла здѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсьни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ» [3]). Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсенъ «всякаго званія», принадлежавшими Чулкову: онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсенъ» [4])...

Такимъ образомъ въ прошломъ столѣтіи, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ («Древнія россійскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаются: 1) лирическія—въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни—въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей», «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ по-

[1]) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXI. [2]) Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни. [3]) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII. [4]) Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей II, 243.

мѣщичьихъ библіотекахъ; сборники второго рода—среди грамотныхъ людей средняго и нисшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны ниже слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ III); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ" (№ IV) и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ», представляющее варіантъ къ тексту, напечатанному подъ № II, заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, перемѣченныхъ тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Anno Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выпісана ис книгъ зело полезна француҳкаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кеинге" и т. д. [1]) (л. 29—44 об.); 3) «Сутъ Шемякинъ, выписано ис книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4) „Сказаніе о храмце и о слепце" (л. 47 об.—48 об.); 5) „Повесть Цесаревіча Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоемъ рыцаре и о сыне его Алеѯандре, велми чудна" (л. 49—63 об.); 6) „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христианскимъ"—о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87) и 7) „История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Веницыанѣ и прекрасной королевне Ренцывенѣ" л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66, (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малогра-

[1]) Ср. Пыпина, Для любителей книжной старины, стр. 34—35.

мотнаго писца вписаны: 1) „Молитва великому святителю Николаю чудотворцу“ (л. 64—64 об.); 2) „Молитва пресвятой Богородицѣ“ (л. 87 об.—88); 3) „Молитва покаянная Господу Іисусу“ (л. 88—89); 4) „Мѣсяцъ мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитевыхъ (sic!) о двунадесятъ времянныхъ имянуетца пятница“ (л. 89 об.); 4) «Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа с небесе»[1]) (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказание о Іліе Муромце и о Соловие Разбонике» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ ниже напечатанныхъ примѣчаній: 5-го и 6-го на стр. 32-й и 5-го и 6-го на стр. 33-й, подъ текстомъ «Сказанія».

Текстъ перваго «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (№ IV) извлеченъ изъ рукописной тетради моей библіотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перемѣчены писцомъ—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣта идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳі) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (ка), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣтѣ) листа приписано сверху: «Семенъ». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того

[1]) Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ“, иначе „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также *Этногр. Обозрѣніе*, IV, 95—100; *П. А. Иваницкаго*, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ „Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи“, в. II. Моск. 1890 г., стр. 146—147.

же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается: «Сия тетрать *Семена* Малкова; а дописана сия тетрать м̃ца хевраля 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца». Тетрадь, изъ которой взято второе сказаніе о богатыряхъ, начинается слѣдующими строками главы «О въсхищеніи Стратиговнѣ и о свадьбѣ Девгенія»: „и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспять возвратися; и Девгени взирающе на дворъ, и тогда девая видевше и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказание, како победи Девгеній Василія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ печатаемое ниже «Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце, и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья, озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ к҃з день память святыя мученицы Матроны Θесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго к҃д. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписанномъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ бражнике» (л. 21 об.—до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана, вѣроятно, также около тогоже 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матере его Улиты», послѣ словъ: «Семенъ Малковъ» приписано: «Посацкой человѣкъ *Ярославецъ* Андрей Θедотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (прим. 2-е на стр. 34-й).

Второе «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V), представляющее варіантъ къ первому,

напечатано по рукописи моей библіотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впослѣдствіи переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеено 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Іисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь Страстей» самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, какимъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ», списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мучение святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапия» (л.131—137); 3) «Убиение святаго благовернаго великаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказание о богатомъ купце» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ зело, именемъ Бендеръ»; 5) «Житие святаго отца нашего Григория, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказание о царскомъ платье». Это—совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣсителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареграде царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василия Великаго Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, велми душеполезно, ко всемъ православнымъ христианомъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ сынѣ», безъ начала (л. 152 об. — 155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человѣка писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева; 9) «Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страсѣ божиі и о еже

како во святѣй божиі церкви стояти со страхомъ и благочиниемъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Мнози убо невегласи, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огеитрии (sic!) троеручицы (л 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая ікона пресвятыя Богородицы из аѳонския горы архимандритомъ Ѳеоѳаномъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кисарицкого (въ оглавленіи: Кисаринского) ко всемъ православнымъ христианомъ о хмелномъ питиі; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) „Сказание учитиля церковнаго Иеронима святаго о Июде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъже* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая „Страсти.“ Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣту, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ помѣта страницъ отъ а҃ до к҃є. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: „чересебя,“ отмѣченное въ 8-мъ примѣчаніи къ страницѣ 47-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ „Девгеніева Дѣянія.“ Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и нисшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, ко-

торыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—поздніе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—оффиціальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

Н. Тихонравовъ.

I.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Ставръ Гаденовичъ.

.....[боя]ринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ой есте вы князи, и бояре, и силныя могучия богатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастию есть у меня [1]) золота казна, николи казна не держитца, всегда казна исполняется [2]). И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы переборчетыя: молодецъ молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, я все жеребцы латынския: николи жеребъцы не изъездятца" [3]). И зговорятъ князи, и бояре, и силныя могучия богатыри, і мужики торговыя: „Ой еси ты бояринъ Съставеръ Гаденовичь! почему у тебя золота казна не держитца?" I зговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня золота казна не держитца, что я исъ той казны в ростъ деньги в рость [4]) даю, і тѣмъ я ростомъ годъ живу, потому моя золота казна не деръ-

---

[1]) Въ рукописи слова: „есть у меня" повторены: „есть у меня, есть у меня". [2]) Послѣ этого повторено: „есть у меня золота казна". [3]) Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. [4]) Слова: „въ ростъ" написаны въ рукописи два раза.

житца".—„Почему у тебя молотцы не старѣются?" И възговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пьютъ, едятъ, а сами потѣшаютца і никакой кручины не вѣдаютъ; чеботы носятъ по турецкому: шиломъ пяты, носки вострыя, однорятъки носятъ по посолскому — скорлять сукно, колпаки носятъ плащи золотыя: потому молотцы не старѣютца".—„Почему у тебя жеребцы не изъездатца?" И взговоритъ тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня жеребцы не изъездятца: севодни я поехалъ на томъ жеребце, а завтре поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: потому они не изъездятца". И лихи были в Киеве оговоръщики: оговорили онѣ князю Владимеру киевскому боярина Ставра Гаденовичя небылными словесами і ложными: „Государь ты нашъ, князь Влалимеръ киевъской! пьешъ, ешъ і потѣшаешъся, а тово себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринъ Ставеръ Гаденовичь столнова града Чернигова, а за очи говоритъ таково слово: „Я, де, в Киевѣ градѣ болши великаго князя Владимира і богатея". I тутъ князь Владимиръ на него раскручинился, велѣлъ ево скоро пред собою поставити. И съкоро поставили боярина Ставра Гаденовичя перед кънязя Владимира киевскаго. Что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты бояринъ Ставеръ Гаденовичь! негораздо ты за очи похваляешся и говоришъ таково слово, что де я в Киеве богатѣе князя Владимира". И взговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь: „Азъ, государь, никакова слова про тебя не говаривалъ". Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимеръ раскручинился, велѣлъ ево посадитъ в глубокъ погребь сорока саженъ і закрыть доскою желѣзною і засыпать песками желтыми. I повели боярина Ставъра Гаденовича в глубокъ погрепъ сорока саженъ. И что взговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ой еси ты мой слуга поваренной! садисъ ты съкоро на жеребца латынскова, поедь к столному граду Чернигову к моей молодой женѣ к Василисѣ Микулишнѣ, отправь ей от меня челобитье великое: „Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ его посадить в глубокъ погребъ сорока саженъ и засыпать песка-

ми желтыми, і закрыть доскою желѣзною". I скоро дѣтинко садился на жеребцѧ на латынскова и поехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Черниговѣ градѣ, възъеждяетъ на царской дворъ, с коня не слажучи; бѣжитъ во свѣтлую горницу, не обсылаючи, молитца чюднымъ образомъ, бьет челомъ Василисѣ Микулишне, а самъ говоритъ таково слово: „Государыня Василиса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти не радостъныя: Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимеръ раскручинился, велѣлъ ево посадить в глубокъ погрепъ сорока саженъ и закърыть доскою желѣзною, і засыпать песками желътыми". И тутъ Василиса Микулишна была догадьлива, скоро она догадалась: пошла она в хоромы опришенныя, скидовала сь себя волосы женския, завивала кудри молодецъкия, надѣвала на себя пълатье посолское, скоро садилася на жеребца латынскова, імала сь собою триста молотцовъ: молодецъ молотца лутче, все молотцы переборчетыя, бутъто едетъ младъ посолъ младъ [1]) Василей Ивановичь ис тое земли из Галацъкия отъ короля Полскова [2]) править посолство великое. I поехалъ младъ посолъ Василей Ивановичь къ столному граду Киеву ко великому князю Владимеру киевскому тою дорогою пъродолную на лесы на брынъския [3]), на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь блиско столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ государевыхъ, і тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчетыя розставити; а посолской шатеръ не мешаетца с тѣми: маковка у шатра золотая, золота аравитъское [4]). I малой часъ поизойдучи, от столнова града Киева, от князя Владимира киевъскаго, мимо шатра посолскова гонитъ скорой гонецъ в Черниговъ градъ. I что зговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой есть вы мои слуги і дворяня молотцы! переймите вы скорова гонца, поставте ево передо мною". I скоро тутъ кинулись і поимали гонца, і привели пред грознаго посла млада Василья

---

[1]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь", какъ ниже. [2]) Въ рукописи описка: „Посолскова". [3]) Въ рукописи: „на бранъския". [4]) Такъ въ рукописи.

Ивановичя. Что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой еси ты скорой гонецъ! куды ты гонишъ наскоро?“ И взговоритъ ему скорой гонецъ: „Государь ты, грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь! я еду отъ столнаго града Киева от князя Владимера киевскаго, а еду в столно градъ Черниговъ переписать золоту казну боярина Ставра Гаденовича“. I что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой еси ты грозенъ посолъ, скорой гонецъ! поедь ты скоро назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимеру киевскому, да скажи ему про меня: „Государь мой князь Въладимеръ киевски! к твоему здоровью іеть, государь, младъ посолъ Василей Ивановичь изъ земли Галацкия отъ короля Польскова править посолство великое“. И скоро скорой гонецъ назадъ поехалъ въ Киевъ градъ і сказалъ князю Владимиру все поряду по словеси грознаго посла млада Василья Ивановича. А самъ посолъ не мешъкая за гонцомъ в Киевъ градъ приежьдяючи ставилься на посолской дворъ. Какъ будетъ третей день, звалъ князь Владимеръ киевской грознаго посла млада Василья Ивановича на почестной пиръ. И какъ будетъ по порамъ, пошолъ грозной посолъ на почестной пиръ. I какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь среди двора государева, і тутъ ево встречаютъ князи і бояре, и взяли ево под руки бѣлыя, повели в полаты каменныя, посадили на мѣсто посолское. I какъ пошелъ почестной пиръ, і почели пить и ясти і потѣшатися, і увидѣла Апраѯѣя королевишъна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говоритъ таково слово: „Государь ты, князь Владимеръ киевской! не быть то грозну послу младу Василью Ивановичю — быть Василисѣ Микулишънѣ, Ставровой женѣ Гаденовича“. I что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты княгиня Апраѯѣя королевишна! мошно то намъ розвѣдати, лише бы не опозоритца“. I какъ у князя Владимера столъ отшелъ, и послѣ стола пошла потѣха молодецкая, и что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты грозенъ посолъ, младъ Василей Ивановичь! есьтли теперво с тобою умѣющия борцы, с моими бы борцы поборолися, а насъ бы с тобою потѣшили?“ И что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Го-

сударь ты, князь Владимеръ киевъски! теперво со мною борцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слова государева, і я затѣмъ борцовъ не бралъ. Развѣ, государь, мнѣ самому поборотися, а тебя, государь, потѣшити?" И пошелъ грозенъ посолъ на царевъ дворъ і учелъ по двору похаживать, ручки і ношки поправливать. И в ту пору князь Владимеръ іс хоромъ смотрилъ, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять борцовъ умѣющихъ, і учели боротися: первому борцу голову сломилъ, другому борцу руку выломилъ, третьему борьцу ногу выломилъ, четвертаго борця за тынъ кинулъ, а пятой борецъ в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посолъ Василей [1]) Ивановичь бьетъ челомъ князю Владимеру киевскому своею потѣхою молодецкою, а самъ говоритъ таково слово: „Государь ты, князь Владимеръ киевской! я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецькою,—вели, государь, меня потѣшить: дай мнѣ ігреца, кой бы гораздъ в гусли іграть и проводилъ бы меня на посолской дворъ". І князь Владимеръ стоючи задумался, что нѣтъ в Киеве игреца гораздова. И вспало на умъ князю Владимеру про боярина про Ставра Гаденовича, и велѣлъ ево вынуть із глубока погреба и велѣлъ ему дать звончатыя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичь за грознымъ посломъ на посолской дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дъворѣ, и зговоритъ младъ посолъ Василей Ивановичь: „Помнишли ты, Ставеръ Гаденовичь, про меня, іли ты меня знаешли, іли нѣтъ?" И взговоритъ бояринъ Сътаверъ Гаденовичь таково слово: „Азъ про тебя і не слыхивалъ, не токмо что мнѣ тебя знать". І что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „А помнишли ты, бояринъ Сътаверъ Гаденовичь, коли мы с тобою ребячью ігрушку игрывали: у тебя была сваечка серебреная, а у меня было колечко золотое, і ты в мое колечко часто попадывалъ?" І тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь догодался: імалися онѣ за руки бѣлыя, цѣловалися во уста сахарныя. И великой князь Владимеръ киевской опять іхъ пожалывалъ столнымъ градомъ Черниговымъ, и отпустилъ іхъ с великою чесьтию, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І онѣ поехали в Чер-

---

[1]) Слово „Василей" въ рукописи повторено два раза.

ниговъ градъ і учали жить і быть по старому лутче прежнего. И учели пити, і ясти, и веселитися по прежнему. И начелъ іхъ князь Владимеръ жаловать лутъче старова. Конецъ.

II.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике.

Во славномъ градѣ Муроме слушалъ богатырь Илья Муромецъ заутреню воскресную, а похоть [1]) держалъ къ столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю, а заветъ держалъ болшой: кладетъ вострую саблю и на крѣпкой лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едучи будетъ под Себѣжиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотятъ Себежъ [2]) градъ за щитомъ взять и самого царя в полонъ взять. А Илья побилъ силу великую, бутто заичье стадо, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ і подарилъ царя Сибирскова [3]). И Сибирски царь говоритъ: «Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству і которого ты града»? Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отчесътву Ивановъ сынъ, а уроженецъ града Мурома». И Сибирски царь зговоритъ таково слово: «Ой еси доброй молодецъ, Ілья Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, дамъ я тебѣ половину царства своего». Илья Муромецъ говоритъ: «Много мнѣ твоего жалованья!» И спрашиваетъ у нево прямой дороги к столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю. И Сибирски говоритъ ц:рь: „Прямая дорога надлежитъ на лесы брынския [4]), на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко та дорога залегла от Соловья разбойника равно .л҃. лѣтъ: единое человѣкъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскивалъ, и птица не пролетовала отъ Соловья разъбойника».

---

[1]) Такъ въ рукописи; читай: «походъ». [2]) Въ рукописи: «себе»; не написано надстрочное *ж*. [3]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: «Сибѣжскова». Не разобрано надстрочное *ж*? Это чтеніе сохраняется и далѣе. [4]) Въ рук.: „бранския“.

И тутъ богатыръское сердце разгараетца: поехалъ прямою дорогою х Киеву граду. И какъ едучи будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно наступалъ к нему Соловей разбойникъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ: подыльею [1]) конь спотыкнулся; Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: «Что ты, волче [2]), спотыкаешся? Нетъ ветъ меня во всей руской земли сильнея». И вынимаетъ по Соловью разбойнику калену стрѣлу, и тутъ во Соловья разбойника попалъ, и Соловей з двенатцати дубовъ свалился, аки овсяной снопъ. Ілья Муромецъ сѣлъ у нево на бѣлыхъ грудехъ і хочетъ у нево вынуть сердце. И возмолитца тутъ Соловей разбойникъ: «Ой еси доброй молодецъ Илья Муромецъ! оставь душу въ телѣ хоть на покаяние!» Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где твоя золота казна лежитъ?" И Соловей разбойникъ ответъ держитъ: «Моя, государь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ Кутузовыхъ; а гонецъ гоняетъ равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязуетъ Соловья разбойника к своему стремю булатному и съкачетъ з горы на гору, а у реки перевозу не спрашиваетъ. А какъ будетъ подъ ево селомъ Кутузовымъ, увидѣли Соловья разбойника к҃і сыновъ. Болшой говоритъ: «Вотъ де нашъ батюшка едетъ, а мужика везетъ у своево стремя булатнова». Меншой сынъ говоритъ таково слово: „Вонъ де едетъ Илья Муромецъ, а батюшка везетъ у своево стремя булатново". И тутъ мечютца .к҃і. сыновъ и надѣваютъ на себя оружие богатырское, и хотятъ с нимъ поле дать. І Соловей разбойникъ говоритъ таково слово: «Светы вы мое малые дѣтушки! не дразните вы сево добъра молотца, зовите ево к себѣ хлѣба кушати». Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ к столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичу. И какъ будетъ пот Киевомъ градомъ, скачетъ черезъ стену каменную и едетъ на княженецкой [3]) дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаючи.

---

[1]) Такъ въ рукописи; чит.: „подъ Ильею". [2]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: «волч'е»? Затѣмъ пропущено слово. Въ моемъ текстѣ: „волчия шерсть". [3]) Въ рукописи: „княженской".

Входитъ в полату столовую и молитца чюднымъ образомъ, а князю Владимеру ниско челомъ і кнеине, а послѣ на четыре стороны. Князь Владимеръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству и которого ты града?" Ответъ держитъ Іль Муромецъ: „Зовутъ меня Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома". Князь говоритъ: «Давно ли ты поехалъ из Мурома града?» Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскресную". А князь Владимеръ усмехнулся, что Илья вретъ, и зговоритъ таково слово: «Не твойския у меня гонцы гонялютъ равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ говоритъ таково слово: «Да еще, государь, были на меня двѣ причины [1]): поехалъ из Мурома града под Себежиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотятъ они Себѣжъ [2]) градъ за щитомъ взять, и самого царя в полонъ взять; і я ево выручилъ и побилъ всю ратную [3]). И какъ буду на лесы брынския [4]), на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напущаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкнулся, и я ево убилъ, и топеря стоитъ у моево коня у добраго». А князь говоритъ: «Засвищи ты, Соловей, своимъ посвистомъ». И Соловей говоритъ: «Не твой де я холопъ, не слушаюсъ тебя, слушаюсъ Ильи Муромца». Илья Муромецъ велѣлъ засвистать Соловью разбойнику, и Соловей засвисталъ своимъ посвистомъ: у богатырей тутъ кресла [5]) подломилисъ. И князь Владимеръ быстъ радошенъ і зговоритъ таково слово: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замкънуты».

---

[1]) Такъ въ рукописи; вѣроятно, въ оригиналѣ было: «двѣ притчи». Слово *причина* сохранено и въ Забѣлинскомъ спискѣ этой былины. Ср. Аѳанасьева, Русскія народныя сказки, I, 79. [2]) Въ рукописи: „себѣ". [3]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „силу ратную". [4]) Въ рук.: „бранския". [5]) То же слово и въ Забѣлинской рукописи. Ср. Аѳанасьева, Сказки, I, 80.

III.

(Изъ сборника Н. С. Тихонравова, № 222-й).

Сказание о Ілие Муромце и о Соловие разбойнике.

Во славномъ граде [1]) Мурме слышать былъ богатырь Илия Муромецъ. Слышалъ заутреню воскресную. Поехалъ онъ ко граду Киеву, ко князю Владимеру. Какъ будетъ Илия Муромецъ на том же поле, вышли къ нему три царевича сибеския [2]), а силы с ними у всякого царевича .м̃. тысечь. Илия Муромецъ вынимаетъ свої востры мечъ и побилъ ихъ силу великую, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ томужъ царю сибескому. И сибескоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Ой еси ты, Илия Муромецъ! какъ тебя зовутъ по імени и по очеству и котораго городу?" Ответъ держитъ Илия Муромецъ: „Зовутъ меня, государь, Или(е)ю, а по очеству Ивановъ сынъ, а роженецъ града Мурома". И сибѣскоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Светъ государь, Илия Муромецъ! откуду твоя дорога случиласа?" Ответъ держитъ Илия Муромецъ: „Еду я, государь, к столному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичу" [4]). И сибѣски царь зговоритъ [3]) таково слово: „Светъ государь, Илия Муромецъ! не езди к столному граду Киеву, ко великому князю Владимеру киевскому Всеславъевичу, живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, і я тебѣ пожалую половину царства [5]) государства своего сибѣскаго". Илия Муромецъ зговоритъ [3]) таково слово: „Много ли мне государства твоего жалования!" І спрашиваетъ онъ прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣскоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Есть у насъ, государь, прямая дорога к столному граду Киеву, на лѣсы брынския [6]), на грязи топучие, на мостъ на калиновоі, на речку Смородинку; толко та дорога залегла 10 летъ: ни единоі человекъ не прохаживалъ і не проеживалъ, ни зверь не

---

[1]) Въ рукописи: „гроде". [2]) Ошибка; слѣдуетъ: „заморския". [3]) Въ рукописи: „заговоритъ", какъ и ниже. [4]) Въ рукописи: „Всеславевичу". [5]) Въ рукописи: „царства". Въ оригиналѣ буква *р*, вѣроятно, стояла надъ строкою; переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. [6]) Въ рукописи: „брыския". Снова пропущена надстрочная буква (*н*).

прорыскивалъ отъ Соловья разбойника Будимеровича". И тутъ богатырское серце разгарало^c: поехалъ прямою дорогоі. Какъ будетъ на речке на Смородинке, на мосту на калиновомъ, напустилъ к нему Соловеі разбойникъ Будимеро^в, засвисталъ своімъ разбойническимъ посвистомъ: под [1]) Илеею конь потыкаеца, Илия Муромецъ зговоритъ таково слово: „Волчия шерсть, што ты потыкаеца? Веть нету силнея меня во всеі светорускоі земле". И вымаетъ изъ налучая своі крепкоі лукъ [2]), ис [3]) калчана калену стрелу, и стреляетъ по [4]) Соловию разбойнику [5]), и убил ево въ правое око. І тутъ Соловеі упалъ на сыру землю з девяти дубовъ, что овсяноі снопъ. Илия Муромецъ селъ на бѣлы груди и хощетъ вынять ретиво сердце; молица ему Соловей разбойникъ [6]) Будимеровичъ.... Какъ зговоритъ таково слово светъ государь, Илия Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежитъ?"... „в моіхъ солехъ Кузовыхъ (sic!)..."

IV.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399)

Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о похожденіи ихъ.

Бысть во граде Киеве у великаго князя Владимера киевскаго Всѣславича пиръ велій на князи и боляра, на силны могучи богатыри. Будетъ у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговоритъ таково [7]) слово: „Ой еси князи, и бояря и силные могучие богатыри! кому у меня три службы служи^т великие? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года? Хто бы ехалъ в землю в задонскую, взялъ-бы дани и выходу за тритцать и за три года? Хто бы ехалъ в землю алевитцкую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года?" И тутъ все призадумалисъ; нихто

[1]) Въ рукописи: *по*; надстрочное *д* не списано. [2]) Въ рукописи: „улукъ". [3]) Въ рукописи: *и*. [4]) Въ рукописи: *ко*. [5]) Въ рукописи: „разбонику". Пропущено надстрочное *и*. [6]) Въ рукописи: „разбоникъ". [7]) Въ рукописи: „каково".

ему ответу не дастъ: болшия хоронятца за меншия, а меншия за болшия, а у меншихъ и давно ответу нетъ. Илия Муромецъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ государь, князь Владимеръ киевской! азъ ѣду в землю турскую, возму дани и выходу за тритцать и за три годы». Михайло Потокъ Ивановичь зговоритъ таково слово: „Я еду в землю задонскую, возму дани и выходы за тритцать и за три годы". Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за тритцать и за три годы". И те речи великому князю полюбили[c]; подноситъ имъ чару зелена вина, і запиваютъ меды сладкими и с великимъ княземъ прощаютъся. И межъ себя называютъ брадцами назваными, и садятца на свои добры конь, и поехали ис Киева. Какъ будетъ [1]) отъ Киева за пять верстъ, таково слово молвили: „Братцы милыя! хто из насъ передь приедетъ до Киева, а ково не будетъ, и после ехать тово сыскивать". И, простясъ, поехали розно — всякъ своимъ путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; Алеша поехалъ догоясстивровору [2]); Михайло поехалъ дорогою святорускою, подле моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михайло вынимаетъ изъ налучия свой крепкой лукъ [3]), ис калчана вынимаетъ калену стрелу, и хощетъ бить лебѣдь бѣлую. И она ему провеща чл҃вческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣлую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пред тобою стану д҃цей красной". И Михайло не успелъ в налучи положитъ крепка лука и в [4]) калчанъ калены стрелы, ажно предъ нимъ стала дѣвица, лицемъ зело красна. И Михайлу она полюбилася: беретъ за руки бѣлыя, и целуетъ во уста сахарные, и сажаетъ на свой доброй конь; и взялъ дани и выходы за тритьцать и за три годы [5]). И князь Владимеръ ему ответъ держитъ: „Тѣбѣ у

[1]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „будутъ". [2]) Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что скопировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою"; слогъ *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Сваврової". [3]) Въ рукописи слово: „лукъ", пропущено. [4]) Въ рукописи пропущено „в". [5]) Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ?

меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойлѣ не заперты". И подноситъ ему чару зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михайло зговоритъ таково слово: „Светъ государь, князь Владимеръ киевской! ехалъ возле моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая, и я вынелъ, г͡сдрь, из [1]) налучи свой крепкой лукъ, и калчанъ калены стрелы [2]), и хотелъ убить лѣбѣдь бѣлую, и она ему провещила͡с: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣлую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а предъ тобою стану дѣ͡цей красной". I я, г͡сдрь, не успелъ в налучи положити крепкой лукъ и в [3]) калчанъ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣ͡ца, лицемъ зѣло красна, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой богатырской дворъ". И князь Владимеръ в'зговоритъ таково слово: „Михайло Потокъ Ивановичь! препусти [4]) мнѣ ту дѣ͡ку красную". И Михайло отвѣтъ держитъ: „Я, де, г͡сдрь, самъ с тою дѣ͡кою вѣнчался, крестился и далъ ей имя Белая Лебѣдь, Авдотья Лиховидовна". И венчалъ ихъ владыка черниговской. И почалъ Михайло с нею любезно жить; и живетъ с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитца на два м͡сца. А без нево приехалъ под Киевъ градъ купчина Золотой Орды с товары заморскими; увиделъ купчина красоту лица ея и почалъ розпрашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовутъ по имени?" И Киевляня ему розказали: „Та, де, у насъ жена богатырская, святорусково славново Михайла Потока Ивановича, а зовутъ ее Лебѣдь Бѣлая Овдотья Лиховидовна". И тутъ купчина почалъ товары продавать наскоро, идетъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея неверново, самъ зговоритъ таково слово: „Светъ государь, царь Кощей Золотой орды! Сколко я не еждивалъ по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видалъ,

---

Въ ниже напечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ—покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ государь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы *за тритцеть лѣтъ и за три годы*" (стр. 42).

[1]) Въ рукописи: «и». [2]) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ калчана калену стрелу"? [3]) Въ рукописи: „с". [4]) Выше: „переступи".

какъ есть во граде Киеве у богатыря свѣторусково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лѣбѣдь, лицемъ зело красна". И тутъ царь Кощей силы собралъ ҂й и пошелъ под Киевъ градъ и осадилъ ево накрепко. Посылаетъ посланики к великому князю Владимеру: „Ой еси князь Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову. Не отдашъ мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей и детей в полонъ возму". И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси мои князья, и бояря, и Киевляня! думайте да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топере у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилося, некому выехати противо мужиковъ Кощеевыхъ; а Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побивати мужиковъ в Киеве". Князи, и боляры, и всѣ Киевляня ему зговорили таково слово: „Свѣтъ г҃дрь, князь Владимеръ киевской! доселева не бывало в Киеве жены Михайловы, и царь Кощей под Киевъ не прихаживалъ, и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, такой [1]) кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей отъ Киева прочь пойдетъ, и Михайлу дадимъ выбирать во всемъ городе Киеве: гдѣ захочетъ, тутъ и возметъ, хоть княиню, или боярыню, или дѣвку посацкую— такова же ему жена". Ажно провещится богатырское [2]) Михайла Потока Ивановича: едѣтъ ис чиста поля на свой богатырской дворъ. В'стречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговоритъ таково слово: „Свѣтъ г҃дрь, Михайло Потокъ Ивановичь! без тебя под насъ, под Киевъ градъ, пришелъ царь Кощей Золотой Орды, а силы с нимъ ҂й и Киевъ градъ осадилъ накрепко, а прошаетъ меня ис Киева, и Киевляня придумали отдати меня царю Кощею неверному". И Михайло зговоритъ таково слово: „Мужики Киевляня ссужалиса бы всякъ своими женами и дочерми, а я за свою жену умею самъ постоять". И садитца на свой доброй конь, и поехалъ ис Киева, и побилъ силу Кощееву, и всего Кощей самъ четвертъ ушелъ во свою землю. А Михайло побилъ силу, с своею [3]) женою і [4]) тешитца, и живетъ с нею рав-

---

[1]) Въ рукописи: „тако". [2]) Пропущено слово: „сердце". [3]) Въ рукописи: „ссвоево". [4]) Слово: „і" приписано послѣ; оно лишнее.

но три года; а товарищи ево в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитъца равно на три м҃ца, а безъ нево пришелъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы с нимъ ҂з҃, і Киевъ осадилъ накрепко. И посылаетъ посланники к великому князю Владимеру: „Ой еси князь Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь пойду от Киева; а буде ты не отдашъ мне, и я Киевъ взятьемъ возму, а людѣй твоихъ всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возму и самому тебѣ, великому князю, не спущу“. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово:„Ой еси князи, и бояря, и Киевляне! думайте накрепко да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топе҆р у насъ въ Киеве сильныхъ богатырей не лучилося, некому выехать противу силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побивать мужиковъ в Киеве“. Князи, и бояря, и все Киевляня ему зговорятъ таково слово: „Свѣтъ г҃дрь, князь Владимеръ киевской! доселева не бывало жены Михайловы, и царь Кощей под Киевъ не прихаживалъ, и тебѣ, г҃дрь, такой кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ, а Михайлу дадимъ выбирать во всемъ граде Киеве: где захощетъ, тутъ и возметъ—хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую“. А ужъ Михайло с Кощеемъ бьетъса три дни, а жена ево переставилася. И побилъ силу, и Михайло едетъ на свой богатырской дворъ, и въстречаютъ ево люди дворовые, и сказываютъ, что Бѣлая Лѣбедь переставилася. І втепоры Михайло закручинилса, что никто ево не въстречаетъ, и за руки не принимаетъ. И приходитъ Михайло во отхожую горницу, где лежитъ жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговоритъ таково слово: „Прости, де, Лѣбедь Белая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ с тобою молвлено: кто из насъ напередъ умретъ,—и хто останетса, и тому в могилу итьти“. И велелъ могилу рыть и гробницу делать каменную, чтоб можно двум чл҃вкомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ князя Владимера, и владыку черниговскаго, и весь Киевъ градъ. Сошълисъ все на погребеніе. И началъ Михайло во граде класть жену свою в могилу, и самъ с нею ложитца. І что зговорятъ таково слово всемъ городомъ Кие-

вымъ: „Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилиса живые с мертвыми; а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ ради жены своей: или у насъ в Киеве людей не стало? Захочешъ, возмешъ княиню, или боярыню, или девку посацкую—таковаж тѣбе жена". И Михайло ответъ держитъ: „Знай, де, всякъ самъ себя". І самъ зговоритъ таково слово: „Закопывайте да не мешкайте". І князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Укладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми; а надъ могилою поставте сторожей крепкихъ: какъ Михайлу скучитца и станетъ громкимъ голосомъ кричатъ, выпущайте ево на волной светъ, не мешкайте". И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сидитъ Михайло с женою с мертвою до вечера. И какъ будетъ о полуночи, ажно пришла змея лютая, и гробницу проела и пусти дву змеенковъ детей своихъ и змея пожалила Лѣбедь Бѣлую за груди. И Михаило ухватилъ ихъ і почалъ рвать на двое. И провещетъса ему змея лютая чл҃вческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенъковъ малинкихъ, и я принесу тебѣ живой воды". И Михайло отвѣтъ держитъ: „Поди, змия, принеси мнѣ живой воды, тогда отпущу детей твоихъ". І пошла змея, и принесла живой воды. И Михайло почалъ змеенковъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася [1]). И окропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево ожила, бутто отъ сна пробудиласа. И тутъ Михайло завопилъ и засвисталъ громкимъ голосомъ, и почали ево раскапывати. Идетъ изъ могилы Михайло и ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что жена ево была мертва Михайлова, а Михайло оживилъ ея. И почалъ с нею любезно жи^{т}, и живетъ с нею равно три годы, а таварищи ево в Киевъ не бывали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитися равно на пять м^{с}цевъ. А без нево пришелъ под Киевъ градъ царь Кощей Золотой орды, а силы съ нимъ ҂р҃, и Киевъ осадилъ накрепко. И послалъ посланики к великому князю Владимеру: „Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь поиду от Киева; а буде не отдашъ мне ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в

1) Такъ въ рукописи, вм.: „оживилися".

Киеве всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возму, и самому тѣбе, великому князю, не спущю''. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: ,,Ой еси князи, и бояря, і все Киевляня! думайте накрепко, да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову? І оне придумали всемъ городомъ отдать Лѣбедь Бѣлую царю Кощею неверному. І оне берутъ Бѣлую Лѣбедь за руки і отдаютъ царю Кощею неверному, и царь Кощей от Киева прочь пошелъ. Ажно едетъ ис поля Михайло Потокъ Ивановичь, встречаютъ ево люди дворовые, а сказываютъ, что отдали Киевляня царю Кощею неверному Лѣбедь Бѣлую — Авдотью Лиховидовну. И тутъ Михайло закручинился: не слазя з добра коня, и ездитъ, по Киеву, и кричитъ громкимъ голосомъ: ,,Собаки вы, мужики безверныя! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею неверному? Управлюся с вами и после''. А мужики ис Киева розбежалися. А царь Кощей ушелъ от Киева ровно ходу на тритцать дней, а Михайло догналъ ево к три часы—ажно царь Кощей на стану стоятъ з Белою Лѣбедью, опочивъ держитъ. І Михайло едетъ прямо ко белу шатру. И тутъ увидела ево Лѣбедь Белая: встречаетъ ево из бела шатра, а сама говоритъ таково слово: ,,Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! рада я тѣбя увидела, не хочю житъ у царя Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорусково — возми меня к себѣ попрежнему". І подноситъ Михайлу пития пияново наскоре, Михайло испиваетъ, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Бѣлая наскоре, и будитъ царя Кощея неверново: „Востань, гсдрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ твой Михайло Потокъ Ивановичь! предай ему смерти скорыя, такъ онъ за тобою не ганяетца". И царь Кощей ответъ держитъ: „Мне Михайло не какой недругъ: меня наехалъ во чисте поле, в беле шатре, все не предалъ мене смерти скорыя; какъ хощешъ сама с нимъ". И Лебедь Белая велела обрать у него оружие богатырское і почала отъимать палицу железную, и завязываетъ очи ясныя, и ударила его вничь рукою: „Лежи ты, Михайло, во чисте поле белымъ каменемъ". И Михайло окаменелъ; а сами поехали во орду свою. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали рас-

прашивати про Михаила Потока Ивановича... [1]), какъ привесъ Лѣбедъ Бѣлую, и какъ крестился, и какъ царь Кощей приходилъ, и отдали царю Кощею, и какъ Михайло погоню погналъ. И товарищи поехали Михайла сыскивати. И какъ будутъ у тово камени, ажно стоитъ у камени калика прохожая. И богатыри зговорятъ таково слово: „Скажи ты намъ, калика, про царство Кощеево і про Михайла Потока Ивановича". И калика имъ отвѣтъ держитъ: „Хто, де, подыметъ сей камень и броситъ черес себя, то, де, я скажу про Михаила Потока Ивановича". Илья Мурамецъ поднялъ камень к͗ груди, а Олеша всево подня в поясъ, а калика поднялъ и бросилъ черес себя и рашшибъ на четверо. А ис тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь: „Долго, де, братцы, я с͗плю во чисте поле".—„А спать было тебѣ, братецъ, да не проспатися, да розбудилъ тебя Михайло, архангелъ и воевода небесныхъ силъ". И почалъ имъ расказыватъ все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбедь Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Поедемъ, де, мы, братцы, к͗ царство Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣлую, а царю Кощею живому очи вырежемъ". И поехали во царство Кощеево, и побили силы ҂р͠, а царю Кощею живому очи выняли, а Лебедь Бѣлую привязали х конямъ неученымъ и пустили во чисто поле, и тамъ смерть учинилася. А казну Кощееву всю взяли в Киевъ градъ и разделили проме͗ж себя. А дочь царя Кощея неверново, девку Ранку Кощееву, взялъ Михайло Потокъ Ивановичь с͗ собою в Киевъ градъ, и крестилъ ея, и за себя женою взялъ. И приехалъ во Киевъ градъ, и побилъ силы мужиковъ пять тысящъ, и сами в Киеве померли. Богу нашему слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

---

[1]) Затѣмъ пропущено нѣсколько словъ. Въ ниженапечатанномъ текстѣ: „а Киевляня начали имъ россказывать"... (стр. 47).

V.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ [1]) киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

Во славномъ граде Киеве у князя Владимера киевскаго Всеславъевича былъ пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на силныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ навеселе, князь Владимеръ зговорилъ таковы слова: „Ой еси вы [2]) мои князи, и бояры, и силныя могучия богатырі и всѣ Киевляне града Киева! есть ли у меня кому служить три службы великие? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходы за тритцать летъ и за три годы? Хто бы ехалъ в землю задонскую, взялъ бы дани и выходы за трицеть летъ и за три годы? Хто бы ехалъ в землю алевицкую, взялъ бы дани и выходы за трицеть летъ (и три годы) [3])?“ И тутъ все позадумалис; никто великому князю ответу не дастъ: болшия за меншихъ [4]), а отъ меншихъ давно ответу нету. Илия Мѵромецъ зговорилъ таковы слова: «Светъ гсдрь князь Владимеръ киевски! я поеду в землю турскую, возму дани и выходы за трицеть летъ и за три годы». Михайло Потокъ зговорилъ таковы слова: «А я, де, гсдрь, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицеть летъ і за три годы». А Олеша Поповичь зговоритъ таковы слова: „А я де, гсдрь, поеду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за трицеть летъ и за три годы». I те речи великому князю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина. I запиваютъ меды слаткими и с великимъ княземъ прощаются; і межъ себя называются братьеми назваными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Киева. I какъ будутъ от Киева за пять верстъ, межъ себя таково слово

---

1) Въ рукописи: „богатыре“; пропущено надстрочное x. 2) Въ рукописи: „ѡ нѣсивы“: механически скопированы непонятныя писцу слова. 3) Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. 4) Послѣ того въ рукописи пропущено: „хоронятся“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 34).

молвили: „Братцы“, де „милые! хто из насъ приедетъ до Киева, а ково не будетъ [1]) опосле, і намъ ехать тово сыскивать“. И, простяс [2]), все поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ: Илия Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно тритцеть летъ отъ Соловья разбойника Мировича. А Олеша Попович поехалъ дорогою святоровскою [3]). А Михайло поехалъ дорогою сваврòвой возле моря синева. Ажно по мору плаваетъ лебѣть бѣлая, и Михайло вымаетъ изъ налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калену стрелу и хощетъ убить лебѣть бѣлую. І она ему проглasила члчскимъ голосомъ: „Михайло“, де „Потокъ Ивановичь! не стреляй, де, меня, лебѣди бѣлыя; я де по мору плаваю лебѣдью, а перет тобою стану дѣвицею красною“. І Михайло не успелъ въ налучь положить и [4]) крепкой лукъ, въ колчанъ—калены стрелы, ажно пред нимъ стала девица лицемъ зѣло красна. И Михайле она полюбилася: беретъ ея за руки бѣлыя, и целуетъ в уста сахарные, и сажаетъ ея на свои на доброі конь, и взя [5]) дани и выходы, и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Стоновитца на свой богатыръской дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ—покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ гсдрь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы за тритцеть летъ и за три годы“. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Тебѣ у меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойле не заперты“. И подноситъ ему питья пьяные,—и запиваетъ меды слаткими. И Михайло зговоритъ таковы слова: „Светъ гсдрь, князь Владимеръ киевски! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая; и я, гсдрь, вынелъ из налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калены стрелы, и хотелъ убить лебѣдь бѣлую, и она мнѣ, гсдрь, проглasила члчскимъ гласомъ: „Михайло“, де, „Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною“. Я, гсдрь, не успелъ

[1]) Въ рукописи: „каково будетъ“. [2]) Эти два слова написаны два раза; буква с вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ь. [3]) Въ рук.: „святорорскою.“ Не слѣдуетъ ли: „святогорскою“? [4]) Слово лишнее. [5]) Въ рукописи: „вся“.

в налучь положить крепкой лукъ и в колчанъ калены стрелы, ажно перет тобою стала дѣ̈ца лицемъ зѣло красна. И мне, г҃дрь, она полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ градъ на свой богатырской дворъ». И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! переступи ты мнѣ ту дѣ̈цу красную". И Михайло ответъ держитъ: „Светъ г҃дрь, князь Владимеръ киевски! Я ту дѣ̈цу взялъ за себя, и я, г҃дрь, самъ с нею обвенчался, крестилъ я[1]), и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и венчалъ владыко черниговски". И почалъ Михайло с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живетъ с нею три годы, а товарищи еще в Киевъ не приехали. (И поѣхалъ)[2]) Михайло во чистое поле тѣшится равно на два ӥца, а бѣзъ нево приехалъ во Киевъ градъ купчина Залотой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть таваровъ заморскихъ. И увиделъ купчина красоту лица ея и почелъ спрашивать: „Чия, де, сия жена? и како зовутъ ея по имени?" И Киявлянцы ему россказывать: „Сия, де, у насъ жена богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича; а завутъ ея Бѣлая Лебѣть, Авдотья Лиховидовна". И тутъ купчина почалъ продавать товары наскоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея невернаго[3]), самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ г҃дрь, царь Кощей Златой Орды! сколко я не ѣживалъ по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видывалъ уже трицеть летъ и у единого, какъ есть во граде Киеве у князя Владимера Сеславьевича, у богатыря святорускаго славнаго Михайла Потока Ивановича,—Лебѣть Бѣлая; а лицемъ зѣло красна". И тутъ царь Кощей почалъ збирать войска. И собравъ силы сорокъ тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко. Посылаетъ посолника к великому князю Владимеру: „Ой еси ты, князь Владимеръ киевски! отдай мне жену Михайлову, и я прочь от Киева; а буде ты не дашъ мне ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в Киеве всехъ вырублю[4]), ажно и детей в полонъ возму". И князь Влади-

[1]) Описка; слѣдуетъ: „ея". [2]) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго сказанія. [3]) Въ рукописи: „неверны". [4]) Въ рукописи: „вырубля".

меръ зговоритъ таковы слова: „Ой еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Киева! думайте вы да не продумайтесъ: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топерь у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилось: некому выехать противъ силы Кощѣевы. А Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побиватъ мужиковъ киевскихъ". И князи, и бояры, и ,все Киевляне реша [1]): „Светъ г°дрь, князь Владимеръ киевски! доселе в Киеве не было жены Михайловы, царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, г°дрь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ, а Михайле дадимъ выбрать во всемъ Киеве городе, гдѣ захощетъ, тамъ возметъ; хошь княиню, или боярыню, или девку посацкую—таковажь ему жена". Ажно будетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свой богатырской дворъ; встречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговоритъ таковы слова: „Светъ г°дрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Бѣс тебя подъ нашъ Киевъ градъ пришелъ царь Кощей Златой Орды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, і Киевъ осадилъ накрепко и проситъ меня ис Киева, и Киевляне придумали отдать меня царю Кощею неверному". И Михайло зговоритъ таковы слова: „Собаки мужики Киевляня! Ссужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою жену умею и самъ стоять". И садитца на свой добрай конь, и поехалъ ис Киева, и побилъ всю рать-силу великую, и приехалъ на свой богатырской дворъ и почалъ з женою своею пить и есть и тешитися. И живетъ з женою равно три годы; а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло в чисто поле тешитца равно на три мца, а бѣз нево приехалъ пот Киевъ царь Кощей, а силы с нимъ шесдесятъ тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко, посылаетъ посолника и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Ой еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! думайте накрепко да не продумайтеся: отдавать ли жену Михайлову или нетъ? А теперь у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилось—некому выехать противъ силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердитъ

[1]) Слово: „реша", приписано послѣ, сверху строки.

добре, станетъ побивать мужиковъ киевскихъ". И князи, и бояры, и все Киевляне реша [1]): „Светъ г^сдрь, князь Владимеръ киевски! доселева в Киеве не было жены Михайловы— (царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову) [2]), и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ; а Михайле дадимъ выбрать во всемъ граде Киеве: гдѣ захощетъ, тамъ возметъ [3]): хошь княгиню, или боярыню, или девку посацкую—таковажъ [4]) ему жена". А тово не ведаютъ, что жена Михайлова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на своі богатырской дворъ, встречаютъ ево люди дворовые і сказываютъ вести недобрые, что жена ево переставилась. І тутъ Михайло закручинился, ідетъ во своей высокъ теремъ, — никто ево не встречаетъ, за руки не принимаетъ и во уста не целуетъ. И приходитъ Михайло в отхожую горницу, где жена Лебѣть Бѣлая. И Михайло зговоритъ таковы слова: „Прости, де, Лебѣть Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у насъ с тобою молвено: „хто изъ насъ напредь умретъ,—и кто останетца, і тому живому в могилу итьти". І зоветъ на погребѣение князья и бояря, и владыку черниговсково, и весь Киевъ градъ, и сошлися все на погребѣние. И почалъ Михайло во гробъ класть жену свою и самъ с нею живъ [5]) ложитца в могилу. І князь Владимеръ зговоритъ: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ для жены своей. Али у насъ тебѣ в Киеве невестъ нетъ? Захощу княину, или бояроню, или девку посацкую,—таковажъ тебѣ жена". И Михайло ответъ держитъ: „Знай, де, всякъ самъ себя; закопывайте, не мешкайте". И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а над могилою поставте сторожу крепкую: какъ Михайле скучетца, станетъ кричать громкимъ голосомъ,—скоро выта-

[1]) Слово: „реша", приписано впослѣдствія сверхъ строки. [2]) Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакціи (см. выше, стр. 44). [3]) Слово: „возьметъ" въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакціи(стр. 36).. [4]) Въ рукописи пропущено слово: „таковажъ". [5]) Послѣ этого слова приписано сверху строки: „с нею".

скивайте его на волной светъ, не мешкайте". І, похороня ево, все по домамъ пошли. А Михайло сидитъ в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ будетъ о полуночи, ажно пришла змея лютая і гробницу каменую проела і пустила в гробницу двухъ змеинковъ, детеі своихъ, и змеи те почали Лѣбѣть Бѣлую ссати за груди. И Михайло ухватилъ іхъ і почелъ рвати надвое. И провищитца ему змия лютая чл҃ческимъ голосомъ: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенкавъ малинкихъ, я принесу тебѣ живой воды". И Михайло ответъ держитъ: „Поди ты, змія лютая, принеси мне живой воды, тогда отпущу детей твоихъ". И пошла змея лютая и принесла ему живой воды. И Михайло почалъ змеенковъ рват на крохи и покропляетъ іхъ живою водою,—и змеи те ожили. І покропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево бутто от сна пробудилася. И Михайло засвисталъ громкимъ голосомъ, и караулщики попадали; и послышали сесѣды ближния, і послали роскопывать. Ідетъ из могилы Михайло і ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михайло оживилъ еѣ. И почалъ с нею жити по старому, и живетъ с нѣю равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитца равно на пять м҇цовъ. А бѣз нево приехалъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы с нимъ сто тысячь, и Киевъ осадилъ накрепко, и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя, і Киевляне ему отдали жену Михайлову. И царь Кощей, жену Михайлову взявши, самъ и прочь пошелъ. Ажно приехалъ во Киевъ Михайло Потокъ, встречаютъ ево люди дворовыя, а сказываютъ вести недобрыя, что отдали Киявляне жену ево Лебѣть Бѣлую царю Кощею неверному; и тутъ Михайло закручинился. Не слазя [1]) з добра коня, ездитъ по Киеву, кричитъ громкимъ голосомъ: „Собаки мужики бѣзверныя Киевляне! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею нѣвѣрному? Управлюса я съ вами и опосле самъ". И поѣхалъ ис Киева и догналъ царя Кощея невернова: ажно онъ на стану

[1]) Въ рукописи: „не лазя".

стоитъ з Бѣлою Лебѣдью, опочивъ [1]) держитъ. И Михайло едетъ прямо к бѣлому шатру; ажно увидела ево Лебѣтъ Бѣлая, мечится из бѣла шатра наскоре, сама зговоритъ таковы слова: „Светъ гсдрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочу жива [2]) у неверново царя Кощея Златы Орды, хощу жить в Киеве у тебя, богатыря святорускаго, возми меня тѣбѣ [3]) по прежнему". И подноситъ ему питья пьяные наскоре, испиватъ [4]) Михайло и ложитца спать у нихъ, у бѣла шатра. И она будитъ [5]): „Востань, гсрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ Михайло Потокъ—предай ему смерти скорой, такъ за тобою не [6]) гонитца." И царь Кощей зговоритъ: „Мне Михайло не какоі недругъ: онъ меня наехалъ соннова, се не предалъ меня злой смерти. Какъ хощешъ сама с нимъ". И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михайла оборотила каменемъ, а сама поехала с Кощеемъ в Золоту Орду. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, и почали отдавать дани и выходы великому князю Владимеру. И почали спрашивать про Михайла, а Киевляня почали имъ россказывать, какъ Михайло привезъ дани и выходы, и какъ привезъ Лебѣдь Бѣлую и, крестя, за себя женою взялъ, и какъ приходилъ царь Кощей, и какъ Михайло былъ в могиле з женою мертвою, и какъ оживилъ ея, и какъ жену Михайлову отдали царю Кощею неверному и какъ Михайло в погоню погналъ. И Олеша зговоритъ: „Поехали, Илья, брата сыскивать." И какъ будутъ у тово камени, Олеша поднелъ камень в поесъ, Илья камень вбросилъ [7]) чересебя [8]) и рошибъ на четверо; а ис тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь и почалъ имъ россказывать все противъ тово, какъ имъ росказывали Киевляне. И они поехали в цар-

---

[1]) Въ рукописи: „и почиваетъ". [2]) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „жить". [3]) Такъ въ рукописи; въ предыд. редакціи: „к себѣ„. [4]) Въ рукописи: „испивать". [5]) Въ предыдущей редакціи: „и будитъ царя Кощея неверново". [6]) Въ рукописи пропущено слово: „не"; въ предыд. редакціи: „такъ онъ за тобою не гоняетца". [7]) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „и бросилъ". [8]) Очевидно, что такъ написаны были эти слова въ оригиналѣ, съ котораго переписывалось настоящее сказаніе. Извѣстно, что это звуковое явленіе восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности.

ство Кощѣево, убили Лебѣть Бѣлую, а царю Кощею живому очи вынели, и казну Кощеву всю себѣ взяли и разделили по жеребьямъ [1]). И побили силы Кощевы сто тысячь и дочь ево Гану [2]) Кощевну Михайло за себя взялъ. А приехали в Киевъ градъ, побили мужиковъ изменьниковъ пять тысячь, а сами жили в Киеве до старости и померли. Слава ихъ идетъ до веку. Аминь.

---

[1]) Такъ въ рукописи; потомъ писецъ зачеркнулъ двѣ послѣднія буквы.
[2]) Первая буква этого слова написана неясно; въ предыдущей редакціи: „Ранку“

МЫШЬ
ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Содержаніе. О названіяхъ и распространеніи мышей и крысъ. — Повѣрья и сказки, основанныя на физическихъ свойствахъ мыши.—Вражда мышей и кошекъ.—Царь мышей.—Игра въ кошку и мышку.—Мыши кота судятъ.—Мыши кота хоронятъ.—Война мышей съ кошками, хорьками, лягушками и воробьями.—Споръ мыши съ верблюдомъ —Сказки о потерѣ мышью хвоста. — Поговорка о мокрой мыши.—Мыши помогаютъ людямъ на войнѣ.—Сближеніе мыши съ горностаемъ.—Мышь въ „пригодѣ". - Заимствованіе у мышей искусства врачеванія.—Мыши въ повѣсти объ инорогѣ.—Нѣмецкое историческое преданіе о деревѣ и мыши въ Любекѣ.—Апокрифическія сказки о мышахъ. — Демоническое значеніе мыши.—Ея участіе въ созданіи міра.—Связь мыши съ вѣдьмами и колдунами.—Преданія о томъ, что мыши съѣли несправедливаго правителя.—Мышь, какъ образъ души. — Бѣлыя мыши.—Пѣвчія мыши.—Мышь въ гаданіяхъ и примѣтахъ.—Способы заговариванія и изгнанія мышей.—Великорусская легенда о св. Николаѣ, какъ повелителѣ мышей.—Сходная польская сказка о чаровникѣ.—Врачебное значеніе мыши. — Миѳическое значеніе мыши.—Восточная сказка о мыши-дѣвицѣ. — Басня о горѣ, родившей мышь. — Польская сказка о царевнѣ „Мышиная шкурка".—Мышь въ культѣ Аполлона Сминтейскаго.—Заключеніе.

Мышь была знакома уже праарійцамъ. Генъ предполагаетъ, что мыши переселились изъ Азіи въ Европу вмѣстѣ съ Аріями (*Генъ*, Культ. раст. и дом. живот., 278). Возможно, что Аріи застали это животное въ Европѣ. Mus silvaticus встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Теперь мыши живутъ во всѣхъ странахъ и во всѣхъ климатахъ. Въ особенности ихъ много въ поясѣ Средиземнаго моря, въ Каспійскихъ степяхъ и въ нагорной Африкѣ. Нѣкоторые виды мышей живутъ выше снѣжной линіи. Въ Америку мышь проникла впервые на европейскихъ корабляхъ и расплодилась тамъ.

Окаменѣлости нѣкоторыхъ видовъ крысъ встрѣчаются въ третичной формаціи. Различаютъ двѣ породы крысъ—черную (Mus rattus) и сѣрую, или пасюка (Mus decumanus). Въ древности въ Греціи и въ Италіи не было крысъ. Полагаютъ, что

mus rattus переселилась изъ Азіи въ Европу въ началѣ среднихъ вѣковъ во время великаго переселенія народовъ. Въ Германіи черная крыса была извѣстна въ XII в. Альбертъ Магнусъ говоритъ о ней, какъ о нѣмецкомъ животномъ. Издавна черныя крысы существуютъ въ сѣверной Африкѣ. На корабляхъ онѣ были развезены въ разныя части свѣта.

Отечествомъ пасюковъ считаютъ среднюю Азію, Персію и Индію. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка пасюки огромными массами перешли въ Европу. Около 1730 г. они появились во Франціи и въ Англіи. На корабляхъ они были завезены въ Америку (въ 1775 г.), Африку, Австралію, на острова Тихаго океана. Пасюки ростомъ и силой превосходятъ черныхъ крысъ и повсемѣстно вытѣсняютъ ихъ (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. I, ч. II, 38, 40; *Будиловичъ*, Первобыт. слав. 363; *Rolland*, Faune popul. de la France I, 27).

Этимологическое значеніе словъ: мышь, ratte, rat, крыса одинаково, именно: воръ. Мышь—санскр. му-шû, греч. μῦς, лат. mus, др. верх.-нѣм. mus, отъ корня мус., санскр. муш-нâти—грабить, красть, отнимать между прочимъ хитростью и потому—обманывать. Проф. А. А. Потебня сюда же относитъ мѣстное великорус. мышь въ значеніи бѣлки, полагая при этомъ, что собираніе запасовъ на зиму могло представляться воровствомъ (*Потебня*, Къ ист. звуковъ, III, 84). Слово мышь—дославянское. Оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ одинаковой формѣ и съ одинаковымъ значеніемъ (*Будилов.*, 191). Слова ratte, rat происходятъ отъ rapere, rapiendo (*Gubernat.*, Die Thiere, 372). Областныя названія для крысы: щуръ (рус. и польск.), ящуръ (рус.), крыса, пасюкъ—польское, сербское и русское (*Будил.*, 191).

Мышь, какъ животное издавна извѣстное, занимаетъ видное мѣсто въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, по документальнымъ даннымъ, съ V вѣка до Р. Хр. и по настоящее время. Крыса вошла въ немногія повѣрья и сказки, какъ замѣна мыши, и потому не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ народной словесности.

Прежде всего обращаетъ вниманіе то характерное явленіе, что этимологическое значеніе мыши и крысы, какъ воровъ, почти не оказало вліянія на многочисленныя и разнообразныя

значенія ихъ въ народной поэзіи и литературѣ. Воровская квалификація мышей, столь вѣрная ихъ природѣ и характеру воспринята народной словесностью весьма слабо.

Изъ физическихъ свойствъ мышей въ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ съ наибольшей отчетливостью отмѣчены ихъ крѣпкіе зубы. Въ Малороссіи бросаютъ выпавшій зубъ на печь или на чердакъ со словами: „мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяный, а мнѣ дай зализный" (*Ефименко*, Малор. заклин. § 25; здѣсь же цитир. Черниг. губ. Вѣд. 1859 № 49 и Nowosielski, Lud ukr. II 153). Бѣлоруссы поступаютъ такъ-же (*Янчукъ*, „По Минской губ.", въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, I, 217,—оттискъ изъ IX т. Труд. Этногр. отд. И. Общ. люб. Естествозн.). Тождественный обычай бытуетъ и у нѣмцевъ (въ Штокерау): дѣти, бросая черезъ голову выпавшій зубъ, приговариваютъ: „Maus, Maus, i schenk da an banan Zahn, schenk ma an eisan Zahn". Въ Вѣнѣ записано такое повѣрье: чтобы зубы легко вышли у ребенка, нужно отрѣзать у мыши голову и повѣсить ее ребенку на шею (*Blaas*, въ Germania, XX, 349). Подобнаго рода обычай встрѣчается въ другихъ странахъ западной Европы, во Франціи, Англіи, Швеціи. Что обычай этотъ основывается на сближеніи дѣтскихъ зубовъ съ зубами мыши, помимо какихъ либо миѳологическихъ воззрѣній, указываютъ, между прочимъ, французская поговорка о ребенкѣ съ хорошими бѣлыми зубками, что онъ имѣетъ „des dents de souris" (*Rolland*, Faune popul. I, 31), и повѣрья (русское и польское), что для укрѣпленія зубовъ полезно ѣсть то, что мышь погрызла (*Даль*, Пословицы, 1057; *Gustawicz* въ Zbiór wiadom. V, 149).

Въ малорусскихъ поговоркахъ отмѣчены сѣрый цвѣтъ мышей и короткая ихъ шерсть, что даетъ поводъ считать ихъ голыми: голый, якъ мышь; голе, якъ мыша; якъ руда мышь (*Номисъ*, Приказки § 1519). Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ шутливаго характера у свата „кожухъ зъ мыши". (*Шейнъ*, Матеріалы, II, 183, 350).

Въ древней повѣствовательной литературѣ и въ народныхъ сказкахъ, записанныхъ въ новое время, широко разработаны мотивы о враждебномъ отношеніи кошекъ къ мышамъ. Въ древне-сирійской версіи басенъ Бидпая (около 570 г.

по Р. Хр.) находится басня о царѣ мышей и его министрахъ. Nöldeke посвятилъ этой баснѣ особую монографію (Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern, 1879). Царь мышей живетъ въ странѣ Брамановъ. Министры его носятъ названія: Зудамадъ (скоро пришедшій), Багдадъ (данный Богомъ) и Ширагъ (львенокъ). Царь спрашиваетъ министровъ, какъ мышиному роду избавиться отъ кошекъ. Одинъ министръ предлагаетъ навѣсить на каждую мышь по колокольчику. Совѣтъ неудобный, такъ какъ мышь не можетъ подойти къ кошкѣ. Другой министръ совѣтуетъ удалиться всѣмъ мышамъ въ пустыню, и кошки тогда будутъ уничтожены людьми, какъ безполезныя животныя. Совѣтъ этотъ также не былъ принятъ, потому что въ пустынѣ у мышей нашлось бы много другихъ враговъ. Третій министръ совѣтуетъ наносить вредъ людямъ, по мѣрѣ увеличенія кошекъ, и когда хозяева начнутъ уменьшать число кошекъ, то и мыши должны меньше портить платья и мебель, чтобы домохозяева пришли къ мысли о безполезности кошекъ и уничтожили ихъ. Этотъ совѣтъ былъ принятъ. (Книга *Калила и Димна* въ пер. гг. Аттаи и Рябинина, 277—288).

Въ сборникѣ индійскихъ сказокъ Аваданахъ находится нѣсколько разсказовъ на тему враждебнаго отношенія кошки къ мыши. Въ одной сказкѣ кошка чихаетъ, и мышь изъ своего уголка желаетъ ей добраго здоровья. Кошка говоритъ при этомъ, что для здоровья ей полезно съѣсть мышь. Въ другой сказкѣ мышь чихаетъ, и кошка желаетъ ей тысячу лѣтъ жизни; мышенята, проникнутыя этой любезностью кошки, хотятъ прійти къ ней; но старая мышь удерживаетъ ихъ отъ легкомысленной довѣрчивости. Есть еще сказка о томъ, что мыши, увидѣвъ на головѣ кошки вѣнокъ изъ розъ, который надѣтъ былъ кѣмъ-то ради шутки, усматриваютъ въ кошкѣ благочестіе и подходятъ къ ней. Кошка пожираетъ ихъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 121) *). Въ Калилѣ и Димнѣ на-

*) Разсказъ о мышахъ, обманутыхъ притворнымъ благочестіемъ кота (vidâla), находится уже въ Магабаратѣ (Udyogaparvan). Котъ, чтобы возбудить къ себѣ довѣріе животныхъ, совершаетъ подвиги аскетизма на берегу Ганги. Мыши, терпящія отъ другихъ животныхъ, избираютъ благочестиваго кота своимъ покровителемъ. Онъ соглашается и, ссылаясь на свою старость и слабость, тре-

ходится такая же басня о благочестивой кошкѣ и довѣрчивомъ зайцѣ.

Этотъ мотивъ разработанъ въ баснѣ Эзопа: «Хорекъ и мыши». Одинъ сапожникъ держалъ у себя бѣлаго хорька, ежедневно съѣдавшаго по одной изъ водившихся въ домѣ мышей. Однажды онъ упалъ въ бадью, гдѣ у сапожника былъ растворъ, которымъ онъ чернилъ свои кожи. Съ трудомъ онъ вылѣзъ оттуда, совсѣмъ черный. Мыши подумали, что съ перемѣной цвѣта шерсти измѣнился къ лучшему нравъ хорька, и вышли изъ норъ. Хорекъ согналъ ихъ въ кучу и многихъ задавилъ и поѣлъ (*Эзопъ*, въ переводѣ Алексѣева, 95). У Федра въ баснѣ о хорькѣ и мышахъ (Lib. IV, fab. 1) хорекъ вкатался въ муку, чтобы обмануть мышей. Сходные мотивы— оселъ въ львиной шкурѣ, волкъ въ овечьей и пр., отмѣчены у *Бенфея*, въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I, 225).

Эта басня проникла въ разныя западно-европейскія сочиненія, даже въ такія, гдѣ ее трудно было ожидать, напр., въ польскую книжку о постѣ 1718 г. Здѣсь находится маленькій разсказъ: «Kot uczerniony»; мыши, замѣтивъ, что котъ почернѣлъ, думали, что природа его измѣнилась; но старая мышь разубѣдила ихъ (Wisła 1890, 39).

Въ одной греческой сказкѣ, записанной въ 1884 г., кошка постарѣла и посѣдѣла, но не измѣнила нрава. Поѣвши въ погребѣ яицъ, она стала отдыхать, закрывъ глаза. Мышь подумала, что кошка издохла, и позвала другихъ мышей. Кошка отозвалась, что она еще не умерла, но умираетъ, и просила мышей отнести ее въ кухню (chambre du four), гдѣ она благословитъ ихъ. Мыши исполняютъ ея просьбу. Тогда кошка громко замяукала и стала истреблять мышей. Одинъ

буетъ, чтобъ онѣ провожали его по очереди къ рѣкѣ для купанья. Мыши такъ и дѣлаютъ, но съ тѣхъ поръ, какъ котъ сталъ ихъ покровителемъ, онъ замѣтно жирѣетъ съ каждымъ днемъ, а число мышей уменьшается. Мыши призадумались и одна изъ нихъ сказала: я пойду вмѣстѣ съ котомъ къ рѣкѣ, а вы незамѣтно слѣдуйте сзади. Дѣйствительно мышь, подавшая такой совѣтъ, исчезла. Тогда другая мышь высказала свое убѣжденіе, что котъ—притворный аскетъ, такъ какъ еслибъ онъ питался кореньями и плодами, въ его испражненіи не было бы мышиныхъ волосъ. Убѣдившись въ лживости кота, мыши убѣгаютъ отъ него. (Этотъ эпизодъ Магабараты помѣщенъ въ Anthologia Sanscritica, изд. Лассеномъ) *Примѣч. В. Миллера.*

мышенокъ ушелъ, другой проситъ пощады, за что предлагаетъ нарисовать портретъ, но не имѣетъ успѣха (*Carnoy et Nicolaides*, Trad. de l'Asie Mineure, 182). Извѣстна греческая пѣсня о кошкѣ и мыши такого же содержанія, какъ и сказка (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 215).

Мотивъ: коты давятъ мышей, и мышиный-царь вынужденъ дать имъ тотъ или другой чудесный предметъ,—принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ. Въ одной малорусской сказкѣ царская дочь похищаетъ у своего мужа «божью тростъ», махнувъ которой можно было получить что угодно. Убогому человѣку, потерявшему тростъ, помогъ котъ: онъ сталъ душить мышей, добрался до ихъ царя и заставилъ его разыскать тростъ. На свистъ царя сбѣжалась масса мышей, прогрызли стѣны во дворцѣ и пробрались въ комнату царской дочери, которая прятала во рту волшебную палочку. Мышь это замѣтила. Когда царская дочь заснула, мышь пощекотала въ ея носу своимъ хвостикомъ; царская дочь чихнула и выронила палочку, которая быстро была унесена мышью (*Манжура*, 56). Въ греческой сказкѣ съ о. Лесбоса о бронзовомъ кольцѣ, столь же чудесномъ, какъ малорусская палочка и волшебная палочка во многихъ сказкахъ другихъ народовъ (подобраны у *Cosquin'a* во 2 т. № 75), также большую роль играютъ мыши. Кошки душатъ мышей, царица мышей собираетъ совѣтъ, который посылаетъ депутацію къ капитану корабля съ просьбой забрать на корабль кошекъ. Капитанъ требуетъ, чтобы мыши достали чудесное бронзовое кольцо, похищенное волшебникомъ евреемъ. Царица снова собираетъ на совѣщаніе мышей, причемъ три мыши, пришедшія изъ самой дальней страны, одна слѣпая, другая хромоногая и третья съ надрѣзаннымъ ухомъ, говорятъ, что еврей бережетъ кольцо днемъ въ карманѣ, а ночью, когда спитъ, во рту. Мышиный парламентъ отправляетъ этихъ калѣкъ за кольцомъ, и онѣ его достаютъ такимъ же путемъ, какъ и въ малорусской сказкѣ, т. е. пощекотавъ въ носу у спящаго еврея-волшебника (*Carnoy et Nicolaides*, 70—74).

Въ древней повѣствовательной литературѣ находятся указанія, что соколъ пожираетъ мышей, напр. въ Калилѣ и Димнѣ (пер. *Аттаи и Рябинина*, 95—96), въ басняхъ Эзопа (*Fa*-

bellae Aesopicae, изд. 1727, л. 3, 79). Къ этому разряду басенъ относится небольшая малорусская сказка «Двѣ мыши»; здѣсь отмѣчены два сильныхъ врага мышей—котъ и ястребъ. «Казаа полюва̀ мышь хатній: «Отъ я, сестричко, страхъ якъ боюся того, що у вечери вгори крыльцями трипа».—Е, сестричко, то ничого, каже хатня, а онъ страшно того, шо пидъ столомъ сидитъ та ше и дрима». (*Манжура*, Сказки, 8). Съ этимъ можно сравнить басню: «Пѣтухъ, котъ и мышенокъ».

Тема о враждебномъ отношеніи кошки къ мышкѣ широко разработана въ весьма популярной игрѣ дѣтей и взрослыхъ въ кошку и мышку. Въ Харьковской губерніи становятся въ кругъ и берутся за руки. Мальчикъ или юноша старается проникнуть въ кругъ, чтобы схватить «мышку», которую изображаетъ другой мальчикъ или дѣвушка; но участвующіе въ игрѣ не пропускаютъ «кота»; если онъ силою прорветъ кругъ, его наказываютъ ударами, причемъ онъ крикомъ подражаетъ коту. (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт. 53—54). Тождественная игра издавна существуетъ въ Галиціи, съ небольшой припѣвкой, въ которой дается совѣтъ мышкѣ бѣжать въ поле (*Лозинскій*, въ «Зорѣ Галицкой» 1860, 510), въ Кіевской губерніи, также съ припѣвкой: «до норы, мышка, до норы, до золотой коморы; якъ добра мышка—то утиче; ледачій китъ не дожене» (*Moszyńska*, въ Zbiór wiadom. V, 84). Французскія игры въ кошку и мышку совершенно тождественны съ русскими играми этого рода (*Rolland*, Faune popul., IV, 122—123). Сербская игра въ «слепог миша» (*Милићевић*, Живот срба сељака, III, 33) соотвѣтствуетъ русскимъ жмуркамъ.

Въ современной индійской лубочной литературѣ распространена лубочная картинка на тему: «мыши кота судятъ». Сидитъ котъ рыжій съ черными пятнами и чернымъ хвостомъ; по обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши; одна спереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ серебряному ошейнику; у задней въ лапахъ копье. На спинѣ у кота сидятъ маленькія мыши и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки (или знамени). Въ верхней части картинки на престолѣ (въ видѣ табурета) сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на

заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящей мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ (*Ровинскій*, Рус. нар. карт., IV, 258).

Весьма популярной въ старину въ разныхъ странахъ, преимущественно въ Россіи, была сказка на тему: «мыши кота хоронятъ». Въ Россіи лубочныя картинки о похоронахъ кота въ прошломъ столѣтіи получили значеніе политической сатиры и вызвали вмѣшательство цензуры. Картинка построена на сказкѣ, по всей вѣроятности, заимствованной съ запада и затѣмъ обработанной въ чисто великорусскомъ раскольническомъ духѣ. Макаровъ въ 1821 г. указалъ, что въ чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 г., въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: „приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи кота мышами". На этомъ основаніи Макаровъ предполагалъ, что первообразомъ русской лубочной картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва лютеранами, а потомъ чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ (*Ровинскій*, IV, 257). Г. Ровинскій полагаетъ, что русская лубочная картинка „мыши кота погребаютъ"—чисто русское произведеніе, ниоткуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ Нюренбергскими похоронами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими загадными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта; это—вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буфа. Г. Ровинскій представилъ неопровержимыя доказательства, что русская лубочная картинка „мыши кота хоронятъ" составлена въ началѣ прошлаго столѣтія раскольниками, съ цѣлью осмѣять всю преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, его личность и даже обрядную обстановку его погребенія въ 1725 г. (Ib. IV, 259—269). Текстъ сказки „мыши кота хоронятъ" помѣщался подъ лубочными картинками, какъ объясненіе ихъ. Многія великорусскія поговорки о котѣ (*Даль*, Послов., 1078) заимствованы изъ лубочной сказки о похоронахъ кота.

При изученіи сказаній о мышахъ нельзя не остановиться на знаменитой „Батрахоміомахіи", или „Войнѣ мышей съ

лягушками". Одно преданіе приписывало эту поэму-пародію Гомеру, другое, гораздо болѣе вѣроятное,—Пигру (V в. до Р. Хр.). Батрахоміомахія—пародія на Иліаду. „Все торжественно въ этой забавной пародіи, и героически звучащія имена бойцовъ, и родословная главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и высокопарныя ихъ рѣчи, и величавое вмѣшательство олимпійскихъ боговъ; ничтоженъ только сюжетъ, облеченный въ эти торжественныя формы, и производящій въ соединеніи съ ними въ высшей степени комическое впечатлѣніе" (*Коршъ*, Всеобщ. ист. литер., II, 894). Поэма начинается обычнымъ торжественнымъ воззваніемъ къ музамъ. Мышь, Похитительница Объѣдковъ, только что спасшаяся отъ зубовъ лисицы или кошки, хочетъ напиться изъ болота, потому что бѣжала шибко и долго. Царица лягушекъ Пышка вступаетъ съ нею въ разговоръ, приглашаетъ ее къ себѣ во дворецъ и берется перевезти ее туда на собственной спинѣ. Новизна такого путешествія сначала восхищаетъ мышь, но радость ея непродолжительна: подъ водою является змѣя; испуганная Пышка погружается на дно, и мышь тонетъ, призывая на Пышку месть боговъ. Случившаяся на берегу мышь спѣшитъ возвѣстить мышиному роду печальный конецъ Похитительницы Объѣдковъ. Созывается мышиная сходка, на которой, по предложенію Хлѣбнаго Грызуна, отца погибшей, рѣшено начать войну противъ лягушекъ. Всѣ вооружаются, и вѣстнику поручено объявить объ этомъ врагу. Но Пышка считаетъ себя неповинной въ смерти Похитительницы Объѣдковъ. Лягушки готовятся къ сильному отпору. Между тѣмъ на Олимпѣ боги встревожены замѣченнымъ ими волненіемъ на землѣ; но Паллада Аѳина совѣтуетъ имъ не вмѣшиваться въ войну, и всѣ боги остаются лишь ея зрителями. Возникаетъ ожесточенная война мышей съ лягушками. Побѣда не разъ склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ одолѣваютъ мыши, и Всеѣдъ хочетъ истребить весь лягушечій родъ. Тогда Зевсъ теряетъ терпѣніе и посылаетъ Арея остановить свирѣпаго Всеѣда; но Арей отступаетъ передъ такимъ труднымъ дѣломъ. Зевсъ беретъ тогда перуны; но и перуны оказываются безсильными противъ разъяреннаго мышинаго рода. Ощутивъ минутный испугъ, побѣдители быстро оправляются

и возобновляютъ свои подвиги. Зевсъ высылаетъ противъ нихъ другую рать—бойцовъ, надѣленныхъ отъ природы наступательнымъ и оборонительнымъ орудіемъ, именно, морскихъ раковъ. Они мгновенно измѣняютъ исходъ боя. Мыши обращаются въ бѣгство, и война кончается съ закатомъ солнца (*Коршъ*, ib. 895; *De-Gubernat.*, 395).

Батрахоміомахія построена на странствующемъ литературномъ мотивѣ о спорѣ и затѣмъ войнѣ мышей, причемъ противниками ихъ являются кошки, воробьи и другія животныя. Въ Батрахоміомахіи этотъ странствующій литературный мотивъ потерпѣлъ передѣлку. Всѣ подробности о богахъ можно считать вставкой или подкраской со стороны Пигра или другого древняго писателя, обработавшаго народную сказку въ забавную пародію героическихъ эпопей.

Гораздо ближе къ народу по простотѣ сюжета и изложенія стоитъ басня Эзопа о войнѣ мышей съ хорьками. Въ былое время хорьки вели войну съ мышами и всегда разбивали ихъ на-голову. „Не мудрено, что насъ побѣждаютъ хорьки", сказали мыши: „у насъ нѣтъ ни главнокомандующаго, ни офицеровъ". Онѣ созвали военный совѣтъ и избрали изъ своей среды болѣе крупныхъ мышей вождями и начальниками. Мышиное начальство надѣло полное вооруженіе, построило рать въ боевой порядокъ, и мыши съ музыкой вступили въ бой съ хорьками; но хорьки и на этотъ разъ ихъ разбили и обратили въ бѣгство. Безоружные бѣглецы мигомъ юркнули въ щели; ихъ одѣтые въ доспѣхи вожди и старшіе и младшіе офицеры не могли пролѣзть въ дыры, и всѣ достались хорькамъ на обѣдъ (*Эзопъ*, въ пер. Алексѣева, 64).

У Федра находимъ почти тождественную басню о войнѣ мышей съ хорьками, причемъ и въ этой баснѣ обнаруживается попытка пародировать гомеровскихъ героевъ. Бѣдные мышиные вожди столпились у темныхъ норъ, и жестокій побѣдитель „avidis dentibus capacis alvi mersit tartareo specu", т. е. „принесъ въ жертву кровожаднымъ зубамъ и низвергъ въ адскую пропасть ненасытнаго чрева". Весьма любопытно начало этой басни у Федра:

Cum victi mures mustelarum exercitu,
Historia quorum in tabernis pingitur,

Fugerent... *) (*Phaedri Fabularum* lib. IV, f. V; изд. 1814 г.). Вторая строка этого стиха показываетъ, что у римлянъ въ 1 вѣкѣ до Р. Хр. уже были въ ходу лубочныя картинки о войнѣ мышей съ хорьками. Онѣ продавались на рынкахъ, въ мелочныхъ лавкахъ.

Сказки и картинки на тему о войнѣ мышей встрѣчались у разныхъ народовъ въ древности и до сихъ поръ циркулируютъ въ разныхъ странахъ среди простонародія. На первое мѣсто по древности, рядомъ съ греческими сказками, а можетъ быть и раньше басенъ Эзопа и Батрахоміомахіи, нужно поставить египетскіе рисунки на тему о войнѣ мышей съ кошками. Существованіе такихъ рисунковъ указываетъ уже на существованіе въ древнемъ Египтѣ сказокъ о мышиной войнѣ. Въ каирскомъ музеѣ находится рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками. Въ лондонскомъ музеѣ находится другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, а кошки подносятъ ей разные дары (*Ровинскій*, Русск. нар. нар. IV, 258).

Въ лубочныхъ картинахъ, старинныхъ французскихъ и нынѣшнихъ индѣйскихъ, воспроизводятся эпизоды изъ сказки о битвѣ мышей съ кошками. Въ парижской библіотекѣ есть народная картинка: война мышей съ кошками, помѣченная 1610 г., съ надписью „La grande et merveilleuse bataille d'entre les chats et les rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits“; внизу картины стихи въ четыре столбца (*Ровинскій*, ib. 258).

Сказки о войнѣ мышей съ кошками встрѣчаются во Франціи и въ настоящее время. Такъ, въ 1889 г. издана слѣдующая бретонская сказка: въ селѣ Капѣ сгорѣла мельница, и никто не зналъ причины пожара. Пастухъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ сошлись войска мышей и кошекъ. Мыши были очень худы, и кошачій полководецъ спросилъ ихъ, почему онѣ такъ худы. Оказалось, что мельница давно уже не работаетъ. Предполагая, что съ уничтоженіемъ старой мельницы

*) Т. е.: когда побѣжденныя войскомъ хорьковъ мыши, исторія которыхъ рисуется въ тавернахъ, бѣжали...

на ея мѣстѣ будетъ построена новая, къ пользѣ мышей и кошекъ, враждующія арміи заключили перемиріе и соединенными усиліями сожгли мельницу, именно, взявъ камушки въ лапки, онѣ высѣкали искры (*Le Carguet*, въ Revue des trad. popul. 1889, 338).

Литературный мотивъ о спорѣ мышей встрѣчается и въ русскихъ сказкахъ. Здѣсь онѣ спорятъ съ воробьями. Въ бѣлорусской сказкѣ: «Занявся сабѣ мышъ зъ веробъемъ лядо копаничиць. И нанялияны (они) три пары быковъ лядо тое араць и жито сѣяць. Ну, узяли, лядо узорали, жито посѣяли къ налѣтьцю. Жито тое на лѣто якъ ударило—три зярны! Яны два зярны подзялили, а третьцяго ніякъ не подзѣлюць: веробей говора на мышъ: ты дзяли наполъ! А мышъ говора: ты дзяли наполъ!—бо, дружка дружкѣ не вѣря. Веробей возьмя зярно—поляциць у гору, а мышъ возьмя зярно—полѣзя у нору. Кинули тогды жеребя, кому дзялиць третьцее зерня. Жеребя попало—мыши дзялиць. Цяперъ мышъ узяла третьцее зерня да и перакусила, да не на двѣ часточки, да на три! Зновъ издзѣлали мижъ собой спорку за третьцяю часточку зерня. Споровали, споровали и сучинили мижъ собой драчу. Дрались, дрались—нихто никого не подолѣя. «Ну, говора мышъ на веробъя, вызывай ты свою усю помочь, и я свою бяру, и будземъ воеваць; хто кого перабье, такого и третьцяя часточка зерня. Ну, якъ тэй веробей возляцѣвъ да засвиставъ, дакъ уся къ яму лятучая пцица зляцѣлася. А мышъ якъ запищѣла, дакъ уся чисто звѣрина къ ёй собралася: и вовки, и львы, и псы, и усякая гадзина, што тольки на зямлѣ повзая. Спрашуюць у ихъ: «Объ чимъ требуеце скоро, што нельзя было при сабѣ ничого узяць!»—Вотъ, кажуць яны: перша мы не подзялили третьцяго зерня, адыли не подзялили третьцяю часточку зерня: дыкъ треба битву здзѣлаць: хто кого стобье, тому третьцяя часточка зерня попадзе. Ну, и давай дратца». (*Романовъ*, Бѣлорус. сборн., III, 172—173).

Тождественная малорусская сказка: «Колысь-то зъ перваго вику мыша та горобець та засіяли просо». Затѣмъ слѣдуетъ какъ они поссорились при дѣлежѣ проса, стали биться, а вмѣстѣ съ ними всѣ звѣри и птицы, первые за мышь, а вторыя за воробья (*Кулишъ*, Зап. о южн. Руси, II, 31—32).

Въ одной монгольской сказкѣ мышь споритъ съ верблюдомъ. Монголы соединяютъ года въ циклы по 12; каждый годъ носитъ названіе звѣря. Первый годъ носитъ названіе мышинаго. По сказанію Аларскихъ Бурятъ ему слѣдовало быть верблюжьимъ, но «верблюдъ, считая себя великимъ, лишился года». По преданію, верблюдъ и мышь спорили, кому первымъ годомъ владѣть. Рѣшили: тому, кто первый увидитъ лучъ солнца. Верблюдъ легъ головой на востокъ; мышь сѣла ему на кочку и смотритъ на западъ. Еще солнце не показалось изъ-за горизонта; верблюдъ еще не видитъ его, а мышь уже увидѣла свѣтъ на западныхъ горахъ. Ей и достался первый годъ.—Другой варіантъ этого сказанія добавляетъ, что мышь, увидѣвъ свѣтъ, закричала. Верблюдъ спросилъ ее, какъ она могла увидѣть первою, и когда мышь объяснила свою хитрость, то верблюдъ осердился и кинулся на нее. Мышь зарылась въ золу отъ страха. И теперь верблюдъ разрываетъ часто огнище и золу въ надеждѣ найти мышь. Монголы говорятъ: „изъ двѣнадцати лѣтъ главная и первая бѣлоротая мышь“ (*Потанинъ*, Оч. сѣв. зап. Монг. IV, 143—144).

Происхожденіе сказокъ о войнѣ мышей съ кошками можно было бы пріурочить къ Египту, если бы мнѣніе Гена, что дикая кошка приручена была впервые египтянами (*Генъ*, Культ. раст. и жив. 274), можно признать безспорнымъ. Есть указанія, что домашняя кошка была и у другихъ древнѣйшихъ народовъ. Въ журналѣ «Science pour tous» недавно было сообщено, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи наукъ профессоръ археологіи Сальо представилъ снимки съ разныхъ древнихъ памятниковъ въ подтвержденіе вѣрности своихъ изслѣдованій относительно прирученія кошекъ въ древніе вѣка и преимущественно снимки съ рисунковъ этрусскихъ могилъ, на которыхъ кошки изображены внутри человѣческихъ жилищъ. На одномъ изъ такихъ рисунковъ этрусскаго происхожденія изображенъ котенокъ, играющій, во время пира, съ домашними птицами, подъ ложами гостей. Профессоръ Сальо много разъ встрѣчалъ фигуры кошекъ на древнегреческихъ вазахъ шестого или пятаго вѣка до Р. Х. На двухъ амфорахъ, хранящихся въ британскомъ музеѣ, представлены кошки, спящія въ помѣщеніи музыкальной школы.

На разрисованномъ фигурами людей очень древнемъ кругломъ сосудѣ, доставленномъ съ мѣста раскопокъ въ берлинскій музей, изображены женщины и кошки, гоняющіяся за крысами. На одномъ изъ памятниковъ позднѣйшихъ временъ (барельефѣ капитолійскаго музея въ Римѣ) представлена дрессированная кошка, танцующая подъ звуки лиры. На снимкахъ со всѣхъ этихъ рисунковъ, воспроизведенныхъ съ безукоризненною точностью, фигуры кошекъ ничѣмъ не разнятся отъ внѣшняго вида нынѣшнихъ кошекъ, изъ чего, по мнѣнію Сальо, остается заключить, что кошка принадлежала къ домашнимъ въ человѣческомъ быту животнымъ съ незапамятныхъ временъ. Относительно же ея распространенія сказки говорятъ только о продажѣ кошекъ въ странахъ, гдѣ ихъ не знали и потому населеніе страдало отъ мышей. Такова нѣм. сказка у Гримма (№ 70), шведская у Асбьернсена (№ 59), сербская у Вука Караджича (№ 7) и др. См. также примѣч. Р. Кёлера къ „Сицилійскимъ сказкамъ" Лауры Гонценбахъ (II. 251).

Къ сказкамъ о войнѣ мышей съ лягушками, воробьями и пр. подходятъ многочисленныя сказки о потерѣ мышью хвоста, о распоротомъ животѣ мыши, причемъ мышь обращается съ просьбой о помощи къ разнымъ животнымъ. Въ нѣмецкой и швейцарской сказкахъ у мыши лопнула кожа на животѣ отъ смѣха, когда она увидала, что кошка упала въ воду. Во французской и англійской сказкахъ крыса отрываетъ часть своего хвоста. Дальнѣйшій ходъ сказокъ: мышь проситъ башмачника пришить хвостъ; башмачникъ не имѣетъ щетины; мышь проситъ свинью удѣлить немного щетины; свинья требуетъ за то отрубей; мельникъ, къ которому обратилась мышь, требуетъ кошку, кошка—молока для котятъ; корова требуетъ травы и т. д. Во многихъ сказкахъ этого рода вмѣсто мыши является пѣтушокъ. Сходныя или тождественныя сказки записаны въ Лотарингіи, на о. Корсикѣ, въ Чехіи, Норвегіи, Швеціи, Англіи, Испаніи на Кавказѣ (у Осетинъ) и въ Индіи (*Cosquin*, Contes popul. de Lorraine, 282—284). Къ многочисленнымъ параллелямъ, подобраннымъ Коскеномъ, добавлю бѣлорусскую сказку въ сборникѣ *Романова* (стр. 14), двѣ малорусскихъ въ сборникѣ *Манжуры* (5—6), 2 польскихъ въ сборникѣ *Хелховскаго*, № 20, и въ журналѣ *Wisła*

1890. Къ этому же разряду сказокъ примыкаютъ многія другія типа французской сказки Poutin et Poutot (у *Cosquin*'а, II, 36—40).

Ставлю въ видѣ вопроса: не стоитъ ли въ связи съ сказками этого разряда встрѣчающаяся у разныхъ народовъ поговорка: мокрый, какъ мышь. Поговорка эта повсемѣстно распространена въ Россіи. Въ моравской пѣснѣ:

Stoji pod okny, je us'ecek mokry jako mys':
Pust' mê, dêvec'ko, do svej svêtnic'ky, esli smis'...

(Стоитъ подъ окнами, мокрый весь, какъ мышь:
—Пусти меня, дѣвушка, въ свою свѣтлицу, если можешь).

Въ чешской пѣснѣ то же:

Stojim pod okny cely pomokly jako mys'.
Panenko zlata otevr' mi vrata jestli smis' (*Wisła* 1890, 481).

(Стою подъ окнами, весь промокнувшій, какъ мышь.
Дѣвушка золотая, отвори мнѣ дверь, если смѣешь).

Во Франціи (Haute—Loire Pommier) существуетъ поговорка: „être baigné comme un rat" (*Rolland*, Faune populaire, I, 22). Бытовое толкованіе (Rolland'a, Faune popul. I, 22.), что шерсть крысы, попавшей въ воду, сильно напитывается водой, представляется мнѣ недостаточнымъ для объясненія столь широко распространенной поговорки.

Во многихъ сказкахъ мыши, не вступая въ битву съ другими животными, принимаютъ участіе въ сраженіяхъ людей и отстаиваютъ интересы слабѣйшей стороны. Эти сказки тѣмъ болѣе интересны, что вошли въ религіозно-миѳическія преданія древнихъ народовъ и отразились въ русской былевой поэзіи. Географическое распространеніе ихъ весьма широко: Египетъ, Малая Азія, Китай, Монголія, Россія. Древность ихъ спускается въ глубь многихъ вѣковъ до Р. Хр. и входитъ въ эпоху каннибализма грековъ. Происхожденіе ихъ представляетя загадочнымъ.

У Геродота находится слѣдующій замѣчательный въ историко-литературномъ отношеніи разсказъ: Послѣ Анисиса въ Египтѣ царствовалъ жрецъ Гефеста по имени Сеѳосъ. Онъ презиралъ военное сословіе египтянъ, какъ будто нисколько не нуждался въ немъ: всячески оскорблялъ достоинство воиновъ и лишилъ ихъ участковъ земли, тогда какъ при преж-

нихъ царяхъ каждый изъ нихъ получилъ въ даръ по 12 лучшихъ полевыхъ участковъ. Послѣ этого на Египетъ напалъ съ большимъ войскомъ Санахарибъ, царь арабовъ и ассиріянъ; но египетскіе воины не желали помогать царю. Въ затруднительномъ положеніи жрецъ вошелъ въ храмъ и передъ статуей жаловался на угрожающую бѣду. Царь еще плакалъ, когда на него низошелъ сонъ, и во снѣ ему показалось, что явилось божество и ободряло его тѣмъ, что съ нимъ не случится никакой бѣды, если онъ выступитъ противъ арабскаго войска, что въ этомъ случаѣ само божество пошлетъ ему помощниковъ. Полагаясь на сновидѣніе, царь взялъ съ собою египтянъ и расположился съ войскомъ въ Пелусіи, тамъ, гдѣ лежитъ входъ въ Египетъ. Изъ воиновъ не пошелъ за нимъ никто; при немъ находились мелочные купцы, ремесленники и базарные торговцы. На вступившихъ сюда непріятелей напали ночью полевыя мыши и погрызли имъ колчаны, луки, рукоятки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день, они безоружные обращены были въ бѣгство и пали въ большомъ числѣ. Въ настоящее время въ храмѣ Гефеста стоитъ каменная статуя этого царя съ мышью на рукѣ и съ слѣдующею надписью: „глядя на меня, учись благочестію“ (*Геродотъ*, II § 141).

Въ этомъ сказаніи выдѣляются двѣ части: бытовая фактическая—о статуѣ царя (бога) Сеѳоса съ мышью на рукѣ, что, по всей вѣроятности, Геродотъ видѣлъ своими глазами, и связанное съ этой статуей литературное сказаніе о помощи, оказанной царю Сеѳосу мышами. Помѣщеніе мыши на рукѣ Сеѳоса могло обусловливаться совсѣмъ другими соображеніями, вѣроятно, зооморфическимъ представленіемъ души въ видѣ мыши, а можетъ быть миѳическимъ образомъ ночи въ видѣ мыши, во всякомъ случаѣ болѣе цѣнными мотивами, чѣмъ сказочный мотивъ о мышахъ, переданный Геродотомъ. Можно думать, что уже въ V в. до Р. Хр. это былъ странствующій литературный мотивъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ существованіе этого мотива въ малоазіатскомъ культѣ Аполлона Сминтейскаго, въ древнихъ китайскихъ лѣтописяхъ, въ русскихъ былинахъ и монгольскихъ сказкахъ.

Страбонъ, говоря о культѣ Аполлона Сминтейскаго, приводитъ слѣдующую сказку: Тевкры, вышедшіе изъ Крита,

получили отъ оракула повелѣніе тамъ остановиться на жительство, гдѣ нападутъ на нихъ сыны земли, т. е. мыши. Это случилось въ окрестностяхъ Гамаксита: огромное количество мышей выползло тамъ ночью и перегрызло всю кожу на оружіи и сосудахъ. Тамъ-то Тевкры и остановились (*Страбонъ*, въ пер. Мищенка, XII, 1, 48). Значеніе сказки о мышахъ у Страбона затемнено. Вѣроятно, повѣствовалось о нападеніи мышей на какихъ-либо враговъ Тевкровъ, и въ такомъ случаѣ порча оружія имѣетъ свое raison d'être.

Древняя малоазіатская сказка о мышахъ Аполлона Сминтейскаго стоитъ какъ-бы на переходномъ пути въ географическомъ отношеніи отъ Египта къ восточной Азіи.

Весьма сходное сказаніе о помощи мышей находится въ китайскихъ лѣтописяхъ. Большое турецкое войско напало на Хотанъ. Царь хотанскій не имѣлъ достаточно войска, чтобы отбиться отъ враговъ. Онъ принесъ жертву мышамъ пустыни и умолялъ ихъ о помощи. Ночью онъ увидѣлъ во снѣ большую мышь, которая сказала: „Ты получишь отъ насъ помощь; вступай завтра въ битву съ врагомъ, и ты побѣдишь". Утромъ царь аттаковалъ турокъ, у которыхъ все вооруженіе, луки, одежда и пр. оказались источенными мышами. Турки были разбиты, и большая ихъ часть попалась въ плѣнъ. Царь Хотана изъ благодарности построилъ храмъ и принесъ жертвы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 13). Совпаденіе между египетскимъ и китайскимъ разсказами о помощи мышей такъ велико, что заимствованіе представляется возможнымъ; но вполнѣ загадочно, когда оно произошло и въ какую сторону шло сказаніе, съ востока на западъ или обратно.

Сказаніе о помощи мышей проникло въ древнюю русскую словесность, причемъ произошло осложненіе мотива въ слѣдствіе замѣны мыши близкимъ къ нимъ животнымъ горностаемъ, съ прибавленіемъ къ нему волка. Разумѣемъ оборотничества былинныхъ богатырей: Вольги, Никиты Романовича и др. Такъ, въ былинѣ о Вольгѣ говорится:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горностаюшкомъ,
Зашелъ въ горницу во ружейную,
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:

И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у ружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ онъ въ конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (*Рыбник.*, I, 6).

Ѳнъ (Волхъ) обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ.

Далѣе Волхъ обращается въ сокола, летитъ къ своей дружинѣ, будитъ ее отъ сна и ведетъ на Индѣйское царство, гдѣ ранѣе попортилъ все оружіе. Чтобы пройти стѣну, Волхъ и дружина его обращаются въ муравьевъ. Когда они прошли стѣну бѣлокаменную, снова стали молодцами. Они всѣхъ перебили, кромѣ царицы, на которой потомъ женился Волхъ, и молодыхъ дѣвицъ, на которыхъ женились его дружинники. (*Рыбн.* I, 15, 17).

Въ былинѣ о князѣ Скопинѣ Никита Романовичъ обращается въ горностая, потомъ въ сѣраго волка, и портитъ оружіе и коней (ib. 409). Горностай здѣсь служитъ замѣной мыши, что произошло, вѣроятно, изъ украшающаго стиля былинъ, равно какъ и другое, встрѣчающееся въ былинахъ названіе богатырей—соболь. Если въ однѣхъ былинахъ богатырь скачетъ „по крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ“ (*Рыбник.* I, 434), то по другимъ онъ бѣжитъ черезъ темные лѣса соболемъ, напр., царь Афрамей въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ. Въ бѣлорусской зажнивной величальной пѣснѣ также фигурируетъ соболь. Въ малорусскихъ пѣсняхъ соболь и куница символизируютъ жениха и невѣсту; отсюда эпитетъ козака: „не выйду, козаче, не выйду, соболю!“ (*Потебня*, Колядки, 343, 616). Если въ старину, называя богатыря въ похвалу горностаемъ, понимали дѣйствительно подъ этимъ словомъ Mustela

erminea, то впослѣдствіи, когда горностаевъ не было, подъ этимъ словомъ могли подразумѣвать совсѣмъ другое животное, даже птицу. Въ малорусской свадебной пѣснѣ: „летивъ горностай по надъ ставъ, попускавъ пирьячко на весь ставъ". (ib. 294). Горностай очень близко по значенію къ мыши стоитъ къ малорусской пѣснѣ: „Вода сосну пидмывае; горносталь коринь пидъидае; зверху сосна усыхае". (ib. 218).

Преданіе о военной помощи мышей до сихъ поръ живетъ въ народныхъ сказкахъ. Такъ, въ одной монгольской сказкѣ богатырь Тунгъ-Караты ханъ догоняетъ своего врага Джюсунъхана и готовится вступить съ нимъ въ битву. Замѣтивъ, что у Джюсунъ-хана много войска, Тунгъ-Караты ханъ предлагаетъ Джюсунъ хану отложить битву на другой день, на что послѣдній согласился. Ночью Тунгъ-Караты ханъ обратился въ крысу (кускŏ), проникъ въ станъ Джюсунъ-хана и перегрызъ оружіе и доспѣхи его войска, луки, стрѣлы, сайдаки. Утромъ Джюсунъ ханъ не находитъ возможнымъ сражаться. Враги распускаютъ свои войска, по взаимному соглашенію, и, по предложенію Тунгъ-Караты хана, вступаютъ въ поединокъ, который длится нѣсколько дней. Силы ихъ оказались равными. Они помирились и побратались (*Потанинъ*, IV, 375).

Кромѣ военной помощи, мыши оказываютъ людямъ услуги въ разныхъ другихъ случаяхъ, выручаютъ ихъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, спасаютъ жизнь, или указываютъ средства для излѣченія болѣзней,—словомъ, бываютъ въ «пригодѣ». Въ старинной повѣствовательной литературѣ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ весьма часто встрѣчается мотивъ, что то или другое животное получаетъ пощаду отъ человѣка, чаще всего охотника, и въ знакъ благодарности оказываетъ ему услуги. При этомъ услуги бываютъ различны, смотря по роду и характеру животнаго. Такъ, въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ олень или туръ обѣщаетъ стать въ пригодѣ, прійти на свадьбу (подробности у *Потебни* въ Колядкахъ, 318—330). Въ сказкахъ часто орелъ становится въ пригодѣ выноситъ богатыря изъ подземнаго царства (*Сумцовъ*, Культ. пережив. § 166; *Cosquin*, Contes popul. I; *Романовъ*, Бѣлор. Сборн., 173). Въ извѣстныхъ случаяхъ въ сказкахъ,

благодарными и полезными являются воронъ, муравьи, змѣя (*Cosquin*, Contes popul. I, 48), обезьяна, пчела, медвѣдь (*Benfey*, Pantsch. I § 71), лягушка (*Минаевъ*, Инд. сказки, 10).

Мышь бываетъ въ „пригодѣ" въ прямомъ и косвенномъ значеніяхъ. Мышь въ пригодѣ прямаго значенія встрѣчается въ русскихъ и инородныхъ сказкахъ; но услуги, оказываемыя мышью человѣку, не во всѣхъ сказкахъ одинаковы. Въ бѣлорусской сказкѣ про „восковую церковь" убогій и голодный человѣкъ хочетъ убить и съѣсть мышь. „Не ѣшь меня,—говоритъ ему мышка,—сытъ не будешь, а только душу запоганишь; буду я табѣ у вяликой пригодѣ". Убогій человѣкъ отпустилъ ее. Когда царь потребовалъ отъ него вымолотить въ одну ночь весь царскій хлѣбъ, то на выручку явилась мышь (*Романовъ*, 331). Въ другой бѣлорусской сказкѣ мышка говоритъ дѣвушкѣ: „дай мнѣ каши; я табѣ къ худому ўремю знадоблюся". Дѣвушка дала. Вскорѣ пришелъ медвѣдь, далъ ей звонокъ и, потушивъ свѣчу, велѣлъ ей звонить и бѣгать, а онъ будетъ ее ловить. Мышка посовѣтовала дѣвушкѣ спрятаться подъ печь, а сама бѣгала со звонкомъ, пока медвѣдь усталъ и заснулъ (ib., 362). Сходная сказка изъ Полѣсья напечатана у *Кольберга* въ Zbiór wiadom. XIII, 203. Въ венгерской сказкѣ о Чало-Пигитѣ мышка, накормленная Чало-Пигитой во время голода, потомъ освобождаетъ своего благодѣтеля изъ тюремнаго мѣшка (*Wlislocki*, въ Zeitschr. f. d. Philol. 1889, I. 106, 108). У насъ въ Самарской губ. записана сказка объ Иванѣ Царевичѣ, въ которой мыши (также пчелы и раки) помогаютъ молодцу собрать дѣвицъ, обращенныхъ въ кобылицъ (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самар. кр., 39). Въ малорусской сказкѣ мышки собираютъ для парубка, макъ, который былъ разсыпанъ змѣемъ (*Kolberg*, Zbiór wiadom. XIII, 207). Этотъ мотивъ повторяется въ Пентамеронѣ Базили (†1637). Аньоло покупаетъ навознаго жука, сверчка и мышь и обращается съ ними хорошо. Царь обѣщаетъ выдать свою дочь, страдающую меланхоліей, замужъ за того, кто заставитъ ее разсмѣяться. Животныя Аньоло танцуютъ, царевна смѣется; но царь не исполняетъ обѣщанія и подвергаетъ Аньоло разнымъ опаснымъ испытаніямъ, изъ которыхъ выручаютъ его благодарныя животныя (*Benfey*, Pantsch. I, 215—216).

Въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ Шидди-курѣ, построенномъ на буддійскомъ сборникѣ Vetâlapancavinçati, находится сходная съ предыдущей сказка о благодарной мыши: Одинъ браминъ купилъ мышь, обезьяну и медвѣженка въ то время, когда ихъ мучили дѣти. Не имѣя средствъ къ жизни, браминъ рѣшился обворовать царскій дворецъ. Онъ былъ пойманъ и въ деревянномъ ящикѣ брошенъ въ воду; но ящикъ зацѣпился за дерево. Мышь прогрызла въ ящикѣ дырку, обезьяна и медвѣженокъ взломали его больше, и узникъ вышелъ на свѣтъ Божій. Бладарныя животныя приносятъ ему пищу, а обезьяна, кромѣ того, доставляетъ волшебный камень, съ помощью котораго вскорѣ былъ воздвигнутъ дворецъ. Купцы похитили камень, но мышь, обезьяна и медвѣженокъ разыскали его. При возвращеніи звѣрей обезьяна сидѣла на медвѣдѣ, а мышь лежала въ его ухѣ. Обезьяна держала во рту драгоцѣнный камень. Когда медвѣдь плылъ черезъ рѣку, обезьяна уронила камень. Мышка обратилась съ просьбой къ водянымъ животнымъ, и лягушка вскорѣ вынесла ей чудесный камень (*Benfey*, I, 210—213). Недавно записана весьма сходная греческая сказка (*Carnoy et Nicolaides*, Trad. de l'Asie Mineure, 70—74).

Мышь благодарнымъ и полезнымъ животнымъ оказывается въ древнихъ басняхъ, въ Панчатантрѣ и у Эзопа. Въ Панчатантрѣ разсказывается, что слонъ однажды разбилъ глиняный горшокъ, въ которомъ было заключено много мышей. Когда слонъ попалъ въ яму, то мыши такъ разрыли землю, что онъ могъ выйти изъ ямы (*Benfey*, I, 324). Въ греческихъ и латинскихъ басняхъ (Эзопа, Федра) мыши подобную услугу оказываютъ льву. Въ баснѣ Эзопа „Левъ и мышь“ по тѣлу спящаго льва пробѣжала мышь. Левъ проснулся, поймалъ ее и хотѣлъ съѣсть. „Оставь мнѣ жизнь“, взмолилась она: „за свое спасенье я окажу тебѣ большое благодѣяніе“. Левъ улыбнулся и отпустилъ ее. Вскорѣ охотники поймали льва и привязали веревкой къ дереву. Услыхала мышь жалобное рычаніе льва, прибѣжала, перегрызла веревку и освободила его (*Эзопъ*, въ перев. Алексѣева, 49). Подобная сказка найдена въ древнемъ египетскомъ папирусѣ (въ „Griech. Litterat“. Зиттля, указ. проф. Деревицкимъ). Въ Калилѣ и Димнѣ въ „причтѣ о голубѣ-вяхирѣ, крысѣ, газели и воронѣ“ говорится,

что голубь-вяхирь попалъ въ сѣть. Другъ его крыса перегрызла веревки въ сѣти и освободила голубя (*Калила и Димна*, 117—118).

По всей вѣроятности, большинство народныхъ сказокъ о мыши въ „пригодѣ“ коренится въ древнихъ повѣстяхъ, нашедшихъ мѣсто въ Панчатантрѣ и въ Калилѣ и Димнѣ.

Косвенная „пригода“ мыши обнаруживается, напримѣръ, въ одной польской сказкѣ, гдѣ слѣпая мышь указываетъ воду, исцѣляющую слѣпоту (*Zawiliński*, Z powies'ci, 36). Въ монгольской сказкѣ двѣ старшія сестры преслѣдуютъ младшую и подмѣниваютъ ея прекрасныхъ новорожденныхъ дѣтей противными животными. Выведенный изъ терпѣнія мужъ ея ломаетъ ей руки и ноги и выкалываетъ глаза. Вскорѣ вышла изъ норы крыса и стала грызть ей ноги; калѣка схватила палку и перешибла крысѣ ногу. Крыса вырыла травку, съѣла, и ея нога выросла. Калѣка съѣла ту же травку и стала съ ногами. (*Потанинъ*, IV, 343). Въ варіантѣ этой сказки выступаетъ вмѣсто крысы мышь (ib. 603); въ барабинской сказкѣ (въ Prob. Радлова) также отмѣчено заимствованіе у мышей искусства врачеванія изломанныхъ конечностей (ib. 887). Въ монгольскихъ сказкахъ и повѣрьяхъ открытіе цѣлебной силы растеній или минеральныхъ источниковъ приписывается еще медвѣдю или оленю (ib. 717) *).

---

*) Указаніе разными животными способа спасенія, исцѣленія и даже воскрешенія—мотивъ широко распространенный въ эпосѣ разныхъ народовъ, отъ восточной повѣсти—до русской былины и бѣлорусской сказки. Въ арабскомъ сборникѣ «1001 ночь», въ разсказѣ о „путешествіяхъ Синдбада“ говорится о спасеніи его изъ подземелья, благодаря какому-то звѣрку. Въ Гриммовской сказкѣ „Die drei Schlangenblätter“ рѣчь идетъ о воскрешеніи царевны посредствомъ листковъ, принесенныхъ змѣею для исцѣленія другой разрубленной змѣи, подобно тому, какъ богатырь Потокъ воскрешаетъ свою Авдотью Лиховидьевну, помазавъ ее прямо разрубленною змѣею (Др. рос. стихотв.). Въ норманскихъ и французскихъ сказаніяхъ, по указанію Гримма, ту-же роль косвенной спасительницы играетъ ласочка. Интереснѣйшая бѣлорусская сказка, записанная г. Романовымъ, тѣсно примыкаетъ къ этимъ мотивамъ. (Бѣл. Сб., Сказки, „Дѣдъ и баба“). Желая испытать другъ друга въ любви и преданности, дѣдъ и баба ставятъ условіе: кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ долженъ съ умершимъ живьемъ лечь въ могилу, что и выпало на долю дѣда. Лежа въ могилѣ, онъ увидѣлъ приползшую змѣю, которая родила мертвыхъ дѣтенышей и оживила ихъ какою-то травкой; дѣдъ этою же травкой воскресилъ бабу. *Прим. Н. Я.*

Нѣкоторыя повѣрья и сказанія этого рода исходятъ, вѣроятно, изъ христіанской апокрифической литературы. Такъ, къ этой литературѣ, повидимому, примыкаетъ слѣдующій разсказъ: „есть трава буху, т. е. силачъ. Эту траву ѣдятъ моралы во время ярованья. Она производитъ возбужденіе и придаетъ силу человѣку". Эта часть разсказа основывается на томъ дѣйствительномъ фактѣ, что рога оленей мораловъ, принимаемые внутрь въ истертомъ видѣ, сильно возбуждаютъ половыя силы, и потому въ продажѣ цѣнятся и идутъ въ далекія страны, напр., Китай. Затѣмъ уже слѣдуетъ вполнѣ баснословная, любопытная въ историко-литературномъ отношеніи часть разсказа: траву буху можно найти такимъ образомъ: заткнуть гнѣздо желны (picus martius, picus viridis, merops) и разостлать подъ нимъ простыню; тогда птица принесетъ въ когтяхъ эту траву и приложитъ къ гнѣзду, а потомъ броситъ на землю. Сила травы такова, что прикосновеніемъ къ дереву эта птица можетъ выворотить кусокъ больше, чѣмъ человѣкъ могъ бы это сдѣлать (ib. 189). Это повѣрье записано у разныхъ христіанскихъ народовъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, русскихъ, поляковъ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. I, 496, 397—399, 410, 546; *Siarkowski*, въ Zbiór wiadom. IX, 71). Въ малорусскихъ и нѣмецкихъ повѣрьяхъ дятелъ открываетъ забитое свое гнѣздо съ дѣтенышами разрывъ-травой, и если положить подъ деревомъ бѣлый или красный платокъ и закричать, то дятелъ выронитъ на него разрывъ-траву (*Аѳан.* II, 398). Глубокая древность этого повѣрья засвидѣтельствована Плиніемъ. Эліанъ (III в. по Р. Хр.) сообщаетъ объ удодѣ: если закрыть его гнѣздо, то онъ отыскиваетъ такую траву, которая уничтожаетъ всѣ препятствія (*Мочульскій*, Происх. физіол. 43). Сказаніе это вошло въ физіологи и бестіаріи. Оно встрѣчается съ древнихъ временъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ, гдѣ съ помощью разрывъ-травы добывается драгоцѣнный камень шамиръ. Повидимому, въ зависимости отъ апокрифическаго сказанія о камнѣ шамирѣ стоятъ монгольскія повѣрья о камнѣ дзадѣ, низводящемъ дождь. Дзаду вынимаютъ изъ внутренности птицы или быка и потомъ держатъ завернутымъ въ перья той птицы или въ шерсть того животнаго, изъ котораго онъ былъ вы-

нутъ. Если хотятъ, чтобы пошелъ дождь—дзаду мочатъ; если дождь идетъ слишкомъ продолжительно—дзаду вытираютъ и сушатъ. Камень дѣйствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и потомъ умираетъ. Чтобы оживить его, подстрѣливаютъ животное той породы, изъ котораго онъ былъ вынутъ, и ставятъ камень подъ дыханіемъ умирающаго звѣря или птицы (*Потанинъ*, IV 189—190).

Одной индійской буддійской притчѣ (*Benfey*, Pantshatantra I § 17) суждено было получить широкое литературное распространеніе,—разумѣемъ знаменитую „притчу объ инорогѣ". Въ индійскихъ сказкахъ Аваданахъ находится слѣдующій разсказъ объ опасностяхъ и бѣдствіяхъ жизни. Одинъ человѣкъ, преслѣдуемый слономъ, спрятался подъ дерево, которое росло на краю высохшаго колодца. Онъ замѣтилъ, что двѣ мыши, черная и бѣлая, подгрызали корень этого дерева; съ четырехъ сторонъ къ нему протягивали жало ядовитыя змѣи, а на днѣ источника лежалъ страшный драконъ. На деревѣ сидѣлъ рой пчелъ, и капля меда упала въ ротъ бѣглеца; но пчелы стали его кусать, и скоро дерево сгорѣло. При этомъ дано толкованіе этого аллегорическаго разсказа: дерево въ пустынѣ—невѣжество человѣка; бѣглецъ—еретикъ; слонъ—непостоянство вещей; колодецъ—берегъ жизни и смерти; корни дерева—жизнь человѣческая; бѣлая и черная мыши—день и ночь; 4 ядовитыхъ змѣи—4 силы природы (земля, огонь, вода и воздухъ); медъ—5 органовъ чувствъ (зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе); пчелы—порочныя мысли; огонь—старость и болѣзнь; ядовитый драконъ—смерть. Въ другомъ буддистическомъ варіантѣ этой басни находится небольшое различіе въ объясненіи деталей: слонъ означаетъ смерть; колодецъ—жилище; корни дерева—жизнь человѣка; бѣлыя мыши—солнце и луна (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 457—458). Эта басня вошла въ чрезвычайно популярную въ старину повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ въ видѣ вставной „притчи объ инърозѣ". Одинъ путникъ, встрѣтивъ въ полѣ „инорога", побѣжалъ отъ него, чрезвычайно испуганный, и попалъ въ пропасть. Онъ успѣлъ, однако, схватиться за дерево и удержался на воздухѣ. Путникъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ дер-

жался; на днѣ пропасти яростно изгибался страшный змѣй, дышавшій огнемъ, и хотѣлъ пожрать путника; изъ стѣны выходили четыре головы аспида. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и, забывъ окружавшіе его ужасы, устремился къ сладости малаго меда (*Пыпинъ*, въ Уч. Зап. Акад. Наукъ 1858, 130, 332; *Dunlop.-Liebrecht*, 32, 462). Морализація та же, что въ индійскихъ басняхъ: инорогъ—смерть, мыши—время и пр. Притча объ инорогѣ часто встрѣчается въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ иногда съ именемъ Варлаама, иногда какъ слово св. Ефрема, иногда безъ имени автора; она вошла въ 168 главу Gesta Romanorum, переведена на нѣмецкій языкъ въ художественной формѣ Рюкертомъ, на русскій Жуковскимъ подъ заглавіемъ „Изъ Талмуда" (*Пыпинъ*, ib. 131). Притча объ инорогѣ проникла въ живопись, миніатюру и скульптуру. Она выбита на порталѣ пармскаго баптистерія и вошла въ Углицкую псалтырь XV вѣка. Въ миніатюрахъ одна мышь, изображающая день, обозначена бѣлой краской, а другая мышь-ночь—черной краской. Въ пармскомъ рельефѣ со стороны одной мыши помѣщена фигура Аполлона, а со стороны другой—фигура Діаны (*Буслаевъ*, ст. „Сравн. одн. рельефа" и „Истор. Очерки", II, 207).

Здѣсь умѣстно будетъ привести одно замѣчательное историческое преданіе, связанное съ г. Любекомъ. Нѣмецкіе хронисты сообщаютъ, что въ 1200 году въ Любекѣ у церкви Богоматери росло большое дерево. Тогда шли большіе споры города съ сосѣдними князьями. Послѣдніе хотѣли овладѣть городомъ, и на сторону ихъ склонялись нѣкоторые граждане. Однажды князья осадили городъ, но горожане отбивались храбро. Ихъ укрѣпляло повѣрье, что Любекъ потеряетъ свободу, когда дерево поблекнетъ и усохнетъ, а дерево въ это время было въ полной силѣ. Однажды утромъ граждане съ великимъ огорченіемъ увидѣли, что дерево въ одну ночь поблекло и засохло. Мышь свила свое гнѣздо у его корня, и мышенята подгрызали корень. Вскорѣ Любекъ сдался врагамъ. (*Deecke*. Lub. Gesch. u. Sagen, 18).

Гораздо болѣе близкими къ народнымъ повѣрьямъ о мыши и потому болѣе пріемлемыми оказались апокрифическія сказки о мыши, какъ зооморфическомъ образѣ сатаны или

какъ созданіи его. Въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Ноѣ, „окаянный дьяволъ хотяше истопить весь родъ человѣчь и превратился мышью и нача грызти дно ковчегу. Ной же помолися Богу и прысни лютый звѣрь и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка и удавиша мышь, и не избысть дьяволе злохитровство“. (*Пыпинъ*, въ Памят. стар. рус. лит. III, 18, по рукописи 1602 г.). Это сказаніе о мыши проникло въ народъ, русскій, польскій и др. У поляковъ записаны слѣдующіе разсказы: Дьяволъ создалъ мышь и пустилъ ее въ ковчегъ Ноя. Мышь прогрызла дыру, и вода уже стала итти въ ковчегъ. Тогда Ной затянулъ дыру платкомъ, Богъ превратилъ этотъ платокъ въ кота, который и удавилъ мышь. Дьяволъ создалъ много мышей, но коты ихъ давили, а потомъ мыши сошли на землю и продолжаютъ до сихъ поръ вредить людямъ. Въ варіантѣ этой сказки добавлено, что коты имѣютъ въ глазахъ злаго духа съ тѣхъ поръ, какъ котъ, находившійся въ ковчегѣ Ноя вмѣстѣ съ другими животными, съѣлъ дьявола, грызшаго дно ковчега въ видѣ мыши. Дьяволъ не могъ выйти изъ него и остался въ глазахъ. Въ связи съ этими сказаніями стоитъ также польское повѣрье, что черный котъ на восьмомъ году обращается въ чорта (*Gustawicz*, въ Zbiór wiadom. V. 138, 149; Siarkowski, ib. VII, 150). Тождественное сказаніе о кошкѣ и мыши записано среди малоруссовъ Литинскаго уѣзда, а въ Проскуровскомъ у. записано повѣрье, что кошка прожившая 12 лѣтъ, дѣлается очень свирѣпою и можетъ задушить человѣка (*Чубинскій*, Труды Эт.-Ст. Эксп. I, 54). Къ этимъ апокрифическимъ сказкамъ о мыши-чортѣ примыкаетъ и слѣдующая малорусская: Чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море, чтобы соблазнить Еву, но пресвятая Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу. Изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (*Чубинскій*, ibid.).

Участіе мыши въ міозданіи отмѣчено въ мордовской сказкѣ: Шайтанъ хотѣлъ сотворить человѣка и слѣпилъ его изъ глины, песку и земли, но не могъ придать ему благообразной формы: выходила то свинья, то собака, то змѣя. Тогда онъ послалъ на небо птичку - мышь за полотенцемъ, которымъ обтирается въ банѣ верховный богъ Чамъ-Пасъ. Шай-

танъ обтеръ человѣка полотенцемъ и придалъ ему надлежащій видъ, а Чамъ-Пасъ вложилъ въ него потомъ живую душу. Птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и поставилъ голый хвостъ какой у Шайтана, и далъ такія же лапы, какъ у Шайтана (*Веселовскій*, Разыск. въ обл. дух. ст. XI, 10—11). Сходныя повѣрья записаны у дикихъ народовъ Америки и Океаніи. У жителей острова Фиджи существуетъ такая легенда: Луна хотѣла, чтобы люди не умирали, а возрождались, подобно ей, къ новой жизни. Но крыса и слышать о томъ не захотѣла и настояла, чтобы и люди умирали, какъ пропадаютъ крысы (*Reville*, Les relig. d. peuples noncivilisés, II, 129). Въ тождественныхъ сказкахъ готтентотовъ роль мыши играетъ заяцъ, въ сказкахъ зулусовъ — саламандра (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, 26). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля (*Reville*, ib. I, 282).

Апокрифическія книжныя и современныя устныя славянскія сказанія о сотвореніи міра обнаруживаютъ большое сходство съ космическими миѳами Чипеваи и Фиджійцевъ. Происхожденіе послѣднихъ миѳовъ можетъ быть недавнее, если допустить, что эти миѳы возникли подъ вліяніемъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній, занесенныхъ миссіонерами,—предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что крыса, фигурирующая въ фиджійскомъ сказаніи, появилась недавно въ Океаніи.

Мышь стоитъ близко къ вѣдьмамъ и колдунамъ. По бѣлорусскому повѣрью, если въ могилу, до опущенія въ нее покойника, попадетъ мышь, то это значитъ, что умершій былъ

чаровникъ и что злой духъ въ видѣ мыши дѣлаетъ ему могильную встрѣчу (*Шейнъ*, Матер. для изуч. зап. рус. нар., т. I, ч. II, 580). Въ малорусской сказкѣ вѣдьма обращается въ мышь и выскакиваетъ изъ хаты (*Ивановъ*, печатается въ 3 т. Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общ.). По мнѣнію поляковъ, вѣдьмы съ помощью какого-то зелья выпускаютъ изъ подмышекъ простыхъ и летучихъ мышей (*Piątkowska*, Wisła 1889, 765). Старинные нѣмецкіе процессы о вѣдьмахъ упоминаютъ названіе müsemaker, т. е. mäusemacher, и сообщаетъ повѣрье, будто вѣдьма, кипятя волшебныя травы, причитываетъ: „Maus, Maus, heraufs ins teufels namen!", и мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Въ Германіи разсказываютъ, что вѣдьма, свернувъ платокъ на подобіе мыши, говоритъ: «lauf hin und komm wieder zu mir", и тотчасъ отъ нея убѣгаетъ живая мышь. Въ голландской сказкѣ чародѣйка подбросила нѣсколько глыбъ земли, и все поле закопошилось мышами (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. III, 505). Въ нѣмецкихъ и славянскихъ странахъ, также во Франціи записаны повѣрья, что колдуны и вѣдьмы насылаютъ мышей и крысъ въ дома и на поля (*Аѳан.* III, 451; *Rolland*, I, 22). Въ монгольскихъ сказкахъ мышь сосетъ кровь у дѣтей (*Потанинъ*, IѴ, 471); въ сказкахъ другихъ народовъ этимъ дѣломъ занимается вѣдьма. Вѣдьмы не только оборачиваются въ мышь, но и другихъ могутъ оборотить въ мышь. Въ «Молотѣ вѣдьмъ» (Malleus maleficarum, 1486 г.) говорится, что вѣдьмы обращаютъ людей въ мышей (*Rosskoff*, Geschichte d. Teufels. II, 252). Оборотнемъ чорта или вѣдьмы въ народныхъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто является летучая мышь, возбуждающая въ народѣ своимъ видомъ и образомъ жизни чувство страха. Летучая мышь играетъ большое значеніе въ ворожбѣ, преимущественно у малоруссовъ и поляковъ (*Gustavicz*, въ Zbiór wiad. Ѵ, 150—151). По сербскимъ народнымъ повѣрьямъ вѣдьмы, упыри и вовкулаки (*Березинъ*, въ «Знаніи» 1877, IѴ, 57, 67), а по италіанскимъ и французскимъ черти (*Rolland*. I, 5) принимаютъ видъ летучей мыши. Въ одномъ англійскомъ судебномъ процессѣ 1597 г. по обвиненію въ чародѣйствѣ находится указаніе, что демонъ въ видѣ мыши проникалъ къ заключенному въ тюрьмѣ колдуну (*Thornburg*, Shakspere's England, II, 152). На о. Рюгенѣ есть повѣрье, что у крысъ есть ко-

роль изъ чертей, съ золотой короной на головѣ (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 341). Въ одной сказкѣ изъ Помераніи чортъ въ образѣ кота душитъ мышей и крысъ, въ другой мыши везутъ чорта (ib. 318, 329).

Благодаря связи съ нечистой силой, мышь была издавна предметомъ ворожбы, на что есть указанія въ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ; напр., завязывали трехъ мышей въ мѣшочекъ и вѣшали ихъ въ трубѣ, гдѣ онѣ высыхали (*Wisła*, 1887, VI, 214). Что же касается превращеній въ мышей, то, судя по сказкамъ, эти превращенія могутъ происходить и по другимъ причинамъ, безъ прямого вмѣшательства нечистой силы и безъ колдовства. Такъ, напр., на о. Рюгенѣ записана слѣд. сказка о семи пестрыхъ мышахъ: Нѣкогда жила мать съ 7-ю дочерьми. Однажды въ великую пятницу, когда мать была въ церкви, дѣти поѣли спрятанные ею орѣхи и яблоки. Мать прокляла ихъ за это и сказала: „чтобы вы обратились въ мышей!“ И дѣти тотчасъ обратились въ мышей съ пестрыми шкурками и побѣжали въ поле, добѣжали до пруда и бросились въ воду. Мать, видя это, превратилась въ камень. По ночамъ мышки выходятъ изъ пруда, танцуютъ вокругъ камня и поютъ пѣсенку, въ которой говорится, что со временемъ онѣ снова получатъ человѣческій образъ, когда какая-нибудь мать съ 7-ю сыновьями сядетъ на этомъ камнѣ въ великую пятницу, въ тотъ именно часъ, когда произнесено было проклятіе. (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 1840, 294—297).

У народовъ германскихъ издавна пользуется популярностью сказка о томъ какъ мыши съѣли высокопоставленное лицо за несправедливость. Наибольшей извѣстностью пользуется нѣмецкое преданіе о смерти епископа Гаттона, связанное съ „Мышиной башней“ въ Бингенѣ. Титмаръ пріурочиваетъ это сказаніе къ Мерзебургу (1012 г.). Въ Кельнѣ сказаніе это связано съ именемъ епископа Адольфа (около 1112 г.) въ Страсбургѣ отнесено къ епископу Вильдерольфу (†999) и его преемнику Алавицу (†1001). Подобнаго рода сказки съ историческими и мѣстными пріуроченіями записаны въ Баваріи, Австріи, Швейцаріи, въ Англіи (въ началѣ XIII в.), Даніи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 1—5). Сказаніе о человѣкѣ съ-

денномъ мышами, циркулировало также во Франціи (о немъ говоритъ Жанъ Дутрмезъ, † 1339) и въ Польшѣ (встрѣчается въ хроникѣ Кадлубка 1223 г. въ примѣненіи къ Попелу младшему). Либрехтъ высказалъ мнѣніе, что въ основѣ сказокъ этого рода лежитъ древнее обыкновеніе вѣшать старшинъ во время голода или общественныхъ бѣдствій. Но мнѣніе это не утвердилось въ наукѣ, какъ слишкомъ искусственное, и противъ него главнымъ образомъ возражалъ Громаннъ въ сочиненіи „Apollo Smintheus und Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen“, 1862 г. (*Liebrecht*, ib. 10).

Кадлубекъ разсказываетъ цѣлую краснорѣчивую повѣсть о томъ, какъ Попелъ младшій, подстрекаемый навѣтами жены, отравилъ своихъ дядей, зазвавъ ихъ хитростью къ себѣ въ гости. Жестокій тиранъ даже отказалъ имъ въ погребальной почести. Скоро, однако, онъ постигнутъ былъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло огромное количество мышей, которыя преслѣдовали его всюду, пока наконецъ не сожрали, поймавъ въ башнѣ, гдѣ Попелъ думалъ найти убѣжище вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями (*Котляревскій*. О погреб. обр., 103—105).

На повѣсти о Попелѣ останавливались Санъ-Мартъ (Die polnische Königssage, 1848), Гутшмидъ (Kritik der polnisch. Urgesch., 1857), Бѣлевскій (Wstęp krytycz. do dziejów Polski, 1850), Котляревскій (О погреб. обряд. 1868). „Послѣ тщательныхъ разысканій Бѣлевскаго, говоритъ Котляревскій, нельзя болѣе сомнѣваться, что главнымъ источникомъ разсказа были повѣствованія классическихъ историковъ и поэтовъ; но далеко не единственнымъ: нѣкоторыя черты позволяютъ предполагать, что въ образованіи его принимало участіе и народное преданіе, ходившее въ то время о Попелѣ. Не трудно устранить изъ разсказа цвѣты краснорѣчія; но возвратить преданію древнѣйшій видъ, отдѣлить необходимое народное отъ произвольныхъ добавокъ хрониста не видится возможности, за неимѣніемъ повѣрочныхъ данныхъ.“ Въ повѣсти Кадлубка Гутшмидъ признаетъ остаткомъ народнаго преданія только одну черту, именно, происшествіе съ мышами и отчасти образъ злой жены Попела; Котляревскій также не находитъ въ древнихъ литературахъ непосредственнаго литературнаго ис-

точника преданія, что Попелъ былъ съѣденъ мышами, вышедшими изъ труповъ отравленныхъ и лишенныхъ погребенія дядей (ib. 105).

Любопытно, что сказка о королѣ, съѣденномъ мышами за несправедливость, до сихъ поръ живетъ у поляковъ. Недавно записана у карпатскихъ горцевъ такая сказка „O mysiem krôlu“: Нѣкогда такъ избирали царя: садились за желѣзный столъ и ждали, на кого спустится съ неба золотая корона. Однажды молодой крестьянинъ пахалъ въ полѣ. Когда жена принесла ему обѣдъ, онъ перевернулъ плугъ и обратилъ его въ столъ. Онъ смѣялся съ женой, что обѣдаетъ за желѣзнымъ столомъ, какъ панъ. Въ это время съ неба на его голову спустилась корона, появилось войско и повело его, какъ царя. У этого крестьянина были очень бѣдные родители. Они пошли посмотрѣть на сына въ славѣ и могуществѣ. Доро̂гой они выпрашивали подаяніе. Одежда ихъ была очень бѣдная. Когда они подошли ко дворцу, то царь не призналъ ихъ своими родителями. Пошли они назадъ. Мать начала плакать, а отецъ сказалъ, „не плачь; скажи лучше, чтобы его мыши съѣли“. Какъ двинули послѣ этого мыши на царя, какъ двинули! Солдаты рубятъ ихъ саблями; но даже отрубленныя части ихъ скакали, и въ концѣ концовъ мыши съѣли царя (*Zawiliński*, Z powies'ci, 21—23). Въ этой сказкѣ нѣтъ уже существенной части, обусловливавшей, какъ мы думаемъ, самое появленіе мышей, нѣтъ труповъ людей отравленныхъ, какъ въ сказкѣ о Попелѣ, или заморенныхъ голодомъ, какъ въ древнихъ нѣмецкихъ преданіяхъ о жестокихъ епископахъ.

Сказки о Гаттонѣ, Попелѣ и др. притѣснителяхъ и убійцахъ, съѣденныхъ мышами, основаны на древнемъ представленіи души въ видѣ мыши, представленіи и нынѣ еще встрѣчающемся у многихъ народовъ, большею частью какъ культурное переживаніе. (*Потебня*, О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр. 90—94, 151).

Въ Германіи существуетъ повѣрье, что ребенку надлежитъ спать съ закрытымъ ртомъ; иначе изъ него можетъ уйти душа въ видѣ бѣлой мыши (*Lippert*, Christenthum, 570).

Въ осетинской сказкѣ богатырь попадаетъ къ клыкастой дѣвицѣ и она хочетъ съѣсть его. Въ это время изъ угла комнаты выбѣжала душа его матери и предупредила его объ опасности. Клыкастая дѣвица со злости проглотила эту мышь; но она выскочила у ней изъ заду. (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 298). Весьма любопытной представляется слѣдующая латышская сказка „о блужданіи души": Однажды пасли два пастуха скотъ. Они уговорились, что когда одинъ будетъ пасти скотъ, то другой въ это время будетъ спать. Одинъ легъ и вскорѣ заснулъ. Другой шелъ мимо его и видитъ: изо рта спящаго выползла рыжеватая мышь не болѣе сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать, что это за мышь. Онъ оставилъ скотъ и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, лѣсамъ и полямъ, забѣжала въ большое болото, побывала въ старомъ дубѣ, разбитомъ молніей, и тѣмъ же путемъ возвратилась обратно и вползла въ ротъ спящаго. Когда онъ проснулся, то сказалъ, что видѣлъ во снѣ, что ходилъ по горамъ и долинамъ, полямъ и болотамъ и въ одной башнѣ видѣлъ много денегъ. Товарищъ его догадался что это за башня; отправились вдвоемъ къ дубу и нашли въ немъ кладъ (*Трейландъ*, во II вып. Сборн. матер., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ, 135). Въ вотяцкой сказкѣ, приведенной въ книгѣ проф. И. Н. Смирнова: „Вотяки", душа умершей женщины выходитъ изъ могилы мышкой, затѣмъ оборачивается въ собаку, потомъ въ корову, наконецъ въ женщину. Возвращаясь въ могилу, она продѣлываетъ тѣ же превращенія въ обратномъ порядкѣ (См. „Этногр. Обозр." VI, 232 *).

Въ Россіи представленіе души въ видѣ мыши выразилось въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ и даже проникло въ иконопись.

---

*) Въ Чехіи извѣстна слѣдующая сказка: Три ремесленника заблудились въ лѣсу и мучимые жаждой стали искать воды. Одинъ изъ нихъ, наскучивъ поисками, заснулъ. Другіе продолжали искать, нашли ручей и напились, затѣмъ, вернувшись къ спящему товарищу, легли возлѣ него. Вдругъ они увидѣли, что изъ его рта выскочила бѣлая мышь, побѣжала къ ручью, напилась воды и снова вскочила въ ротъ спящаго. Тогда товарищи разбудили его и сказали: ты такъ лѣнивъ, что твоя душа сама должна ходить за водой, и мы не хотимъ имѣть съ тобой никакого дѣла. (Grohmann, Sagenbuch von Böhmen, p 234). *Прим. В. М.*

Въ этомъ отношеніи любопытна южнорусская картина страшнаго суда на полотнѣ XVIII вѣка. Здѣсь между прочимъ изображена „лѣнивица до церкви“, причемъ, на коромыслѣ вѣсовъ на сторонѣ чашки съ злыми дѣяніями изображена мышь, олицетворяющая не кривду, какъ предполагаетъ г. Покровскій, а душу грѣшницы (*Покровскій*, въ III т. Труд. Одес. Арх. съѣзда, 327).

Въ связи съ представленіемъ души въ видѣ мыши стоятъ бѣлорусское и малорусское повѣрья, что если беременная женщина проситъ чего-либо съѣстного, вещь или денегъ, и получаетъ отказъ, то въ непродолжительномъ времени мыши изгрызутъ одежду того, кто отказалъ. Во избѣжаніе нападенія мышей, нужно бросить въ слѣдъ беременной женщины уголекъ или кусочекъ глины. При этомъ добавляютъ, что ребенокъ этой женщины будетъ ѣсть уголья и глину (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1853 IX, 130; *Zbiór* wiadom. do antrop. krajow. XI 202).

Бѣлыя мыши въ народной словесности имѣютъ анимистическое значеніе. Встрѣчаются онѣ въ повѣрьяхъ разныхъ народовъ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ это значеніе мыши обнаружилось въ упомянутомъ выше нѣмецкомъ повѣрьѣ, гдѣ душа обращается прямо въ бѣлую мышь. Очевидно, одной природы съ этой мышью рыжеватая мышь латышской сказки. Къ этому же разряду относятся монгольскія бѣлоротыя мыши, благодѣтельницы людей (*Потанинъ*, IV, 771). Якуты вѣрятъ, что благодѣтельный духъ огня (домовой) переходитъ изъ одной юрты въ другую въ видѣ большой мыши (*Приклонскій*, въ «Живой Старинѣ», 1890, II, 170). У якутовъ, кромѣ того, благотворное значеніе имѣютъ домовые въ видѣ бѣлогубаго жеребца (*Потан.* 771); у чеховъ и русскихъ благотворное значеніе приписывается бѣлой змѣѣ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр., II, 550, 570).

На представленіе о мыши, какъ бѣломъ животномъ, могло оказать вліяніе существованіе бѣлыхъ крысъ.

Въ Малороссіи, какъ я слышалъ, бѣлой считаютъ пѣвчую мышь, что не оправдывается зоологіей. Пѣвчая мышь встрѣчается очень рѣдко, и пѣніе мыши, какъ явленіе необыкновенное, принимается крестьянами за вѣрную примѣту скораго несчастія. Но пѣвчая мышь ничѣмъ не отличается отъ

обыкновенной, ни по цвѣту шерсти, ни по характеру. Пѣніе мыши, какъ извѣстно, считается случайнымъ явленіемъ и объясняется, какъ переживаніе, именно, повтореніемъ того, что нѣкогда было вполнѣ свойственно полевой мыши, и притупилось съ тѣхъ поръ, какъ полевая мышь окончательно поселилась въ домахъ и приспособилась къ подполью.

Въ гаданіяхъ и примѣтахъ мыши издревле играютъ большую роль. Свида, въ каталогѣ способовъ вѣдовства, упоминаетъ гаданіе по мышамъ и ласочкамъ. Θеофрастъ сознается въ своемъ суевѣріи: если мышь прогрызетъ ему мѣшокъ съ мукой, онъ бѣжитъ къ гадателю, который немедленно совѣтуетъ положить заплату на мѣшокъ (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культуры, 122). Здѣсь естественно приходитъ на мысль древняя русская примѣта, что „мышь порты грызетъ"—къ худу, и современное русское народное повѣрье, что мышь грызетъ одежду къ бѣдѣ.

Древніе Греки считали мышь пророческимъ животнымъ. Ей приписывали, между прочимъ, способность предсказывать погоду, какъ указываетъ Эліанъ (сообщилъ профес. А. Н. Деревицкій *). Малоазіатскіе греки въ настоящее время имѣютъ много мышиныхъ примѣтъ и гаданій. Такъ, они убѣждены, что если мужъ или жена нарушаютъ супружескую вѣрность, также если дѣти или прислуга производятъ воровство въ домѣ, то мыши начинаютъ тогда производить страшное опустошеніе въ домѣ, портить одежду и мебель (*Carnoy et Nicolaides*, 340).

Мыши встрѣчаются въ народныхъ примѣтахъ объ урожаѣ и хлѣбныхъ цѣнахъ. Такъ: „Якъ мыша исть волотъ, такъ буде хлибъ дорогъ; а якъ гузиръ, то нема дорога" (*Номисъ*, § 313). Волотомъ называютъ верхнюю часть снопа съ колосьями, а гузыремъ—нижнюю съ одной соломой. Эта примѣта записана въ Конотопскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ. Когда мышь вьетъ гнѣздо на верху копны, вскорѣ какъ она сло-

*) По словамъ Плинія (8, 56, 82), домашнія мыши могутъ давать знаменія относительно судьбы цѣлаго государства. Онѣ предсказали Марсійскую войну тѣмъ, что въ Ланувіумѣ изгрызли серебряные щиты; полководцу Карбону въ Клузіумѣ онѣ изгрызли ремни на обуви и тѣмъ предвозвѣстили ему благую смерть. *Прим. В. М.*

жена,—будетъ холодная зима (запис. мною въ Ахтырскомъ у.). Уже въ старину въ Великороссіи отмѣчено сходное повѣрье: если мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ—снѣгъ великъ будетъ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. въ XVI—XVII ст.). Если мыши сильно нападаютъ на хлѣбъ—будетъ голодъ (*Даль*, Послов. 1057).

Въ древнемъ Египтѣ опасались увидѣть мышь 12 числа Тиби; увидѣвъ мышь въ этотъ дурной день, спѣшили отвратить глаза въ другую сторону (*Maspero*, Les contes popul, de l'Egypte anc. LXV). У грековъ появленіе бѣлыхъ мышей считалось счастливымъ предзнаменованіемъ, по свидѣтельству Θеофраста. (*Lenz*, Zoologie der alten Griechen und Römer. 1856, p. 153).

Мыши наносятъ народу такой большой вредъ, пожирая хлѣбъ, портя платье и пр., что вопросъ объ уничтоженіи или изгнаніи ихъ всегда интересовалъ крестьянъ и былъ разрѣшаемъ въ традиціонномъ порядкѣ заговора, иногда съ присоединеніемъ внѣшнихъ средствъ, охраняющихъ жилище отъ этихъ вредныхъ животныхъ. По мнѣнію малороссовъ, заговоръ отъ мышей не сохраняетъ силу на продолжительное время. „Иншій то замовляе мышей: замовыть то на току въ него не побачите нигде жаднои. Але якъ потимъ и нападуть на стигъ, то будуть такъ исты, шо и раду трудно даты" (*Драгом.*, Малорос. нар. преданія, 4). Въ Купянскомъ у. Харьк. губ. для устраненія мышей изъ амбаровъ и закромовъ приносятъ домой воды, освященной, на Маковія (1 августа), и, войдя съ нею въ хлѣбный амбаръ, кропятъ закромы и приговариваютъ: „мыши и крысы, не ходите сюда: васъ маковійска вода вездѣ побива" (*П. И.*, въ Харьк. Сборникѣ 1888, 94). Сходные обряды изгнанія мышей и сходныя заклинанія ихъ встрѣчаются во Франціи; здѣсь также кропятъ святой водой въ мѣстахъ, гдѣ много мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, крестьяне предохраняютъ хлѣбные амбары отъ мышей, поливая въ нихъ воду, взятую спеціально для этой цѣли 23 іюня до восхода солнца изъ колодца или лужи. Эту воду сохраняютъ въ бутылкѣ на случай появленія мышей. Говорятъ, что эта вода не портится втеченіе года. Въ Бельгіи берутъ воду изъ колодца въ церкви св. Гертруды въ Нивеллѣ и кропятъ ею дома и жилища отъ мышей. Въ Германіи предохранительное значеніе отъ мышей

имѣетъ земля изъ подъ гробницы св. Ульрика въ Аусбургѣ. Во французскихъ заговорахъ отъ мышей упоминается или св. Гертруда или св. Никезъ (Nicaise). Въ день этого святого (14 декабря) надписываютъ его имя на дверяхъ дома, чтобы мышей не было. Во многихъ мѣстахъ для изгнанія мышей кладутъ по угламъ дома бумажки съ такимъ заговоромъ: „мыши и крысы, заклинаю васъ именемъ Бога, пресвятой Богородицы и св. Гертруды выйти изъ дома и уйти въ лѣса“. Въ Арденнахъ, гоняя мышей, стучатъ зубомъ отъ бороны, случайно найденнымъ, по мѣднымъ или желѣзнымъ вещамъ. Въ заговорахъ иногда опредѣляется, въ какомъ числѣ или порядкѣ должны уходить мыши,—непремѣнно въ нечетномъ, по 3, 5 или 7. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ Арденнахъ въ полночь стучатъ гвоздемъ отъ бороны въ кожу и обѣгаютъ три раза вокругъ дома, приговаривая: «заклинаю васъ, крысы, именемъ живого Бога удалиться» (туда-то). Въ департаментахъ Іонны, Оба и Марны въ первое воскресенье великаго поста бѣгаютъ по полю съ зажженными факелами, произнося слѣдующій забавный заговоръ:

Sortez, sortez d'ici, mulots!
Ou je vais vous brûler les crocs!
Quittez, quittez ces blés!
Allez, vous trouverez
Dans la cave du curé
Plus à boire qu'à manger *).

Въ другомъ заговорѣ добавляется, что въ погребѣ священника много масла и молока (*Rolland*, Faune popul. I. 23, 27), Въ зап. Болгаріи (Радомирск. окр., с. Пештера) 29-е октября, день св. Нестора, носитъ названіе „праздника на поганцы“ (т.е. мышей). Празднуется онъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли вреда (*Качановскій*, Памят. болг. нар. творч. I, 14) **).

*) Пошли прочь отсюда, мыши, или я вамъ сожгу зубы (усы)! Оставьте эти хлѣба! Ступайте въ погребъ священника, тамъ вы найдете больше выпить, чѣмъ поѣсть.

**) По свидѣтельству Каравелова, у болгаръ справляется 27 октября какъ „мишинъ денъ“. Кто въ этотъ день работаетъ, у того мыши поѣдятъ все имущество; поэтому мышинъ день соблюдаютъ строго, особенно старухи. Но вотъ

Къ народнымъ повѣрьямъ о чудесномъ изгнаніи мышей, примыкаетъ самарская сказка о лѣшемъ и любопытная легенда о св. Николаѣ, записанная недавно въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. По самарской сказкѣ, лѣшіе играютъ въ карты на крысъ и зайцевъ, вмѣсто денегъ. Однажды лѣшій гналъ цѣлое стадо проигранныхъ крысъ; ночью подгоняетъ онъ къ кабаку и требуетъ себѣ водки. Шинкарь не далъ; тогда лѣшій приподнялъ весь кабакъ за уголъ, вытребовалъ себѣ четверть водки, выпилъ ее залпомъ, отдалъ деньги, поставилъ кабакъ на мѣсто и погналъ крысъ дальше. (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Сам. кр., 227). Русская же легенда о св. Николаѣ слѣдующаго содержанія: Поздно вечеромъ въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, вошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородою, одѣтый прасоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина. Когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то сказалъ, что денегъ теперь не заплатитъ, а наградитъ его. Сидѣлецъ, набожный и добрый человѣкъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣтилъ, что гонитъ мелкій скотъ, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли всѣ мыши съ постоялаго двора. Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу. Взглянувъ на ликъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ-же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина (*Минхъ*, Народ. обыч. крест. Сарат. губ. 49). Эта великорусская сказка о св. Николаѣ и мышахъ стоитъ, повидимому, въ литературной связи съ польской сказкой о чаровникѣ, записанной недавно (въ 70-хъ годахъ) у „горалей бескидовыхъ" (т. е. карпатскихъ горцевъ). Въ одно село пришелъ странникъ—большой

въ чемъ бѣда: если будешь праздновать мышиные праздники, то *невѣстулка* (ласочка?) на тебя разсердится и изорветъ все, что бы ей ни попалось; а если не будешь праздновать, то невѣстулка уйдетъ куда-нибудь, и мыши сдѣлаются свирѣпы (Памятники народ. быта болгаръ, стр. 263). *Прим. В. М.*

пьяница. На краю села стояла мельница, и путникъ попросилъ у мельника хлѣба. „Заработай,“ сказалъ ему мельникъ, и не далъ ему хлѣба. Вскорѣ въ мельницѣ появилась масса мышей и крысъ. Онѣ ѣли муку, портили мѣшки, и народъ перестадъ носить на мельницу зерно. Черезъ два года на мельницу пришелъ тотъ же странникъ и освободилъ ее отъ крысъ. Онъ перекрестился, помолился, и всѣ крысы сбѣжались въ одно мѣсто; потомъ онъ взялъ палку, прогналъ ихъ къ рѣчкѣ и велѣлъ утопиться (*Kosiński* въ Zbiór wiadom. VII, 45). Если вмѣсто св. Николая поставить чаровника, то русская сказка окажется простымъ варіантомъ польской сказки По всей вѣроятности, св. Николай случайно вошелъ въ саратовскую легенду, какъ это подтверждается и самарской сказкой. Въ житіи святителя нѣтъ поводовъ для такой роли его въ народной словесности. Св. Николай великорусской сказки, соотвѣтствуетъ s. Nicaise'у французскихъ народныхъ повѣрій. Во Франціи, Бельгіи, Германіи св. Николай является обыкновенно въ роли покровителя дѣтей (Revue des trad. popul. 1888, 651; 1889, 640). Въ Чехіи въ старину св. Николай также считался патрономъ дѣтей (*Wisła*, 1890 III, 715). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи и Польши (въ Кѣлецк. губ.) св. Николая считаютъ покровителемъ домашняго скота (*Siarkowski*, въ Zbiór wiadom. III, 28).

Суевѣрные способы изгнанія мышей весьма различны. Въ старину (*Ровинскій*, Рус. нар. карт. IV, 258) и нынѣ извѣстенъ такой пріемъ: мышь опаливали и пускали, полагая что запахъ отъ паленой ея шерсти разгонитъ всѣхъ мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи для изгнанія мышей кладутъ въ проѣденныя ими дыры куски отъ дерева, разбитаго молніей (*Kopernicki*, въ Zbiór wiadom. XI, 202). Во Франціи въ хлѣбныхъ амбарахъ кладутъ отъ мышей зубья отъ бороны и прыскаютъ освященной водой (*Rolland*, Faune popul., 25). У поляковъ кладутъ папоротникъ, вѣтки бузины или вѣтки ольховаго дерева (*Gustawicz*, въ Zbiór wiad. V, 149). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи крестьяне отъ мышей и крысъ окуриваютъ свои дворы козлиною бородою (*Аѳанас.*, Поэт. возр. III, 506). Въ Италіи думаютъ, что мышей не слѣдуетъ убивать, такъ какъ онѣ приносятъ въ домъ счастье; а если ихъ слишкомъ много, то изго-

няютъ ихъ, сожигая старую обувь и окуривая домъ (*Marrené*, въ Wisła 1889. IV, 828 *).

Мышь имѣетъ лѣчебное значеніе. Въ малорусскихъ лѣчебникахъ XVIII в. упоминается мышачье изверженіе, какъ врачебное средство (*Потебня*, въ Кіев. Стар. 1890. I. 94). Въ Нормандіи вѣрятъ, что для излѣченія коклюша полезно накормить больного ребенка мышью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи существуетъ повѣрье, что для излѣченія дѣтей, которыя мочатся по ночамъ въ постели, полезно мышиное мясо (*Rolland*, I, 31, 22). Въ Россіи, какъ извѣстно, подкуриваютъ мышиной шерстью отъ лихорадки.

Миѳическое значеніе мыши съ достаточной ясностью обнаруживается въ немногихъ сказкахъ. Мнѣніе Аѳанасьева о грозовомъ значеніи мыши (III, 505) не имѣетъ подъ собой фактической опоры и представляется однимъ изъ многочисленныхъ увлеченій этого замѣчательнаго труженика науки. Нѣсколько болѣе научнымъ оказывается мнѣніе Де-Губернатиса (390—396) о ночномъ значеніи мыши. Самъ Губернатисъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія „Батрахоміомахію", эзоповскую басню о львѣ и мыши и нѣсколько русскихъ сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, гдѣ мышь является „въ пригодѣ",—мотивы издревле повѣствовательные.

Древняя восточная сказка о мыши-дѣвицѣ, заключаетъ въ себѣ довольно ясное указаніе на мышь, какъ символъ ночи. Эта сказка почти въ тождественномъ видѣ повторяется въ Панчатантрѣ, Гитопадешѣ и Калилѣ и Димнѣ. Де-Губернатисъ приводитъ эту сказку въ сокращеніи изъ Панчатантры и Гитопадеши (*De-Gubern.*, 390). Бенфей, считая эту сказку въ основѣ индійской, указываетъ на ея варіантъ въ Магабгаратѣ и на отраженіе ея въ древнихъ греческихъ басняхъ (*Benfey*, Pantsch. I § 158). Не касаясь литературной исторіи этой замѣчательной повѣсти (намѣчена у Бенфея), мы изложимъ здѣсь

*) По словамъ Плинія (18, 17, 45), мышь можно прогнать съ поля золой отъ сожженныхъ кошекъ или ласочекъ или водкой, въ которой сварены эти животныя; но такъ какъ послѣдствіемъ этой мѣры является то, что хлѣбъ, испеченный изъ зерна съ такого поля, получаетъ отвратительный запахъ кошекъ или ласочекъ, то гораздо практичнѣе поливать поле водой, настоянной на бычьей желчи. *Прим. В. М.*

лишь содержаніе ея. Былъ одинъ отшельникъ, молитва котораго всегда была уважена. Когда онъ однажды сидѣлъ на берегу моря, пролетѣла мимо него чайка (въ Калилѣ и Димнѣ, а въ Панчатантрѣ—соколъ) съ мышенкомъ въ лапахъ. Мышенокъ упалъ къ ногамъ отшельника, который изъ состраданія завернулъ его въ листочекъ и отнесъ въ свое жилище. Но затѣмъ, опасаясь, что выкармливаніе его будетъ доставлять хлопоты его семьѣ, просилъ Бога превратить мышенка въ дѣвочку, что и было исполнено. Отшельникъ передалъ дѣвочку своей женѣ, а когда она выросла, предложилъ ей выбрать мужа. Дѣвушка захотѣла имѣть мужемъ самаго сильнаго изъ всѣхъ существъ. Отшельникъ обращается къ солнцу; но солнце указываетъ на облако, какъ болѣе сильное существо, потому что оно затмеваетъ лучи его свѣта; облако отправляетъ отшельника къ вѣтру; вѣтеръ – къ горѣ, которая задерживаетъ его теченіе; гора—къ мыши, которая продырявливаетъ гору и устраиваетъ въ ней свои норы. Тогда отшельникъ сталъ молить Бога обратить дѣвушку снова въ мышь, и дѣвушка была возвращена къ своему первоначальному состоянію (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи и Рябинина, 145).

Происхожденіе басни о горѣ, родившей мышь (Mons parturiens), загадочно. Басня эта встрѣчается у Эзопа и Федра, у Горація въ видѣ пословицы. Губернатисъ усматриваетъ въ ней миѳологическое значеніе (мышь—ночь, стр. 391). Повидимому, мы имѣемъ здѣсь литературный мотивъ, получившій широкое распространеніе, благодаря воздѣйствію классической литературы *).

---

*) Мотивъ mons parturiens едва ли заключаетъ въ себѣ что нибудь миѳологическое. Онъ находится, повидимому, въ связи съ народнымъ представленіемъ (существовавшимъ, напримѣръ, у древнихъ Египтянъ) о томъ, что мыши *родятся* изъ земли. По словамъ Діодора Сицилійскаго (1,10), Египтяне вѣрили, что въ мѣстности Ѳивъ въ извѣстное время мыши родятся изъ комковъ земли. При этомъ можно видѣть мышей еще не вполнѣ развившихся — съ головой, грудью и лапками, но оканчивающихся комомъ земли. Согласно съ подобнымъ суевѣріемъ, мыши, живущія въ норахъ въ горѣ, могли представляться заряждающимися въ ней, какъ въ утробѣ, а чрезъ сопоставленія величины производительницы (горы) съ миніатюрностью рождаемыхъ (мышей) могла возникнуть народная пословица. *Прим. В. М.*

Миѳическая мышь-ночь изрѣдка встрѣчается въ современныхъ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, въ приведенной выше монгольской сказкѣ на литературный мотивъ о спорѣ мышей съ другими животными. Здѣсь мышь первая видитъ восходящее солнце (*Потанинъ*, IV, 143).

Миѳическая мышь ясно выступаетъ въ польской сказкѣ „O myszej skórce". У царя была очень красивая жена, и когда она умерла, то по красотѣ съ ней могла сравняться только дочь ея, и царь рѣшилъ жениться на своей дочери. Она старается отклонить его отъ кровосмѣшенія. По совѣту Божіей Матери, явившейся въ видѣ старухи, царская дочь сначала требуетъ солнечнаго платья, потомъ, когда оно было доставлено,—мѣсячнаго платья; но и такое платье царь досталъ. Тогда царевна потребовала себѣ платья изъ мышиныхъ шкурокъ, которое покрывало бы все тѣло, за исключеніемъ глазъ и рта. Мышей били по всей странѣ, и платье изъ ихъ шкурокъ было сдѣлано. Тогда царевна бѣжала въ другое королевство. Здѣсь она спрятала въ дубъ солнечное и мѣсячное платья и въ мышиной одеждѣ поступила служанкой въ королевскую кухню, гдѣ ее прозвали «Mysza skórka». Поваръ посылаетъ ее къ королю съ полотенцемъ; король прогоняетъ ее. Когда она пошла къ обѣднѣ, надѣла мѣсячное платье, и всѣ были удивлены; но она вышла изъ церкви до конца службы и переодѣлась. Поваръ посылаетъ ее къ королю съ сапожной щеткой, и король бьетъ ее и прогоняетъ. На слѣдующее воскресенье она приходитъ къ обѣднѣ уже въ солнечномъ платьѣ и возбуждаетъ еще большее удивленіе. Въ концѣ концовъ ея высокое званіе открывается, и она выходитъ замужъ за короля (*Ciszewski*, въ Zbiór wiadom. XI, 81—83). Сказки о бѣгствѣ царевны или чаще царевича отъ отца и еще чаще отъ злой мачехи весьма многочисленны и встрѣчаются повсюду (подобраны у Cosquin'a); въ данномъ случаѣ представляется любопытнымъ частный мотивъ о мышиномъ платьѣ при довольно частомъ мотивѣ о солнечномъ и мѣсячномъ платьяхъ. Мышиное платье, скрывающее красивую царевну,—ночной мракъ. Изложенная польская сказка о дѣвицѣ-мышиной шкуркѣ имѣетъ весьма близкій варіантъ въ сербской сказкѣ о томъ, какъ царь хотѣлъ жениться на дочери (*Караджичъ*,

Српске нар. приповиjетке, изд. 1870, стр. 222—226). Здѣсь упоминаются платья изъ шелка, серебра, золота, и «мышjе коже». Еще одна сходная польская сказка разсказываетъ о пяти платьяхъ: небесномъ, солнечномъ, мѣсячномъ, звѣздномъ и «jak kocie oczy», почему и героиня сказки названа «królewna-kocie oczy» (*Kolberg*, Lud, Krakowskie, VIII, 223).

Миѳическое значеніе мыши, какъ символа ночи, довольно отчетливо обнаруживается въ культѣ Аполлона Сминтейскаго. Свѣтоносный Аполлонъ попираетъ ногами мышь.

Культъ Аполлона Сминтейскаго развился въ Малой Азіи, какъ полагаютъ, въ Троадѣ. Названіе Σμινθεύς древніе производили отъ слова σμινθος, означавшаго мышь въ нарѣчіяхъ Фригіи, Троады и Крита. Мышь служила постояннымъ символомъ Аполлона Сминтейскаго и сопровождала всѣ его изображенія. На монетахъ троадской Александріи и о. Тенедоса фигура этого животнаго была выбита передъ фигурою сидящаго или идущаго бога. Въ Хризѣ, у мыса Лектона, въ его святилищѣ содержались на общественный счетъ прирученныя мыши, имѣвшія норы подъ самымъ алтаремъ, а по свидѣтельству Гераклида и въ окрестностяхъ храма всѣ мыши считались священными. Статуя работы Скепаса въ Лектонскомъ Сминтеонѣ представляла бога наступившимъ одною ногою на мышь. По поводу этой статуи Страбонъ сообщаетъ приведенную выше сказку о нападеніи мышей на Тевкровъ и о порчѣ ихъ оружія. Другое сказаніе, сообщенное у схоліаста къ Гомеру, передаетъ дѣло иначе: мыши опустошали въ Хризѣ поля Аполонова жреца Кринія. Богъ истребилъ ихъ своими стрѣлами и тѣмъ положилъ конецъ бѣдствію. Тогда благодарный жрецъ выстроилъ въ честь Аполлона—Истребителя мышей храмъ. Культъ Аполлона Сминтейскаго былъ въ древности довольно распространенъ. Онъ извѣстенъ уже Гомеру. Въ Иліадѣ Хриза, Килла и Тенедосъ указаны какъ главные его центры. «Услышь меня, сребролукій Сминтей», молитъ Аполлона изгнанный изъ греческаго лагеря Агамемнономъ жрецъ Хризъ. Въ посвященномъ этому богу храмѣ Тимбрѣ совершались человѣческія жертвоприношенія (*Воеводскій*, Каниб. въ греч. миѳахъ, 281). Первые Эолійскіе поселенцы въ Малой Азіи быстро усвоили себѣ поклоненіе этому

богу. Киликійцы, жившіе въ области Адрамиттія и подчинявшіеся Ээтью, также его чествовали. Въ Карійской области у Пропонтиды находилось мѣстечко съ названіемъ τὰ Σμίνθια. Страбонъ указываетъ нѣсколько другихъ мѣстныхъ названій по Аполлону Сминтейскому на о. Родосѣ и Кеосѣ. На Родосѣ одинъ мѣсяцъ въ году назывался Sminthios. Культъ Сминтейскаго Аполлона отличался большой устойчивостью и долго сохранялся. Хриза и Гамакситъ давно уже погибли, а храмы Аполлона Сминтейскаго продолжали еще существовать. О нихъ упоминаютъ еще Плиній и Амміанъ Марцеллинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ турецкой деревушки Баба открыты были остатки одного изъ этихъ святилищъ. Среди развалинъ троадской Александріи французскому путешественнику Тексье удалось найти надпись, свидѣтельствующую о томъ, что Аполлона Сминтейскаго чтили еще при Тиберіи (сообщ. проф. А. Н. Деревицкимъ).

Извѣстный англійскій фольклористъ А. Лангъ, указывая на то, что мышь была тотемомъ у семитическихъ племенъ, жившихъ у Средиземнаго моря, объясняетъ тотемизмомъ культъ Аполлона Сминтейскаго (*Lang*, Custom and Myth, 115) [1]).

Культъ Аполлона Сминтейскаго представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что паралелли къ нему были, повидимому, въ Египтѣ и въ Китаѣ. Египетскій царь или точнѣе богъ Сеѳосъ изображался съ мышью на рукѣ, какъ Аполлонъ Сминтейскій съ мышью подъ ногами. Китайскій царь, строющій храмъ мышамъ, соотвѣтствуетъ Аполлонову жрецу Кринію. Обусловлено-ли это сходство литературными преданіями, переносившими религіозно-бытовое явленіе одной страны на страны другія независимо отъ культа, или оно обусловливалось общими черта-

---

[1]) Объ Аполлонѣ Сминтейскомъ см. въ Энциклопедіи *Эрша и Грубера* подъ словомъ Smintheus; у *Гёка* въ „Kreta", II, 264 и сл.; *De—Witte* въ Revue Numismat. 1858 № 5, T. 3.; *Grohmann.* Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythol. der Indogermanen 1862. Маленькія замѣтки въ Лексиконѣ Рошера, въ „Griech. Götterlehre" Валькера и въ „Myth, ritual and religion" Ланга II 201. Спеціальная статья Ланга объ Аполлонѣ Сминтейскомъ вошла въ его сочиненіе „Costum and Myth", 1785, стр. 103—102. Я пользовался послѣдней статьей. Извлеченіями изъ Эрша и Грубера я обязанъ любезности професс. А. Н. Деревицкаго. *Авт.*

ми культа, или, наконецъ, взаимодѣйствующими ихъ вліяніями,—это загадка, смыслъ которой скрывается въ мракѣ вѣковъ.

Безыменный рецензентъ-библіографъ „Русской Мысли", ведущій въ этомъ журналѣ отдѣлы антропологіи и этнографіи, упрекаетъ меня въ томъ, что я не придерживаюсь одной научной теоріи. И въ настоящей статьѣ, разбирая повѣрья и сказки о мышахъ, я не могу остановиться на одномъ объясненіи и слѣдую въ одно и то же время—horribile dictu!—всѣмъ тремъ научнымъ теоріямъ: старой—миѳологической, новой—литературной и новѣйшей—теоріи самозарожденія. Не думаю, чтобы одна теорія исключала другую. Нужно быть крайнимъ педантомъ, чтобы при современномъ развитіи этнографіи носиться съ одной научной теоріей, какъ съ писаной торбой, и въ одностороннюю теоретическую рамку втискивать все разнообразіе народной жизни.

Миѳическое значеніе мыши, какъ символа ночи, обнаруживается въ древнѣйшихъ восточныхъ культахъ и, какъ культурное переживаніе, въ народной словесности современныхъ народовъ. Миѳическая мышь захватила отчасти и повѣствовательную литературу. Въ сказкахъ, преданіяхъ и повѣріяхъ европейскихъ народовъ отъ нея осталось немного слѣдовъ.

Повѣсти о мыши исключительно литературнаго характера весьма многочисленны и разнообразны. Онѣ возникли въ незапамятной древности. Отмѣченныя въ литературныхъ памятникахъ Индіи, Египта и Греціи повѣсти о мыши путемъ устной и литературной передачи перешли въ сказки, преданія западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ, такъ что самостоятельному вымыслу европейскихъ народовъ можно удѣлить немного сказочныхъ мотивовъ.

На теорію самозарожденія приходится значительное число народныхъ повѣрій о мышахъ, суевѣрныя примѣты и гаданія, различные способы изгнанія ихъ и затѣмъ игра въ кошку и мышку. Здѣсь дѣйствовали простыя наблюденія надъ природой животнаго и простѣйшіе пріемы перенесенія характерныхъ его свойствъ въ сферу человѣческихъ отношеній. Здѣсь есть и старина, и новина; въ этой области народная мысль дѣйствуетъ самостоятельно, и народное поэтическое творче-

ство продолжается въ видѣ примѣтъ, поговорокъ, игръ и пѣсенъ. Таковы, напримѣръ, бѣлорусскія свадебныя пѣсни въ „Матеріалахъ“ г. Шейна (II, 182, 351), великорусская (изъ Твери) колыбельная пѣсня-нисенитныця въ „Сборн. рус. нар. пѣс.“ Шейна (I, 14.), польская сказка (изъ Пинчова), о причинѣ возникновенія вражды между собакой, кошкой и мышами (Zbiór wiadom., т. IX, стр. 71), и др.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Дополненія къ статьѣ: „Воронъ въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. IV).

Во французскихъ народныхъ *предсказаніяхъ погоды* воронъ играетъ видную роль: 1) Если воронъ летаетъ низко—будетъ холодъ, высоко—тепло. 2) Если вороны смотрятъ на рѣку—будетъ дождь. 3) На дождливую погоду вороны купаются въ воздухѣ, на сухую и ясную летаютъ ровно и высоко. По англійскимъ народнымъ повѣрьямъ, крикъ воронъ, быстрый подъемъ вверхъ и быстрое спусканіе внизъ, причемъ вороны какъ-бы падаютъ,—все это предвѣщаетъ бурю и дождь (*Rolland*, Faune populaire de la France, II, 110). Во французскихъ пѣсняхъ идея невозможности выражается черезъ *бѣлаго* ворона (какъ у сербовъ), напр.:

Blanc corbeau trouverez avant,
Et un âne cornu devant,
Et une mer toujours unie,
Que tu trauveras une bonne amie (ib. 111)

Чернота воронъ отмѣчена въ пословицахъ англійскихъ, литовскихъ, баскской, португальской и испанской (ib. 111—113). Поговорки: *Воронъ ворону глазъ не выклюетъ* повторяется во Франціи (les corbeaux ne crèvent pas les yeux aux corbeaux), въ Германіи, въ Лапландіи (ib. 116). Крикъ ворона считается *признакомъ несчастія* или неудачи во Франціи, Швейцаріи, Тиролѣ. У Арабовъ Сахары воронъ предсказываетъ несчастье или счастье, смотря по обстоятельствамъ (ib. 117). Въ Лангедокѣ въ вороновъ *обращаются* дурные священники, а въ воронъ дурныя монахини (ib. 117). *Игра* въ ворона встрѣчается во Франціи (ib. 117—118), а *дѣтскія прискажи* о зломъ воронѣ во Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи (ib. 113—115). Во французской легендѣ о святомъ Колумбанѣ сатана посылаетъ вороновъ внести безпокойство въ монастырь (ib. 118—120). Воронъ, ворона, грачъ часто встрѣчаются въ басняхъ Эзопа (*Fabellae Aesopicae*, изд. 1727 г., 8, 9, 10, 17, 52, 64, 75, 119, 142). Въ одной баснѣ воронъ противополагается воронѣ, какъ вѣщая птица. Въ числѣ эзоповыхъ басенъ наиболѣе извѣстна по многочисленнымъ переводамъ и подражаніямъ басня о воронѣ и лисицѣ. Въ басняхъ Федра также воронъ и ворона занимаютъ видное мѣсто (*Phaedri fabul*. lib. I, 3, 15; II, 6). Въ готтентотской сказкѣ воронъ поворожилъ, и дождь пошелъ (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, изъ Блика, 18). Въ сказкѣ зулусовъ у царя не было ни одного дитяти въ человѣческомъ образѣ; во всѣхъ его домахъ его дѣти были вороны (ib. 62).

Въ „Калила и Димна“ воронъ заключаетъ дружбу съ крысой (*Кал. и Димна*, въ пер. Аттаи, 116—121). Война совъ съ воронами. Вороній родъ имѣетъ царя, у котораго 5 совѣтниковъ (ib. 130 и сл.) Воронъ подражаетъ походкѣ куропатки (ib. 196). Въ польскихъ сказкахъ вороны умираютъ, наѣвшись отравленнаго хлѣба или издохшихъ отъ отравы лошадей (*Wisła* 1890, 156—158). Въ малорусской сказкѣ черный воронъ похищаетъ у богатыря мышь. Богатырь потомъ убиваетъ его (*Манжура*, 18, 20). Воронъ предсказываетъ пожаръ (ib. 72).

Критическія замѣтки о статьѣ „Воронъ въ народн. слов.“ я нашелъ въ „Пантеонѣ“, окт. 1890 (А. Н. Веселовскаго) въ „Вислѣ“ 1890, на стр. 482 (Л. Ю. Шепелевича) и на стр. 738 (И. А. Карловича)

Н. С.

О СЕМЕЙНЫХЪ ДѢЛЕЖАХЪ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ БѢЛОРУССОВЪ.

Изложенными ниже юридическими обычаями руководятся при своихъ семейныхъ раздѣлахъ крестьяне Сокольницкой вол., Невельскаго у., Витебской губ. Мѣстность эта, мало изслѣдованная въ данномъ отношеніи, представляетъ значительный интересъ для собирающихъ свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ, такъ какъ крестьяне могли сохранить ихъ здѣсь во всей чистотѣ и неприкосновенности отъ постороннихъ вліяній. Населеніе по племенному составу—бѣлорусское, съ небольшимъ числомъ евреевъ, великоруссовъ, раскольниковъ и выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній: эстовъ и латышей, появившихся здѣсь не очень давно. Всѣ эти пришельцы не могли повліять на правовыя воззрѣнія коренныхъ жителей, какъ по своему незначительному количеству, такъ и потому, что частью разнородность интересовъ, а частью образъ жизни и предразсудки устраняютъ возможность взаимодѣйствія между ними и бѣлоруссами. Крестьяне (большею частью бывшіе помѣщичьи, хотя есть и государственные) сплошь занимаются земледѣліемъ. Мѣстныхъ промысловъ, также какъ фабрикъ и заводовъ, совершенно не существуетъ. Лѣтъ 10 тому назадъ отхожимъ промысломъ крестьяне занимались чрезвычайно мало, но теперь среди мужского населенія распространился обычай ходить на заработки въ Петербургъ, такъ что приблизительно шестая часть мужчинъ успѣла уже побывать тамъ. Крестьяне нанимаются тамъ въ дворники, кучера, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ виду того, что они остаются въ Петербургѣ не долго, въ среднемъ года два, городская

жизнь оказываетъ на нихъ незначительное вліяніе, такъ что въ большинствѣ случаевъ бываетъ чрезвычайно трудно отличить крестьянина, побывавшаго въ Петербургѣ, отъ того, который не покидалъ родного селенія. Крестьяне имѣютъ также мало сношеній съ мѣстными городами. Ближайшіе изъ нихъ, Невель Витебской губ. и Великія Луки Псковской г., находятся каждый на разстояніи 35 верстъ отъ Сокольницкой волости. До Витебска, ближайшей желѣзно-дорожной станціи, считается 140 верстъ.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній перехожу къ самому изложенію юридическихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами при семейныхъ раздѣлахъ.

Въ изслѣдуемой мѣстности послѣ смерти крестьянина, имущество его переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ. Постороннія лица, проживавшія въ семьѣ умершаго и работавшія безъ вознагражденія наравнѣ съ остальными членами семьи, хотя и призываются къ участію въ наслѣдованіи, но полными правами наслѣдства не пользуются. Нужно оговориться, однако, что положеніе это имѣетъ силу въ томъ только случаѣ, когда въ семьѣ живутъ близкіе родственники, не получившіе еще отдѣла. Отъ этихъ родственниковъ умершаго (дѣтей, внуковъ, родныхъ племянниковъ и др.) зависитъ, выдѣлить-ли часть изъ имущества пріемышу, и если выдѣлить, то какой величины. Ему обыкновенно выдаютъ извѣстную долю изъ движимаго имущества, размѣръ которой опредѣляется временемъ пребыванія пріемыша въ семьѣ, его возрастомъ, качествомъ его труда и отношеніями къ семьѣ. Обыкновенно доля эта въ томъ случаѣ, ежели пріемышъ работалъ въ семьѣ не менѣе другихъ прямыхъ наслѣдниковъ, бываетъ равна съ ихъ долями. На землю пріемышъ не имѣетъ никакого права. Если наслѣдники не пожелаютъ удовлетворить его частью изъ наслѣдства, то платятъ ему вознагражденіе, называемое „погоднымъ“ или „полѣтнимъ“, размѣръ котораго опредѣляется числомъ рабочихъ лѣтъ, проведенныхъ пріемышемъ въ семьѣ, стоимостью оставшагося наслѣдства, и колеблется отъ 30 до 40 и 50 рублей въ годъ. Если пріемышъ недоволенъ частью имущества, выдѣленною ему наслѣдниками, то можетъ жаловаться въ волостной судъ, который

въ большинствѣ случаевъ не требуетъ новаго передѣла оставшагося наслѣдства, но предписываетъ наслѣдникамъ выплатить ему „полѣтнее", опредѣляя его стоимостью работъ, произведенныхъ пріемышемъ въ семьѣ. Такимъ образомъ, народныя воззрѣнія, не давая пріемышу права на полученіе части изъ движимаго наслѣдственнаго имущества, которая можетъ достаться ему только по соглашенію съ наслѣдниками, „коли яны Бога пабаятца", какъ говорятъ крестьяне,— предоставляютъ ему полнѣйшее право получить вознагражденіе за свой трудъ въ видѣ „полѣтняго" или „погоднаго".

Совсѣмъ другое дѣло, если наслѣдниками являются родственники болѣе отдаленные или же ближайшіе родственники (даже сыновья), но живущіе въ отдѣлѣ. Въ такомъ случаѣ родственники получаютъ землю и постройки, выстроенныя умершимъ, а пріемышъ—движимое. Впрочемъ, наслѣдники, не выдавая ему имущества, могутъ удовлетворить его „полѣтнимъ", размѣръ котораго долженъ будетъ соотвѣтствовать величинѣ движимаго имущества. Если послѣ умершаго остались только зять, жившій въ отдѣлѣ, да пріемышъ, пробывшій въ семьѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, то зять, уплативши пріемышу „погодное", можетъ получить всю землю или часть земли въ томъ только случаѣ, если своей у него мало; на движимое же имущество онъ не имѣетъ никакого права. Если зять жилъ въ семьѣ тестя, то онъ считается наравнѣ съ пріемышемъ, „все равно какъ дѣтенокъ", и дѣлитъ съ нимъ все поровну.

Бóльшими правами, нежели пріемыши, пользуются усыновленные. Они имѣютъ право требовать отдѣла, въ чемъ, однако, какъ и родные сыновья, могутъ получить отказъ со стороны усыновителя. Покидая семью усыновителя вслѣдствіе какихъ-либо обидъ съ его стороны, они всегда могутъ получить съ него черезъ волостной судъ „погодное". Если усыновленный, не терпѣвшій никакихъ обидъ со стороны усыновителя, оставитъ его, отработавши за доставленное въ дѣтствѣ пристанище, то послѣдній говоритъ ему: „иди, коли хошь, безо всего; а что я кормилъ, поилъ тебя, пусть пропадаетъ!" Но если усыновленный уйдетъ тотчасъ по достиженіи того возраста, въ который онъ становится способнымъ справляться со всѣми крестьянскими работами, то

волостной судъ заставляетъ его годикъ-другой поработать на усыновителя.

Переходя затѣмъ къ вопросу о наслѣдованіи лицъ, принадлежащихъ къ составу семьи умершаго крестьянина, мы остановимся прежде всего на правахъ его жены, при чемъ разсмотримъ два случая: во-первыхъ, когда покойный не оставилъ послѣ себя вовсе дѣтей мужескаго пола, и во-вторыхъ, когда остались дѣти мужескаго пола.

Если бездѣтная вдова жила въ отдѣлѣ отъ семьи своего свекра и прожила съ мужемъ недолго, то ей даютъ часть движимаго имущества и построекъ, чтобы обезпечить ея существованіе. Часть эта колеблется сообразно съ числомъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ замужествѣ, и если вдова прожила съ покойнымъ мужемъ болѣе 20 лѣтъ, то она получаетъ все движимое имущество, постройки, даже землю, которая отходитъ ей, однако, не иначе, какъ по приговору общества. Права на все полученное ею наслѣдство вдова сохраняетъ только до смерти, послѣ чего большая часть оставшагося имущества переходитъ родственникамъ мужа, а остальное распредѣляется по завѣщанію умершей, или же переходитъ къ ея родственникамъ. Если бездѣтная вдова выходитъ замужъ въ чужую семью, то все полученное ею послѣ мужа имущество, кромѣ скота, передаетъ свекру. Если-же она беретъ къ себѣ въ домъ беземельнаго крестьянина, „примáку“ по мѣстному названію, то можетъ оставить имущество за собою. Вторая жена, оставшись бездѣтною, должна замѣнить дѣтямъ первой жены мать и вступить въ права хозяйки; въ противномъ случаѣ она не можетъ пользоваться имуществомъ своего покойнаго мужа. Нужно замѣтить, что всѣ эти обычаи примѣняются только въ томъ случаѣ, когда умершій не оставилъ завѣщанія.

Слѣдующія два рѣшенія Сокольницкаго волостного суда пояснятъ намъ вышесказанное. Первое изъ нихъ я передаю вкратцѣ а второе привожу въ подлинникѣ.

I. Крестьянка Анна Кузьмина передъ смертью сдѣлала у священника завѣщаніе, по которому оставила своей родственницѣ одежду и хату безъ оконъ, половъ и потолка, а все остальное имущество, оцѣненное старшиною въ 79 р. 35 к.,—своему племяннику Алексѣю Иванову. Противъ этого наслѣдника

предъявилъ искъ племянникъ мужа умершей Анны Кузьминой. На судѣ онъ заявилъ, что тетка его, не получивши отъ мужа завѣщанія, могла распорядиться только четвертою частью движимаго и своимъ собственнымъ имуществомъ; завѣщанное же ею имущество нажито его дядею. Отвѣтчикъ возразилъ, что онъ издержалъ на похороны 38 руб. 50 коп. Истецъ на это замѣтилъ, что продукты поставленные въ счетъ Алексѣемъ Ивановымъ, принадлежали его покойному дядѣ. Судъ, разобравши это дѣло, постановилъ: платье покойной Анны Кузьминой и хату безъ половъ и оконъ передать родственницѣ завѣщательницы; отвѣтчику изъ движимаго имущества за понесенныя по погребенію расходы выдать 25 руб., какъ принадлежащую покойной четвертую часть имущества ея мужа; все остальное—въ пользу истца.

П. „Крестьянка Ермолинскаго общества деревни Гринькова, Олимпіада Бата, нова, поискиваетъ съ сверка оставшуюся послѣ смерти мужа ея Максима Ефремова принадлежащую новую избу, матеріалъ которой она еще при жизни мужа пріобрѣла для постройки на свои деньги; нынѣ-же свекоръ ея Ефремъ Михайловъ добровольно не отдаетъ ей, а присвоиваетъ въ свою пользу. Проситъ присудить возвратить оную въ ея собственную пользу, такъ какъ она мужа похоронила на свой счетъ. Прочее имущество мужъ ея еще при жизни своей продалъ. Отвѣтчикъ Ефремъ Михайловъ пояснилъ что онъ не возвращаетъ ей избы потому, что послѣ смерти мужа не оставалось у нея дѣтей, а она вышла въ замужество за другого. Свидѣтели, крестьяне дер. Гринькова Петръ Ивановъ, Иванъ Сидоровъ и Филиппъ Никитинъ, показали, что по отдѣлѣ покойнаго мужа ея отъ отца, ему достался на долю срубъ безъ отдѣлки, но отдѣлала на свой счетъ Олимпіада Потапова; кромѣ всего, ей досталась одна корова и лошадь, стоющія 57 руб. Сокольницкій волостной судъ, выслушавъ жалобу просительницы, объясненіе отвѣтчика и показанія спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, сообразуясь съ обстоятельствами настоящаго дѣла, предложилъ сторонамъ покончить дѣло миромъ, но стороны не согласились. Имѣя въ виду что Ефремъ Михайловъ пояснилъ, что онъ не отбиралъ отъ нея избы послѣ, мужа ея, а его сына, потому что она въ это время была беременна и разрѣшилась неживымъ младенцемъ, а когда не осталось наслѣдниковъ отъ сына его, а ея мужа, то онъ и поискиваетъ, по праву закона, въ обратное свое пользованіе, корову же и лошадь оставляетъ въ собственную ея пользу,—а потому руководствуясь 96-й ст. „Общ. Полож. о крестьянахъ“, постановилъ: избу, оставшуюся послѣ смерти солдата Максима Ефремова, которую просительница Олимпіада Потапова на свой счетъ отдѣлывала, то предоставить ей полное право получить оную въ свою собственность, имѣя въ виду, что въ замѣнъ оной Ефремъ Михайловъ получилъ амбаръ, оставшійся отъ покойнаго“.

Бездѣтная вдова, жившая съ покойнымъ мужемъ не въ отдѣлѣ, если не захочетъ остаться въ семьѣ, то получаетъ отъ свекра или отъ братьевъ покойнаго мужа столько, сколько они захотятъ ей дать „по чести“, сообразуясь съ числомъ лѣтъ, прожитыхъ ею въ семьѣ. Вообще бездѣтная вдова, жившая въ семьѣ своего мужа, получаетъ гораздо меньше

жившей въ отдѣлѣ. Если она пробыла въ семьѣ не больше года, то свекоръ, въ случаѣ ухода ея на сторону, не дастъ ей ничего; онъ только тогда надѣлитъ ее кое-чѣмъ изъ имущества, ежели она идетъ изъ его семьи замужъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, свекоръ не оставляетъ своей невѣстки безъ поддержки. Хотя съ одной стороны онъ и говоритъ ей: „я полѣтняго тебѣ платить не буду: бралъ я тебя для того, чтобы вы подъ старость меня кормили“; но съ другой стороны онъ наталкивается и на слѣдующее соображеніе: „она вѣдь шла жить съ нимъ вѣкъ,—не ея вина, что мужъ умеръ; она вышла замужъ и своюю голову обвязала (т. е. связала свою судьбу съ судьбой мужа): какъ же ее теперь выгнать!“

Если у вдовы остается одна только дочь, то мать, въ качествѣ ея опекунши и воспитательницы, сохраняетъ всѣ права на имущество, какъ движимое такъ и недвижимое. Землю, однако, вдова должна передать кому-либо изъ родственниковъ мужа, которые и пользуются ею до выхода дочери умершаго замужъ. Послѣ выхода ея замужъ землю они должны возвратить въ томъ только случаѣ, если она беретъ себѣ безземельнаго «примàку» Если-же она выйдетъ замужъ въ чужую семью, то, сохраняя всѣ права на движимое имущество, не можетъ пользоваться землей своего отца, хотя по смерти мужа имѣетъ полное право возвратить ее отъ своихъ родственниковъ.

Если у вдовы остается нѣсколько дочерей, и ей приходится дѣлиться со свекровью, то число дочерей, оставленныхъ покойнымъ, не принимается въ разсчетъ, и имущество дѣлится поровну между снохою и свекровью на томъ основаніи, что каждая изъ нихъ должна получить часть своего мужа.

Совершенно другое положеніе занимаетъ вдова, имѣющая дѣтей мужескаго пола. Она вступаетъ во всѣ тѣ права, которыми обладалъ въ своей семьѣ ея покойный мужъ. «Мать упротивъ отца», говорятъ крестьяне, и взрослыя дѣти должны ей подчиняться такъ же, какъ и малолѣтнія. Въ отношенія матери къ дѣтямъ можетъ вмѣшаться только общество, какъ это видно изъ одного рѣшенія Сокольницкаго волостного суда, который, руководясь мнѣніемъ общества, дозволилъ раздѣлъ между двумя братьями, несмотря на нежеланіе ихъ матери. Вдова не вступаетъ въ семейныя права своего мужа

въ томъ случаѣ, если въ семьѣ остается братъ ея мужа, который, какъ старшій въ семьѣ, становится полнымъ хозяиномъ. Она не беретъ въ свои руки управленія домомъ также и тогда, когда вся семья состоитъ изъ одного лишь взрослаго сына: ея власть и опытность нужны для водворенія порядка въ большой семьѣ, для веденія же хозяйства признается вполнѣ способнымъ совершеннолѣтній мужчина. Во всей силѣ и полнотѣ проявляется власть матери при раздѣлахъ ея съ сыновьями. Никакихъ правилъ, какими, напримѣръ, руководятся при раздѣлахъ братья или дяди съ племянниками, въ данномъ случаѣ не существуетъ. Мать можетъ взять себѣ, что ей угодно, даетъ каждому изъ сыновей такую часть, какую захочетъ, можетъ даже лишить сына доли въ общемъ имуществѣ.

Въ большинствѣ, конечно, случаевъ мать дѣлитъ своихъ сыновей поровну, но сама она беретъ себѣ не равную съ сыновьями часть, а обыкновенно еще до раздѣла отбираетъ для себя изъ имущества часть, размѣръ которой зависитъ отъ благосостоянія семьи. Если семья имѣетъ много земли, если, напримѣръ, каждый сынъ имѣетъ особый надѣлъ, то вдова беретъ себѣ надѣлъ своего мужа и кое-что изъ скота—корову, напримѣръ, овцу, и тотчасъ передаетъ ихъ одному изъ сыновей, у котораго она намѣрена поселиться. Если земли мало, то мать отцовскій надѣлъ дѣлитъ между сыновьями, которые сообща должны позаботиться о содержаніи ея до самой смерти или у одного изъ сыновей, или же, если она пожелаетъ, должны выстроить ей отдѣльную избу и доставлять всѣ необходимые припасы. Власть матери такъ сильна, что, по увѣренію крестьянъ, она можетъ даже измѣнить разъ совершившійся раздѣлъ; но на практикѣ воля матери въ данномъ случаѣ контролируется мнѣніемъ общества, подъ защиту котораго прибѣгаетъ обиженный сынъ. Такъ, напримѣръ, одна крестьянка Сокольницкой волости потребовала, чтобы волостной судъ заставилъ двухъ ея сыновей кормить ее и чтобы принудилъ одного сына передать другому нѣкоторыя постройки, полученныя первымъ по раздѣлу. Судъ, удовлетворивши первое требованіе, во второмъ отказалъ. Что касается до той обстановки, при которой происходитъ раздѣлъ матери съ дѣтьми, то обыкновенно онъ совершается безъ участія поня-

тыхъ, и раздѣломъ руководитъ мать. Но если раздѣлъ является результатомъ семейной неурядицы, если дѣльба происходитъ безъ согласія всѣхъ членовъ семьи, не „по доброй совѣсти“, какъ говорятъ крестьяне, тогда требуется присутствіе понятыхъ.

По смерти матери все ея имущество, кромѣ земли, идетъ тому изъ сыновей, у котораго она жила передъ смертью и который принялъ на себя расходы по ея погребенію. Земля же, предоставленная матерью въ пользованіе одному изъ сыновей, никогда не остается ему, но идетъ въ раздѣлъ всѣмъ братьямъ.

По обычаямъ изслѣдуемой мѣстности, нѣкоторыми правами, хотя и очень незначительными, пользуется любовница умершаго крестьянина, съ которою онъ жилъ долгое время въ связи и оставилъ дѣтей. Собственно здѣсь она является только охранительницею тѣхъ правъ, которыми обладаютъ незаконнорожденныя дѣти покойнаго; сама же она можетъ получить часть наслѣдства только по завѣщанію покойнаго. Законная жена имѣетъ полное право совершенно устранить отъ наслѣдованія любовницу и ея дѣтей. Если же законной жены нѣтъ, или она не заявитъ своихъ претензій, то незаконныя дѣти получаютъ движимое имущество, но на землю, которая должна перейти родственникамъ умершаго, они не имѣютъ никакихъ правъ.

До сихъ поръ мы разсматривали тотъ случай, когда во главѣ большой семьи остается мать. Посмотримъ теперь, къ кому переходитъ отцовская власть, если въ семьѣ умираютъ какъ отецъ, такъ и мать. Въ такомъ случаѣ семьею управляетъ или старшій дядя, живущій въ семьѣ, или же, если его нѣтъ, старшій братъ. Власть ихъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ хотя и равна отцовской власти, хотя крестьяне и говорятъ, что «бóльшій братъ на мѣсто отца», но тѣмъ не менѣе, чтобы сохранить всю свою силу и полноту, она нуждается въ подкрѣпленіи авторитетомъ общественнаго мнѣнія. Это особенно ясно обнаруживается въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ взрослыхъ членовъ семьи требуетъ отдѣла вопреки желанію «бóльшаго брата». Отецъ въ такомъ случаѣ просто запретилъ бы раздѣлъ, но братъ-хозяинъ этого не можетъ сдѣлать; онъ говоритъ недовольному семьянину: „окажи (т. е. докажи) на меня обиду, тогда дѣлись“, и дѣло переходитъ въ волостной судъ. Исполнитъ волостной судъ желаніе

старшаго брата, онъ опять становится полнымъ хозяиномъ въ своей семьѣ; не исполнитъ, онъ обязанъ подчиниться. Среди крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что разъ въ такой семьѣ начались раздоры, ей надо раздѣлиться, потому что власть дяди или брата не настолько авторитетна и сильна, чтобы могла ради общихъ интересовъ семьи обуздать своекорыстныя стремленія отдѣльныхъ ея членовъ.

Приступая къ раздѣлу, семья совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ своихъ родственниковъ, хотя и принадлежащихъ къ этой семьѣ, но уже отдѣлившихся раньше. Это происходитъ вслѣдствіе того, что при раздѣлахъ всякій выходящій изъ семьи получаетъ сполна ту часть имущества, на которую онъ имѣетъ право въ моментъ отдѣла, и слѣдовательно совершенно прерываетъ свою имущественную связь съ семьей. При раздѣлахъ не получаютъ никакой доли также и женщины, живущія въ семьѣ. Совсѣмъ ничего не получаютъ замужнія. Дѣвушкамъ же обыкновенно даютъ кое-что изъ хлѣба или изъ одежды, да и то въ томъ только случаѣ, если мужчины захотятъ это сдѣлать „по чести", какъ говорятъ крестьяне, но никакъ не по праву, котораго женщины не имѣютъ. Что касается до правъ вдовы на долю изъ имущества, то о нихъ уже говорилось выше. Устраняя женщину отъ участія въ раздѣлѣ, обычай даетъ ей полное право остаться въ семьѣ какого-либо отдѣлившагося родственника. Такую неравноправность женщинъ крестьяне объясняютъ тѣмъ, что главная доля заботъ и труда при обработкѣ земли падаетъ на мужчину; женщина считается какъ-бы неспособной вести сельское хозяйство. Поэтому земля отдается всегда въ руки мужчинъ; а разъ имъ отдана земля, они должны получить и всѣ средства для ея обработки, т. е. сельско-хозяйственный инвентарь, изъ котораго-то, главнымъ образомъ, и состоитъ все имущество крестьянина.

Не нужно думать, что женщины въ крестьянскомъ быту лишены наслѣдственныхъ правъ: онѣ только уступаютъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ своимъ родственникамъ мужчинамъ. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ того случая, когда по смерти родителей представительницей семьи является одна лишь дочь. Она получаетъ все отцовское иму-

щество, включая сюда и землю, хотя послѣдняя не остается въ ея распоряженіи, но переходитъ во временное пользованіе кому-либо изъ родственниковъ. Послѣ ея замужества земля передается ея мужу, если она взяла себѣ „примаку"; но если она ушла въ чужую семью, то земля остается у родственниковъ, хотя она сохраняетъ на нее право и, оставшись по смерти мужа бездѣтною, снова можетъ ее получить.

Рѣшивши произвести раздѣлъ, крестьяне приступаютъ къ нему безъ предварительной оцѣнки подлежащаго раздѣлу имущества. Послѣдней подвергается только часть того изъ участвующихъ въ дѣлежѣ, который тотчасъ послѣ раздѣла уходитъ изъ родного селенія, оставляя свою часть на храненіе кому-либо изъ родственниковъ. Записи о раздѣлахъ вносятся въ книгу волостного правленія только въ томъ случаѣ, если семья не можетъ подѣлиться безъ участія понятыхъ. Обыкновенно каждый самъ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы его интересы не нарушались. Разъ они терпятъ какой-либо ущербъ, онъ призываетъ понятыхъ, и тогда во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній результаты совершившагося дѣлежа записываются въ книгу волостного правленія. Имущество при раздѣлѣ разбивается на нѣсколько однородныхъ группъ, каждую изъ которыхъ дѣлятъ на извѣстное количество равныхъ долей. Доли эти распредѣляются между членами семьи „по любкамъ", по уговору или по жребію. Обычай дѣлиться „по любкамъ" употребляется преимущественно тогда, когда дѣлятъ все имущество пополамъ, и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ дѣлежа дѣлитъ извѣстную группу имущества на двѣ доли, а другой выбираетъ изъ нихъ „любки", т. е. ту часть, которая ему болѣе нравится. При раздѣлѣ слѣдующей группы роли ихъ мѣняются и т. д. Если имущество дѣлится на нѣсколько частей, то доли распредѣляются по уговору. Выбирая себѣ части изъ имущества, крестьяне руководятся нѣкоторыми установившимися обычаями. Существуетъ, напр., обычай, что старшіе братья должны уходить на „новую печину", т. е. должны оставить отцовскій домъ, а младшіе остаются на „старой". Само собой разумѣется, что такой способъ раздѣла общаго имущества возможенъ только при полномъ согласіи между членами семьи. Если этого согласія

нѣтъ, то обыкновенно приглашаются понятые, которые и предлагаютъ бросить жребій. Къ этому средству крестьяне рѣшаются прибѣгать только въ случаѣ совершенной невозможности уладить дѣло инымъ путемъ: жребій, по ихъ мнѣнію, никогда не можетъ правильно распредѣлить имущество. Являясь орудіемъ слѣпой случайности, онъ можетъ дать одному больше, а другому меньше. Если при раздѣлѣ одинъ изъ членовъ семьи отсутствуетъ, то доля его описывается и при понятыхъ вручается обыкновенно старшему въ семьѣ; если же послѣдній откажется взять ее, то она переходитъ кому-либо изъ другихъ родственниковъ.

Изъ общаго имущества при раздѣлахъ исключается все то, что принадлежитъ женщинамъ извѣстной семьи. Каждая женщина, замужняя или дѣвушка, имѣетъ свой особый сундукъ; въ немъ она хранитъ какъ свое приданое, такъ и все другое имущество, которое у ней не оспариваютъ остальные члены семьи. Въ этомъ сундукѣ все ея достояніе: „тутъ мои хоромы и терёмы", говоритъ она. Не получая ничего по раздѣлу, она, конечно, не обязана давать въ раздѣлъ то имущество, которое молчаливымъ согласіемъ семьи признано ея собственностью. Обыкновенно въ семьѣ какъ мужчины, такъ и женщины строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы какая-нибудь баба не забрала въ свой сундукъ чего-либо лишняго, такъ что сундуки эти являются собственно довольно точнымъ раздѣломъ между женщинами всего бабьяго добра, исключая отсюда, конечно, приданое, всегда принадлежащее только той женщинѣ, которая принесла его. Совсѣмъ не то бываетъ съ имуществомъ мужчинъ: оно цѣликомъ, не исключая даже носильнаго платья, поступаетъ въ раздѣлъ. Крестьяне избѣгаютъ оставлять въ нераздѣльномъ пользованіи что-либо изъ общаго имущества. Если начинается раздѣлъ, то это показываетъ, что согласіе и порядокъ въ семьѣ нарушены, и слѣдовательно всякое совмѣстное пользованіе можетъ вызвать только новые раздоры. Чаще всего крестьяне исключаютъ изъ раздѣла „токъ", т. е. гумно съ находящимися на немъ постройками. Пользоваться имъ сообща довольно удобно, такъ что бываютъ даже случаи, когда нѣсколько семействъ общими силами устраиваютъ токъ и затѣмъ совмѣстно вла-

дѣютъ имъ. Другія постройки или же скотъ остаются въ общемъ пользованіи въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Это можетъ произойти только тогда, когда совладѣльцы, по выраженію одного крестьянина, „гораздо добросовѣстные люди". Хлѣбъ какъ на корню, такъ и въ амбарахъ дѣлится на столько-же частей, на сколько и остальное имущество, но никакъ не по числу надѣловъ. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что въ обработкѣ земли всѣ принимали точно такое-же участіе, какъ и въ пріобрѣтеніи остального имущества. Въ раздѣлъ идетъ „привитокъ", т. е. имущество, нажитое по смерти отца, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и наслѣдство, оставленное отцомъ. Все имущество, которымъ въ моментъ раздѣла владѣетъ семья, считается общимъ достояніемъ и цѣликомъ подлежитъ дѣлежу. Впрочемъ, случается, что лишніе работники въ семьѣ одного изъ участниковъ въ дѣлежѣ (напримѣръ, его сыновья), имѣющіе право вмѣстѣ съ отцомъ всего на одну лишь долю изъ общаго имущества, получаютъ съ согласія всей семьи кое-что изъ хлѣба и изъ одежды: „знизокъ (т. е. перемѣну) платья, четверикъ хлѣба". Долги, сдѣланные для всей семьи кѣмъ-либо изъ ея членовъ, подлежатъ уплатѣ изъ общаго имущества. Сдѣланныя же кѣмъ-либо изъ членовъ семьи особыя издержки на общее имущество не могутъ повліять на величину его доли. Если кто и пріобрѣлъ для семьи больше другихъ, то сдѣлалъ онъ это только благодаря тому, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи отцовское имущество, принадлежащее всей семьѣ. Другой же пріобрѣлъ меньше не вслѣдствіе своего нерадѣнія, но потому только, что онъ, по объясненію одного крестьянина, былъ „младъ или не такъ смышленъ". Всѣ трудились, по мѣрѣ своихъ силъ, на общую пользу, и слѣдовательно всѣ должны получить равныя доли. Подъ этими „всѣми" нужно разумѣть, однако, не всѣхъ членовъ семьи, но только все первое поколѣніе наслѣдователя, безъ всякаго различія по возрасту.

Если-бы кто-либо изъ этого перваго поколѣнія умеръ, оставивши послѣ себя сыновей, то не каждый изъ нихъ порознь, но всѣ они вмѣстѣ имѣютъ право на полученіе только одной отцовской доли, хотя-бы они были уже взрослыми работниками и потрудились для семьи болѣе другихъ малолѣтнихъ

наслѣдниковъ, получающихъ тѣмъ не менѣе полныя доли. Словомъ, имущество распредѣляется между наслѣдниками тѣмъ способомъ, который крестьяне называютъ дѣльбой „по отцамъ", и при которомъ ни общее число душъ въ семьѣ каждаго наслѣдника, ни число рабочихъ душъ въ разсчетъ не принимаются. Изъ земельныхъ угодій такому раздѣлу подлежитъ только надѣлъ, полученный семьей по наслѣдству. Остальные надѣлы переходятъ къ тѣмъ членамъ семьи, за которыми они записаны при надѣленіи крестьянъ землею; они распредѣляются, какъ говорятъ крестьяне, „по ревизскимъ душамъ". „Такъ положилъ Богъ да царь", объясняютъ крестьяне этотъ обычай, устанавливающій случайность въ распредѣленіи земли и идущій въ разрѣзъ съ другими обычаями, напримѣръ, съ обычаемъ, по которому малолѣтніе наслѣдники получаютъ такія-же доли, какъ и взрослые, такъ какъ каждый наслѣдникъ долженъ получить равную часть изъ отцовскаго имущества—„батьковщину", и такъ какъ малолѣтній не виноватъ, что онъ родился позже взрослаго. Впрочемъ, крестьяне видимо тяготятся распредѣленіемъ земли „по ревизскимъ душамъ" и держатся этого обычая только изъ нежеланія измѣнить своимъ твердо установившимся привычкамъ.

Если въ семьѣ остается мальчикъ-сирота, и если его мать выходитъ вторично замужъ, то онъ сохраняетъ всѣ права на отцовскую долю, независимо отъ того, идетъ ли онъ за матерью въ чужую семью, или же остается въ своей. Если мать такого сироты оставляетъ семью своего покойнаго мужа, не вступая во второй бракъ, то глава семьи имѣетъ полное право удержать долю сироты у себя, чтобы вдова не могла ее растратить; но ежели вдова вступаетъ во второй бракъ, то отчимъ можетъ потребовать себѣ, кромѣ земли и построекъ, все имущество пасынка, которое сдается ему по описи и затѣмъ переходитъ пасынку, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ такихъ точно размѣрахъ, въ какихъ получилъ его отчимъ.

Братъ-солдатъ сохраняетъ всѣ права на свою долю независимо отъ того, посылалъ ли онъ со службы домой деньги, получалъ ли онъ самъ что-либо отъ семьи, оставилъ ли онъ дома жену или нѣтъ. Доля его, равная съ долями остальныхъ братьевъ, опредѣляется тѣми размѣрами имущества, которыхъ

оно достигло ко дню раздѣла, но никакъ не тѣмъ имуществомъ, которое оставилъ братъ-солдатъ, уходя изъ дому. Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ такія соображенія: вѣдь братъ-солдатъ служитъ за всѣхъ братьевъ; будь онъ одинъ у родителей, ему не пришлось бы отбывать воинской повинности. „Ты работалъ дома, а я былъ на службѣ. Было тебѣ итти, а я бы поработалъ", такъ скажетъ солдатъ своему брату, если тотъ не пожелаетъ выдать ему равной доли.

Размѣръ доли увеличивается нѣсколько на свадебныя издержки для холостыхъ братьевъ, если есть въ семьѣ женатые. Дѣлается это обыкновенно такимъ образомъ: до дѣлежа еще изъ общаго имущества выдѣляютъ холостому брату приблизительно столько, сколько издержано на свадьбу старшаго брата, а затѣмъ остальное имущество обычнымъ порядкомъ идетъ въ раздѣлъ. Выдача холостымъ братьямъ части общаго имущества на свадебныя издержки, кромѣ требованій справедливости, объясняется еще экономическимъ соображеніемъ. Каждому крестьянину, который хочетъ завести свое хозяйство, необходимо жениться, „а вѣдь еслибы онъ", говорятъ крестьяне, „подѣлившись, издержался на свадьбу, то у него ничего не осталось бы".

Братъ, бывшій на заработкѣ и ничего не посылавшій домой, тѣмъ не менѣе получаетъ изъ имущества часть, равную съ остальными. Только отецъ можетъ уменьшить его долю. Братья и волостной судъ пользуются этимъ правомъ, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, только по отношенію къ движимому имуществу; на землю же права его безспорны. „Если братья", говорятъ крестьяне, „увидятъ, что у него есть капиталъ, тогда высчитаютъ, а если онъ придетъ такъ, что у него и рубахи нѣтъ, то дадутъ полную часть". Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ слова брата, который оставилъ родную семью и затѣмъ возвратился безо всякаго заработка. Вотъ какъ скажетъ онъ своему брату-хозяину, ежели тотъ не захочетъ дать ему полной части: „ты пользовался землей и потому платилъ повинности: вѣдь земля себя оплатитъ, а имущество это—отцовское, мое наслѣдство". Лица дурного поведенія также получаютъ полныя доли. „Онъ, вѣдь, братъ",— такъ объяснилъ одинъ крестьянинъ этотъ обычай.

Правила, которыми руководятся при раздѣлахъ дяди съ племянниками и двоюродные братья, вытекаютъ изъ основного обычая дѣлиться „по отцамъ". Если дядя дѣлится съ нѣсколькими племянниками, сыновьями одного его брата, то онъ говоритъ имъ: „я съ братомъ дѣлюсь, а не съ вами", и выдаетъ имъ одну долю на всѣхъ. Точно также при раздѣлѣ двоюродныхъ братьевъ имущество разбивается на столько частей, сколько было у нихъ отцовъ. Малолѣтніе племянники и двоюродные братья имѣютъ такія-же права на полученіе доли изъ общаго имущества, какъ и взрослые.

Намъ остается еще разсмотрѣть, получаютъ ли что-либо при раздѣлахъ незаконнорожденные, зятья и пасынки. Что касается первыхъ, то они могутъ получить что-либо по праву, по рѣшенію волостного суда, только въ томъ случаѣ, если долго жили въ семьѣ и хорошо работали; получаютъ они это вознагражденіе на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ получаютъ его и пріемыши, пробывшіе въ семьѣ долгое время. Малолѣтніе незаконнорожденные остаются въ семьѣ какого-либо родственника, напримѣръ, дяди. „Который-либо дядя", говорилъ одинъ крестьянинъ, „да взмилуется взять его къ себѣ; онъ тó считаетъ: вѣдь кровь наша, по сестрѣ родной". Нѣсколько иными представляются отношенія самихъ крестьянъ къ незаконнорожденнымъ. Эти отношенія не имѣютъ опредѣленнаго характера и колеблются подъ вліяніемъ слѣдующихъ двухъ соображеній: съ одной стороны крестьянинъ изъ состраданія говоритъ: „вѣдь онъ не виноватъ"; но съ другой стороны, помня, что отцовская доля должна достаться только его сыновьямъ, онъ сурово отталкиваетъ незаконнорожденнаго: „иди туды, гдѣ твой батька", говоритъ онъ ему. Перваго взгляда придерживаются старики крестьяне. Они еще при жизни стараются обезпечить незаконнорожденныхъ внучатъ, племянниковъ и т. д., ставятъ имъ избы, даютъ скотъ, а если можно, то надѣляютъ и деньгами. Молодое поколѣніе обыкновенно противодѣйствуетъ переходу въ руки незаконнорожденныхъ части изъ общаго имущества, уменьшающей долю каждаго изъ законныхъ наслѣдниковъ. По смерти стариковъ наслѣдники нерѣдко предъявляютъ иски къ незаконнорожденнымъ, получившимъ заблаговременно что-либо изъ общаго

имущества, и волостные суды рѣшаютъ эти дѣла въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда незаконнорожденные недолго жили въ семьѣ.

Зятья-пріемыши, или по мѣстному названію—«примаки», пользуются такими-же правами на общее имущество, какъ и пріемыши не родственники. Если они живутъ въ семьѣ недолго—3, 4 года, то имъ выдаютъ „полѣтнее"; но если они проживутъ больше, тогда имъ выдаютъ одинаковую съ наслѣдниками часть изъ общаго имущества, кромѣ земли, конечно. Въ общемъ, однако, права зятя довольно неопредѣленны и зависятъ отъ произвола наслѣдниковъ и усмотрѣнія волостного суда. Поэтому тесть всегда старается обезпечить зятя заблаговременно и по завѣщанію оставляетъ ему что-либо изъ своего имущества. Въ настоящее время крестьяне идутъ въ „примаки" не иначе, какъ по особому договору, заключенному въ волостномъ правленіи. Въ этихъ договорахъ точно опредѣляются: 1) отношенія зятя къ тестю и его семейству и 2) имущественныя права, получаемыя зятемъ какъ при жизни тестя, такъ и по его смерти. По одному, напримѣръ, договору, зять, женившійся на падчерицѣ, обязуется быть вмѣсто сына родного, во всемъ повиноваться тестю и похоронить его; за это тесть передаетъ зятю все движимое и недвижимое имущество, въ томъ числѣ и землю. Тесть съ тещею живутъ у зятя, но если жить вмѣстѣ имъ не понравится, то зять обязанъ дать имъ хлѣба въ опредѣленномъ количествѣ, избу и корову. Кромѣ того, зять обязанъ выплатить двумъ дочерямъ тестя или наслѣдникамъ ихъ, по смерти тестя и его жены, по 30 рублей. За нарушеніе этого условія виновная сторона или наслѣдники ея подвергаются штрафу въ 300 рублей. По смерти зятя и жены его имущество обратно переходитъ тестю. Иногда въ этихъ договорахъ опредѣляется количество времени, которое зять долженъ прожить въ семьѣ тестя, чтобы получить права на его имущество.

Въ видѣ иллюстраціи этихъ отношеній прилагается копія одного договора, заключеннаго между тестемъ и зятемъ-пріемышемъ.

Мы нижеподписавшіеся, крестьяне Витебской губ., Невельскаго у., Сокольницкой вол., дер. Антоново Михайла Николаевъ и дер. Сонькино Андрей Ананьевъ, заключили сіе добровольное условіе въ слѣдующемъ:

1) Я, Михаилъ Николаевъ, принялъ въ свой домъ вступившаго въ бракъ съ дочерью моею Настасьей Михайловой крестьянина Андрея Ананьева съ тѣмъ, что онъ, Ананьевъ, и Михайлова во все время совмѣстнаго жительства обязаны во всемъ повиноваться моимъ распоряженіямъ по хозяйству, уважать, безъ моего вѣдома и дозволенія ничего не начинать, а на случай смерти моей, Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, похоронить по обряду христіанскому за что имъ, Ананьеву и Михайловой, а равно и ихъ наслѣдникамъ передаю разъ навсегда, половину всей доставшейся мнѣ въ дер. Антоново по люстраціонному акту земли какъ полевой, такъ огородной, усадебной и сада, а равно половину всего движимаго и недвижимаго имущества, какъ-то: строеній, скота, хлѣба и всей домашней рухляди и земледѣльческихъ орудій. Хотя-бы раздѣлъ между нами совершился послѣ совершенія сего документа въ скоромъ времени, но во всякомъ случаѣ изъ общаго нераздѣльнаго имущества мы, Ананьевъ и Николаевъ, обязаны уплатить его, Николаева, двумъ замужнимъ дочерямъ: Ефросиньи и Александрѣ Михайловымъ по 100 руб., а всего 200 руб., а послѣ-же смерти моей, Николаева, и жены моей, Агафьи Сергѣевой, оставшаяся какъ земля, такъ и все движимое имущество, должно перейти во владѣніе ихъ и наслѣдниковъ Ананьева и Михайловой пользованіе.

2) Уплата, причитающихся платежей и повинностей за землю—на обязанности того изъ насъ, Николаева и Ананьева, кто будетъ пользоваться и какою частью.

3) Я, Михаилъ Николаевъ, никому кромѣ Ананьева и его жены, упомянутыхъ въ первомъ пунктѣ сего условія, земли и движимаго имущества передать права не имѣю, такъ какъ таковыя уже переданы по сему условію.

4) Если бы во время совмѣстной жизни моей, Михаила Николаева, и его, Андрея Ананьева, пришлось продать изъ имущества скота или хлѣба, или что другое, то это должно быть съ общаго совѣта, а равно и производить расходы денегъ также съ согласія.

5) На случай бы умеръ Андрей Ананьевъ или его жена Настасья Михайлова, и послѣ ихъ смерти не останется дѣтей, то во всякомъ случаѣ означенное въ первомъ пунктѣ сего условія имущество и земли, должны принадлежать оставшемуся въ живыхъ, т. е. Андрею Ананьеву или Настасьи Михайловой.

6) Если-бы произошелъ семейный раздѣлъ при моей, Михаила Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, жизни, и я былъ бы не въ силахъ обрабатывать земли, то онъ, Андрей Ананьевъ, и Настасья Михайлова обязаны во всякое требованіе помогать.

7) Если бы я, Михаилъ Николаевъ, или наслѣдники мои пожелали нарушить это условіе, то не иначе, какъ по уплатѣ неустойки ему, Андрею Ананьеву, или его наслѣдникамъ 1500 руб.; а если я, Андрей Ананьевъ, или мои наслѣдники не выполнятъ хотя части сего условія, то безъ всякаго спора и суда лишаюсь права на пользованіе поименованными въ 1-мъ пунктѣ имуществомъ и землею. (Далѣе слѣдуютъ подписи и засвидѣтельствованіе).

Что касается пасынка, то онъ, сохраняя всѣ права на часть отцовскаго имущества, изъ имущества отчима получаетъ

очень незначительную долю, которую даютъ ему наслѣдники „по совѣсти". Волостной судъ обыкновенно не присуждаетъ имъ „погоднаго". „Довольно съ тебя того, что отчимъ тебя взростилъ да кормилъ", говорятъ пасынку судьи. Волостной судъ только тогда заставляетъ отчима выдать пасынку небольшую часть изъ имущества, когда тотъ оказалъ цѣнныя услуги семьѣ. Въ Сокольницкомъ волостномъ судѣ, напримѣръ, разбиралось такого рода дѣло: отчимъ выгналъ пасынка и захватилъ имущество его жены. Тогда пасынокъ потребовалъ, чтобы отчимъ уплатилъ ему 300 рублей и возвратилъ имущество жены, въ чемъ однако отчимъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ издержался на свадьбу пасынка и хочетъ, чтобы тотъ для полученія части изъ его имущества прослужилъ у него вмѣстѣ съ женою по крайней мѣрѣ еще годъ. Судъ постановилъ: въ искѣ 300 рублей отказать, имущество жены истца возвратить, выдѣлить истцу изъ имущества отвѣтчика одну лошадь, двухъ коровъ (изъ 10) и 2 свиней (изъ 12). Въ общемъ пасынокъ получилъ приблизительно шестую часть имущества отчима.

Вотъ въ главнѣйшихъ чертахъ тѣ обычаи, которые выработали мѣстные крестьяне для своихъ семейныхъ раздѣловъ. Изслѣдуя ихъ, я руководствовался главнымъ образомъ юридической программой, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ. Изъ всей главы о семейныхъ раздѣлахъ въ названной программѣ я долженъ былъ оставить безъ отвѣта только нѣсколько вопросовъ, которые касаются условій крестьянскаго быта, не существующихъ въ изслѣдуемой мѣстности. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о различіи въ обычаяхъ промысловаго и земледѣльческаго населенія и нѣкоторые другіе.

Н. Тесленко.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ

Кизлярскаго отдѣла Терской области.

Приступая къ изложенію моего описанія станицы Червленой, я считаю необходимымъ замѣтить, что эта станица имѣетъ въ своей жизни, въ своихъ обычаяхъ особенный характеръ. Ее нельзя принять за типъ казачьихъ станицъ современнаго положенія казачества, хотя нельзя отрицать существованія и общихъ чертъ. Ея географическое положеніе (пожалуй самое худшее въ сельско-хозяйственномъ отношеніи), ея сравнительная древность, историческое прошлое, составъ народонаселенія, обряды, обычаи – все это выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ сосѣднихъ станицъ. Всѣ станицы, напр., Терскаго войска народонаселеніе имѣютъ большей частью смѣшанное; между тѣмъ въ Червленой главная масса народонаселенія состоитъ исключительно изъ казаковъ старообрядцевъ, потомковъ древнихъ піонеровъ русскаго владычества на Кавказѣ.

Всѣ свѣдѣнія, предлагаемыя здѣсь, по возможности тщательно провѣрены мною, и я записывалъ только то, что рельефно выдавалось или было общей чертой.

Считаю не лишнимъ указать на слѣдующія изслѣдованія той же станицы: 1) *Ржевусскій:* «Терцы». Сборникъ историческихъ бытовыхъ и географическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ. Въ этомъ трудѣ, хотя и имѣющемъ общій характеръ, въ бытовомъ отдѣлѣ есть статьи, относящіяся и къ быту станицы Червленой,—2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып. VIII, 1889 г. Въ сборникѣ есть нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о ст. Червленой.

Станица Червленая—одна изъ древнихъ станицъ по Тереку. Сами жители говорятъ, что ихъ станица старше всѣхъ окружающихъ. Она находится подъ 63° 38′ 30″ вост. долготы и 43° 29′ 40″ с. широты, въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Грознаго и въ 140 в. отъ областного города Владикавказа. Расположена ст. Червленая на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки Терека. Это мѣстоположеніе сравнительно новое, не болѣе 40 лѣтъ, какъ говорятъ мѣстные сторожилы, и со времени ея основанія третье. Сначала станица была расположена на правомъ возвышенномъ берегу, у гребня, но постоянныя нападенія чеченцевъ долго тревожили жителей: не разъ скотъ угоняли, женъ и дѣвушекъ уводили. Долго казаки крѣпились, долго отстаивали свое родное пепелище, но не могли устоять противъ чуть ли не ежедневныхъ появленій горцевъ и рѣшили перенести станицу на другой берегъ Терека. Но и на этомъ новомъ мѣстѣ не ужилось станицѣ. То Терекъ своими разливами не разъ затоплялъ прибрежные домики, то однажды пожаръ почти всю станицу выжегъ. Рѣшили старики опять на новое мѣсто перенести станицу, немного повыше, и дѣйствительно перенесли на новое мѣсто, а тамъ оставили лишь нѣсколько домиковъ, которые потомъ были обращены въ скитъ, гдѣ находятъ теперь себѣ успокоеніе старики бездѣтные, старухи вдовы и старыя дѣвы. Этотъ скитъ нѣчто въ родѣ пріюта или богадѣльни. Каждое воскресенье жители станицы отправляются туда и несутъ кое-что изъ припасовъ убогимъ инвалидамъ.

Построена станица довольно правильно; улицы порядочной ширины. Есть дома и двухъ-этажные, хотя ихъ немного; скорѣе ихъ можно назвать полутора-этажными. Распространенный типъ постройки домовъ въ общихъ чертахъ слѣдующій: на улицу выходитъ небольшой домикъ; домикъ деревянный и всегда наружная сторона имѣетъ «бревенчатый» характеръ (по—великорусски), средней высоты, обнесенный плетневой изгородью; сзади къ нему примыкаютъ домашнія службы, большей частью покрытыя черепицей или тесомъ. Дымовыя трубы и плетневая изгородь—необходимая принадлежность отъ самаго богатаго дома до мазанки, низшаго типа

постройки въ азіатскомъ вкусѣ, носящей названіе «сакли». Курныхъ избъ по станицѣ я не встрѣчалъ.

Основное населеніе станицы состоитъ изъ казаковъ—гребенцовъ [1]), издавна еще поселившихся здѣсь. По вѣроисповѣданію почти всѣ они принадлежатъ къ бѣглопоповскому толку, имѣютъ часовню; есть еще маленькія часовни единовѣрческая и австрійская, но съ небольшимъ числомъ послѣдователей. По происхожденію, какъ они и сами себя считаютъ, они—потомки русскихъ, первыхъ самостоятельныхъ колонизаторовъ кавказскаго края и мѣстныхъ жителей—осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ и даже ногайцевъ-татаръ. Такое смѣшеніе произошло въ далекое прошлое время, которое почти не оставило слѣдовъ въ памяти казаковъ. Смутныя историческія воспоминанія можно, пожалуй, видѣть въ одномъ только праздникѣ молодежи, который я тутъ-же и опишу вкратцѣ. Это именно—„пусканіе корабля.“ Оно обыкновенно бываетъ на Духовъ день, слѣдовательно, совпадаетъ съ днемъ завиванія вѣнковъ въ Россіи. Къ этому гулянью готовятся заранѣе. Корабль устраиваетъ каждый хороводъ отдѣльно. Молодежь мужская приготовляетъ маленькую модель корабля съ мачтами, снастями, а дѣвушки убираютъ его флагами, парусами и т. п. Убранный корабль представляетъ довольно красивую модель. На палубѣ устанавливается столъ и около него куклы, представляющія казаковъ и казачекъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ; предъ ними на столѣ яства, чихирь, водка. Гребцы, кормчіе также изъ казаковъ на своихъ мѣстахъ. Потомъ самая красивая дѣвушка изъ хоровода беретъ корабль, ставитъ на голову и сопровождаемая своимъ хороводомъ идетъ къ Тереку (теперь только въ рощу). Невдалекѣ идутъ казаки—молодежь въ полномъ вооруженіи. Корабль пускали прежде съ острова, находящагося на Терекѣ. Интересна между прочимъ переправа молодыхъ казачекъ на островъ. Разстояніе небольшое отъ берега до острова и мѣсто сравнительно не глубокое. Каждый казакъ верховой подъѣзжаетъ къ дѣвушкѣ, за которой ухаживаетъ, и предлагаетъ ей свои услуги для переправы. Дѣвушка лѣвой ногой

---

[1])По послѣднимъ свѣдѣніямъ населенія всего 5300 д. об. п.

становится на стремя, и парень ее поддерживаетъ рукой. Когда такимъ образомъ всѣ переправятся, корабль ставятъ посреди хоровода, нѣкоторое время танцуютъ лезгинку, а потомъ пускаютъ. Парни ѣдутъ по берегу и, когда уже корабль станетъ скрываться изъ виду, дѣлаютъ выстрѣлы по немъ. Удачный выстрѣлъ одобряется всѣми. Теперь немного не такъ. Не носятъ уже корабля на Терекъ, а въ рощу; здѣсь танцуютъ. Казаки не даютъ себѣ отчета, что значитъ это праздество. Но говорятъ, что это ведется еще изстари. Обьясненіе, мнѣ кажется, можно искать въ дальнемъ историческомъ времени. По историческимъ свѣдѣніямъ казаки прибыли по Волгѣ въ Каспійское море, а отсюда стали разселяться по Тереку. Прибыли они на лодкахъ, на стругахъ, и воспоминаніе объ этомъ-то періодѣ и проглядываетъ, вѣроятно, въ обычаѣ пусканія корабля.

Въ настоящее время казаки, смѣшавшись съ разными народами, образовали собою какъ бы особую разновидность Кавказской расы. По внѣшнему виду казакъ представляетъ среднее между русскимъ простолюдиномъ и горцемъ, съ бòльшею, впрочемъ, наклонностью въ типѣ къ горцу Кавказской расы. Въ послѣднее время хотя и бывали случаи, что казакъ женился на чеченкѣ, осетинкѣ, но это лишь какъ исключенія, и бывало это потому, что иной разъ (особенно во время военныхъ дѣйствій) оставались дѣти—сироты горца въ станицѣ. Здѣсь они и получили первое воспитаніе и конечно становились по традиціямъ такими же казаками, какъ и дѣти казака. Ихъ происхожденіе только лишь и сказывалось во внѣшнемъ видѣ, и казакъ, конечно, не стѣснялся жениться на нихъ. Что касается до казаковъ, по внѣшнему виду напоминающихъ татаръ-ногайцевъ, то казаки сами объясняютъ это сношеніями казачекъ съ ногаями, что во всякомъ случаѣ считается аномаліей. Разсказываютъ какъ фактъ, что жена одного казацкаго атамана почти все состояніе растратила съ своими пастухами ногаями. Что страннѣе всего—это то, что жена атамана, какъ говорятъ, была въ полномъ смыслѣ слова красавица, ногай же образцовый представитель безобразія.

Казакъ — средняго роста, пропорціонально сложенъ, съ небольшой грудью, тонкой таліей и безъ живота. Худощавое

лицо, прямой носъ, маленькіе глаза, въ большинствѣ случаевъ каряго или темно-каряго цвѣта, маленькій ротъ, небольшія, тонкія губы, маленькія съ сложной раковиной уши, во многихъ случаяхъ роскошная борода въ русскомъ вкусѣ, густые русые или темнорусые волосы, всегда стриженные по *староврческому*[1]) обряду. Одѣтъ всегда чисто и опрятно въ черкеску, туго перетянутую ремнемъ; на ногахъ опойковые сапоги, на головѣ иной разъ роскошная папаха. На работѣ тоже чисто одѣваются, хотя уже безъ черкесокъ—въ бешметѣ, а въ жаркую пору и въ рубашкѣ, почти всегда обуты, хотя во что-нибудь. Вообще казаки очень красиваго типа, и если бы не маленькіе глаза, да не совсѣмъ хорошій взглядъ ихъ (съ нѣкоторымъ лукавствомъ), то каждаго почти можно бы взять за образецъ красоты. Исключеніе составляютъ только казаки ногайскаго пошиба, которые скорѣе типы дегенераціи; да ихъ немного въ станицѣ, такъ что они почти незамѣтны среди населенія.

Казачка — полная гармонія казаку. Стройная, средняго роста, не особенно полная, скорѣе худощавая, съ тонкой таліей; тонкія, изящныя черты лица, съ легкимъ румянцемъ (иногда и не своимъ,—косметика въ ходу), изящный и прямой носъ съ тонкими ноздрями, небольшой ротъ съ красиво очерченными губами, прелестныя руки, чудныя брови (иногда подведенныя), таинственно-глубокіе глаза, сулящіе блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ сверкающіе какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Вся внѣшность казачки такъ и дышетъ изяществомъ, неподдѣльной граціей и сознаніемъ своей очаровательности, проглядывающей въ нѣкоторой кокетливости, присущей всѣмъ безъ исключенія казачкамъ. Мягкая, плавная рѣчь, слегка протяжная, съ какимъ-то оттѣнкомъ меланхолической грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно ласкающая ухо. Одѣваются онѣ еще лучше и чище казаковъ; костюмъ вполнѣ живописный, заимствованный изъ восточныхъ обычаевъ [2]). Единственное, что не вполнѣ гармонируетъ съ общей красо-

[1]) Можетъ быть, это объясняется вліяніемъ азіатцевъ. Всѣ они подрядъ стриженые довольно коротко.

[2]) Подробныя описанія одежды см. у Ржевусскаго, стр. 254.

той наряда да и красотой самой казачки, это — платокъ, накидываемый на голову и завязывающійся у подбородка. Между тѣмъ обычай строго слѣдитъ за этимъ, и ни одна дѣвушка, ни одна женщина не рѣшится показаться предъ посторонними съ непокрытой головой. Мнѣ думается, что этотъ платокъ и этотъ строгій обычай его ношенія есть видоизмѣненный обычай востока — носить покрывало на лицѣ. Подъ вліяніемъ особыхъ условій въ казачествѣ восточный обычай ношенія покрывала перешелъ просто въ ношеніе платка на головѣ. Въ послѣднее время костюмъ начинаетъ сильно видоизмѣняться, особенно въ обыденной жизни. Начинаютъ появляться кофты, юбки и т. д. Только во время праздниковъ женщины одѣваются въ свои прежніе костюмы. Старухи весьма неодобрительно относятся къ этимъ новшествамъ и видятъ въ этомъ паденіе нравственности.

Пришлые элементы населенія состоятъ изъ русскихъ, армянъ и горскихъ евреевъ. Русскіе и армяне занимаются торговлей; а изъ евреевъ часть винокуреніемъ, а большая часть приготовленіемъ мѣстной обуви (ногавицы, чуяки) и ея продажей. Въ жизнь казачества они не вносятъ ничего и не оказываютъ почти никакого вліянія на населеніе, которое вообще держится болѣе корпоративно.

Я не буду останавливаться на описаніи зданій, жилищъ и ихъ убранства, такъ какъ объ этомъ довольно подробныя свѣдѣнія уже извѣстны въ печати [1]), и перейду къ характеристикѣ общественной жизни казаковъ.

Отношенія между членами станицы можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) отношенія внѣ семьи и 2) отношенія семейныя.

Въ станицѣ по положенію и состоянію коренное населеніе раздѣляется на „господъ" и „простыхъ казаковъ" „Господами" называются казачьи офицеры и урядники. Существенное различіе между этими двумя слоями населенія заключается лишь въ состояніи, и только въ послѣднее время стали различаться и по образованію. Въ прежнее время, во время боевой, походной жизни, каждый казакъ могъ надѣяться стать урядникомъ,

---

1) См. Ржевусскаго, стр. 231.

а потомъ и офицеромъ, теперь же для этого требуется нѣкоторое образованіе. Поэтому въ станицѣ еще много офицеровъ прежняго типа, и въ своей жизненной обстановкѣ они отличаются лишь сравнительнымъ достаткомъ. И воспитаніе дѣтей своихъ „господа" только въ послѣднее время начали вести по городскому, т. е. стали отдавать дѣтей учиться въ среднюю школу. Прежде и въ поминѣ этого не было: какъ сынъ или дочь простого казака, такъ и дѣти „господъ" получали воспитаніе одинаковое, и естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что не существовала такая рознь между дѣтьми казака и казачьяго офицера, какая наблюдается теперь. Въ былое время дочь офицера такъ же убирала виноградники, такъ же ходила „полоть арбузы", такъ же принимала участіе въ хороводахъ и вечеринкахъ молодежи, какъ и простая казачка. И судьба ея скорѣе устраивалась, скорѣе она находила себѣ мужа по сердцу, и жизнь не разъ складывалась довольно счастливо. Въ послѣднее время уже не то: молодая дѣвушка, вкусивши отчасти городской жизни, уже не думаетъ о простомъ казакѣ, а непремѣнно мечтаетъ объ офицерѣ или какомъ-нибудь чиновникѣ. Мечты такъ и остаются мечтами, такъ какъ офицеръ или чиновникъ ищетъ или денегъ или порядочнаго образованія. Ни того ни другого не имѣютъ за собой дѣвушки, дочери казачьихъ офицеровъ, и естественно, что онѣ остаются подолгу, а иногда и совсѣмъ „въ дѣвкахъ". Казаки уже стѣсняются сватать такую, да она и не пойдетъ. Однимъ словомъ, вышло что-то такое „ни пава, ни ворона"...

Положеніе сыновей „господъ", конечно, лучшее: они могутъ уѣхать учиться, или же, если это не удастся, займутся хозяйствомъ и живутъ сносно. Нѣкоторые женятся на казачкахъ. Такъ, я зналъ сына одного офицера, которому не удалось получить образованія, и онъ сталъ прямо въ ряды простыхъ казаковъ, женился на хорошенькой дѣвушкѣ казачкѣ и теперь живетъ не дурно, вполнѣ довольный своимъ положеніемъ.

Въ силу историческаго возникновенія казачьихъ офицеровъ, казаки хотя и считаютъ ихъ „господами", но не почитаютъ ихъ высоко. Почетъ большей частью отдается тому, кто личными качествами заслужилъ его, и нерѣдко простой

старикъ казакъ бываетъ почетнѣе и его болѣе уважаютъ, чѣмъ офицера. Насколько, напр., равноправны офицеры и простые казаки, указываетъ то, что общество можетъ выслать изъ своей среды такъ же спокойно сына офицера, какъ и простого казака. Слово „господа", очевидно, не казачье; оно занесено пришлыми русскими, такъ какъ казакъ совершенно не знаетъ (развѣ по наслышкѣ) крѣпостного состоянія, и даже такой распространенной на Руси пословицы, какъ „вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день", казаки совершенно не слыхали.

Отношенія казаковъ между собой имѣютъ весьма мягкій характеръ. Вы почти никогда не услышите особенно рѣзкой брани, драки. Хотя и бываютъ стычки, но онѣ въ большинствѣ случаевъ кончаются примиреніемъ за „чепуркой". Но всетаки, по выраженію казака, теперь отношенія гораздо хуже стали чѣмъ прежде. Особенно жалуются старики на молодежь, которая почти перестала уважать стариковъ. „Нѣтъ, не такъ было въ наше время, говорятъ старики. Бывало старикъ идетъ, такъ издали снимешь шапку и спѣшишь поклониться. А теперь что? Теперь онъ самъ еще ждетъ отъ старика почета. Прежде, когда старики «угощаются», такъ молодежь уже не вмѣшивается, развѣ рѣдко, когда какой-нибудь старикъ пригласитъ. А теперь они впередъ сами лѣзутъ... Нѣтъ, видно, скоро конецъ свѣта... Сказано: пойдутъ тужики, да пыжики, такъ ужъ тутъ не жди добра"... Дѣйствительно, мнѣ самому пришлось наблюдать одинъ фактъ, какъ рѣзко относился одинъ юноша лѣтъ 17 къ старику.

Другъ друга казаки называютъ или по прозвищамъ, или же по отчеству, смотря впрочемъ, кто съ кѣмъ обращается. Такъ, если старикъ обращается къ молодому, онъ называетъ его прямо по имени, тотъ же по имени и отчеству. Молодежь между собою тоже обращаются ласково. Такъ, напр., дѣвушки парней называютъ: Петичка, Алешичка, Ваничка... и т. п.; парни дѣвушекъ—Танечка, Манечка, Дунечка.

Отношеніе къ сиротамъ такое-же, какъ и вездѣ на Руси. Не сладко имъ живется и у казаковъ; но все таки положеніе сносное. Весьма интересна поговорка, отлично характеризующая взглядъ на сироту. Когда по ошибкѣ отрѣжутъ слишкомъ большой ломоть хлѣба, то казакъ иронически замѣчаетъ:

„ишь, сиротскій отвалилъ“. Еще, напр., довольно характеренъ разсказъ, рисующій положеніе сиротъ въ семьѣ. Былъ у одной женщины сынъ родной и двое сиротъ на ея попеченіи. Однажды она захотѣла угостить своихъ питомцевъ яйцами, но у нея оказалось только два. Какъ быть? дать цѣлое своему сыну, а тѣмъ по половинѣ, — сейчасъ народъ ославитъ отношеніе ея къ сиротамъ, а ей этого не хотѣлось. И вотъ она рѣшилась на такую хитрость: дала по цѣлому яйцу сиротамъ и говоритъ имъ: „а ужъ вы дайте Ванѣ (ея сынъ) по половинкѣ.“ Дѣти сироты, понятно, въ восторгѣ: по цѣлому яйцу получили, между тѣмъ какъ Ваня по половинкѣ.

Отношенія къ пришлымъ элементамъ станицы: армянамъ, евреямъ и русскимъ, занимающимся торговлею, полу-презрительныя, съ нѣкоторой долей насмѣшки. Такъ, напр., про армянъ говорятъ: „треклятые армяшки“; или еще вѣрная характеристика человѣка, не отличающагося гостепріимствомъ: „у него словно у жида пообѣдать, у армянина переночевать“.

Особенно хороши отношенія между стариками. „Ну, старики, выпьемте“, такъ обыкновенно старикъ обращается къ своимъ сотоварищамъ и по лѣтамъ, и по бывшей тревожной жизни, и часто подъ вліяніемъ чепурки вина, чихиря разойдутся старики и начнутъ вспоминать былое—прошлое, и мирная, тихая бесѣда далеко тянется за полночь. Но впрочемъ не всегда бываетъ такъ. Такой эпическій характеръ имѣетъ бесѣда, когда старики толкуютъ о прошлой жизни, о прежнихъ дѣлахъ и невзгодахъ. Если же вопросъ коснется теперешней жизни, теперешнихъ порядковъ, а особенно въ станичномъ правленіи, то разговоръ принимаетъ довольно жаркій оттѣнокъ. Слышны большей частью сѣтованія на состояніе дѣлъ въ правленіи, на слабость народа, начинающаго таки довольно часто попивать, на неуваженіе молодежи и на отступничество отъ старой вѣры. „Нѣтъ, слабъ сталъ народъ; не то, что было прежде“... Иной разъ спросишь: а почему это такъ?—„Да надзору стало меньше, много свободы дали; вотъ они, а особенно молодые, и куражатся“.Такъ обыкновенно объясняетъ старикъ настоящій упадокъ нравственности. Да пожалуй, отчасти можно согласиться съ мыслью старика.

Въ прежнее время казачество несло на себѣ довольно тя-

желый гнетъ военнаго начальства: пороли, наказывали, да и вообще дисциплина была суровая. Казакъ привыкъ къ суровой опекѣ военнаго начальства, привыкъ большую часть своихъ внутреннихъ дѣлъ дѣлать подъ вліяніемъ авторитета начальства, инціатива личная была развита въ довольно слабой степени. Но вотъ окончилось военное напряженное положеніе, казакамъ дали большую свободу, начальство уже перестало непосредственно прикасаться къ народной жизни, и пошли „тужики да пыжики", по выраженію казака.

Особенно во вредъ свобода оказалась молодому поколѣнію. Конечно, оно такъ и слѣдовало быть. Вѣдь старое поколѣніе не имѣло никакого другого представленія о воспитаніи, какъ подъ вліяніемъ начальства, и потому, разъ начальство перестало обращать вниманіе на внутреннюю жизнь, казачество какъ бы осталось безъ руля и своихъ дѣтей не могло поставить на лучшую и болѣе твердую почву, чѣмъ оказалось оно въ настоящее время. Военная же служба также менѣе вліяетъ на нѣкоторую хотя бы дисциплинарную обработку характера казака, такъ какъ она стала значительно легче, да и по количеству лѣтъ много меньше.

Это неумѣніе пользоваться свободой высказалось, напримѣръ, довольно ярко въ такомъ фактѣ. Для улучшенія казачьяго быта имъ позволено было выкуривать нѣсколько ведеръ спирта безъ акциза для поддабриванія вина. Но они этимъ правомъ не воспользовались, а евреи, давая отчасти денегъ впередъ, отчасти и матеріалъ (одежду), постоянно эксплуатировали въ свою пользу ихъ право. Какимъ образомъ это они устраивали, это для насъ все равно; характеренъ только фактъ, что евреи, какъ разсказываютъ, продали довольно большое количество спирта безъ акциза.

Во всемъ этомъ, конечно, сказываются извѣстныя нравственныя черты казака, но о нихъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе.

Что касается отношеній семейныхъ, то ихъ, мнѣ кажется, умѣстно будетъ прослѣдить, начавъ съ вопроса объ отношеніи половъ. Прежде всего необходимо оттѣнить отличительную черту казака—стремленіе къ семейственности. Можетъ быть, поэтому такъ развиты у казаковъ тѣ обычаи, которые спо-

собствують сближенію половъ, какъ хороводы „собиранія“, танцы. Выйдете вы, напр., лѣтомъ часа въ 3, въ праздникъ, на площадь, тамъ уже собираются группы дѣвочекъ-подростковъ отъ 9—13—14 лѣтъ, и устраиваютъ маленькій хороводъ. Какая-нибудь маленькая мастерица играетъ на гармоникѣ, и маленькія плясуньи учатся лезгинку. Мальчики не всегда участвуютъ, но большей частью все-таки группируются тутъ же, а иногда и принимаютъ участіе въ танцахъ. Эти мелкіе хороводы—первые воспитатели общественности казаковъ. Такихъ „мелкихъ“ хороводовъ нѣсколько и они собираются большей частью на площади.

Часовъ въ 5 начинаютъ собираться настоящіе хороводы, гдѣ уже участвуютъ исключительно взрослыя дѣвушки и парни. Обыкновенно сначала выходятъ на площадь двѣ-три дѣвушки, черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединяются еще нѣсколько, и скоро составляется хороводъ, который уже идетъ къ опредѣленному мѣсту. Активными дѣятелями при составленіи хоровода являются нѣкоторыя дѣвушки, которыя вообще даютъ тонъ и направленіе всему хороводу. Парни уже приходятъ къ собравшемуся хороводу и принимаютъ участіе лишь какъ танцоры. Хороводъ держится дѣвушками. Парни тоже собираются группами и переходятъ отъ одного хоровода къ другому.

Названіе „хороводъ“, очевидно, великороссійское, оставшееся еще, какъ „преданье старины глубокой“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакого „хоровода“ не существуетъ. „Хороводъ“ казачій состоитъ въ томъ, что дѣвушки образуютъ изъ себя кружокъ, причемъ за руки даже и не берутся, а въ центрѣ или одна дѣвушка или дѣвушка съ парнемъ подъ скромное едва слышное, однообразное, однотонное рипанье гармоники танцуютъ лезгинку. Лезгинка—и гармоника: немножко странно. Мнѣ и самому такъ показалось, и я поинтересовался узнать, всегда ли была при хороводѣ гармоника. Оказалось, что она еще довольно недавно пріобрѣла право гражданства. Прежде былъ бубенъ и нѣчто въ родѣ трещетокъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ начала появляться гармоника, подвергшаяся сначала большому гоненію; но она оказалась настолько жизненной, что не смотря на гоненія, которыя, какъ говорятъ, даже были

оффиціальнаго характера, вытерпѣла и пріобрѣла полное право гражданства. Рѣдко, рѣдко появится бубенъ, какъ бы напоминая о прежнемъ своемъ значеніи, но въ большинствѣ случаевъ онъ скоро стушевывается. Отъ прежняго бубна и трещетокъ остались теперь „ладоши". Въ тактъ гармоники казачки довольно ловко ударяютъ ладонями, и подъ этотъ аккомпанементъ исполняется чудный, изящный танецъ лезгинка, вполнѣ воплощающій въ себѣ идею систематическаго ухаживанія, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось при внимательномъ наблюденіи позы и выраженія на лицахъ танцующихъ.

Хороводы имѣютъ громадное значеніе въ жизни казачества. На нихъ-то и завязываются первыя отношенія между молодыми людьми, ведущія потомъ къ вѣнцу. Хороводовъ существуетъ два вида: первые отъ 4 час. до 8 вечера, а вторые съ 9-ти и до поздней ночи. Существенная разница между этими хороводами та, что первые хороводы имѣютъ характеръ болѣе оффиціальный, а болѣе поздніе—интимный. Всѣ участвующіе въ первыхъ хороводахъ одѣваются въ лучшіе костюмы; отношенія между молодежью довольно сдержанныя, даже холодныя; къ этимъ хороводамъ допускаются и посторонніе зрители. Далеко не тотъ характеръ имѣютъ хороводы послѣ 9-ти часовъ. Костюмы живописные и изящные перемѣнены на болѣе простые и дешевые. Отношенія принимаютъ характеръ, интимный, и нерѣдко можно слышать и смѣхъ задорный, и шутку парня насчетъ дѣвушки, а то и упреки ревности.... Посторонняя публика совсѣмъ не допускается. Здѣсь уже не пляшутъ, а лишь пѣсни поютъ да ухаживаютъ парни за дѣвушками.

Хороводовъ въ станицѣ нѣсколько, и каждый носитъ свое названіе. Такъ извѣстны хороводы: Пономаревыхъ, кабачный, озерный, опальный. Эти названія пріурочиваются или къ тому мѣсту, гдѣ искони собирается хороводъ, или же дается названіе по фамиліи или прозвищу дѣвушекъ, выдающихся красотой, умѣніемъ пѣть, плясать, или вообще отличающихся какими-нибудь рѣзкими качествами.

Существуютъ извѣстныя правила приличія во время хороводовъ—своего рода этикетъ. Такъ, напр., дѣвушка съ пар-

немъ не должна говорить, а если она позволяетъ себѣ отклоняться отъ этого правила, то она изъ такихъ, которыя потеряли уже честь. Эта „мотается", какъ говоритъ казакъ. Но вообще можно сказать, что этого правила строго придерживаются даже дѣвушки, пользующіяся дурной репутаціей. Нужно замѣтить, что дѣвушки честныя не сторонятся даже отъ такой, сомнительная репутація которой уже давно установилась, лишь бы только она не выказывала явно своего поведенія, или же не старалась бы и другихъ совратить. Но парни тоже довольно настойчиво „отваживаютъ" дѣвушекъ и женщинъ сомнительнаго поведенія, особенно если оно становится черезъ-чуръ публичнымъ.

Участвуютъ въ хороводахъ также и молодые — годъ, два послѣ свадьбы, хотя къ молодымъ относятся съ нѣкоторой ироніей, особенно напр. къ мужу, когда онъ пришелъ одинъ безъ жены. „Ну что, зачѣмъ пришелъ? Спалъ бы у себя на полатяхъ". При вызовѣ танцующихъ тоже соблюдается нѣкоторый этикетъ. Такъ, напр., когда дѣвушка вызываетъ парня, то она, пройдя сперва нѣсколько разъ по кругу, останавливается противъ парня и легкимъ, исполненнымъ граціи и изящества поклономъ вызываетъ парня. Если же парень вызываетъ, то онъ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ пируэта предъ той дѣвушкой, которую желаетъ пригласить. Нерѣдко эта церемонія повторяется до трехъ разъ, между тѣмъ какъ по малѣйшему намеку дѣвушки парень быстро выходитъ на арену. Отказаться парню отъ приглашенія дѣвушки приличіе совершенно не позволяетъ. Дѣвушка въ этомъ случаѣ свободнѣе, хотя все-таки отказываетъ она сравнительно рѣдко. Отказавъ одному парню, она можетъ рисковать тѣмъ, что и другой ее не пригласитъ. Въ этихъ случаяхъ парни поддерживаютъ нѣкоторую солидарность.

Дѣвушки и парни большей частью собираются въ одинъ и тотъ-же хороводъ, хотя по обычаю парни пользуются большей свободой, чѣмъ дѣвушки въ этомъ отношеніи. Такъ напр. дѣвушка можетъ танцовать исключительно лишь только въ томъ хороводѣ, въ которомъ она издавна участвуетъ; въ другихъ же хороводахъ она этого права не имѣетъ, а можетъ лишь только постоять, да быть холодной зрительницей. Не таково положеніе парней. Парни свободны вполнѣ и даже

пользуются относительнымъ почетомъ, особенно тотъ, кто хорошо танцуетъ; всякая дѣвушка сочтетъ за большое удовольствіе пройтись разъ, другой съ нимъ по кругу. И нѣкоторые парни съ донъ-жуанскимъ оттѣнкомъ довольно успѣшно пользуются этимъ преимуществомъ. Ограниченіе все таки существуетъ и въ этомъ случаѣ, особенно, если такого парня не любятъ или онъ принадлежитъ къ такому хороводу, съ которымъ парни этого хоровода находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ. Бываютъ случаи, что изрядно таки поколотятъ такого удальца.

Кромѣ описанныхъ мною хороводовъ, повторяющихся каждый праздникъ (конечно, если погода благопріятствуетъ), у молодежи есть еще два праздника, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: „собиранья". Собиранья бываютъ разъ на Пасхѣ, другой разъ послѣ Вознесенія. Эти „собиранья" имѣютъ огромное значеніе для окончательнаго сближенія молодежи.

По разсказамъ молодыхъ и старыхъ казаковъ, общій характеръ собираній таковъ. На собиранья опять таки сходятся уже болѣе знакомые другъ другу, т.-е. большей частью принадлежащіе къ одному и тому же хороводу. Домъ, въ которомъ предполагается устроить празднество, большей частью принадлежитъ роднымъ одного изъ участвующихъ, и на время празднества всѣ старики и женатые удаляются и не принимаютъ никакого участія въ празднествѣ. Это — гулянье исключительно одной молодежи. Для закупки различныхъ припасовъ дѣлается сборъ, причемъ каждый участвующій парень вноситъ 60 копѣекъ, дѣвушка—15 к. Хотя дѣвушки сравнительно и мало вносятъ, но за то на ихъ обязанности лежитъ вся хозяйственная сторона пиршества, а также доставленіе куръ, яицъ и т. п. На собранныя деньги покупается водка, чихирь и гостинцы. Что же касается съѣстного, то все это должны доставить дѣвушки. Онѣ изъ своей среды выбираютъ какую нибудь побойчѣе да поопытнѣе, и она заправляетъ веденіемъ всего дѣла; о времени начала пиршества уже заранѣе условливаются и стараются во что бы то ни стало быть готовыми къ назначенному часу, большей частью часамъ къ 8—9. Въ это время приходятъ парни, здороваются съ дѣвушками. Они считаются почетными гостями и имъ отво-

дится первое мѣсто. Потомъ избранная „хозяйка“ угощаетъ кого водкой, кого чихиремъ, при чемъ угощаемый не преминетъ попотчевать „хозяйку“. Но нужно сказать, что дѣвушки вообще пьютъ чрезвычайно мало и водки даже совсѣмъ не пьютъ. Сначала по обыкновенію нѣкоторая неловкость, но потомъ пойдутъ шутки, смѣхъ, танцы, начнутся душевные разговоры, и время летитъ весело. Здѣсь по большей части завязка и развязка чувства любви, здѣсь молодой казакъ выспрашиваетъ у дѣвушки согласья на бракъ и здѣсь уже получаетъ окончательный отвѣтъ, послѣ котораго посылаетъ или не посылаетъ сватовъ, смотря по смыслу отвѣта. Въ послѣднее время особенно стали важны эти пиршества, такъ какъ теперь безъ обоюднаго согласія рѣдко можетъ произойти бракъ. Разсказываютъ напр. фактъ, что одинъ парень чуть ли не въ пять домовъ посылалъ сватовъ и вездѣ получалъ отказы, и все лишь потому, что ни съ одной изъ сватаемыхъ дѣвушекъ не переговорилъ заранѣе. Онъ былъ сирота, большей частью все бывалъ въ работѣ, даже и по праздникамъ, такъ какъ приходилось жить въ чужихъ людяхъ. Только тогда, когда ему удалось наконецъ познакомиться, переговорить, только тогда дѣло его по сватанью пошло удачнѣе.

Средства на ухаживаніе не вліяютъ, а исключительно лишь личныя достоинства, какъ физическія, такъ и нравственныя. Бываютъ случаи и такіе, что дѣвушка съ парнемъ сойдется раньше брака; но такой поступокъ для дѣвушки весьма опасенъ и можетъ повлечь серьезныя послѣдствія. Хорошо, коли парень добрый да милостивый попадется и, взявъ за мужъ, покроетъ стыдъ дѣвичій. Хотя общественное мнѣніе тяготѣетъ надъ нимъ, заставляя взять за себя опозоренную дѣвушку, но общественное мнѣніе можетъ служить лишь только нравственнымъ гнетомъ, и до формальнаго принужденія дѣло не доходитъ, такъ какъ казаки считаютъ въ такомъ фактѣ виновницей женщину. „Стало быть она ужъ такая“; „дура даетъ, умный беретъ,“—не безъ ироніи замѣчаетъ онъ. Парни, знающіе, что та или другая дѣвушка находилась или находится въ связи съ кѣмъ-нибудь, большей частью держатъ это въ строгой тайнѣ, особенно если дѣйствительно дѣвушка хорошая. При такомъ стремленіи сохранить тайну, неудивитель-

но, что вытравленіе, убійство, вообще уничтоженіе плода въ большомъ ходу; часто также бываютъ случаи подкидышей. Такъ или иначе, дѣвушка еще можетъ разсчитывать выйти за мужъ за парня, за хорошаго жениха, а такъ какъ гласитъ поговорка: „хорошій мужъ покроетъ грѣхъ жены", то тайна такъ и останется тайной; можетъ быть, только „встряхнетъ" немного мужъ обманутый. Но другое дѣло, если дѣвушка такъ повела себя, что уже и съ другими „мотается": такой дѣвушкѣ грозитъ или остаться въ дѣвкахъ, или въ лучшемъ случаѣ выйти за вдовца съ кучей дѣтей. Только крайняя необходимость можетъ заставить казака жениться на дѣвушкѣ, потерявшей честь, и онъ женится лишь тогда, когда другія хорошія дѣвушки отказываются.

Иной разъ бываетъ, что дѣвушка вполнѣ согласится на предложеніе парня во время „собираній" и говоритъ ему, чтобы онъ засылалъ сватовъ. Парень посылаетъ, а дѣвушка, раздумавъ или, можетъ быть, разсчитывая на болѣе лучшаго жениха, отказываетъ сватамъ. Но не добромъ достанется ей эта шутка. Парень озлобленный не останется въ долгу, и хорошо, коли та нашла себѣ жениха, а коли не нашла, то очень легко можетъ случиться, что она такъ и останется въ дѣвкахъ. Всѣми силами старается онъ распространить про нее самые нехорошіе слухи, говоритъ, что она способна на все и т. д., и нерѣдко эти слухи бываютъ причиной того, что дѣвушка такъ и останется въ дѣвкахъ.

Какъ я замѣтилъ выше, основная задача жизни казака и цѣль ея—стать семейнымъ, и все общество относится съ большимъ сочувствіемъ къ тѣмъ, кто женится. «Ну, что, бугай, не женишься?"—такъ обыкновенно выражаетъ общество порицаніе молодому казаку. „Студентомъ хочешь быть, что-ль"? Это стремленіе казака къ семейной жизни исходитъ изъ того, что „казаку одному жить не приходится", что „лучше плохой постой чѣмъ хорошій походъ", что „хорошей женой домъ держится," „что толку бобылемъ то жить?" И наоборотъ, къ тѣмъ, кто женится, общество относится съ большимъ сочувствіемъ. „Свадьба рубашку найдетъ", такъ выражаются они, когда женящіеся черезъ-чуръ бѣдны. Міръ поможетъ: кто деньгами, а кто и натурой. Побудительной причиной служитъ еще и

то, что берутъ дѣвушку для увеличенія рабочей силы, для укрѣпленія въ парнѣ привязанности къ дому, семейной жизни. По обычаю считаются годными для брака парень 18 лѣтъ, дѣвушка 17. Но случаются браки и гораздо ранѣе. Бываютъ случаи, что родители раньше самовольно засватываютъ дѣтей, и неисполнить волю родителей въ такомъ случаѣ считается преступленіемъ противъ священной родительской власти.

Въ дѣлѣ выбора невѣсты участвуютъ какъ родители, такъ и самъ женихъ. Прежде, какъ разсказываютъ, желаніе дѣтей почти, не принималось во вниманіе, но теперь стали учащаться случаи, гдѣ иниціаторомъ является парень. Прежняя, очень распространенная поговорка: „стерпится—слюбится", извѣстная и казакамъ, уже не имѣетъ въ настоящее время непреложнаго значенія. И въ умѣ казака довольно ярко начинаетъ пробиваться воззрѣніе, выраженное другою пословицей: „насильно милъ не будешь", и нерѣдко бывали случаи, что родители, женившіе дѣтей на основаніи правила „стерпится—слюбится", искренно раскаивались, видя далеко не блестящія послѣдствія легкомысленнаго отношенія къ судьбѣ своихъ дѣтей. Мнѣ указывали на факты, что часто въ такихъ случаяхъ жена или бросала мужа, или тайно жила съ другими, а хозяйство нерѣдко приходило въ упадокъ. „Жена пойдетъ, весь домъ уйдетъ". Мужъ начинаетъ пьянствовать, заводитъ себѣ на сторонѣ любовь.

Въ послѣднее время какъ бы произошелъ компромиссъ между родителями и дѣтьми. Сынъ, напр., говоритъ родителямъ, что та или иная дѣвушка ему нравится и онъ желалъ бы взять ее себѣ въ жены. Родители обыкновенно разузнаютъ, какова семья, къ которой принадлежитъ указываемая дѣвушка, каковы нравственныя и физическія качества этой личности. Что же касается состоянія дѣвушки, то казаки обыкновенно женятся безъ приданаго, хотя всякій казакъ желаетъ жениться болѣе или менѣе на ровнѣ. Впрочемъ бываютъ случаи, когда денежный или вообще матеріальный элементъ въ женитьбѣ участвуетъ въ сильной степени,—это обыкновенно тогда, когда парень женящійся—сирота, бобыль. Онъ старается пріискать такую невѣсту, чтобы могъ вступить въ число членовъ семьи, на юртъ (хозяйство) родителей невѣсты. Ког-

да послѣ справокъ и свѣдѣній окажется, что дѣвушка родителямъ понравилась, они одобряютъ выборъ сына и засылаютъ сватовъ. Если же по ихъ мнѣнію дѣвушка не удовлетворяетъ требованіямъ, то они стараются отговорить сына, иногда грозя отказомъ дать благословеніе. Но если тотъ все-таки настойчиво продолжаетъ добиваться цѣли, то можетъ достигнуть, хотя результаты такого брака бываютъ не особенно блестящи. Случается, что къ „молодой", вошедшей при такомъ настроеніи въ семью мужа, послѣдняя становится во враждебныя отношенія, слѣдствіемъ чего бываетъ, что молодыхъ родители выгоняютъ изъ дому. Послѣдніе случаи сравнительно рѣдки, но все-таки бываютъ. Случается, что бракъ совершается и по предложенію родителей, которые указываютъ сыну на дѣвушку, какъ на желательную ими супругу для своего сына. Если ему не нравится предлагаемая ему дѣвушка, онъ прямо говоритъ это родителямъ и указываетъ на то, что если его женятъ, то онъ не будетъ жить съ женой. Иногда родители не обратятъ вниманія на эту „дурь," по ихъ мнѣнію, и женятъ, и нерѣдко на ихъ же глазахъ разыгрываются результаты злоупотребленія своей власти. Вообще можно сказать, что активнаго противодѣйствія молодежь, особенно дѣвушки, не высказываетъ своимъ родителямъ, и если родители захотятъ, то они добьются своей цѣли. Лишь послѣдующая жизнь молодыхъ, являясь какъ бы пассивнымъ противодѣйствіемъ волѣ родителей, выясняетъ послѣднимъ ложность взгляда ихъ на свои права въ данномъ случаѣ. Въ общемъ взглядъ казаковъ на женитьбу находится въ періодѣ броженія. Съ одной стороны прежній принципъ безаппелляціонности и святости родительскаго приговора въ данномъ случаѣ сильно ослабѣлъ; съ другой новый принципъ „личнаго начала", какъ еще слишкомъ новый, не проникъ вполнѣ въ сознаніе населенія. Впрочемъ, судя по относительному количеству фактовъ, личное начало видимо все-таки беретъ верхъ, и мнѣ думается, не далеко то время, когда поговорка „стерпится—слюбится" отойдетъ у казаковъ въ область преданій.

Къ свадьбѣ казаки готовятся довольно долго, и порядочная свадьба стоитъ рублей 200—300. Устраиваются свадьбы обыкновенно въ концѣ осени или зимою, когда чихирь

вполнѣ готовъ. Безъ водки еще можно обойтись, безъ чихиря не только свадьба, но никакое пиршество не обходится. Главныя издержки падаютъ на родителей жениха и его родственниковъ. Расходы главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что какъ родителей, такъ и всѣхъ родственниковъ невѣсты родители жениха и его родственники должны ублаготворять, исполнять по возможности всѣ ихъ желанія, нерѣдко граничащія съ капризами.

Прежде былъ обычай, что женихъ и его родня *непремѣнно* должны были дѣлать подарки родителямъ невѣсты. Подарки эти приблизительно состояли въ слѣдующемъ: отцу дарили „опоекъ" (сапоги), матери — „козла" (сафьянъ), бабушкѣ — непремѣнно башмаки.

Родные невѣсты до введенія ея въ домъ жениха чувствуютъ себя героями: они куражатся, ломаются, предлагаютъ разныя требованія, и все *должна* исполнять родня жениха. Тяжело таки достается, особенно родителямъ жениха. Лишь только молодая будетъ введена въ домъ, какъ геройство и первенство родни молодой кончается. „Иного свата и въ шею выталкиваешъ, ужъ черезъ-чуръ назойливаго", замѣчаетъ казакъ по этому поводу. „Да много таки убудетъ и скота, и дичи, да и чихирю бочки 2—3; все поѣдятъ и попьютъ сваты,"—довольно злобно отзывается казакъ.

Иногда послѣ всѣхъ пиршествъ дѣвушка отказывается выйти замужъ. Въ такихъ случаяхъ (конечно, послѣ уговоровъ и угрозъ) начинается судебное дѣло. Кромѣ того, что большой позоръ роднѣ жениха и ему самому, еще очень большія матеріальныя затраты пропадаютъ напрасно. Мщеніе является во всей силѣ. Всѣ родные жениха стараются отомстить за позоръ. Ссоры, брань, а нерѣдко дѣло доходитъ и до побоевъ. Постараются всѣми силами обезславить дѣвушку, и бываютъ случаи, что совмѣстныя и довольно дѣятельныя усилія достигаютъ цѣли. Месть въ этомъ случаѣ распространяется не только на самую виновницу, но и на всю ея родню. Кромѣ того, взысканіе свадебныхъ издержекъ идетъ своимъ чередомъ. Обиженная сторона подаетъ жалобы въ судъ станичный, прося взыскать убытки со стороны невѣсты. Въ большинствѣ слу-

чаевъ судъ постановляетъ взыскать, конечно, если не найдется особо уважительныхъ причинъ.

Если дѣвушка выходитъ изъ болѣе богатаго дома въ менѣе богатый, то ей иногда семья отдѣляетъ часть своего имущества; но характерно то, что эта часть ей не сейчасъ же дается на руки, а послѣ нѣкотораго довольно продолжительнаго времени. Эта часть остается у родителей и считается неприкосновенной ея собственностью. Основной мотивъ тотъ, что мужъ можетъ оказаться человѣкомъ не хозяйственнымъ, пьяницей, „студентомъ" (такъ здѣсь прозываютъ всѣхъ отчаянныхъ гулякъ), и нетолько свое имущество, но и имуществожены спустить. Жена, да еще съ дѣтьми, можетъ оказаться совершенно безпомощной. Въ этихъ случаяхъ часть имущества, находящагося у родителей, служитъ гарантіей нѣкотораго обезпеченія.

Обрядовая сторона брачнаго ритуала довольно вѣрно описана въ книгѣ г. Ржевусскаго, стр. 205. Съ своей стороны прибавлю лишь нѣсколько замѣчаній. Прежде всего интересно будетъ отмѣтить, что на свадьбѣ главную роль играютъ женщины: въ ихъ рукахъ весь свадебный распорядокъ. Затѣмъ можно указать на измѣненіе нѣкоторыхъ народныхъ воззрѣній въ дѣлахъ брака и на смягченіе нравовъ. Такъ, напр. въ не такъ давнее время существовалъ слѣдующій обычай (изрѣдка и теперь примѣняющійся): послѣ брачной ночи „молодая" спрашиваетъ мужа, можно ли отдать рубашку на удостовѣреніе свахѣ и родственникамъ. Если мужъ позволяетъ, то жена отдаетъ. Иной разъ мужъ не соглашается на „показаніе" и на вопросъ: „гдѣ же честь твоей жены?" – отвѣчаетъ, что это его дѣло: „я самъ знаю честь моей жены." На третій день сваха идетъ въ домъ родителей невѣсты, неся съ собой чихирь. Если дѣвушка оказалась честною, то сваха подноситъ вина въ крѣпкомъ стаканѣ матери невѣсты; въ противномъ случаѣ чихирь подносится въ дырявомъ стаканѣ, залѣпленномъ хлѣбомъ. Но всетаки пиршество не прекращается и празднество грубо не прерывается. Въ этомъ фактѣ, а также и въ томъ, что молодой мужъ не всегда допускаетъ постороннихъ свидѣтелей для удостовѣренія чести своей жены, сказывается нѣкоторая гуманность казака и его снисхожденіе къ слабости женщины. „Этого цвѣту по всему свѣту," такъ высказываетъ мысль

свою казакъ на этотъ случай. Насколько рѣзко измѣняются взгляды на такой фактъ, можно для параллели указать на слѣдующій обычай, теперь уже совершенно не примѣняющійся и оставшійся лишь въ памяти казаковъ. Когда дѣвушка оказывалась не честной, то ее выводили на публичное мѣсто и надѣвали на нее рубаху, всю испачканную въ изверженія животныхъ. Послѣ этого дѣвушкѣ оставалось только уйти куда нибудь далеко изъ своей станицы. А теперь чаще и чаще встрѣчаются случаи, что мужъ покрываетъ грѣхъ жены.

На свадьбу непремѣнно стараются пригласить „вѣдуновъ" и во все время свадебнаго пиршества стараются быть съ ними въ ладу и поласковѣе, особенно съ тѣми, которымъ „отъ роду дано", такъ какъ они считаются всесильными противъ всевозможныхъ чаръ. Но этимъ еще не довольствуются. Во время свадебнаго поѣзда на всѣхъ перекресткахъ крестятся, чтобы кто-нибудь не испортилъ молодыхъ, особенно молодого. Кстати сказать, что кто-нибудь изъ вѣдуновъ, иногда участвующихъ и въ пиршествѣ, по злобѣ подсыплетъ „травки" молодому, и тотъ становится совершенно негоднымъ къ супружескому сожительству.

Свадебныя гулянья заканчиваются послѣ-свадебнымъ столомъ, который впрочемъ иногда отлагается по какимъ-нибудь причинамъ. Мнѣ пришлось присутствовать на одномъ такомъ обѣдѣ, происходившемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ (когда появился новый чихирь), хотя свадьба была на Пасхѣ. Столъ во всю длину комнаты былъ уставленъ всевозможными яствами. За столомъ сидѣло человѣкъ 30 гостей обоего пола въ такомъ приблизительно порядкѣ: въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣла мать молодой, сбоку ея по обѣ стороны—свахи, потомъ родственницы и наконецъ родственники молодой, и имъ-то со стороны родни жениха предлагалось послѣднее угощеніе. Налѣво на полатахъ расположились старухи и дѣти—родня жениха. Главныя гости были женская половина; почему—я не могъ допытаться и получалъ самые неопредѣленные отвѣты: „какъ-же, свадьба—это ихъ (женщинъ) дѣло". Сначала всѣ какъ-то чувствовали нѣкоторую неловкость. Но вотъ мать молодого, довольно бойкая и остроумная женщина, стала подносить чихирь. Ну, конечно, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ,—

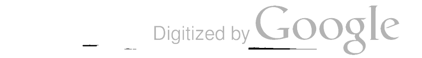
Выпили по чарочкѣ, закусили,
Выпили по другой, разговоры завели...

Веселѣе и веселѣе становилось. Стаканчики предназначены были лишь дамамъ, да изъ мужчинъ тѣмъ, кто попочетнѣе. Остальные пили изъ традиціонной чепурки, къ которой каждый прикладывался слегка. Появились и незваные, съ желаніемъ поглядѣть на бесѣду и веселье, да и самимъ принять участіе. Пришелъ одинъ казакъ, довольно таки выпившій, или какъ говорятъ здѣсь „обмокнувшійся", и затѣялъ со всѣми перецѣловаться. Отказаться никто не могъ и уговаривать никто не пробовалъ. Онъ не стѣснялся ничѣмъ, лѣзъ прямо по столамъ, потомъ по полатямъ, и привелъ таки въ исполненіе свое желаніе.

Тѣмъ временемъ закуски все перемѣнялись; хотя ѣсть мало ѣли, но перемѣны были постоянныя; таковъ обычай, иначе, если перемѣны не будетъ, то плохая слава можетъ распространиться, относительно хозяевъ. Главное угощеніе: куры, утки, поросятина и мясо; изъ хлѣбнаго—„лепешки", которыя также постоянно перемѣнялись, а гости большею частью только вскрывали ихъ и смотрѣли начинку, которая въ каждой перемѣнѣ бываетъ иная. Случайно, посмотрѣвъ на образа, я замѣтилъ рядомъ съ ними три куклы, изображающія собою казака въ полной формѣ, казачку и маленькую куклу, какъ бы казачка-мальчишку. Я спросилъ, что это за странность.—„А это подарокъ молодымъ; во время свадьбы эти куклы вѣшаютъ на почетномъ мѣстѣ: это значитъ пожеланіе молодымъ счастья и потомства". [1]) Вдругъ послѣ третьей перемѣны лепешекъ я услышалъ какой-то неодобрительный шопотъ между гостями. Оказалось, что по ошибкѣ хозяйки вмѣсто 3-й перемѣны лепешекъ была подана 4-я, послѣ которой должны были „выводить молодыхъ". Ошибка была исправлена.

Наконецъ наступилъ моментъ „вывода". Каждый изъ гостей полѣзъ въ кошелекъ, чтобы приготовиться къ „дарамъ". Показались и молодые. Имъ было не болѣе, какъ лѣтъ по 17—18. Одѣты были въ новые изящные костюмы. Лицо молодой было слегка набѣлено и нарумянено, брови подведены:

[1]) Подобный обычай существуетъ и у Грузинъ.

казачки въ этомъ дѣлѣ отличныя мастерицы. Молодая взяла подносъ, поставила стаканы; мать ея налила ихъ чихиремъ, и молодая съ поклономъ начала обносить, начиная со старшихъ. Выпивая, каждый говорилъ пожеланія и дарилъ деньгами, кладя ихъ на подносъ. Родители и близкіе родственники молодого внимательно слѣдили за количествомъ денегъ, и нерѣдко были слышны возгласы, какъ-бы въ сторону: „маловато", или что-нибудь подобное. Клали отъ 2-хъ рублей и меньше. Нужно замѣтить, что казаки весьма строго соблюдаютъ въ этомъ случаѣ правило равнаго возмездія. Такъ, если напр. кто изъ гостей положилъ извѣстную сумму на свадьбѣ у данныхъ лицъ, то эти послѣдніе въ свою очередь кладутъ столько же у нихъ на свадьбѣ, если она случится. Послѣ того, какъ молодая кончитъ обходъ, начинаетъ подносить молодой, а молодая въ это время даетъ отъ себя подарки кое-кому изъ гостей. Молодому уже кладутъ меньше. Въ общемъ, молодой положатъ рублей 50, молодому рублей 10—15. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ «обнесеній», молодые иногда повторяютъ ту-же процедуру еще раза по два каждый, причемъ уже получаютъ только по 5—20 коп. Послѣ этого наступаетъ самая веселая часть пиршества—пѣніе и танцы. Пируютъ до поздней ночи.

Въ женитьбѣ, по мнѣнію казаковъ, много зависитъ отъ судьбы. «Судьбы конемъ не объѣдешь», говоритъ пословица, и дѣйствительно, казаки глубоко вѣрятъ въ существованіе предопредѣленія въ этомъ смыслѣ. Для иллюстраціи этого воззрѣнія укажу на одну легенду, ярко освѣщающую взглядъ казака на судьбу по отношенію къ браку.

Дѣло было не такъ давно, лѣтъ 20—30 назадъ. Въ станицѣ была дѣвушка лѣтъ 14, заранѣе уже засватанная родителями за одного парня. Родители обѣихъ сторонъ, находясь издавна въ дружескихъ отношеніяхъ, захотѣли и на будущее время закрѣпить попрочнѣе эти отношенія и рѣшили женить своихъ дѣтей, когда они достигнутъ совершеннолѣтія. Когда парень выросъ и родители начали поговаривать о женитьбѣ, указывая ему между прочимъ на давно сосватанную невѣсту, онъ и слышать не хотѣлъ, да и дѣвушка тоже симпатіи особенной къ парню не чувствовала; но родители его настойчиво поддерживали свое рѣшеніе, грозя въ противномъ

случаѣ не дать благословенія на другой бракъ. Парень задумалъ отдѣлаться отъ навязываемой ему нелюбимой дѣвушки и рѣшился убить ее. Подговоривъ съ собой товарища, одѣлся по-чеченски, и въ одинъ изъ вечеровъ, когда дѣвушка шла по воду, они наскочили верхами, и парень «нареченный женихъ» шашкой такъ и хватилъ по лицу дѣвушки. Кровь хлынула ручьемъ, и дѣвушка упала, издавая отчаянные крики, а мнимые чеченцы быстро ускакали. На крикъ дѣвушки сбѣжались и нашли её въ безпамятствѣ, но рана не была опасная. Тѣмъ не менѣе отъ большой потери крови, отъ испуга дѣвушка очень долго болѣла. Родители парня, конечно, уже не настаивали на своемъ рѣшеніи,—«такова ужъ видно судьба»; да и въ домъ брать больную, слабую невѣстку, конечно, не было желательно. Прошло года 2—3. Парень рѣдко бывалъ въ этой станицѣ; родители обоихъ умерли; тутъ еще служба года 4 отняла, и жениться ему за это время какъ-то не удалось. Однажды онъ случайно заѣхалъ въ станицу Н., въ которой до сихъ поръ еще ни разу не былъ, попалъ на хороводъ, протанцевалъ съ одной дѣвушкой, въ полномъ смыслѣ красавицей, въ самомъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, влюбился въ нее, сталъ ухаживать, и скоро устроилась ихъ свадьба. Послѣ свадьбы молодой мужъ, вглядѣвшись въ свою подругу, замѣтилъ у нея легкій шрамъ на шеѣ. Она ему объяснила, что когда она еще дѣвочкой шла по воду, чеченцы наскочили на нее, хотѣли увезти, но это имъ не удалось, и одинъ со злости хватилъ ее шашкой. Мужъ сознался, что это сдѣлалъ онъ изъ ненависти къ ней. Тутъ только онъ понялъ, что судьбы и конемъ не объѣдешь, но былъ доволенъ и счастливъ съ своей суженой.

Г. Малявкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСТОЧНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести нѣкоторыя русскія сказки, а именно: о злой мачехѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сходное содержаніе. Такъ какъ одна изъ этихъ восточныхъ сказокъ, именно сказка объ Эрдени-Харaликѣ, переведенная еще въ 1829 г. съ монгольскаго на нѣмецкій языкъ, выдаетъ своего героя за воплощеніе буддійскаго бодисатвы Арья-Бало (это отождествленіе дѣлается самимъ текстомъ сказки), то нами въ началѣ статьи помѣщена краткая характеристика этого бодисатвы, которая пригодится и для слѣдующихъ двухъ приготовляемыхъ къ печати статей, имѣющихъ служить продолженіемъ настоящей. Послѣ этой характеристики мы приступаемъ къ настоящему предмету нашей статьи: сначала излагаемъ по Шмидту сказку объ Эрдени-Харaликѣ, и потомъ сходную съ нею тангутскую сказку объ Егътаму-нцо; затѣмъ переходимъ къ русскимъ сказкамъ и заканчиваемъ статью сопоставленіемъ найденныхъ въ нихъ параллелей.

Подъ именемъ Арья-Бало (âрјапâла), или Авалокитеçвара, извѣстенъ одинъ буддійскій бодисатва. Онъ почитается въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи, Манчжуріи и Японіи. Южнымъ буддистамъ онъ неизвѣстенъ. Краткая харaстеристика его была сдѣлана И. П. Минаевымъ [1]). Въ несчастіяхъ буд-

---

[1]) Она помѣщена въ статьѣ Минаева подъ названіемъ: „Буддійскія молитвы,“ въ Записк. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ.,“ т. II., в. I и II (1887 г.), стр. 125.

дисты обращаются болѣе всего къ заступничеству этого бодисатвы. Онъ исцѣляетъ отъ болѣзней [1]); онъ спасаетъ отъ гибели путешественниковъ, заблудившихся въ пустынѣ (чтó, напримѣръ, разсказываетъ о себѣ китайскій паломникъ Сюань-цань), спасаетъ мореплавателей отъ кораблекрушенія (случай съ другимъ китайскимъ паломникомъ Фа-сяномъ). Есть разсказы о чудесахъ, совершенныхъ его статуями. Такія чудотворныя статуи были въ Кабульской долинѣ и въ Магадѣ. Ниже мы приведемъ разсказъ о чудѣ статуи Арья-Бало, въ которомъ богъ является другомъ бѣдной, несчастной невѣсты. Могущество и святость Арья-Бало таковы, что произнести одинъ только разъ его имя, равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если-бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ.

Въ V—VII вѣкѣ, говоритъ Минаевъ, Авалокитеçвару чтили по всей Индіи. Почитаніе его началось, вѣроятно, задолго до времени Фа-сяна и Сюань-цаня; эти китайскіе паломники, совершившіе хожденіе въ Индію, упоминаютъ о немъ. Авалокитеçвара явился впервые на горѣ Потала; это, повидимому, миѳическая гора, не существующая на землѣ. Вѣрующіе однако указываютъ горы этого имени на землѣ. Гора Потала есть въ Лассѣ (въ Тибетѣ); на ней находится дворецъ Далай-ламы, который, считается воплощеніемъ Авалокитеçвары. Арья-Бало является вѣрующимъ всегда въ блескѣ и сіяніи; изъ его устъ исходятъ разноцвѣтные лучи; посрединѣ вѣнца (на его головѣ) блеститъ камень чинтâмани,—говорится въ книгѣ Kâрандавјуха (Минаевъ, ib., стр. 129). Драгоцѣнный камень будетъ нерѣдко фигурировать также въ легендахъ, которыя мы будемъ приводить [2]).

---

[1]) У Минаева приведена непальская легенда о брахманѣ, который былъ пораженъ проказою и оставленъ всѣми родными и друзьями. Авалокитеçвара явился ему въ образѣ ребенка, прикоснулся до его тѣла и исчезъ. Больной выздоровѣлъ и сталъ звать ребенка. Тогда раздалось таинственное слово и возвѣстило брахману, кто былъ ребенокъ, а затѣмъ самъ милосердый явился ему въ славѣ и сіяніи.

[2]) Въ легендѣ о чудѣ статуи Арья-Бало (XI гл. Шиддикура) тоже является драгоцѣнный камень (см. ниже). Не къ тому ли же богу Арья-Бало относилась первоначально легенда о ворахъ, выковыривающихъ драгоцѣнный камень изъ лба статуи, по теперешней редакціи—статуи Будды?

Въ Китаѣ этотъ бодисатва почитается въ видѣ женщины; китайцы даютъ ему имя Гуань-инъ-пуса; англійскіе миссіонеры и синагоги называютъ это божество обыкновенно goddesse of merci. Въ Тибетѣ и Монголіи Арья-Бало изображается стеоротипно или въ видѣ сидящей съ поджатыми ногами фигуры, или въ стоячемъ положеніи; иногда ему придается 11 головъ, иногда только 3, иногда онъ имѣетъ 8 рукъ, у другухъ статуй 4, но есть и только съ двумя руками; наконецъ, дается ему неограниченное число рукъ; эти послѣднія статуи называются „тысячерукими Арья-Бало." Въ рукахъ онъ держитъ священные или символическіе предметы, но въ средней правой и въ средней лѣвой всегда лукъ и стрѣлы. Черезъ плечо переброшена звѣриная шкура или, можетъ быть, тѣло звѣря. У китайцевъ Гуань-инъ-пуса изображается въ стереотипномъ тибетско-монгольскомъ видѣ, а также въ видѣ женщины въ китайскомъ одѣяніи. Встрѣчаются статуетки глиняныя, фарфоровыя и изъ агальматолита. На картинахъ, нарисованныхъ на бумагѣ или шелковой матеріи, Гуань-инъ-пуса изображается стоящею на берегу моря подъ сѣнью бамбука; передъ нею среди волнъ на листѣ водянаго растенія стоитъ дитя и протягиваетъ къ ней руки. Въ воздухѣ къ богинѣ летитъ птица (бѣлый голубь или лебедь), несущая четки. Встрѣчаются также статуетки или картины, представляющія Гуань-инъ-пусу держащею ребенка на рукахъ. Какъ будто есть легенда, что она выходитъ на берегъ моря или озера и находитъ ребенка или ищетъ ребенка, брошеннаго въ воду, находитъ его и ловитъ [1]). Изображенія Гуань-инъ-пусы очень разнообразны; особенно многочисленны сцены, представляющія ее спасительницей отъ кораблекрушенія и другихъ бѣдъ. Отъ изображенія Гуань-инъ-пусы въ видѣ китайской дамы въ китайской прическѣ до стереотипнаго тибетско-монгольскаго Арья-Бало въ китайской живописи существуетъ постепенный переходъ, и можно собрать интересную коллекцію изъ

---

[1]) Изображеніе Гуань-инъ-пуси въ видѣ китайской дамы, передъ которою на волнахъ ребенокъ, молящій о спасеніи, можно видѣть въ книгѣ: „Memoires sur la Chine par le comte d'Escayrac de Lauture," Paris, 1865, p. 72. Изображенія бронзовой статуи Гуань-инъ-пуси съ ребенкомъ на рукахъ есть въ „Annales du musée Guimet", T. XI, pl. XI, XII, XIII и XIV.

этихъ переходныхъ изображеній. Китайцы какъ монголо-тибетскую стереотипную фигуру съ 11-ю головами и 8-ю руками съ лукомъ и стрѣлами, такъ и китайскую даму съ ребенкомъ на рукахъ, одинаково называютъ Гуань-инъ-пуса и обѣ формы считаютъ женскимъ божествомъ. Монголы и тангуты различаютъ Арья-Бало и Гуань-инъ-пусу; они имя Арья-Бало даютъ только стереотипной фигурѣ съ лукомъ и стрѣлами и принимаютъ ее за мужчину; изображенія же Гуань-инъ-пусы въ видѣ дамы монголы называютъ Дара-экэ, тангуты Джолма или Долгаръ. Сами монголы и тибетцы изображаютъ Дара-экэ только стереотипически въ видѣ женщины, сидящей съ поджатыми ногами, и около каждаго ея плеча поднимается вертикально цвѣтокъ. Называютъ-ли китайцы эти монголо-тибетскія изображенія Гуань-инъ-пусой, мнѣ неизвѣстно. Китайскія фарфоровыя изображенія Гуань-инъ-пусы въ Монголіи также встрѣчаются, но очень рѣдко.

Итакъ, мы имѣемъ три типа изображеній: 1) Арья-Бало со множествомъ рукъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, 2) Гуань-инъ-пуса въ видѣ китайской дамы и 3) Дара-экэ, женщина съ поджатыми ногами и цвѣтами по бокамъ. Китайцы имѣютъ только №№ 1 и 2, оба называютъ однимъ именемъ и оба принимаютъ за фигуру женскаго пола Гуань-инъ-пуса. Монголы и тибетцы имѣютъ только №№ 1 и 3; они знаютъ также и Гуань-инъ-пусу, но не смѣшиваютъ ее съ Арья-Бало, а называютъ ее Цаганъ-дара-экэ (по крайней мѣрѣ къ этимъ изображеніямъ такъ относится неученый народъ). Слѣдовательно, они отожествляютъ Гуань-инъ-пусу съ Дара-экэ, но послѣднюю они не смѣшиваютъ съ Арья-Бало. Въ какія отношенія они ставятъ Дара-экэ къ Арья-Бало, изъ легендъ не ясно, но какая-то связь между богомъ и этой богиней есть. Дара-экэ, какъ и Арья-Бало на ладоняхъ рукъ имѣютъ глаза.

Легенды и прославленія Авалокитеçвары въ санскритской литературѣ содержатся въ книгахъ „Kâranda-viûcha" и „Saddharma-Pundarika"; первая издана въ Калькуттѣ, но не переведена, только Кауэлль перевелъ изъ нея легенду о нисхожденіи Авалокитеçвары въ адъ и напечаталъ въ „The Journal of Philology", vol VI, стр. 222. Вторая переведена Бюрнуфомъ

на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Le Lotus de la bonne loi". На тибетскомъ языкѣ, легенды объ Арья-Бало собраны въ книгѣ Мани-Гамбумъ; эта книга переведена на монгольскій языкъ, но переводовъ на европейскіе языки нѣтъ. Есть-ли на китайскомъ языкѣ особыя сочиненія о Гуань-инъ-пусѣ, мы не знаемъ; D'Escayrac de Lauture (Memoires sur la Chine, стр. 69) упоминаетъ книгу Су-шенъ-цзи, а Edkins (Chinese Buddhist, стр. 382) книгу Ping-shu-pi-t'an. [1]).

Сказка объ Эрдени-Хараликѣ, переводъ которой сдѣлалъ Шмидтъ, по словамъ его, взята монголами изъ тибетскаго сочиненія Norwu-p'rengwa [2]). Ея монгольскій текстъ напечатанъ въ Монгольской христоматіи I. Ковалевскаго. Вотъ ея содержаніе:

Къ сѣверу отъ Энедкека (Enedkek), у народа Беде (Bede), былъ царь Тегусъ-Дзокту (Tegus-Tsoktu); жена его называлась Тегусъ-Гегенъ (Tegus-Gegên); у нихъ была единственная дочь Саманъ-Табадри (Ssaman-tabhadri [3]); при ней были двѣ служанки. Эти послѣднія позавидовали почету, который всѣ оказывали царевнѣ, и придумали средство унизить царевну и устроить такъ, чтобы имъ отдавали тотъ почетъ, который ранѣе оказывался царевнѣ. Онѣ убѣдили царевну отправиться съ ними въ лѣсъ мыть бѣлье и взять съ собою тазы. У царевны былъ тазъ золотой, у служанокъ мѣдные. Придя въ

---

[1]) Литература объ Авалокитеçварѣ, на русскомъ: *И. Минаевъ*, Буддійскія молитвы въ „Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., т. II, в. I и II (Спб., 1887.), стр. 125. На иностранныхъ языкахъ: *Keppen*, Die Religion des Buddha, II B., стр. 20, 22; *Pallas*, Sammlungen historischer Nachrichten, I и II, стр. 396 и слѣд. О Гуань-инъ-пусѣ: Memoire sur la Chine par le comte *d'Escayrac de Lauture*, Paris, 1865, p. 68, 69, 71, 72; A Catena of Buddhist. scriptures from the Chinese by *Samuel Beal*, London, 1880 г., стр. 139, 205, 241 и слѣд., 261 и слѣд.; *John Henry Gray*, China, a history of the taws, manners and customs of the people, Lond., 1878, vol I, стр. 162, 163; *Lustus Doolittle*, Social life of the Chinese, New-Jork. 1865. vol. I, 27, 261; Annales du musée Guimet, T. XI, p. 188—197.

[2]) *Schmidt*, Geschichte der Ost-Mongolen, S. 425—488.

[3]) Samantabhadra есть имя бодисатвы, который почитается китайцами подъ именемъ P'u—hien; резиденціей его считается гора Оми (Wo-mei) въ Сы-чуани. Въ Китаѣ болѣе другихъ знамениты три бодисатвы или пуса: Гуань-инъ-пуса (резиденція—островъ Путо), Вынь-шу-пуса (Манджушри, резиденція—гора У-тай) и Пу-сянъ (резид.—гора Оми).

лѣсъ, онѣ уговорили царевну опустить свой тазъ въ воду такъ-же, какъ сдѣлали это онѣ со своими. Сначала царевна отказывалась, но когда увидѣла, что мѣдные тазы служанокъ плаваютъ и не тонутъ, она опустила и свой золотой тазъ; онъ ушелъ въ воду. Служанки стали ругать царевну. Тогда царевна велѣла одной изъ нихъ пойти къ царю-отцу и спросить: будутъ-ли родители сердиться, если она вернется домой, или ужъ ей ѣхать въ другое государство, не надѣясь на прощеніе. Когда служанка пришла къ царю, онъ сказалъ ей: „Золотыхъ тазовъ у меня много, а дочь одна: пусть вернется домой!" и далъ служанкѣ коня, на которомъ царевна должна пріѣхать. Но служанка нагрузила лошадь припасами, пріѣхала къ царевнѣ и сказала: „Царь осердился за потерю золотого таза, прислалъ лошадь съ припасами и велѣлъ ѣхать въ чужое царство". Встрѣтивъ одного человѣка, служанка упросила его распустить слухъ, будто всѣ три дѣвицы утонули. Потомъ всѣ трое сѣли на лошадь: служанки сѣли впереди, царевну посадили сзади и поѣхали. Ихъ встрѣтилъ молодой царь Амуголангъ-ябукчи (Amugholang Jabuktschi) и спросилъ ихъ, кто онѣ такія. Служанки отвѣтили: „Мы двѣ царскія дочери, а третья—наша служанка".—„Куда вы ѣдете?" спросилъ ихъ царь.—„Мы ѣдемъ искать себѣ молодого царя въ женихи".—„Молодой царь—я", говоритъ царь. „А вы къ чему пригодны?" Тогда одна служанка говоритъ, что она можетъ горстью лоскутьевъ одѣть сто человѣкъ; другая служанка обѣщаетъ горьстью муки накормить сто человѣкъ; когда царь спросилъ царевну, она сказала, что родитъ ребенка съ золотою грудью. Царь беретъ царевну въ жены, а служанокъ заставляетъ служить ей. Приближаются роды; царь ѣдетъ искать мамокъ. Въ его отсутствіе, царица родитъ золотогрудаго царевича (Erdeni Charalik); тогда служанки даютъ царицѣ питье, отъ котораго она впадаетъ въ безуміе, а ребенка ея прячутъ подъ порогъ и оставляютъ только послѣдъ. Царь возвращается съ мамками, думаетъ, что царица обманула его, удаляетъ ее, а приближаетъ къ себѣ служанокъ. Когда онъ проходитъ въ дверь и шагаетъ черезъ порогъ, онъ всякій разъ чувствуетъ, что кто-то его дергаетъ; онъ велитъ изслѣдовать почву подъ порогомъ, тогда служанки помѣщаютъ ре-

бенка надъ верхнимъ косякомъ двери; тогда что-то трогаетъ волосы царя, когда онъ проходитъ въ двери; служанки, послѣдовательно перемѣщаютъ ребенка подъ тронъ, въ хлѣвъ и, наконецъ, зарываютъ въ саду. Тутъ выростаетъ дерево съ желтыми вѣтвями; это дерево портятъ овцы; отъ одной овцы родится необыкновенный ягненокъ, превращающійся потомъ въ принца Erdeni Charalik, который открываетъ царю всю исторію своей матери. Послѣ этого служанки были прогнаны. Этотъ Эрдени-Хараликъ, былъ воплощеніе Арья-Бало (Arja Palo). Эрдени-Хараликъ сначала ѣдетъ къ своему дѣду Тегусъ-Дзокту, потомъ ѣдетъ доставать сердце быка Rakscha-Kurin и, наконецъ, достаетъ себѣ невѣсту Dâkini-Dschnâna-Goschja. На пути къ невѣстѣ онъ проѣзжаетъ чрезъ непроходимое озеро съ черной водой, потомъ бомъ или приторъ, подъ которымъ течетъ вода, такъ что проѣзда подлѣ бома нѣтъ, потомъ проѣзжаетъ черезъ непроходимыя горы и черезъ заставу ассуровъ. Непроходимое озеро превращается передъ Ердени Хараликомъ въ сухую площадь, неприступныя горы разступаются и т. п. Послѣ всего этого Эрдени Хараликъ проѣзжаетъ черезъ мѣстопребываніе Rakschasas, которые жили во дворцѣ, окруженномъ семью желѣзными стѣнами; при входѣ во дворецъ стояло озеро человѣческой крови, а на берегахъ озера лежали кучи человѣческаго мяса.

Сказка сама говоритъ, что ея герой Эрдени-Хараликъ есть воплощеніе бога Арья-Бало. Насколько это утвержденіе не случайно, т. е. дѣйствительно ли сюжетъ этой сказки органически связанъ съ именемъ Арья-Бало, покажутъ будущіе труды фольклористовъ въ средѣ монголовъ и близкихъ имъ кочевниковъ. Чтобы указаніе монгольской (или монголо-тибетской, что, вѣроятно, вѣрнѣе) редакціи подтвердилось, нужно, чтобы были записаны другія сказки и легенды, въ которыхъ отражались бы черты того-же сюжета или въ прямой связи съ именемъ бога, или съ намеками на его аттрибуты.

Въ Амдо, т. е. въ сѣверо-восточной части Тибета, отъ того же старика тангута, отъ котораго я записывалъ тангутскую версію Гэсэра*), я записалъ также тангутскую сказку

*) Будетъ напечат. въ слѣд. кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“.

объ Егъ-таму-нцо. У царя было двѣ дочери: Нгулыггунъ (серебряная царевна) и Ксэрлыггунъ (золотая царевна); у царевенъ была служанка Егъ-таму-нцо. У серебряной царевны было серебряное ведро, у золотой—золотое, у служанки—деревянное. Служанка уговорила царевенъ играть, бросая ведро на воду. Царевны согласились; ихъ ведра утонули, одно деревянное ведро плаваетъ. Царевны посылаютъ служанку къ царю спросить его, что ему дороже, дочери или ведра. Царь сказалъ служанкѣ, что ведра онъ можетъ велѣть снова сковать, а дочерей уже не наживетъ. Онъ далъ ей лошадь и припасовъ и велѣлъ поскорѣе привезти дочерей. Но служанка сказала царевнамъ, что царь осердился на нихъ и велѣлъ имъ уѣзжать изъ его царства. Теперь служанка заставляетъ царевенъ отдать ей свое платье; переодѣлись, царевны надѣли платье служанки. Сѣли всѣ трое на лошадь, впереди Егъ-тому-нцо, сзади ея царевны, и поѣхали. Встрѣтилъ ихъ царскій сынъ. Егъ-таму-нцо спрашиваетъ его, которой изъ нихъ варить ему пищу. Царевичъ говоритъ: задней. Сзади всѣхъ сидѣла Ксэрлыгъ. Тогда Егъ-таму-нцо разсаживаетъ царевенъ иначе и опять спрашиваетъ царевича: которой варить пищу? Выборъ царевича опять палъ на Ксэрлыгъ. Потомъ царевичъ пускаетъ стрѣлу: подлѣ которой дѣвушки стрѣла ляжетъ, той и варить ему пищу. Онъ стрѣляетъ три раза и стрѣла всякій разъ ложится подлѣ Ксэрлыгъ. Тогда царевичъ выбралъ ее варить ему пищу. Продолжая путь, онѣ подъѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Егъ-таму-нцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла своей сестрѣ пѣсенку. Утопленная сестра, услышавъ пѣсенку, выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса, но приказывала все съѣдать въ полѣ, а не носить во дворецъ. Однажды, по забывчивости, она принесла кусокъ во дворецъ; тамъ нашла у ней Егъ-таму-нцо, начала допрашивать Нгулыгъ, и та созналась, что получаетъ пищу отъ утопленной сестры. Тогда Егъ-таму-нцо пошла сама пасти овецъ, подошла къ озеру и спѣла такую же пѣсенку, какую пѣла Нгулыгъ. Когда Ксэрлыгъ вышла изъ воды, Егъ-таму-нцо разсѣкла ей голову рас-

каленнымъ сошникомъ. Послѣ того Ксэрлыгъ перестала выходить на зовъ сестры. Нгулыгъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Ёгъ-таму-нцо велѣла подбросить его подъ овецъ, чтобъ онѣ растоптали его, но овцы разбѣжались. Точно также разбѣжались и лошади и коровы. Тогда Ёгъ-таму-нцо приказала на овечьемъ дворѣ вырыть яму, положить въ нее ребенка и завалить навозомъ; къ матери ребенка велѣла подкинуть щенка и сказала царю, что Нгулыгъ родила щенка. На могилѣ закопаннаго ребенка выросъ цвѣтокъ, овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говоритъ Нгулыгъ: „Мать, не ходи въ степь! я буду пасти овецъ“. Ягненокъ сталъ пасти стадо. Потомъ ягненокъ учитъ Нгулыгъ, чтобы она пожаловалась царицѣ Ёгъ-таму-нцо, что пѣгій ягненокъ заводитъ стадо то въ горы, то въ воду, и посовѣтовала бы ей приказать убить ягненка; когда зарѣжутъ ягненка, Нгулыгъ должна собрать всѣ косточки и положить въ пещерѣ. Нгулыгъ жалуется мнимой царицѣ Ёгъ-таму-нцо, но та ей не вѣритъ и идетъ сама пасти овецъ; пѣгій ягненокъ, дѣйствительно, заводитъ стадо въ разныя опасныя мѣста, и разсерженная Ёгъ-таму-нцо приказываетъ зарѣзать ягненка. Нгулыгъ собираетъ косточки и кладетъ въ пещерѣ. Черезъ семь дней вмѣсто костей въ пещерѣ является дитя лама [1]). Нгулыгъ стала ловить его, поймала, но онъ развалился; опять стали кости. Черезъ 7 дней въ пещерѣ опять появился лама, уже постарше лѣтами. Нгулыгъ опять ловитъ его, и онъ опять развалился, снова стали только кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился взрослый лама. Нгулыгъ стала ловить его и поймала. На этотъ разъ лама остался живымъ. Лама говоритъ Нгулыгъ: „Мать, иди къ царю и скажи ему, что въ пещерѣ народился лама“. По зову Нгулыгъ царь пришелъ въ пещеру вмѣстѣ съ царицей Ёгъ-таму-нцо. Царь и царица садятся рядомъ съ ламой, а Нгулыгъ у дверей. Лама приглашаетъ послѣднюю сѣсть поближе, но царица противится, чтобы нечистоплотная Нгулыгъ сѣла рядомъ съ нею. Лама протягиваетъ къ Нгулыгъ свою ладонь, проситъ ее плюнуть, глотаетъ ея слюну и говоритъ, что эта слюна показалась ему

---

[1]) Разсказчикъ добавлялъ: „это былъ великій, великій лама“.

вкусною, какъ молоко матери. Царица предлагаетъ ламѣ и свою слюну, увѣряя, что ея слюна вкуснѣе, но лама отказывается. Потомъ лама подбрасываетъ вверхъ тарелку и спрашиваетъ у нея: „Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксэрлыгъ въ озеро?“ — „Ёгъ-таму-нцо“, отвѣчаетъ тарелка. — „Кто ей разрубилъ голову?“ — „Ёгъ-таму-нцо“. — „Когда у Нгулыгъ родился полузолотой, полусеребряный ребенокъ, не велѣла ли Ёгъ-таму-нцо закопать его въ землю?“ — „Велѣла“, отвѣчаетъ тарелка. — „Когда на могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?“ — „Съѣла“. — „Не приказала ли Ёгъ-таму-нцо зарѣзать ягненка?“ — „Приказала“. — „Не положила ли Нгулыгъ кости ягненка въ пещеру?“ — „Положила“. — „Не народился-ли изъ этихъ костей лама, который теперь сидитъ рядомъ съ царицей?“ — „Народился“. Истина раскрылась, и царь велѣлъ Ёгъ-таму-нцо привязать къ семи лошадямъ и размыкать [1]).

Конецъ этой сказки другой, чѣмъ у переведенной Шмидтомъ; послѣдняя форма, которую принимаетъ гонимое лицо, не царевичъ, а лама. Эта форма какъ будто оправдываетъ показанія монгольской редакціи, что подъ этимъ лицомъ скрывается богъ Арья-Бало. Можетъ быть, такое измѣненіе въ редакціи произошло уже подъ вліяніемъ буддизма.

Въ Ургѣ я слышалъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ записать, третій варіантъ этой сказки. Я спросилъ у одного халхасца, не слыхалъ ли онъ сказки о Бэгэръ-Меджитѣ? Въ отвѣтъ на это онъ переспросилъ меня: „О трехженномъ Бэгеръ-Меджитѣ?“ и разсказалъ сказку, краткое содержаніе которой слѣдующее: У царя Бэгэръ-Меджита три жены. Исторія пріобрѣтенія женъ, — смутно припоминаю, — кажется, та-же, что и въ предъидущихъ сказкахъ. Младшая жена въ отсутствіе царя родитъ чудеснаго ребенка; двѣ старшія жены кладутъ его въ золотой ящикъ, золотой ящикъ запираютъ въ серебряный, серебрянный въ желѣзный, желѣзный въ деревянный и зарываютъ подъ порогъ; но имъ приходится перемѣстить этотъ кладъ въ другое мѣсто: онѣ прячутъ его подъ престолъ;

---

[1]) Эту сказку разсказалъ мнѣ 60-лѣтній старикъ, тангутъ Салунъ, уроженецъ изъ мѣстности Дуи, къ сѣверу отъ монастыря Лабрана, въ 200 верст. на западъ отъ Лань-чжоу, столицы провинціи Гань-су.

но и здѣсь его пребываніе обнаруживается; тогда онѣ бросаютъ ящикъ въ море. Ящикъ найденъ кѣмъ-то, вскрытъ, и ребенокъ спасенъ. Онъ приходитъ въ возрастъ и обличаетъ своихъ враговъ. Эпитетъ „трехженный," приписанный Бэгэръ-Меджиту, показываетъ, что появленіе этого имени тутъ не было произволомъ моего разсказчика и что редакція сообщаемой сказки давно свыклась съ именемъ Бэгэръ-Меджитъ.

Перейдемъ теперь къ русскимъ сказкамъ.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ" г. Романова (Витебскъ, 1887, вып. 3) помѣщена слѣдующая сказка: У батьки было три дочки: голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Они пошли по грибы; пошелъ дождь, и дѣвицы сѣли подъ березу; дождь былъ такой сильный, что потекла рѣчка и дотекла до царскаго двора. Царь послалъ узнать, откуда взялась рѣчка. Посланный слуга увидѣлъ трехъ дѣвицъ и подслушалъ ихъ разговоръ; одна говоритъ: если-бъ царь взялъ ее замужъ, она все войско бы одѣла, другая бы все войско накормила, а третья берется родить царю сына—во лбу мѣсяцъ, на потылицѣ зорьки. Царь женился на послѣдней. Пожили немного, и царь поѣхалъ на дальнюю границу. Безъ него царица родила чудеснаго сына и отправила царю письмо со слугой. Слуга зашелъ дорогой къ ея сестрѣ; сестра подмѣняетъ письмо; она пишетъ, что царица родила не то собаку, не то лягушку. На обратномъ пути новый обмѣнъ письма и новый подлогъ; въ подложномъ письмѣ былъ приказъ задѣлать ребенка въ бочку и бочку опустить въ море. Мальчикъ вышелъ изъ бочки, выстроилъ отъ острова до земли мостъ и повелъ свою мать по мосту къ царю, который собрался праздновать свою свадьбу съ другой сестрой. Его допустили во дворецъ, какъ искуснаго скрипача. Царь выноситъ коробку съ орѣхами и говоритъ, что отпишетъ тому полцарства, кто отгадаетъ эти орѣхи. Мальчикъ берется отгадать. Царица говоритъ, что ему не отгадать, но всѣ требуютъ, чтобы онъ началъ отгадывать. И вотъ онъ отгадываетъ: „Было у батьки три дочки: чётъ — пара орѣшковъ! Голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, чётъ—пара орѣшковъ!" Такими короткими фразами пересказывается вся сказка до конца; послѣ каждой фразы прибавляется: „чётъ—пара орѣшковъ!" Повто-

реніе сказки кончается фразами: „Царь внесъ коробку орѣшковъ, чётъ—пара орѣшковъ! Кто эти орѣхи отгадаетъ, отпишу половину царства, чётъ—пара орѣшковъ! Никто не взялся, только я взялся, чётъ—пара орѣшковъ.“ Кончивъ гаданье, мальчикъ снялъ шапку, а у него во лбу звѣзда, на потылицѣ—зорьки. Тогда тетку его, сестру его матери, привязали къ конскому хвосту и разорвали на части (стр. 302—304).

Дождь въ связи съ темой о трехъ сестрахъ является и въ одной урянхайской сказкѣ, записанной мною въ долинѣ верхняго Енисея въ китайскихъ предѣлахъ. Она помѣщена въ моихъ Очеркахъ с.—з. Монголіи, IV, 343. Три дѣвицы сидѣли на вершинахъ трехъ елей и играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ѣхали три охотника, услыхали игру и подъѣхали подъ деревья. Въ это время на головы молодцовъ полилась вода; они подумали, что идетъ дождь; посмотрѣли вверхъ, увидѣли дѣвицъ и предложили имъ спуститься и стать ихъ женами [1]). На другой день старшій изъ охотниковъ, отправляясь на охоту, спрашиваетъ свою жену, что она ему сдѣлаетъ. Та обѣщаетъ ему сшить даху изъ шкуры „джалбана“ (вѣроятно, небольшое животное, какой-нибудь грызунъ). Другая дѣвица обѣщаетъ своему мужу сшить чехолъ на брусъ изъ кожи вши; третья—родить мальчика съ серебряною шеею, золотою головой. Уѣхали мужья; третья сестра родила мальчика, какого обѣщала; старшія позавидовали, бросили мальчика въ озеро, а вмѣсто его подложили крота. Вернулись мужья; у старшихъ обѣщанія исполнены, а у младшей въ колыбели кротъ. Мужъ этой послѣдней изломалъ у нея руки и ноги и выколупалъ глаза; потомъ всѣ три охотника съ двумя другими сестрами укочевали съ этого мѣста. Оставленная искалѣченная женщина видитъ, какъ крыса лѣчитъ себя корнями травъ; она перенимаетъ это искусство у крысы и возвращаетъ себѣ и руки и глаза. Затѣмъ она идетъ къ озеру и кличетъ своего сына. Онъ вышелъ изъ воды и сталъ бѣгать кругомъ озера; мать хотѣла поймать его, но не могла, хотя и обращалась къ озеру съ такимъ воззваніемъ: „Мать-озеро,

[1]) Охотники сначала не узнали ихъ (не были-ли онѣ въ видѣ птицъ?) и хотѣли стрѣлять по нимъ. И здѣсь, какъ въ тибетской сказкѣ, три стрѣлы.

отецъ-озеро! поймайте!" Мальчикъ ушелъ въ воду. Мать пришила къ лоскуту бѣлаго войлока лучокъ и стрѣлку [1]), положила на берегу и снова стала кликать сына; озеро заиграло, мальчикъ вышелъ и сталъ бѣгать. Мать опять взмолилась озеру, но поймать опять не могла, мальчикъ снова ушелъ въ воду. Только когда она въ третій разъ вышла на озеро, ей удалось схватить мальчика. Мальчикъ сказалъ ей: „Если ты моя мать, то дай мнѣ грудного молока и пусти свои слезы въ мои глаза." Она дала ему молока и капнула слезы. „Теперь вижу, что ты моя мать," сказалъ мальчикъ. Мальчикъ этотъ получаетъ потомъ имя Ерь-Сару (*ерь* по-тюрски—витязь, мужъ).

Въ томъ же „Сборникѣ" г. Романова помѣщена сказка о сынѣ Хороборѣ (стр. 298—301). У короля три дочери, а у другого сынъ. Королевичъ хочетъ жениться на младшей; старшія завидуютъ ей и хвастаются: одна обѣщаетъ изъ одной „кужалинки" (волокна) выткать тридцать поставовъ съ поставомъ, другая—изъ одной пшеничинки испечь тридцать пирожковъ съ пирожкомъ; младшая говоритъ, что она родитъ тридцать сыновъ и сына Хоробора—во лбу звѣзда, въ потылицѣ мѣсяцъ, по поясъ въ золотѣ, по колѣни въ серебрѣ. Далѣе исторія съ подложными письмами. Царю написали, что его жена родила тридцать щенятъ и одного щенка шелудиваго. Мать съ дѣтьми въ желѣзной бочкѣ брошены въ море. Хороборъ (или Хыроборъ) думаетъ: „Господи! взялся бы вѣтеръ и прибилъ бы насъ къ берегу, а бочку разбилъ-бы!" Поднимается вѣтеръ, пригоняетъ бочку къ острову и разбиваетъ ее. Хороборъ выходитъ съ матерью на берегъ. Тутъ, по желанію Хоробора, появляется городъ. Шли мимо города корабельщики, увидѣли городъ; увидѣли тридцать сыновъ, какъ они катаютъ золотое ядро. Хороборъ подарилъ имъ кота. Корабельщики возвратились домой и разсказали царю, какое они видѣли диво на островѣ; царь хочетъ ѣхать смотрѣть, но новая царица отговариваетъ его: это, говоритъ, не диво: есть коза обаполъ озера, на одномъ рогу мельница, на другомъ мостъ. Котъ слышалъ этотъ разговоръ и передаетъ его Хоробору. По желанію Хоробора, является у него такая дивная

[1]) На изображеніяхъ Арья-Бало ему даются въ руки лукъ и три стрѣлы.

коза. Ее опять видятъ корабельщики и доносятъ о томъ царю. Царица сказываетъ о существованіи еще большаго дива— о чудесномъ вепрѣ (вoперь-загуберь), но, по желанію Хоробора, является у него и этотъ вепрь [1]). Потомъ точно такимъ же образомъ разсказывается, что у него явился перстень: потрешь его, выскочать двѣнадцать молодцовъ, которые все доставляютъ, что человѣку понадобится. Царица, наконецъ, говоритъ: если Хороборъ такой сильный, то пусть сдѣлаетъ мостъ съ острова до царскаго двора. Котъ передаетъ эти слова Хоробору; двѣнадцать молодцовъ строятъ мостъ. Царь пріѣхалъ по мосту на островъ, узналъ свою жену и своихъ дѣтей, а своячину разорвалъ на конскихъ хвостахъ.

Тотъ-же сюжетъ былъ записанъ Адріановымъ въ Бійскомъ округѣ въ Томской губерніи отъ русской крестьянки. Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукою рукописи Адріанова и не могу пересказать ее цѣликомъ, а долженъ ограничиться помѣщеніемъ того краткаго изложенія сказки, какое было сдѣлано въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монг, IV, 924. Царскій сынъ подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на младшей, жена родитъ ему трехъ золоторукихъ мальчиковъ, но Ягишна подмѣняетъ ихъ котенкомъ, щенкомъ и „сыномъ Коростой"; царскій сынъ велитъ заключить ихъ въ бочку и кинуть въ море; бочку прибиваетъ къ острову, Короста вышибаетъ ногами дно у бочки. Ѣдутъ мимо купцы; Короста прячется на корабль, пріѣзжаетъ ко двору царскаго сына,

[1]) Моя жена отъ своей няни Авдотьи Артемьевны Грузинцевой, уроженки извѣстнаго промышленнаго села Павлова, Нижегородской губ., въ дѣтствѣ слышала сказку о царевичѣ Збудѣ Збудовичѣ. Царевичъ имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и сбудется. Отсюда и имя его Збудъ. Царь услыхалъ, какъ три дѣвицы похвалялись своимъ искусствомъ: младшая хвалилась родить мальчика—„по запястья руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ." Царь женится на младшей, а потомъ уѣзжаетъ на войну; жена безъ него родитъ мальчика съ золотыми ручками и серебряными ножками. Двѣ отвергнутыя сестры пишутъ царю, что царица родила „невѣдомо какую звѣрушку." Отецъ велитъ оставить ребенка до его пріѣзда; злыя женщины подмѣняютъ письмо, пишутъ другое, въ которомъ велѣно засмолить мать и мальчика въ бочку и пустить въ море. Мальчикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ и разспрашиваетъ мать, какъ они очутились въ бочкѣ. Мальчикъ думаетъ: „кабы насъ прибило вѣтромъ къ берегу!"—бочку прибиваетъ къ берегу. „Кабы насъ выбросило на берегъ!"—волной бочку выбрасываетъ на берегъ. „Кабы бочка разсыпалась!"—бочка разсыпалась.... Конецъ забытъ.

подслушиваетъ разсказъ Ягишны о трехъ золоторукихъ мальчикахъ, находящихся въ заточеніи у медвѣдя въ норѣ, освобождаетъ ихъ, обманывая медвѣдя, и приводитъ мальчиковъ къ матери. Кромѣ того онъ добываетъ борова и кота, который по столбу ходитъ. Царскій сынъ узнаетъ объ островѣ и живущей на немъ матери съ тремя мальчиками, возвращаетъ ее въ свой домъ, а Ягишну приказываетъ разстрѣлять на воротахъ. У Рудченка (Южно-русскія сказки, II, 51) помѣщена сходная сказка подъ названіемъ: „Богатырь з бочки". Чудные предметы, добываемые богатыремъ по указаніямъ лжецарицы: 1) котъ, который ходитъ кругомъ столба и разсказываетъ сказки, 2) золотой мостъ черезъ море, на немъ церковь: идутъ въ церковь—деревья цвѣтутъ, выходятъ—плоды поспѣваютъ; за церковью мельница, на 12 каменьевъ мелется, изъ-подъ каменьевъ горячее молоко бѣжитъ; 3) восемь сыновъ-соколовъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, по локти золотыя руки, по колѣна золотыя ноги, на головѣ золотые чубы, у каждаго на лбу мѣсяцъ, а по краямъ—звѣзды.

Съ тѣмъ же началомъ записана сказка на сѣверѣ Европейской Россіи г. Барсовымъ. Царь, подслушавъ разговоръ трехъ дѣвицъ, выбираетъ третью, похваставшуюся золотою и серебряною ступней. Одна баба обратила царицу въ утку, а на ея мѣсто поставила свою дочь. Царь во время охоты видитъ утку. Когда онъ плюнулъ, утка подхватила его слюну. Два раза она это исполнила вполнѣ удачно, въ третій не совсѣмъ, потому что царь хотѣлъ поймать ее, и она испугалась. Она родитъ двухъ мальчиковъ-самобратовъ, Бориса и Глѣба, и третье яйцо. Царь приглашаетъ ихъ къ себѣ на пиръ, мать даетъ имъ яйцо, которое должно предостерегать ихъ отъ козней мачехи, но они не соблюли наставленія матери, какъ беречь яйцо; яйцо, ранѣе предупреждавшее ихъ о грозящей опасности, замолчало, и они погибли. (Древняя и Нов. Россія, 1879, № 9, стр. 403). У Худякова (Великорусск. сказки, III, 89) сказка продолжается дальше: утка, которая здѣсь золотая, приноситъ живой и мертвой воды и оживляетъ дѣтей; въ это время царь ловитъ ее, она принимаетъ прежній видъ и становится вновь женою царя. Мальчиковъ двое, какъ и у Барсова, но именъ нѣтъ.

У Аѳанасьева эта сказка въ пяти варіантахъ подъ общимъ названіемъ: „По колѣни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“ (Нар. Русск. ск., в. VI, изд. 1861 г., стр. 336 и слѣд.). Отмѣтимъ въ нихъ интересное. Младшая сестра родитъ иногда трехъ сыновей съ указанными примѣтами, иногда семь сыновей въ трехъ брюхахъ (т. е. сначала трехъ, потомъ еще трехъ, и наконецъ одного), иногда девять. Ранѣе рожденные мальчики подмѣняются котятами и щенками, послѣдній—простымъ ребенкомъ; этотъ же послѣдній и попадаетъ въ бочку вмѣстѣ съ матерью, освобождаетъ братьевъ и возстановляетъ мать на прежнемъ мѣстѣ. Въ варіантѣ *d* этотъ будущій освободитель родился отъ той же гонимой матери; также и въ варіантѣ *b*: мать девятаго сына, родивши, прячетъ его въ рукавъ. Въ варіантахъ *a* и *b* ясно выражена божественная особенность героя, сбывчивость его желаній. „Сударыня матушка!“ говоритъ онъ своей матери, находясь вмѣстѣ съ нею въ бочкѣ: „когда-бъ по моему велѣнью, по щучьему прошенью, по божьему благословенію, мы пристали къ берегу!“ Когда онъ съ такимъ же присловьемъ высказываетъ желаніе, чтобы бочка лопнула, бочка разсыпается. Находятъ мать съ сыномъ или купцы или нищіе. Разговоръ царя съ царицей передается или черезъ нищихъ или самъ герой летаетъ къ царю подъ видомъ мухи, или комара, или пчелы. О добываніи необыкновенныхъ предметовъ разсказывается только въ одномъ варіантѣ *d*; добываются, во-первыхъ, зеленый садъ, въ саду—мельница, сама мелетъ, сама вѣетъ, и пыль на сто верстъ мечетъ; возлѣ мельницы столбъ, на столбѣ—золотая клѣтка, ходитъ по столбу ученый котъ; во-вторыхъ, золотая сосна, на ней сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія; въ третьихъ, три братца родныхъ, похищенныхъ злою лже-царицей. Въ остальныхъ вмѣсто этого только одно добываніе братьевъ, иногда простое возсоединеніе съ ними. Въ варіантѣ *d* подмѣненные три братца обращены въ голубей. Они родились отдѣльно другъ отъ друга, но сказка заставляетъ ихъ, когда родился послѣдній и обращенъ злой царицей въ голубя, слетѣться и улетѣть вмѣстѣ. Родится четвертый братъ, который и находитъ ихъ.

Въ варіантѣ *a* мать ослѣплена. Сынъ (подкидышъ) моетъ мать съ пожеланіемъ, чтобы явились глаза, и зрѣніе матери

возвращается. Въ томъ же варіантѣ сынъ-подкидышъ молоко матери употребляетъ, какъ средство узнать родство. Въ домъ, гдѣ живутъ три сына гонимой женщины, онъ относитъ три лепешки, замѣшенныя на молокѣ матери. Дѣти ѣдятъ и узнаютъ вкусъ молока матери. Въ варіантѣ *b* то же дѣйствіе производятъ хлѣбцы на молокѣ матери. Въ варіантѣ *d*—три просвиры, но значеніе ихъ забыто [1]). Гонимая женщина въ варіантѣ *b* называется Марфой; въ остальныхъ у ней имени нѣтъ. Ея гонительница тоже безъ имени; въ варіантѣ *b* она названа Ягой-бабой. [2]).

У Аѳанасьева также есть сказка о царевнѣ, обращенной въ сѣрую птицу (№ 17, вып. VIII, изд. 1863). Дмитрій царевичъ привозитъ свою сестру къ Ивану Царевичу. Нянька велитъ ей скинуть драгоцѣнное платье и бьетъ ее по тѣлу; полетѣла Марья царевна сѣрой утицей. Въ платье царевны нянька нарядила свою дочь. Дмитрія царевича за обманъ посадили въ темницу. Утица прилетаетъ навѣщать брата въ

---

[1]) Пятый варіантъ у Аѳанасьева не относится къ этому типу. Это сюжетъ объ оклеветанной сестрѣ, но нѣкоторыя черты сближаютъ ее съ кругомъ затронутыхъ нами сказокъ. Жена брата выпускаетъ его коня, сокола и наконецъ бросаетъ его единственнаго сына подъ ноги лошадямъ и обвиняетъ въ этомъ его сестру. Братъ отводитъ сестру въ лѣсъ; она забирается въ дупло; здѣсь ее находитъ царевичъ; она родитъ ребенка—по локоть руки въ золотѣ и т. д. Подмѣна писемъ. Матери отрубаютъ руки и изгоняютъ ее въ лѣсъ съ ребенкомъ. Захотѣвъ напиться, она склонилась надъ колодцемъ и уронила ребенка въ воду, но руки ея вдругъ выростаютъ, и она спасаетъ ребенка. Странствуя, она приходитъ въ домъ брата. Братъ предлагаетъ игру—пересыпанье орѣховъ изъ короба въ коробъ. Мальчикъ разсказываетъ вновь всю исторію, приговаривая къ каждой своей фразѣ: „два орѣха въ коробъ, два изъ короба". Начало сказки (оговоръ сестры) ср. съ монгольской легендой о Цыганъ-дара-экэ (Очери С.-З. Монг., IV, 319).

[2]) Материнское молоко есть и въ сванетской сказкѣ сходнаго сюжета, помѣщенной въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", издав. въ Тифлисѣ, т. X, стр. 163. Содержаніе: три дѣвицы; младшая родитъ золотыхъ сына и дочь. Дѣти подмѣнены щенятами, а сами брошены въ воду. Выросшій мальчикъ исполняетъ трудныя порученія царя: достать золотую яблоню съ Эльбруса, зеркало съ Эльбруса и дочь Западнаго царя. Первыя двѣ поѣздки угрожали гибелью; герой могъ окаменѣть, но онъ избѣжалъ гибели, вспоминая вòвремя „благо сосцовъ матери". Эпизодъ о добываніи невѣсты ср. съ бурятской сказкой о Ханъ-Гужирѣ (Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. I, стр. 64); вм. укрощенія коня, въ бурятской укрощеніе собаки Гуниръ. Начало сванетской сказки ср. съ началомъ Ерь-Сару (Очерки, IV, 341).

темницу, при входѣ въ которую оставляетъ свои крылья. Иванъ Царевичъ подкарауливаетъ, сжигаетъ крылья и ловитъ дѣвицу. Она оборачивается разными гадами, но онъ не пугается, изъ рукъ не выпускаетъ. Она обращается въ веретено, царевичъ переломилъ веретено на двое, одинъ конецъ бросилъ впереди себя, другой назадъ, и сказалъ: „стань передо мной красная дѣвица, а за мной бѣлая береза“ (стр. 169.).

Послѣдніе варіанты уже представляютъ переходъ къ новой группѣ сказокъ, въ которыхъ введена тема обращенія женщины въ звѣря или птицу. Начинаются эти сказки большею частью такъ: вдовецъ, имѣющій дочь, женится на вдовѣ, которая за собой приводитъ то-же дочь. Мачеха не любитъ падчерицу и заваливаетъ ее работой. Каждый день, высылая ее пасти скотъ, она задаетъ ей большіе уроки прясть и ткать. Падчерицу выручаетъ быкъ или корова; животное приходитъ къ плачущей дѣвочкѣ, спрашиваетъ ее о горѣ и потомъ даетъ ей совѣтъ, что дѣлать. Дѣвочкѣ приходится или влѣзть къ коровѣ въ одно ухо и вылѣзть въ другое, или только посмотрѣть въ ухо коровѣ; какъ только она это сдѣлаетъ, весь урокъ, заданный мачехой, готовъ.

Пересмотръ этихъ сказокъ мы начнемъ съ бѣлорусскаго варіанта, который записанъ г. Романовымъ не дословно, а только въ видѣ пересказа (Бѣлорусск. Сборн., в. 3, стр. 292). У дѣда были дочь и сынъ. Мачехины порученія исполняетъ быкъ. По требованію мачехи, быкъ зарѣзанъ. Падчерица, промывая кишки, нашла въ нихъ два зерна—одно золотое, другое серебряное, и, какъ совѣтовалъ ей быкъ, посадила ихъ въ землю. Тамъ явилась медовая криница, двѣ яблони—одна съ золотыми, другая съ серебряными яблоками, и кони—золотая и серебряная шерстинка. Скоро пасынокъ, напившись воды изъ овечьяго слѣда, сдѣлался „бараньkомъ“. Проѣзжій купецъ женился на падчерицѣ и повезъ къ себѣ; за нимъ потекли рѣки медовыя, пошли кони—золотая и серебряная шерстинка, пошли чудесныя яблоки и побѣжалъ баранька. Черезъ три года падчерица съ мужемъ, ребенкомъ (родившимся у нихъ) и баранькомъ пріѣхали въ гости къ мачехѣ. Мачеха раздѣла падчерицу, обшила ее въ „рысьсюю скуру“ и выгнала, а свою дочь нарядила въ ея платье. Купецъ не замѣ-

тилъ обмана и поѣхалъ домой. Когда ребенокъ начиналъ плакать, баранька выносилъ его на дворъ и кричалъ: „рыся, рыся! молодзёнъ плачець, ѣсьци хочець!“ Рысь прибѣгала и кормила ребенка. Подслушавъ это, купецъ сдѣлалъ облаву; поймали рысь, она сдѣлалась женщиною, баранька сдѣлался мальчикомъ. Бабину дочку привязали къ лошадиному хвосту и пустили въ поле.

Въ другомъ бѣлорусскомъ варіантѣ, помѣщенномъ на той же страницѣ того же сборника и также переданномъ въ видѣ краткаго пересказа, падчерица также обращена въ рысь. Когда мачеха и падчерица пошли въ баню, мачеха оборотила ее рысью, а свою дочь послала съ ребенкомъ къ Ивану Васильевичу, королевскому сыну. Ночью ребенокъ захотѣлъ ѣсть и началъ кричать. Нянька вынесла его на крыльцо и стала звать мать: „рыся Марыся! и гуси спяць и куры спяць, только сынъ твой не спиць: трехъ дзёнъ молодзёнъ—ѣсци хочець!“ Мать прибѣжала, накормила ребенка и опять убѣжала въ лѣсъ. На третью ночь Иванъ Васильевичъ, королевскій сынъ, по наущенью няньки, схватилъ рысь, когда она хотѣла бѣжать въ лѣсъ. Она скинулась мухой, онъ ее разорвалъ; сдѣлалась иглою, онъ ее переломилъ; тогда она сдѣлалась молодицей. Мачеху съ ея дочерью привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разнесли по чистому полю.

Въ третьемъ варіантѣ Романова (ibid., стр. 292—295) падчерица обращена въ лиску; г. Романовъ въ примѣчаніи догадывается, что лиска—позднѣйшая замѣна рыськи.

Жилъ дѣдъ съ бабой; у нихъ была дочка. Баба умерла; дѣдъ говоритъ дочкѣ: „будемъ съ тобой, дочушка, жениться!“ Дочь отказывается, хочетъ напередъ спросить мать, приходитъ на могилу матери, плачетъ и разсказываетъ, что отецъ хочетъ, чтобы она за него замужъ пошла. Мать говоритъ: „пусть онъ тебѣ (напередъ) справитъ платье, какъ на небѣ звѣзды, какъ на небѣ мѣсяцъ“. Отецъ справилъ все это и опять хочетъ жениться на своей дочери. Дочь снова идетъ на могилу матери за совѣтомъ. И такъ дочь ходитъ на могилу матери, мать научаетъ ее, что требовать отъ отца, и отецъ, кромѣ платья, справляетъ ей повозку, какъ звѣзды и какъ мѣсяцъ, и такихъ же коней. Въ послѣдній визитъ дочери мать

говоритъ ей: „пусть онъ женится на вдовѣ съ тремя дочерьми“. Онъ и женился на вдовѣ. Мачеха не взлюбила падчерицы, заваливаетъ ее работой, но падчерицу выручаетъ „коровка Буренка“. Дѣвушка въ одно ухо дунетъ, въ другое протянетъ—и работа готова. Мачеха посылаетъ свою дочь подсмотрѣть, кто помогаетъ падчерицѣ. Падчерица опять идетъ на могилу матери и мать ей совѣтуетъ предложить мачехиной дочкѣ поискать у нея вшей и во время исканья приговаривать: „спи вочко, спи другое!“ Мачехина дочка засыпаетъ и не видитъ, какъ коровка Буренка исполняетъ работы. Мачеха догадалась и вставила своей дочкѣ третье око, которымъ та усмотрѣла секретъ падчерицы. Мачеха требуетъ, чтобы дѣдъ зарѣзалъ коровку Буренку. Падчерица, по совѣту матери, стала перебирать кишки, нашла зерно и посадила подъ окномъ. Выросла яблоня—одно яблоко золотое, другое серебряное, но яблоки никому не даются. Въ святой день мачеха отправилась съ тремя дочерьми въ церковь, а падчерицу оставила дома, насыпала золы въ макъ и велѣла ей макъ очистить. Падчерица надѣла платье, какъ звѣзды и мѣсяцъ на небѣ, справленное ей отцомъ, сѣла въ справленную имъ же повозку на такихъ же чудныхъ лошадяхъ и тоже поѣхала въ церковь. Тамъ увидѣлъ ее царскій сынъ, захотѣлъ ее взять замужъ. Онъ разлилъ на ея пути растопленную смолу, одинъ черевикъ въ смолѣ и остался. Сталъ ѣздить царскій сынъ по всему царству примѣривать черевикъ; мачеха подсѣкла пальцы своимъ дочерямъ, чтобъ черевикъ пришелся, а падчерицу спрятала подъ корыто. Однако царевичъ нашелъ ее и женился на ней. Когда родился ребенокъ, они поѣхали къ мачехѣ. Мачеха повела родильницу въ баню, обернула ее лисицей, а свою дочку поставила на ея мѣсто. Баба-пупорѣзница, когда дитя захочетъ ѣсть, вынесетъ его на улицу и скажетъ: „лиска, лиска! дитя плачетъ, ѣсть хочетъ!“ Мужъ подкараулилъ лисицу, и когда она скинула свои лисьи шкуры, чтобы покормить ребенка, онъ сжегъ ихъ. Потомъ мачеху и ея дочь привязали къ конскому хвосту.

Къ этому варіанту близка сказка о Строевой дочери у Худякова (Великор. ск., II, 71—75). Ея особенности: пряжа не кладется въ ухо коровѣ, а корова жретъ ее и выпускаетъ

готовую ткань; зарываются не зерна, а требуха и ножки, и на этомъ мѣстѣ выростаетъ садъ съ золотыми яблоками; превращеніе совершается въ банѣ; злая мачеха стала парить падчеричу и приговаривать: „чтобъ тебѣ отнынѣ и до вѣку рысью бѣгать!“ Няня ходитъ съ плачущимъ ребенкомъ въ поле и поетъ: „ой рысь-поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!“ Когда приходитъ рысье стадо, Строева дочь выходитъ, снимаетъ шкуру и кормитъ ребенка; мужъ сжигаетъ шкурку, схватываетъ жену поперекъ тѣла; она обращается ужомъ, жабой, веретеномъ; онъ ломаетъ веретено и бросаетъ передъ собой,—она становится по прежнему.

Въ варіантѣ Кулиша (Записки о южной Руси, II стр. 24) парубокъ, который носитъ плачущее дитя на болото, къ обращенной въ козу матери, поетъ:

„Ой рись коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, істи хоче.

Въ четвертомъ варіантѣ Романова (стр. 289) нѣтъ ни обращенія падчерицы въ животное, ни могилы матери. Работы за падчерицу исполняетъ корова Буреня. Подстерегаетъ ее самъ отецъ падчерицы, и онъ первый подаетъ мысль зарѣзать корову. Какъ поступить въ этомъ случаѣ, учитъ падчерицу сама корова Буреня. Падчерица собрала всѣ ея кости и зарыла подъ окномъ, на этомъ мѣстѣ разливается крыница и выростаетъ яблоня. Никто не можетъ ни яблока сорвать, ни воды зачерпнуть, а царь увидѣлъ это чудо и требуетъ. Мачеха спрятала падчерицу подъ корыто, но ее нашли. Падчерица достала яблоко и зачерпнула воды. Царь взялъ ее съ собой, и яблоня съ крыницей пошли вслѣдъ за ними. Царь женилъ на этой дѣвицѣ Мареѣ своего сына. Мачеха хочетъ погубить Марею и зоветъ ее къ себѣ въ гости. Марея пріѣхала къ мачехѣ и здѣсь родила. Мачеха отсѣкла ей руки, „куксы ей позаверчивала“, подвязала ей ребенка и пустила въ бѣлый свѣтъ, а свою дочку на ея мѣсто выправила. Подошла Марея къ самому синему морю, наклонилась напиться, обмочила свои „куксы“ въ водѣ и стала вновь съ руками. Пошла она отъ моря, дошла до царскаго двора и спряталась съ сыномъ за печку. Царь услышалъ голосъ ея мальчика и вызвалъ изъ-за печки. Мальчикъ разсказываетъ исторію своей матери.

сказка повторяется. Въ концѣ разсказа мальчикъ обращается къ царскому сыну: „здравствуй, отецъ мой родимый!“ Снялъ съ себя шапку и обнаружилъ звѣзду на темени. Мачеху привязали къ конскому хвосту.

Эти два послѣдніе варіанта г. Романова интересны для насъ тѣмъ, что въ нихъ находятся темы, въ одномъ—отецъ, желающій жениться на собственной дочери, въ другомъ—отсѣченныя руки. Эти двѣ темы въ нѣкоторыхъ западныхъ сказаніяхъ, встрѣчаются вмѣстѣ и именно въ такой связи: отецъ, овдовѣвъ, хочетъ жениться на своей дочери и цѣлуетъ ея руки; это возмущаетъ чувство дочери, она сама отрубаетъ себѣ руки, которыя цѣловалъ отецъ, и отсылаетъ ему; или отецъ получаетъ отказъ, сердится, велитъ отрубить руки дочери; въ обоихъ случаяхъ онъ приказываетъ посадить ее въ лодку и отпустить на море. Та-же тема въ нѣсколько измѣненномъ видѣ разсказывается о китайско-буддійской богинѣ Гуань-инъ-пусѣ, которая китайскими буддистами считается воплощеніемъ Арья-Бало или Авалокитеçвары. Гуань-инъ-пуса была дѣвица, желавшая остаться дѣвственницей; но отецъ принуждалъ ее выйти замужъ. Дѣвица бѣжала изъ родительскаго дома въ отдаленный монастырь (на островъ Путо), сдѣлалась монахиней и затѣмъ прославилась какъ цѣлительница болѣзней. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ; гонцы его, искавшіе искуснаго врача, дошли и до острова Путо; Гуань-инъ-пуса отрубаетъ себѣ руки и изъ нихъ дѣлаетъ лѣкарство для исцѣленія отца. (Annales du musée Guimet, T. XI, p. 196).

Въ южно-русскихъ варіантахъ, собранныхъ Чубинскимъ (Труды этногр.-стат. экспед. въ западно-русскій край, Спб., 1878, т. II, №№ 138, 139, 140, 141, 142), падчерица обращается большею частью въ птицу, и въ одномъ варіантѣ—въ щуку Въ варіантѣ № 138 (стр. 448) падчерицѣ помогаетъ волъ; яблоня выростаетъ отъ камешка, найденнаго падчерицей въ кишкахъ вола; на падчерицѣ женится панъ, но ее обращаютъ въ гусыню. Когда она купалась, дочь мачехи стала бить ее розгою, приговаривая: „лети, рисю, гускою!“ Она обратилась въ гусыню и улетѣла. Съ оставшимся ея ребенкомъ нянчится, вмѣсто няньки, зайчикъ. Онъ носитъ ребенка въ лѣсъ и поетъ: „рисю, рисю, дитя плаче, істи хоче“. Кончается тѣмъ, что

панъ подкарауливаетъ мать, пришедшую кормить ребенка, набрасываетъ ей на шею „стёнжку“ (ленту) отъ сорочки, и она принимаетъ прежній видъ. Въ № 139 падчерица обращена уточкою, въ 140—гускою, въ 142—птицею. Въ № 139 обращеніе въ утку производится такъ-же, какъ и въ № 138, во время купанья, посредствомъ битья розгою, но отворачиваніе въ старый видъ накидываніемъ на шею „чирвоной стёнжки“; въ № 140 и обращеніе въ птицу и отворачиваніе равно совершаются посредствомъ накидыванія на шею обращаемой той ленты, которою ея рука была связана съ рукою ея жениха во время вѣнчанья. Въ варіантѣ № 140 не сразу совершается обращеніе въ утку: сначала она перекидывается мышью, потомъ котомъ, собакою, волкомъ и всякимъ другимъ звѣремъ; но по совѣту знахарки нужно было продолжать бить, пока она не перекинется птицей, тогда нужно отпустить. Въ № 139 переходныя обращенія кошкой и собакой упоминаются при возвращеніи въ прежній видъ. Въ варіантѣ № 141 (стр. 459) падчерица обращена щукой. Яблоня выростаетъ изъ закопанной въ землю головы коровы. На падчерицѣ же женится царевичъ; когда онъ увозитъ ее, слѣдомъ за ними уходитъ и яблоня. Когда царевича не было, мачеха ночью сдѣлала падчерицу щукою и пустила въ море, а свою дочь одѣла въ платье обращенной. Одинъ лакей каждый день носитъ оставшееся сиротою дитя къ морю и причитаетъ: „Оленице, сестрице! Приплинь, приплинь до берега, дитя твое умирае“. Щукой же обращена мать въ варіантѣ Рудченка (II, 51). Тѣмъ не менѣе нянька, носящая дитя на рѣку къ щукѣ, поетъ:

Рисю, рисю! молодюкъ плаче,
Молодюкъ плаче, йісти хоче.

У Аѳанасьева подобный варіантъ записанъ въ самой краткой редакціи. Сказка названа „Арысь-поле“ (VII, 218, № 27): Старикъ имѣлъ дочь красавицу и женился на вѣдьмѣ. Вѣдьма обратила падчерицу „звѣремъ Арысь-поле“ и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье нарядила свою дочь. Старая мамка носитъ ребенка падчерицы въ лѣсъ и поетъ:

Арысь-поле! дитя кричитъ,
Дитя кричитъ, пить-ѣсть хочетъ.

Арысь-поле прибѣжитъ, сброситъ шкурку и накормитъ ребенка. Мужъ сжигаетъ шкурку.

Въ собраніи Садовникова (Сказки и пред. Самарск. края, стр. 218) у мачехи—пасынокъ Ванюшка и падчерица Аннушка. Уроки, задаваемые мачехой,—пряжа и шитье. Помощникомъ падчерицы выставленъ быкъ „бынеюшко". Изъ кишокъ убитаго быка выростаетъ яблоня. На падчерицѣ женится баринъ. Ягая-баба (отдѣльный персонажъ отъ мачехи) посылаетъ падчерицу въ баню; та сходила и забыла тамъ кольцо, посылаетъ за нимъ брата, но совѣтуетъ не лизать козлинаго сала, положеннаго тамъ мачихой. Ванюшка лизнулъ и сталъ козленкомъ. Ягая-баба позвала падчерицу купаться, посадила ее въ воду и привязала къ ней камень. Козленокъ бѣгаетъ къ рѣчкѣ и поетъ пѣсенку, проситъ сестренку выглянуть. Она отвѣчаетъ, что рада бы выглянуть, но „горючъ камень ко дну тянетъ, люты змѣи сердце сосутъ". Однако на первый зовъ показываетъ изъ воды голову, на слѣдующій еще больше высовывается, въ третій разъ—по поясъ. Въ это время баринъ вытянулъ ее изъ воды, снова сдѣлалъ своей женой, а Ягую бабу посадилъ на ворота и разстрѣлялъ изъ поганаго ружья.[1]).

Приведенныя русскія сказки мы можемъ раздѣлить сначала на двѣ группы. Къ первой мы относимъ сказку, герой которой въ разныхъ варіантахъ названъ именами: Хороборъ, Богатырь изъ бочки, Збудъ Збудовичъ, Короста. Ея содержаніе: три сестры, хвастающіяся своимъ искусствомъ; младшая родитъ чудеснаго ребенка; подмѣна дитяти; мать съ ребенкомъ въ бочкѣ плаваютъ по морю; добываніе трехъ чудесныхъ предметовъ; обличеніе обмана.

Другую группу составляютъ три версіи. Первая: мачеха не любитъ падчерицу и обременяетъ работой; падчерицѣ помогаетъ быкъ или корова, которую гонимая дѣвушка называетъ иногда сестрицей (Драгомановъ 361; Рудченко, II, 51). Животное зарѣзано по требованію мачехи; падчерица зарываетъ въ землю какіе-нибудь остатки отъ покровительствовавшаго животнаго (два зерна, найденныя въ кишкахъ животнаго: Романовъ, в. 3, стр. 292; Рудченко II, 51; Драгомановъ

[1]) Бѣлорусскіе варіанты въ „Бѣлорусск. Сборникѣ" г. Романова, в. 3, стр. 265.

361; одно зерно: Романовъ, ibid. Рудченко, II. 43; кишки, Садовниковъ, 218; требуха и ножки, Худяковъ, II, 71; кости, Романовъ, в. 3, 289; голова животнаго, Чубинскій, II, 459; кошелекъ, найденный въ кишкахъ, Чубинскій, II. 448). На мѣстѣ, гдѣ они зарыты выростаетъ чудесная яблоня. Царь (баринъ, купецъ) женится на гонимой падчерицѣ, и яблоня иногда уходитъ вслѣдъ за нею (Драгомановъ 361; Романовъ, в. 3, 289). Она родитъ сына; мачеха обращаетъ падчерицу въ животное (въ *рысь*, Худяковъ, II, 71—75; Романовъ, в.3, 292; въ *козу*, Кулишъ, II, 24; въ *гуся*, Чубинскій, II, 448; въ *щуку*, Рудченко, II, 51, и Чубинскій, II, 459). Нянька ходитъ съ ребенкомъ къ матери просить для него молока; возвращеніе матери въ прежній видъ.

Вторая версія начинается такъ-же: покровительствующее животное зарѣзано, выростаетъ дерево; конецъ другой: гонимая падчерица секретно одѣвается въ дорогое платье и пріѣзжаетъ въ церковь; ее отыскиваютъ по башмаку, который она завязила въ смолѣ.

Третья версія: мачеха гонитъ двоихъ дѣтей, пасынка и падчерицу; пасынка обращаетъ въ козленка, а падчерицу спускаетъ на дно озера или рѣки съ камнемъ на шеѣ.

Назовемъ первую группу сказками о богатырѣ, заключенномъ въ бочку, а вторую—сказками о гонимыхъ дѣтяхъ. Не только три версіи второй группы наращаются темами одна изъ другой (какъ, напримѣръ, въ варіантѣ Романова, в. 3, стр. 292—295), но и сказки о гонимыхъ дѣтяхъ представляютъ заимствованія изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Такую смѣсь представляетъ версія, въ которой женщина, по злой волѣ ея гонителя, обращается въ утку (варіантъ Барсова въ Древ. и Нов. Россіи, 1879, № 9, стр. 403). Версія эта начинается эпическимъ мѣстомъ изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку (три похваляющіяся сестры, женитьба царевича), но потомъ слѣдуетъ разсказъ о двухъ преслѣдуемыхъ братьяхъ.

Въ восточныхъ варіантахъ это смѣшеніе еще больше. Такъ, въ сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, приведенной въ началѣ статьи, стоятъ рядомъ тема о трехъ дѣвицахъ, сватающихся за царевича, и тема о деревѣ, выростающемъ на мѣстѣ

погребенія; въ приведенныхъ выше русскихъ варіантахъ вездѣ эти темы стоятъ отдѣльно. Отраженіе темы о гонимыхъ дѣтяхъ въ тангутской сказкѣ еще сильнѣе; здѣсь одна сестра утоплена, а другая ходитъ на берегъ къ утопленницѣ вызывать ее изъ воды, въ родѣ того, какъ въ нашей сказкѣ о братѣ, обращенномъ въ козла, и объ его утопленной сестрѣ. Изъ русскихъ сказокъ не видно, кто такой быкъ, который покровительствуетъ гонимой падчерицѣ, и почему онъ это дѣлаетъ. Въ тангутской сказкѣ это лицо осмыслено. Это—сынъ гонимой женщины, зарытый въ землю и возродившійся подъ видомъ животнаго. Такое осмысленіе важно тѣмъ, что оно противополагаетъ тангутскій варіантъ тѣмъ русскимъ варіантамъ, въ которыхъ женщина обращается въ рысь. Въ монголо-тангутской сказкѣ обращеніе (въ дерево [1], въ ягненка и наконецъ вновь въ человѣка) происходитъ съ сыномъ гонимой женщины, въ русскихъ (въ рысь, щуку, утку)—съ самой гонимой женщиной. На нашъ взглядъ, эти двѣ версіи, не смотря на различное теченіе разсказа въ отдѣльныхъ мѣстахъ, воплощаютъ въ себѣ одно и то-же представленіе, но то, что одна версія поняла въ видѣ мужчины, другая поняла въ видѣ женщины. (Рысь-поле, Арысь-поле). Такое же двойственное пониманіе прилагается и къ бодисатвѣ Арья-Бало; онъ представляется и въ видѣ мужчины и въ видѣ женщины.

Версіи 1) объ уткѣ, проглотившей слюну царя, и 2) о пасынкѣ, обращенномъ въ козленка, и о сестрѣ его, опущенной въ воду съ камнемъ на шеѣ, не нуждаются въ подробныхъ указаніяхъ ихъ принадлежности къ одному циклу съ приведенными монголо-тибетскими сказками. Менѣе очевидны отношенія сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ варіанты ея только начинаются сходнымъ эпизодомъ о трехъ сестрахъ; потомъ младшая сестра заключается съ сыномъ въ бочку и опускается въ море, и далѣе

---

1) Въ монгольской сказкѣ на мѣстѣ, гдѣ зарыто дитя, выростаетъ дерево, въ тангутской—цвѣтокъ. Подобное представленіе получило мѣсто и въ буддійской агіографіи; гдѣ былъ зарытъ послѣдъ, въ которомъ родился Зонхава (въ Гумбумѣ), на томъ мѣстѣ выросло чудесное дерево *зандань*, т. е. сандальное, которое и теперь указываютъ въ Гумбумѣ, увѣряя, что его листья покрыты тибетскими письменами. На самомъ дѣлѣ это не сандальное дерево, а сирень.

исторія развивается совершенно иначе, такъ что можно подумать, что тема о плавающей въ морѣ матери ничего общаго съ монголо-тибетскими сказками объ Эрдени-Хараликѣ и Ёгъ-таму-нцо не имѣетъ. Однако сближеніе послѣднихъ съ одной сказкой, записанной у тюрковъ южной Сибири, устраняетъ эти сомнѣнія. Сказка эта записана Адріановымъ и помѣщена въ моихъ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, 600. Герой сказки называется Кэрэкъ-Кирвэсъ-Хэмэрэ-мэргэнъ; отецъ его—Аройбай-Его-ханъ. Ходъ разсказа тотъ-же, что въ сказкахъ о Хороборѣ, Коростѣ, Збудѣ Збудовичѣ и др., только нѣтъ бочки. Такъ-же младшая жена обѣщаетъ родить богатыря и родитъ, но завистливая старшаа подмѣниваетъ его щенкомъ; вмѣсто заключенія матери съ сыномъ въ бочку, сынъ просто брошенъ въ озеро (золотое озеро, Алтынь-куль), а его мать оставлена на берегу въ одиночествѣ. Затѣмъ ханъ посылаетъ на озеро пословъ посмотрѣть, что на немъ дѣлается; эти послы замѣняютъ купцовъ въ русской сказкѣ; подобно тому, какъ въ русской сказкѣ мальчикъ, живущій съ матерью, летаетъ къ отцу подъ видомъ мухи, и Кэрэкъ-Кирвэсъ летаетъ подъ видомъ птицы подслушивать рѣчи хана въ отвѣтъ на разсказы пословъ. Въ русскихъ сказкахъ Хороборъ и другіе герои, руководствуясь подслушанными рѣчами лже-царицы, добываютъ за три поѣздки нѣкоторые чудесные предметы; точно также и здѣсь Кэрэкъ-Кирвэсъ совершаетъ три поѣздки съ подобной цѣлью. Онъ добываетъ: желѣзнаго оленя, у котораго было только пятно на лбу уязвимо и другое между стегнами, оружіе, скованное семью свѣтлыми кузнецами (долонъ-арыкъ-дарханъ) и невѣсту, дочь чудовища Убиртыхъ-Хормозда. Но указанія дѣлаются здѣсь не царицей злой, а самимъ ханомъ, такъ что Ягѣ-бабѣ, Ягишнѣ приведенныхъ русскихъ сказокъ и Ёгъ-таму-нцо тибетской, здѣсь соотвѣтствуетъ Его-ханъ. Пока, въ томъ видѣ, какъ мы передали здѣсь эту сказку, въ ней нѣтъ никакихъ отношеній къ монголо-тибетскимъ версіямъ, но эпизодъ о мальчикѣ, брошенномъ въ озеро, ставитъ дѣло иначе. Тутъ мы встрѣчаемъ подробности, которыя есть и въ сказкѣ о Ёгъ-таму-нцо. Сначала мальчикъ, подобно какъ въ Ёгъ-таму-нцо, брошенъ подъ ноги лошадей, потомъ дикихъ верблюдовъ, потомъ овецъ въ разсчетѣ, что онъ будетъ по-

топтанъ; но животныя выказываютъ доброе расположеніе къ ребенку. Потомъ онъ брошенъ въ озеро, изъ котораго выходитъ играть на берегъ моря. Мать ловитъ его, но ребенокъ не дается. Только когда она принимается ловить его въ третій разъ, ей удается поймать его. Онъ требуетъ, чтобы она брызнула изъ своей груди молокомъ въ его ротъ, чтобы по вкусу его убѣдиться, что она дѣйствительно его мать. Она дѣлаетъ это [1]), и онъ остается съ матерью. Въ сказкѣ о Ёгътаму-нцо мать также ловитъ мальчика до трехъ разъ, и только въ третій разъ ей удается поймать его. Это тотъ же эпизодъ, только перенесенный изъ середины сказки въ ея заключеніе. Молоко въ тибетской сказкѣ смѣнилось слюной.

Семь кузнецовъ (Долонъ-Арыкъ-Даръ-ханъ), упомянутые въ этой сказкѣ, обращаютъ насъ къ монгольскому сказанію о Гэсэрѣ. Въ этомъ сказаніи также есть семь кузнецовъ; вмѣсто свѣтлыхъ—„арыкъ", они названы шелудивыми—„ходжугуръ" (Долонъ-Ходжугуръ-тарханъ); кромѣ того, они названы братьями. Они являются въ эпизодѣ о Гуменъ-ханѣ, который составляетъ третью главу сказанія (въ переводѣ Шмидта). У Гуменъ-хана умерла жена, и онъ не можетъ разстаться съ покойницей; это имѣло послѣдствіемъ то, что вся жизнь въ царствѣ остановилась. Исцѣлить хана (отдѣлить его отъ трупа) можетъ только Гэсэръ-ханъ; но чтобы эта операція прошла для самого Гэсэра безъ дурныхъ послѣдствій, ему нужно похитить съ неба отъ своей небесной матери девять „эрдени": золотую мельницу (алтанъ теерме), золотую пчелу (алтанъ зоко), золотого хорька (алтанъ курене), золотую цѣпь или петлю для изловленія солнца (наранъ бариху алтанъ чалма), серебряную цѣпь для изловленія мѣсяца (сара бариху менгунъ чалма), кровь изъ клюва чернаго орла, молоко изъ груди черной орлицы, слезы изъ глазъ чернаго орленка и драгоцѣнный камень молоръ-эрдени со дна моря [2]). Чтобы

[1]) Для этого она поднимается на „высокую гору" и оттуда пускаетъ струю молока.

[2]) Такъ въ варіантѣ, который я слышалъ отъ одного ордосскаго монгола. У Шмидта 14 предметовъ [Die Thaten Bogda Gesser chan's. 1839, S-Pb., S. 100]. Невѣсты нѣтъ, но нужно обратить вниманіе на присутствіе въ числѣ эрдени петли для ловли солнца и мѣсяца. Ср. съ золотымъ арканомъ, который служитъ

получить эти эрдени, онъ долженъ задобрить свою небесную мать и поднести ей вино въ семи чашахъ, сдѣланныхъ изъ череповъ семи шелудивыхъ братьевъ кузнецовъ. О семи братьяхъ кузнецахъ см. также въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 126; тамъ они пріурочены къ семи звѣздамъ Большой Медвѣдицы. Тамъ же и о матери Гэсэра; осердившись на сына за похищеніе эрдени, она брызнула въ него молокомъ изъ своей груди, отчего на небѣ образовался млечный путь.

Кэрэкъ-Кирвэсъ, кромѣ упомянутыхъ выше трехъ предметовъ: желѣзнаго оленя, оружія, скованаго семью кузнецами, и невѣсты, добываетъ еще четыре предмета: восемь клыковъ, находившихся у чудовища Чекана, мечь, погруженный въ скалу, сѣть, замытую песками на днѣ морскомъ, и шубу изъ подземнаго царства Ерлика. Всего семь; въ сказаніи о Гэсэрѣ—девять [1]). Два слова о желѣзномъ оленѣ. Въ записи г Адріанова при словѣ олень [2]) поставлено въ скобкахъ тюркское „сынъ“; слѣдовательно желѣзный олень будетъ: темиръ-сынъ. Это и есть желѣзный А-сынъ, который является въ тангутской версіи Гэсэра, записанной мною въ Амдо и еще не напечатанной. У желѣзнаго А-сына все тѣло желѣзное, только подъ горломъ уязвимое мѣсто. У Темиръ-сына также все тѣло покрыто желѣзомъ, за исключеніемъ пятна на лбу и мѣста между стегнами.

Эти сопоставленія даютъ поводъ предполагать, что эпизодъ о Гуменъ-ханѣ первоначально разсказывался по плану сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и другихъ, родственныхъ послѣдней. То есть, кромѣ разсказа о добываніи семи или девяти предметовъ (семи эрдени), въ сказаніи о Гуменъ-ханѣ былъ и разсказъ о рожденіи мальчика и о томъ, что онъ былъ брошенъ въ озеро, но при включеніи этого сказанія въ книгу о Гэсэрѣ эпизодъ объ озерѣ и мальчикѣ былъ опущенъ. Такъ какъ въ книгѣ о Гэсэрѣ о рожденіи его уже разсказывается въ

для накидыванія на купающуюся въ озерѣ дѣвицу-лебедь, которая потомъ становится женой героя сказки; см. въ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, сказки № № 110 (стр. 373) и 155 (стр. 523).

1) Ср. съ семью эрдени Чакравартина.

2) Собственно, у г. Адріанова стоитъ: „желѣзный звѣрь“.

первой главѣ (по Шмидту), то было бы неестественно во второй разъ заставлять его рождаться въ третьей главѣ, которая содержитъ въ себѣ исторію Гуменъ-хана. Можетъ быть сказаніе о Гуменъ-ханѣ начиналось не только въ родѣ сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ, но даже и въ родѣ сказокъ о Эрдени-Хараликѣ, о Эрь-Сару [1]), Ёгъ-таму-нцо, т. е. въ немъ было не только озеро, но даже и три сестры. На существованіе другого начала указываетъ слѣдующее: во 1-хъ, разсказъ, который находится въ нѣкоторыхъ тангутскихъ варіантахъ о томъ, что Гэсэра вскорѣ послѣ его рожденія бросали въ степи, въ снѣгъ и пр. съ цѣлью погубить,—намекъ на тему бросанія ребенка подъ ноги животныхъ, находящуюся въ сказкахъ о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и Ёгъ-таму-нцо; во 2-хъ, въ разсказѣ о молокѣ матери Гэсэра можно видѣть параллель съ расказомъ о молокѣ матери Кэрэкъ-Кирвэса, только побужденіе иначе истолковано; въ 3-хъ, записанная въ Монголіи и помѣщенная въ моихъ Очеркахъ (IV, 495) сказка о Гумъ-ханѣ (вѣроятно то-же, что и Гуменъ-ханъ) вмѣстѣ съ чертами изъ книги о Гэсэрѣ (ханъ, не разстающійся съ умершей женою) содержитъ разсказъ о гонимыхъ мачехою дѣтяхъ прежней царицы. Изгнанные дѣти страдаютъ въ степи отъ жажды; въ это время старшій братъ обращается съ молитвой къ небу, и съ неба падаетъ дождь, наполняющій подставленную чашку. Въ другой сказкѣ, имѣющей сюжетомъ исторію царевичей, преслѣдуемыхъ мачехою, вмѣсто дождя съ неба падаетъ мѣшокъ съ молокомъ ихъ умершей матери, находившейся въ это время уже на небѣ (Очерки, IV, 284) [2]).

Пользуясь параллелями, мы можемъ возстановить разсказъ о Гэсэрѣ и Гуменъ-ханѣ въ такомъ видѣ: три сестры; Гуменъ ханъ женится на младшей, она должна родить Гэсэра; подмѣна ребенка щенкомъ; мать родившагося ребенка изгнана,

---

[1]) Въ Ерь-Сару сходныя черты съ Кэрэкъ-Кирвэсомъ: троекратная ловля мальчика, излѣченіе помоченныхъ конечностей, руководствуясь наблюденіемъ надъ искалѣченной крысой.

[2]) Въ калмыцкомъ варіантѣ этой сказки, записанной Бергманомъ (Nomadische Streifereien unter d. Kalmuken, Rida, 1805), мачеха преслѣдуетъ пасынка Go Tschikitu или Ojoo-Tschikitu и падчерицу Aerdäni Zäzäk; Го-Чикиту, прибавляетъ Бергманъ, есть воплощеніе Ховмимъ бодисатвы (т. е. Арья-Бало).

или мать изгнана до родовъ, беременная (о дѣтствѣ Гэсэра дѣйствительно разсказывается, что мать его передъ родами жила въ изгнаніи); ребенокъ брошенъ въ озеро, но найденъ матерью; затѣмъ мальчикъ, т. е. Гэсэръ, выростаетъ, добываетъ семь эрдени, и освобождаетъ отца отъ злой лже-царицы [1]. Въ такомъ же составѣ сказка могла разсказываться и на западѣ (въ Россіи), но взаимныя отношенія варіантовъ здѣсь болѣе ослабѣли, чѣмъ на востокѣ. Тѣмъ не менѣе намеки на общность происхожденія остались, и, напримѣръ, появленіе въ сказкѣ о богатырѣ, добывающемъ кота, борова, мельницу, и пр., темы о трехъ сестрахъ не есть чуждое наслоеніе, а слѣдъ прежней редакціи.

Въ какомъ отношеніи всѣ эти сказанія стоятъ къ фигурѣ Арья-Бало, и въ какой мѣрѣ показанія монгольскихъ сказочниковъ относительно того, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ сюжетовъ будто бы относятся къ этому богу, соотвѣтствуютъ легендарной правдѣ,—отвѣта на эти вопросы должно ожидать отъ оріенталистовъ и ученыхъ, занимающихся буддизмомъ.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Въ сказкѣ объ Ою-Чикты-ханѣ, представляющей варіантъ сказки Бергмана Ойо-Чикиту, изгнанный мачихой царевичъ выростаетъ на сторонѣ, возвращается къ отцу, убиваетъ его жену, подъ видомъ которой скрывался дьяволъ, и очищаетъ отца отъ оскверненія посредствомъ молока (Очерки, IV, 285).

ИЗЪ ОБЛАСТИ СУЕВѢРІЙ

Малоруссовъ Черниговск. губ.

(Народная медицина и представленія о загробной жизни).

Предлагаемый мною матеріалъ представляетъ не болѣе, какъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ с. Пашковкѣ Черниг. губ., Нѣжинскаго у. Здѣсь, какъ и вездѣ, народная фантазія, неудовлетворенная окружающей дѣйствительностью, стремясь объяснить явленія природы и человѣческой жизни, создала массу суевѣрій, украсила участіемъ сверхъестественныхъ силъ и явленій сѣрую, непригляднýю, немногосложную деревенскую жизнь. Впрочемъ въ настоящее время, благодаря вліянію городской цивилизаціи, распространенію грамотности, дѣятельности духовенства, большая часть прежнихъ суевѣрій исчезла. Крестьянинъ не успѣлъ еще вполнѣ замѣнить прежняго міросозерцанія новымъ, тѣмъ не менѣе уже прислушивается къ этому новому, съ недовѣріемъ и даже пренебреженіемъ относясь къ преданіямъ старины и оставляя переживаніе старыхъ принциповъ болѣе консервативнымъ по природѣ женщинамъ. Но и въ умахъ послѣднихъ не сохранилось почти ничего цѣльнаго; остались только обрывки прежнихъ вѣрованій и представленій, и нерѣдко только отдаленный намекъ указываетъ на существованіе въ прошедшемъ какого-нибудь, быть можетъ, сильно развитаго культа.

Такіе остатки прежнихъ суевѣрныхъ представленій встрѣчаются и въ народной медицинѣ, по которой мнѣ удалось добыть нѣкоторыя, къ сожалѣнію, довольно скудныя свѣдѣнія.

Народная медицина также утратила здѣсь въ значительной степени свое прежнее значеніе. Если крестьянинъ и обра-

щается еще къ помощи деревенской знахарки чаще, чѣмъ къ врачу, то это слѣдуетъ, мнѣ кажется, объяснить отчасти тѣмъ, что знахарка всегда подъ рукой, между тѣмъ лѣченіе у врача не всегда возможно; но вообще крестьяне не особенно довѣряютъ ихъ лѣченію, въ особенности различнымъ заговорамъ, нашептываніямъ и т. п. суевѣрнымъ средствамъ.

Медицинскія знанія отчасти передаются старшими младшимъ, когда первые чувствуютъ приближеніе смерти или, по слабости, не могутъ уже заниматься своимъ ремесломъ, отчасти усвоиваются путемъ опыта. Сообщеніе своихъ медицинскихъ знаній передъ смертью избранному лицу является необходимымъ, благодаря взгляду самихъ знахарей на свое ремесло, какъ на дѣло грѣховное, и происходящему отсюда нежеланію унести этотъ грѣхъ съ собою къ могилу. Передавать свои знанія лицу старше себя нельзя.

Занимаются знахарствомъ обыкновенно люди пожилые, по большей части женщины, у которыхъ это занятіе соединяется почти всегда съ занятіемъ повивальной бабки.

Насколько мнѣ удалось замѣтить, различаются два главные вида болѣзней: 1) болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, какъ напр. отъ простуды, и 2) болѣзни, происходящія отъ дѣйствія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ причислить также болѣзни, происходящія отъ вѣтра. Вѣтеръ, хотя и крайне неясно, также представляется въ видѣ какого-то злого духа.

Изъ такого дѣленія болѣзней на два разряда вытекаетъ и два способа ихъ лѣченія, которые однако не разграничиваются строго. Первый видъ болѣзней лѣчится преимущественно лѣкарствами, которыя должны дѣйствовать прямо на больной организмъ человѣка; второй видъ — разными суевѣрными средствами, дѣйствіе которыхъ направлено преимущественно противъ тѣхъ злыхъ силъ, отъ которыхъ приключилась болѣзнь. Что касается формъ, въ которыхъ олицетворялись разныя болѣзни, то онѣ по большей части забылись. О несомнѣнномъ существованіи ихъ въ прошедшемъ можно заключить между прочимъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ заговорахъ обращаются съ извѣстными словами къ болѣзнямъ, какъ къ существамъ живымъ.

Лѣкарства, употребляемыя народомъ, приготовляются по большей части изъ травъ. Срывая траву, знахарь или знахарка произноситъ обыкновенно слѣдующія слова: «Господь садывъ, Илья родывъ, Маты Божа полывала усимъ намъ гришнымъ и праведнымъ давала».

Привожу списокъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ, молитвъ и заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, составленный по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ одной знахаркой въ с. Пашковкѣ:

Расторопша. Собирается осенью и варится въ водѣ. Даютъ пить отъ коликъ въ животѣ.

На Ивана Купала собираются: чистикъ (мужкой и женскій), братикъ и сестрица, богородична травка и дрыкъ.

Чистикъ. Растирается въ деревянной посудѣ съ чистой водой (не варится). Употребляется при лѣченіи людей и животныхъ отъ укушенія змѣи. Даютъ пить, прикладываютъ по три раза къ больному мѣсту и къ сердцу, и остатки выливаютъ на больного.

Братикъ и сестрица. Въ отварѣ этой травы купаютъ дѣтей.

Богородишна травка варится въ водѣ. Пьютъ отъ боли горла. Питье и обмываніе этимъ отваромъ считается вообще полезнымъ для здоровья.

Дрыкъ. Варятъ и пьютъ при зараженіи бѣшенствомъ отъ собаки. Бѣшенство, по народному убѣжденію, переходитъ не только отъ укушенія, но также отъ взгляда и близкаго сосѣдства съ бѣшеной собакой.

Кладникъ и *золототысячникъ* пьютъ при боли въ животѣ. Кладникъ варится, а золототысячникъ настаивается на водкѣ.

Бобовникъ ростетъ на болотѣ; его также варятъ и пьютъ отъ боли въ животѣ. Отъ рѣзи въ животѣ подкуриваютъ *перьями* отъ *черной курицы*. При слабомъ желудкѣ, полезно пить *молоко* съ *льнянымъ сѣменемъ*, при твердомъ—*сыворотку*.

Добровка (трава) сушится и растирается въ порошокъ, которымъ засыпаютъ раны.

Листья *лопуха* прикладываютъ къ болячкамъ. Къ ранамъ также прикладывается каша изъ *льна*. Къ нарывамъ прикладываютъ наговоренную *сметану* или наговоренный *медъ*, намазавъ его на *липовый* или *фасолевый* завяленный листокъ. Полезно также прикладывать жеванный *бубликъ*.

Корень папоротника, вырытый весной, сушится, завариваетcя и пьется при боли подъ ложечкой и отъ глистовъ.

Отваръ *мяты* пьютъ отъ кашля. Отваръ мяты съ сыровцомъ употребляется при болѣзни сердца.

Материнка варится съ сахаромъ и употребляется отъ кашля. Эту траву можно собирать впродолженіе всего лѣта. Отъ кашля же ѣдятъ *медъ*, сваренный съ *сѣменемъ конскаго щавеля* на сковродѣ, и запиваютъ эту смѣсь кипяченымъ *молокомъ*.

Корень конскаго щавеля собирается въ маѣ, сушится и зава, ривается, какъ чай; настоемъ полощутъ ротъ для излѣченія отъ зубной боли. То-же средство употребляется и при болѣзни десенъ. Кромѣ этого помогаютъ при зубной боли молитвы обращенныя къ свв. Николаю, Антонію, Гавріилу и Тихону, которые считаются цѣлителями зубной боли.

Отъ боли въ груди прикладываютъ къ ней *пшеничныя лепешки съ медомъ*; если въ лепешкѣ появятся дырочки, значитъ болѣзнь перешла въ нее.

Для излѣченія горячки катаютъ по тѣлу больного *горячій мякишъ черного хлѣба*, а затѣмъ черезъ плечо бросаютъ его собакѣ. Горячка, такимъ образомъ, переходитъ на собаку, а изъ нея выходитъ вмѣстѣ съ лаемъ. Для излѣченія лихорадки, берутъ *яичную пленку* и надѣваютъ ее, какъ наперстокъ, на мизинецъ лѣвой руки; черезъ нѣсколько времени начинается ломота въ лѣвой рукѣ, пленка лопается, и ноготь обернутый ею сходитъ, что и служитъ признакомъ того, что лихорадка исчезла. Лихорадка—жидовка, и потому, можно еще выгнать ее изъ тѣла, вымазавшись свинымъ саломъ. Происхожденіе лихорадки объясняется такъ: люди сначала не знали этой болѣзни; когда Иродіадѣ принесли на блюдѣ голову Іоанна Крестителя, она отъ ужаса впервые затряслась въ лихорадкѣ. Отъ нея эта болѣзнь распространилась по всему свѣту; вотъ почему лихорадка считается жидовкой. Въ связи съ этимъ разсказомъ находится представленіе объ Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о цѣлителѣ лихорадки. Страдающіе этой болѣзнью молятся ему, постятся въ пятницу и въ день Усѣкновенія. Нѣкоторое указаніе на то-же представленіе о лихорадкѣ можно видѣть еще въ слѣдующемъ способѣ ея лѣченія: нужно носить на шеѣ «жидывського Бога»; это—икона, нарисованная на телячьей

шкурѣ; добыть ее можетъ только «москаль» (солдатъ). Если не поможетъ ношенье этой иконы, то нужно прижечь ее на огнѣ и дымомъ ея подкурить больного.

Въ предупрежденіе заразы нужно, такъ сказать, окружить себя собственнымъ дыханіемъ: сначала подышать въ каждую ладонь поочередно и сунуть ихъ за пазуху; потомъ въ обѣ ладони сразу и обтереть ими лицо: „твый духъ при тоби,— говоритъ знахарка,—дакъ ничого до тебе и не пристане“.

Кромѣ этихъ средствъ, употребляемыхъ при лѣченіи болѣзней, существуютъ еще нѣкоторыя акушерскія средства. Въ предупрежденіе выкидыша повивальная бабка снимаетъ обручъ съ «дижки» (квашни) и трижды поднимаетъ имъ вверхъ животъ беременной. Во время родовъ бабка тѣмъ же обручемъ трижды надавливаетъ животъ роженицы сверху внизъ и затѣмъ разрываетъ обручъ. При трудныхъ родахъ мужъ роженицы беретъ ее подъ локти и встряхиваетъ, затѣмъ ложится на полъ, и жена трижды переступаетъ черезъ него. Въ домѣ растворяютъ сундуки, двери, разстегиваютъ платье, отворяютъ „дижу“ съ хлѣбомъ и проч. Во время купанья новорожденнаго бабка выпрямляетъ ему члены слѣдующимъ образомъ: вытягиваетъ лѣвую ногу и правую руку, а локоть лѣвой руки соединяетъ съ колѣномъ правой ноги, затѣмъ наоборотъ. Если на спинѣ новорожденнаго есть волосы, то бабка при купаньѣ стелетъ въ корыто съ водой на дно простыню, бросаетъ туда нѣсколько простыхъ колосьевъ ржи и кладетъ въ него ребенка потомъ сверху просѣиваетъ черезъ рѣшето на спину ребенка пепелъ. Волосы отъ этого должны исчезнуть. Если не снять волосы, то ребенокъ все будетъ выгибаться назадъ.

Второй способъ лѣченія, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ употребленіи разныхъ суевѣрныхъ средствъ. Главное мѣсто между ними занимаютъ заговоры. Приведу тѣ, которые мнѣ удалось узнать. Но предварительно надо замѣтить, что передъ всякимъ заговоромъ произносится обыкновенно слѣдующая молитва: „Николай, угодныкъ Божій, помошныкъ Божій! Ты й у поли, ты й у доми, у пути й у дорози, на небеси и на земли; заступы и сохраны одъ усякого зла!“

1) *Чтобы выгнать болѣзнь изъ тѣла* произносятъ слѣдующій заговоръ: „Де люды не ходять, де пивень не піе, де сонце

не сходыть, де хрыстьянській голосъ не заходыть,—на очерета, на болота на быстрые воды! Тамъ соби гуляй, лозою хиляй, пескомъ посыпай! тамъ тоби гулять, роскоши мать!"

2) Заговоръ *отъ ломоты*, которая происходитъ отъ вѣтра: „Шла Маты Божа золотымъ мосточкомъ, золотымъ ципочкомъ. Дванадцять ангеловъ, Евангелысты, Хранысты, подайте меча съ подъ правого плеча, баби (диду) податы, хрещеному(имя) прысикаты (присѣчь), шобъ не ломыло, не палыло, шобъ не болило, шобъ зъ ногъ не валыло; трычи по трычи прысикаю, вырубаю и зарубаю". По произнесеніи этихъ словъ, знахарь или знахарка переступаетъ черезъ больного, топаетъ ногами и крестится.

3) Другой заговоръ *отъ ломоты*: „Якà болячка ломовая, костяная, золотушна, шобъ не палыло, шобъ не свирбило, не щемило, прысичу и засичу".

4) Заговоръ *отъ злыхъ духовъ*: „Лыхимы очима да сыль, да печина! Шо ты намъ, то й тоби: якъ намъ добре, дакъ и тоби нехай добре; якъ намъ худо, дакъ и тоби нехай худо! Нехай буде добре тоби й намъ!"

5) Когда *ребенокъ сильно плачетъ* обращаются къ знахаркѣ. Послѣдняя беретъ ребенка на руки и съ поклономъ обращается сначала къ образамъ: „Вамъ хороше стояты, нашей дытыноци крипко спаты! Дай Боже переспаты, здоровенькимъ статы, Божу волю маты, само себе забавляты! „Потомъ съ такимъ же поклономъ обращается къ столу: „Тыхо стылъ стоить, тыхо хлибъ лежить, подъ столомъ земля спытъ; тымъ сномъ поздоровляю, крыкъ и зыкъ отбываю." Наконецъ къ порогу: „День добрый тоби дубе! Нá тоби, дубе, крыклывець и плаксывець; ты крыклывець соби, дубе, заберы, а сонъ крипкій прыделы!" Далѣе трижды: „тоби, дубе, крипко стояты, а нашей дытыноци крипко спаты!"

Такія же суевѣрія дополняютъ и украшаютъ и представленія о загробной жизни.

Приведу только два разсказа, могущихъ до нѣкоторой степени рисовать эти представленія. Въ одномъ изъ нихъ весь будущій міръ представляется въ видѣ 5-ти садовъ, и жизнь въ каждомъ изъ нихъ представляетъ извѣстную степень блаженства или мученій. Вотъ этотъ разсказъ:

Одному крестьянину, во время тяжкой болѣзни, явился во снѣ какой-то человѣкъ съ рыжей бородой и велѣлъ за собою слѣдовать. Долго шли они; наконецъ увидѣли передъ собою дверь. Человѣкъ съ рыжей бородой отперъ ее ключами, и взорамъ крестьянина представился цвѣтущій садъ, въ которомъ маленькія дѣти играли яблоками и бубликами. Осмотрѣвъ этотъ садъ, крестьянинъ со своимъ проводникомъ отправился дальше и увидѣлъ такой же садъ; здѣсь „парубки и дивчата“ сидѣли и пѣли пѣсни. Третій садъ, который показалъ крестьянину неизвѣстный человѣкъ, не отличался уже такимъ богатствомъ растительности; здѣсь не было такого благоуханія цвѣтовъ и пѣнія райскихъ птицъ, какъ въ первыхъ двухъ. На травѣ сидѣли молодые женатые мужчины и женщины и мирно бесѣдовали. Въ четвертомъ саду, по правую сторону, сидѣли старики и курили трубки, въ дыму которыхъ еле можно было дышать; по лѣвую сидѣли старухи, окруженныя собственной слюной, и плевали вокругъ себя („отъ-то якъ плюнешъ та не розотрешъ“,—прибавляетъ разсказчица,—то такъ тоби на тымъ свити и буде“). Подходя къ пятому саду, крестьянинъ еще издали почувствовалъ жаръ и услышалъ запахъ смолы. Когда проводникъ отперъ ему дверь сада, крестьянинъ увидѣлъ голыхъ людей, ворочавшихъ руками комья горящей смолы; не успѣлъ онъ ступить сюда, какъ ему опалило ноги, и онъ поспѣшилъ уйти. „Вотъ здѣсь будешь и ты“,—сказалъ ему человѣкъ съ рыжей бородой,—„если не покаешься въ своихъ грѣхахъ“.

Нужно замѣтить, что въ общемъ, представленія о блаженствѣ за гробомъ не отличаются такой грубостью, какъ можно было бы судить по этому разсказу.

До страшнаго суда души праведныхъ, по народному повѣрью, живутъ на дворѣ царя Давида. Все, что пожертвовано человѣкомъ на этомъ свѣтѣ въ пользу храмовъ и бѣдныхъ, въ будущемъ составляетъ его собственность и кладется тамъ передъ его душой на столѣ. Имѣя постоянно передъ глазами вещественное напоминанье о добрыхъ дѣлахъ, сдѣланныхъ на землѣ, душа испытываетъ блаженство.

Другой разсказъ можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: считаются-ли безгрѣшными души младенцевъ?

Младенецъ стучитъ въ дверь рая: „Я сегодня родился и крестился,—говоритъ онъ,—не грѣшенъ передъ Богомъ; впустите меня!"—„Какъ же ты не грѣшенъ, когда ты пролилъ кровь своей матери?"—отвѣчаетъ ему Богъ, и велитъ Ангелу дать младенцу большое блюдо, отвести его въ лѣсъ и не пускать въ рай, пока онъ не наполнитъ слезами всего блюда. Долго стоитъ ребенокъ въ лѣсу и плачетъ, но слезы не покрыли еще и дна блюда. Наконецъ проходятъ мимо него разбойники и спрашиваютъ, о чемъ онъ плачетъ. Младенецъ разсказалъ имъ о своемъ горѣ. Услышавъ, что ребенокъ страдаетъ такимъ образомъ только за то, что появился на свѣтъ, разбойники вспомнили свою грѣшную жизнь. Страхъ и раскаянье въ сдѣланныхъ преступленіяхъ овладѣло ими. Слезы ручьями потекли изъ ихъ глазъ и сразу переполнили блюдо. За это Богъ простилъ и ихъ, и ребенка, и всѣхъ принялъ въ рай.

Е. Шарко.

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій.

(*Некрологъ*).

Еще одна тяжелая утрата для молодой русской этнографіи: 12-го октября минувшаго года въ Улалинскомъ станѣ Алтайской духовной миссіи скончался отъ болѣзни почекъ, на 63-мъ году отъ рожденія, помощникъ начальника миссіи Томской епархіи, протоіерей *Василій Ивановичъ Вербицкій* Жизнь покойнаго служитъ высоко - поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ глухомъ, заброшенномъ углу человѣкъ, ищущій дѣятельности и желающій принести пользу какъ окружающимъ его, такъ и наукѣ. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій вскорѣ-же по окончаніи курса наукъ въ Нижегородской семинаріи прибылъ въ Сибирь и 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ здѣсь миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію мѣстнаго инородческаго населенія. Съ самаго-же начала своего поступленія въ миссію о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцевъ немыслимы ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанная съ нею для каждаго миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принимается за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія является сначала его „Краткая грамматика алтайскаго языка“, а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіе 30-ти слишкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“. Рядомъ съ собираніемъ лексикологическаго матеріала идетъ и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, разбросанныхъ, къ сожалѣнію, по разнымъ изданіямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Географ. Общества“, „Православномъ Обозрѣніи“, „Томскихъ Губ. Вѣд.“, „Томскихъ Епарх. Вѣд.“, „Памятныхъ книжкахъ Томской губ.“, „Восточ-

номъ Обозрѣніи“ и въ приложеніи къ нему—„Литератур. Сборникѣ“), этнографія впервые обогащается подробными и въ высшей степени цѣнными для нея свѣдѣніями о кочевникахъ Алтая. Прилагаемый ниже списокъ трудовъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о важности ихъ для этнографіи. Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ,—матеріальнаго или духовнаго,—которая не заинтересовала-бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была-бы изучена имъ въ возможной полнотѣ. Особенное же вниманіе о. Вербицкаго всегда приковывала къ себѣ миѳологія алтайцевъ, насколько исполненная образной поэзіи, настолько-же полная высоко-научнаго значенія. Миѳы и легенды, собранные В. И. Вербицкимъ среди инородцевъ Алтая, заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій источникъ для этнографіи вообще, и для фольклора въ частности, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить уже одно то, что наши извѣстные фольклористы не разъ черпали для себя матеріалъ изъ этого источника, хотя отыскивать его приходится въ мало извѣстныхъ и трудно находимыхъ изданіяхъ (полный экземпляръ, напр., „Томскихъ Губ. Вѣд.“, въ которыхъ преимущественно и печатались статьи покойнаго, находится въ Евр. Россіи только въ С.-Петерб. Имп. Публич. Библіотекѣ).

Послѣднее обстоятельство—разбросанность статей прот. Вербицкаго по мало доступнымъ изданіямъ—невольно наводитъ насъ на мысль объ изданіи сборника статей покойнаго. Осуществленіе этой мысли является крайне желательнымъ и необходимымъ. Съ одной стороны, сборникъ этотъ, заключая въ себѣ пока *единственное* столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, будетъ имѣть важное научное значеніе; съ другой—изданіемъ его почтится достойнымъ образомъ память неутомимаго труженика-этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію наукѣ. Мы надѣемся, что мысль наша встрѣтитъ должное сочувствіе во всѣхъ, кому дороги успѣхи родной этнографіи и кто привыкъ цѣнить заслуги такихъ, столь рѣдкихъ въ наше время, ея дѣятелей, однимъ изъ которыхъ былъ покойный протоіерей. Сочувствіе дѣлу изданія сборника можетъ быть выражено какъ въ матеріальной поддержкѣ, такъ и въ сообщеніи данныхъ для подробной біографіи покойнаго, которую предполагается, вмѣстѣ съ портретомъ о. Вербицкаго, приложить къ сборнику *).

) Сборникъ будетъ разосланъ всѣмъ лицамъ, внесшимъ на изданіе его не менѣе 2-хъ рублей (къ сборнику будетъ приложенъ ихъ списокъ). Какъ деньги, такъ и біографическія свѣдѣнія объ о. Вербицкомъ просимъ адресовать: *Въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“ (Москва, Политехническій Музей).

Труды прот. В. И. Вербицкаго:

1). Краткая грамматика алтайскаго языка, подъ редакціей Н. И. Ильминскаго. Казань. 1869 г.

2). Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV + 494 in 8⁰.

3). Замѣтки кочеваго алтайца. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.

4). Записки миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи. „Православное Обозрѣніе" 1863—1869 гг. и „Томскія Губ. Вѣд.", 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.

5). Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки—двоеданцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность мірозданія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе (1); 5) міръ Эрлика; брань Мангдышіре съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (2); 6) о всемірномъ потопѣ (3); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (4); 8) о Тенгере—Тедыгечі—небозаключителѣ (5); 9) Тенгере—Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; 10) кончина вѣка съ ея признаками (6); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (7); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ—скедамовъ; 3) о междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нарат-таномъ; 4) происхожденіе народа „туургутъ" и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (8); 6) Мрасскій порогъ (9); 7) богатыри рѣки Катуни; 8) богатырь горы Катуни (10); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашь (11); 12) Туралыгъ; 13) китайскій богатырь Садагай (12); 14) Тахпах-ажігы; 15) миѳъ о происхожденіи верблюда и осла (13); 16) Алтайская чудь; 17) происхожденіе сёока мундусовъ и теолессовъ; 18) участь грамотности алтайцевъ (14); нравы, обычаи, обряды, и примѣты; лѣченіе болѣзней; пѣсни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы (15); 3) бородастый Тень-бегей; 4) плачъ о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустныя чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) безполезность имѣнія по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12) воспоминаніе товарищества; 13) воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачъ о потерѣ сына; 16) о дружелюбіи и согласіи; 17) нужда въ пѣсенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) состраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Орадый и Урей и 7 пѣсенъ безъ названій; пословицы; загадки. „Томскія Губ. Вѣд." 1869 г. №№ 30—33, 35, 37—42, 44—47, 49 51, и 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16—19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранѣе въ тѣхъ-же „Томскихъ Губ. Вѣд.," именно: **1**—1859 г., № 29; **2**—1859 г., № 45; **3**—1865 г., № 6 (см. также статью о. Вербицкаго: „Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ" въ „Восточномъ Обозрѣніи" 1882 г., № 30); **4**—1865 г., №№ 17 и 18; **5**—1865 г., № 31; **6**—1860 г., № 30; **7**—1858 г., № 29; **8**—1860 г., № 37; **9**—1862 г., № 37; **10**—1862 г., № 24; **11**—1861 г., № 27; **12**—1859 г., № 45; **13**—1861 г., № 32; **14**—1865 г., № 18; **15**—1864 г., № 9.

6). Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по рр. Томи, Мрассѣ, и Кондомѣ. „Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.," изд. Томскаго статист. комитета.

7). Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной миссіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея (1830—1880 г.). „Памятная книжка Томской губ. 1885 г.," изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.

8). Краткія свѣдѣнія объ Алтайской дух. миссіи, извлеченныя изъ рапорта помощника начальника миссій Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, пред-

ставленнаго имъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Исаакію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). „Томскія Епарх. Вѣд.,“ 1886 г., №№ 19—22.

9). Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан. 2) Шанчилык, 3) Кізей, 4) Туралыг, 5) Садагай-гая, 6) Кылан, 7) Мазарак. 8) Кызыл-гая, 9) Улуг-таг, 10) Курт'-як таш, 11) Катун, 12) Ак-гая, 13) Патно-гаязы, 14) Манак, 15) Ог-аттыг таш, 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-каябажы. „Литературный Сборникъ,“ изд. редакціи „Восточнаго Обозрѣнія.“ Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10). Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ матерей своихъ; рожденіе ихъ большею частію отъ престарѣлыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила; богатыр. ѣзда; богатыр. битвы. „Томскія Губ. Вѣд.“ 1882 г. №№ 33, 44, 45, и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11). Памятники наказанной вѣтренности и ослушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшь). Томскія Губ. Вѣд.,“ 1861 г., № 27.

12). Алтайскій богатырь Ольгудэкъ (преданіе черневыхъ татаръ). „Томскія Губ. Вѣд.,“ 1868 г., № 2.

13). Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и коростель. „Том. Г. В.,“ 1869 г., № 39.

14). Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). „Томскія Г. В.,“ 1874 г., №№ 18, 19, 21 и 22.

15). Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Туралыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). „Томск. Губ. В.,“ 1865 г., № 1.

16). Тюрунъ—Музыкай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ. „Томск. Г. В.,“ 1863 г., № 27.

17). Замѣчанія на статью объ Алтаѣ: „Татарскія пѣсни“, Н. Ананьина, въ „Томск. Г. В.,“ 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). „Томск. Губ. В.,“ 1859 г., № 13.

18). Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ „аруунь-сюдюнь;“ вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). „Томскія Губ. В.,“ 1859 г., № 38.

19). Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ. „Том. Г. В.“ 1860 г., № 5.

20). Названія мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ и 5) по занятіямъ, свойственнымъ извѣстному мѣсяцу. „Томскія Губ. В.,“ 1864 г., № 3.

21). Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. „Томск. Г. В.,“ 1865 г., № 42.

22). Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). „Томск. Г. В.,“ 1859 г., № 5.

23). Питье въ Алтаѣ (вода, чегэнь, кумысъ и арака). „Том. Г. В.,“ 1861 г., № 14.

24). Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. „Томск. Г. В.,“ 1863 г., № 49.

25). „Сагыры“ (приготовленіе кожъ на Алтаѣ). „Томск. Г. В.,“ 1864 г., № 29.

26). Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. „Томскія Губ Вѣд.,“ 1858 г. № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27). Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. „Томск. Губ. В.,“ 1863 г., № 12.

28). Русская парная баня. „Томск. Г. В.,“ 1862 г., № 40.

1891 г., 8 марта.

Ал. Ивановскій.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

А. Н. Пыпинъ.—Исторія русской этнографіи. Томъ II: Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. СПБ. 1891 г.

Заглавіе и подзаглавіе второго тома изслѣдованія А. Н. Пыпина тѣ же, какъ и въ первомъ томѣ,– и столь же мало характеризуютъ дѣйствительное содержаніе его труда. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что «границы этнографіи вообще трудно опредѣлимы, и особенно трудно опредѣлимы, относительно нашего матеріала и въ нашемъ состояніи науки». Но тѣмъ менѣе удобно, какъ намъ кажется, дѣлать изъ столь неопредѣленнаго термина заглавіе книги. Неопредѣленности заглавія соотвѣтствуетъ, правда, въ данномъ случаѣ и нѣкоторая неопредѣленность очертаній, въ которыхъ движется изложеніе автора. Предметомъ своихъ изслѣдованій авторъ дѣлаетъ не только ходъ *научнаго „изученія* народности“, со всѣхъ тѣхъ сторонъ, въ которыхъ характерныя черты народности могутъ проявиться: со стороны языка, религіи, народнаго творчества, матеріальнаго и юридическаго быта, историческаго процесса; параллельно съ этимъ онъ изучаетъ также и „развитіе *общаго интереса* къ изученію народности“, насколько оно выражается въ литературѣ и публицистикѣ. Итакъ, въ книгѣ А. Н. Пыпина мы получаемъ, съ одной стороны, рядъ весьма интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ, имѣющихъ или могущихъ имѣть отношеніе къ этнографіи; съ другой стороны, такой же рядъ эпизодовъ изъ исторіи общественныхъ настроеній, насколько послѣднія отражались во взглядахъ на народъ русскаго образованнаго общества. Тотъ и другой рядъ наблюденій сводятся въ одно цѣлое той основной задачей автора, о которой мы говорили въ рецензіи на первый томъ „Исторіи русской этнографіи“ (Этн. Об. VII), именно, желаніемъ познакомить читающую публику съ тѣмъ, что сдѣлано русской наукой, литературой и публицистикой для рѣшенія столь важнаго вопроса, какимъ является вопросъ о соціальной, политической и культурной роли русскаго народа въ русскомъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Тотъ, кто не хочетъ спорить противъ возможности самой постановки такой задачи, не будетъ, конечно, возражать и противъ сопоставленія

ряда отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія, нужныхъ для ея выясненія.

Мы были бы, конечно, несправедливы къ автору, если бы потребовали, чтобъ онъ разрѣшилъ поставленную задачу въ полномъ размѣрѣ. Такое разрѣшеніе есть, разумѣется, дѣло самой науки въ ея окончательномъ развитіи, а не ея популяризатора и историка. Послѣдній не можетъ уйти дальше того, что даетъ наука въ ея современномъ состояніи; его задача состоитъ лишь въ томъ, чтобъ это современное состояніе изобразить наиболѣе полно и точно. Съ этой только точки зрѣнія мы и можемъ судить о томъ, въ какой степени авторъ приблизился къ выполненію своей задачи.

Довольно естественно, что, въ качествѣ популяризатора науки, А. Н Пыпинъ наиболѣе полно и обстоятельно воспользовался тѣми отдѣлами ея, которые ближе соприкасаются съ его собственной спеціальностью — исторіей литературы. Почти половина всего II го тома занята исторіей изученія древней народной словесности и вѣрованій. Здѣсь находимъ очень обстоятельныя характеристики дѣятельности Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Аѳанасьева (III и IV главы); затѣмъ, двѣ очень интересныя главы (VIII и IX) посвящены изложенію ученыхъ споровъ о происхожденіи русскаго народнаго эпоса: результаты новѣйшихъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича едва ли не впервые становятся доступными для большой публики въ этомъ изложеніи А. Н. Пыпина. Положительныхъ выводовъ для познанія „народности“ новая школа, правда, не даетъ никакихъ; за то она приходитъ къ очень важному отрицательному: дѣятельность этой школы окончательно отодвигаетъ въ прошлое всѣ смѣлыя народно-психологическія построенія, всѣ болѣе или менѣе остроумныя попытки проникнуть въ народную душу съ помощью героевъ народнаго эпоса. Этимъ, однако, вопросъ о народно-психологическомъ значеніи произведеній народной словесности не упраздняется, а лишь — отчасти денаціонализируется, отчасти же — въ національномъ смыслѣ — отсрочивается впредь до накопленія современной наукой болѣе надежныхъ матеріаловъ для его разрѣшенія.

Второе мѣсто послѣ литературы занимаетъ, въ изложеніи автора, исторія. Развитіе русской исторической науки интересуетъ А. Н. Пыпина, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по скольку оно содѣйствуетъ разрушенію славянофильской исторической схемы, во-вторыхъ, поскольку оно вводитъ народъ въ сферу историческаго изученія. Славянофильскому взгляду на исторію посвящена цѣлая глава (VII), въ которой авторъ излагаетъ историческіе взгляды К. Аксакова и полемизируетъ, преимущественно, противъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра Великаго. Славянофильство, несомнѣнно, есть заразъ и крупный фактъ въ исторіи русской науки и въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній: намъ кажется, что А. Н. Пыпинъ недостаточно строго различаетъ эти два вида славянофильства: славянофильскую доктрину и славянофильство, какъ извѣстную общественную — политическую группу.

Нападая, большею частью, вполнѣ справедливо, на публицистическую практику славянофильства, онъ не вполнѣ точно и отчетливо формулируетъ его теорію и поэтому не даетъ читателю яснаго представленія о генезисѣ и развитіи этой теоріи. Этимъ же, повидимому объясняется и почти полное игнорированіе авторомъ неославянофильства. Съ своей точки зрѣнія авторъ, конечно, правъ, преслѣдуя преимущественно *ходячія* воззрѣнія партіи, примыкающей къ славянофильству, какъ наиболѣе вредныя, именно, въ силу своей распространенности; но за то онъ даетъ этимъ возможность и всѣмъ противникамъ замѣтить, что нападенія, направленныя противъ популярныхъ искаженій славянофильской теоріи, мало задѣваютъ самую эту теорію. Другой результатъ, интересующій автора въ развитіи русской исторической науки, заключается, какъ мы сказали, въ изученіи исторической роли народа; стремленіе раскрыть народную сторону исторіи, изучить „роль народа, его силъ и характера въ созданіи государства и судьбу народа въ новѣйшемъ государствѣ"—составляетъ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, особенную заслугу новѣшей исторіографіи (стр. 171).

Очень скромный придатокъ къ разсмотрѣннымъ двумъ отдѣламъ, утилизирующимъ выводы современнаго историко-литературнаго и историческаго изученія, составляютъ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія объ изученіи другихъ сторонъ народности: языка, права, матеріальнаго и экономическаго быта. Читатель чувствуетъ, какъ по мѣрѣ удаленія отъ народно-психологическихъ и культурно-историческихъ вопросовъ и по мѣрѣ приближенія къ историко-юридическимъ и историко-экономическимъ вниманіе автора ослабѣваетъ, и притомъ гораздо быстрѣе. чѣмъ уменьшается важность самыхъ вопросовъ для его темы. На самомъ дѣлѣ, если гдѣ историческое изученіе упразднило навсегда самую возможность славяно-вянофильской схемы, такъ это именно въ этихъ сферахъ народной жизни. Что касается, далѣе, вопросовъ историко-географическихъ, здѣсь сообщенія автора ограничиваются уже нѣсколькими библіографическими справками; но и такихъ справокъ не находимъ для вопросовъ историко-этнологическихъ, которые, кажется, должны бы занять не послѣднее мѣсто въ „Исторіи русской этнографіи".

Соотвѣтствуетъ ли указанная неравномѣрность освѣщенія—сравнительно большей важности, которую приписываетъ авторъ въ ученіи о народности культурнымъ даннымъ сравнительно съ соціальными, политическими и антропо-географическими? Въ такомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, это было бы теоретической ошибкой, которая доказывала бы для насъ, что авторъ еще стоитъ на одной и той же теоретической почвѣ съ своими противниками. Или же эта неравномѣрность есть невольная дань ученаго излюбленной имъ спеціальности? Въ такомъ случаѣ, будемъ благодарны А. Н. Пыпину и за то, что онъ далъ, что могъ. Мы впрочемъ далеко еще не покончили съ перечисленіемъ того, что дѣйствительно далъ А. Н. Пыпинъ въ разсмотрѣнномъ II томѣ. Мы говорили выше, что кромѣ данныхъ изъ исторіи русской науки, онъ группируетъ также данныя изъ исторіи русскаго общественнаго мнѣнія. Отношенію

къ народу беллетристики и публицистики посвящены двѣ послѣднія главы второго тома (XI и XII). Здѣсь читатель найдетъ много остроумныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюденій надъ постепеннымъ развитіемъ знакомства съ народомъ среди русской читающей публики,—начиная съ того момента, когда народъ впервые появился въ русскомъ романѣ, въ качествѣ случайнаго гостя, котораго или показывали публикѣ какъ этнографическій курьезъ или принаряжали для соблюденія литературнаго приличія въ барскія чувства и понятія,—и кончая послѣднимъ временемъ, когда этотъ гость самъ сталъ въ литературѣ хозяиномъ, завоевалъ себѣ право въ литературномъ изображеніи оставаться самимъ собой и настолько пріучилъ публику къ своей физіономіи, что она могла, уже не развлекаясь его бытовыми особенностями, прислушаться внимательнѣе къ его рѣчамъ, и вглядѣться пристальнѣе въ его житейскую обстановку.

Главный интересъ второй изъ названныхъ двухъ главъ составляетъ критика *народнической теоріи*. „Народничество, о которомъ говорилось такъ много въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ есть нѣчто весьма неясное не легко опредѣлимое произвольное".—такъ начинаетъ А. Н. Пыпинъ эту главу, и затѣмъ старается разобраться въ основныхъ понятіяхъ, на которыхъ построена народническая теорія. Въ результатѣ разбоdа онъ находитъ въ основѣ теоріи двѣ существенныя ошибки. Во первыхъ, народничество слишкомъ выдѣляетъ „деревню" изъ общаго политическаго и общественнаго быта страны и, добровольно съужая такимъ образомъ сферу своихъ наблюденій, этимъ самымъ лишается возможности правильно разрѣшить и даже поставить возбуждаемые жизнью „деревни" вопросы. Во вторыхъ, именно вслѣдствіе этого, народничество, въ лицѣ большинства своихъ представителей, приходитъ къ очень страннымъ выводамъ о роли „интеллигенціи" и „европейской цивилизаціи", видя въ первой только непроизводительный классъ, а во второй—только проводникъ патентованной формы „хищничества", экономической эксплуатаціи. Этими основными надоразумѣніями объясняется, по мнѣнію А. Н. Пыпина, и то положеніе, которое занимаютъ иногда народники въ общественной группировкѣ, громя „либерализмъ" и получая въ награду за это рукоплесканія настоящихъ обскурантовъ.

Мы очень сочувствуемъ всему, что говоритъ почтенный авторъ, возражая противъ теоріи народничества. Но мы опасаемся, что причины разногласія двухъ теорій не ограничиваются указанными А. Н. Пыпинымъ терминологическими недоразумѣніями Народничество, какъ славянофильство, имѣетъ свою теорію и свои популярныя искаженія. Возражать противъ послѣднихъ—еще не значитъ уничтожить основанія первой, и теоретики народничества, какъ теоретики славянофильства, будутъ до нѣкоторой степени правы, если отвѣтятъ А. Н. Пыпину, что его критическія замѣчанія бьютъ иногда мимо цѣли. На самомъ дѣлѣ, народники могутъ называть непроизводительный классъ не „интеллигенціей", а непроизводительнымъ классомъ, и современныя формы экономической эксплуатаціи не „европеизмомъ", а именно—экономической эксплуатаціей; вмѣ-

стѣ съ этимъ уничтожатся, конечно, многія странности и наивности народнической теоріи; но самая теорія отъ того, навѣрное, не уничтожится и даже не станетъ слабѣе, а только возражать противъ нея будетъ нѣсколько труднѣе, потому что нужно будетъ возражать уже по существу.

Мы не можемъ закончить этой рецензіи, не упомянувъ о томъ, что книга А. Н. Пыпина вызвала два очень интересные автобіографическіе этюда, принадлежащіе перу двухъ весьма крупныхъ представителей русской науки. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ приложеніи къ самой книгѣ, именно автобіографическая замѣтка проф. А. Н Веселовскаго съ весьма любопытными подробностями объ обстоятельствахъ, опредѣлившихъ его ученое направленіе. Другой этюдъ, принадлежащій В. И. Ламанскому, имѣетъ форму полемической статьи противъ II тома „Исторіи русской этнографіи“ и помѣщенъ во II выпускѣ „Живой Старины“ (218 233); статья эта, конечно, прежде всего важна въ критическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней отмѣчены нѣкоторыя послѣдствія односторонности той точки зрѣнія, на которой стоитъ А. Н. Пыпинъ. Но едва ли не важнѣе статья В. И. Ламанскаго для характеристики не г. Пыпина, литературная физіономія котораго достаточно извѣстна, а самого автора, который, по свойству своей дѣятельности, имѣлъ меньше случаевъ высказываться передъ большой публикой. Особенно цѣнны сообщенія В. И. Ламанскаго о хорошо извѣстныхъ ему лицахъ славянофильскаго кружка, а также о С. М. Соловьевѣ. Личный элементъ въ этихъ сообщеніяхъ, несомнѣнно, также очень подчеркнутъ, но именно поэтому и легко отдѣлить его отъ важныхъ фактическихъ показаній, имѣющихъ всю цѣну историческаго свидѣтельства современника.

П. Милюковъ.

Н. И. Костомаровъ. — Литературное наслѣдіе. *(Автобіографія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа).* Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890. Ц. 3 р. 50 к.

Имя покойнаго Н. И. Костомарова, несомнѣнно, должно привлекать къ себѣ всѣхъ работниковъ въ области русской этнографической науки, понимаемой въ обширномъ смыслѣ. Явившись представителемъ федеративной теоріи о началѣ древней Руси, теоріи, первые зачатки которой нельзя не видѣть въ молодыхъ политическихъ мечтаніяхъ о славянской взаимности и славянской федераціи (стр. 61: „федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй“; „мысль о славянской взаимности и славянской федераціи оставалась у меня, какъ завѣтная въ жизни“, стр. 63., срв. стр. 113 и 121), Н. И. Костомаровъ не разъ подчеркивалъ въ своихъ трудахъ значеніе этнографіи, не разъ обращался къ ней и самъ. Въ обширномъ библіографическомъ указателѣ трудовъ Н. И. Костомарова, приложенномъ къ настоящему изданію (см. дополненіе къ нему въ „Русской Старинѣ“ 1891 г. № 2, стр. 484), перечислено до 36 №№. такъ или иначе относящихся къ русской этно-

графіи (именно: №№ 8, 9, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 24, 35, 49, 52, 53, 64, 72, 74, 82, 104, 122, 124. 126, 132, 178, 195, 197, 199. 201, 207, 226, 231, 241, 270, 282, 285, 308, 314,). Просматривая автобіографію Н. И. Костомарова въ названномъ изданіи, читатели безъ особаго труда знакомятся съ этнографическими вкусами покойнаго историка, происхожденіе и развитіе которыхъ, стоитъ въ тѣсной связи съ первоначальными условіями его жизни. Онъ подошелъ къ этнографіи со стороны исторіи, интересъ къ которой сумѣлъ возбудить въ немъ харьковскій профессоръ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ (см. стр. 22), принадлежавшій къ школѣ живописцевъ — историковъ (онъ называлъ Вальтеръ-Скотта „ абботсфордскимъ чародѣемъ"; въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. есть, кажется, статья М. М. Лунина о Вальтеръ-Скоттѣ). Кое-что въ указанномъ смыслѣ, можетъ быть, перепало Н. И. Костомарову и отъ проф. Гулака Артеровскаго (срв. стр. 96 „Исторической записки Москов. Археол. Общества". М. 1890). Зачитываясь въ концѣ тридцатыхъ годовъ историческими сочиненіями, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ вопросу: „отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы?" (стр. 28). „Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его *бытѣ*, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей". Отвѣчая на поставленный вопросъ, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ убѣжденію, что „исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ *живомъ народѣ*". Такъ началось увлеченіе этнографіей, и въ частности малорусской народностью, усиленное знакомствомъ съ Из. Ив. Срезневскимъ, а позднѣе кружкомъ молодежи, увлекавшимся малорусскою поэзіей, этнографіей („преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы" стр. 36) и писавшимъ по-малорусски повѣсти и стихотворенія (см., напр., малороссійскій отдѣлъ „Молодика" на 1843 г., изданнаго И. Бецкимъ). Стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ не разъ грѣшилъ и самъ Н. И. Костомаровъ. Тогда же, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, начались и этнографическія экскурсіи Н. И. Костомарова.

„Я началъ,—пишетъ покойный историкъ (стр. 29),—дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами... Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, разспрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя извѣстія и заставлялъ пѣть пѣсни". Послѣ своего учительства въ ровенской гимназіи, возвращаясь въ 1845 году въ Кіевъ, онъ вывезъ съ Волыни „большой ворохъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и разсказовъ". Матеріалъ этотъ былъ собранъ отчасти самимъ Н. И. Костомаровымъ, отчасти его учениками, которыхъ онъ сумѣлъ пріохотить къ собиранію народныхъ памятниковъ (стр. 59). Та же дѣятельность

въ интересахъ этнографіи продолжалась и въ періодъ саратовской ссылки. Въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ собиралъ мѣстныя народныя пѣсни вмѣстѣ съ г-жею А. Н. Пасхаловой. „Мы приглашали, пишетъ онъ (стр. 13, срв. стр. 69), простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу". Плодомъ этихъ занятій были сборники пѣсенъ, изданные Н. И. Костомаровымъ въ 50-хъ и 60-хъ г.г., а также его научные статьи по вопросамъ русской народной поэзіи и особливые взгляды на характеръ и цѣли изученія русской исторіи. Въ своемъ интересѣ къ народу, къ народной и общественной жизни („покойнаго Костомарова трудно упрекнуть въ недостаткѣ внимательности къ историческимъ явленіямъ, въ которыхъ можно замѣтить участіе общества", говоритъ проф. В. О. Ключевскій въ „Русской Мысли" 1890 г. № 1, стр. 145), Н. И. Костомаровъ былъ однимъ изъ смѣлыхъ новаторовъ, которому приходилось выслушивать укоры за свое пристрастіе къ мужику и съ высоты профессорской каѳедры, и изъ подвала цензорской канцеляріи. Въ своей диссертаціи, „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи" (1843) онъ имѣлъ въ виду провести „задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способами выраженія мыслей и чувствованій. Харьковскій профессоръ философіи Протопоповъ, преемникъ *частнаго пристава* (см. стр. 20) Чанова, являлся противникомъ диссертаціи, говоря (срв. стр. 46), что „такой предметъ, какъ *мужицкія пѣсни*, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени" (стр. 42). Находила такое занятіе унизительнымъ и современная цензура. Когда въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. печатались Н. И. Костомаровымъ собранныя въ краѣ пѣсни, изъ С.-Петербурга получена была бумага съ извѣщеніемъ, что „высшая правительственная власть замѣтила, что въ Сарат. Губ. Вѣдомостяхъ печатаются *некстати* народныя пѣсни непристойнаго (!?) содержанія, причемъ противъ одной пѣсни было замѣчено: «мерзость, гадость», если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати" (стр. 75). Н. И. Костомаровъ тутъ же приводитъ и отрывокъ изъ пѣсни, возбудившей такое негодованіе не въ мѣру и не кстати ревнивой по морали цензуры. Такое же цензорское преслѣдованіе при изданіи народныхъ пѣсенъ пришлось испытать Н. И. Костомарову и нѣсколько позднѣе (стр. 82). „Цензоръ затиралъ, пишетъ онъ, краснымъ черниломъ особенно такія мѣста, которыя могли бы показаться неудобными для чтенія молодыхъ дѣвицъ". Изданіе пѣсенъ, жалуется Н. И. Костомаровъ, жестоко пострадало. Подобные факты, помимо ихъ чисто культурнаго интереса, должны возбуждать, конечно, крайне скептическое отношеніе къ этнографическимъ изданіямъ того времени, лишеннымъ огромной дозы научной цѣнности. Всегда Н. И. Костомарова привлекала народная масса; разсказывая о ходѣ своихъ работъ по исторіи Смутнаго времени, онъ

пишетъ: „мое давнее желаніе—обрабатывать въ исторіи главнымъ образомъ теченіе *народной* жизни (этнографическіе курсы въ историческомъ изученіи) влекло меня къ этой эпохѣ... я былъ вѣренъ себѣ и своей задачѣ работать надъ исторіею *народа*, народной массы" (стр. 152—3). Такъ, поставивъ себѣ задачей, выдвигать на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ, Н. И. Костомаровъ обращаетъ вниманіе „на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ русской державы" (стр. 114), на этнографическое положеніе инородцевъ въ ихъ настоящемъ (стр. 113)) и на этнографическія задачи русской археологіи (см. на стр. 120 упрекъ г. Духинскому за рѣшеніе этнографическихъ вопросовъ безъ основательнаго знакомства съ русской археологіей) Послѣдняя наука, какъ тѣсно связанная у насъ съ этнографіей, также приковывала къ себѣ вниманіе Н. И. Костомарова, который во время своихъ путешествій по Россіи никогда не упускалъ случая къ знакомству съ вещественными памятниками русской старины. Разсказывая о своемъ путешествіи въ Керчь (1841 г.), онъ возмущается „возмутительными злоупотребленіями, совершавшимися при раскопкѣ керченскихъ кургановъ", когда будто бы сами археологи „утаивали найденныя въ курганахъ драгоцѣнности и тайно продавали ихъ англичанамъ" (стр. 36). Въ Вишневцѣ онъ обращаетъ особенное вниманіе на громадныя картины въ замкѣ князя Любомирскаго, изображающія сцены изъ жизни Лжедимитрія I и совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ (стр. 55, срв. 89 и 162). Въ селѣ Старая Ладога взоръ его поражается рядомъ большихъ кургановъ на высокомъ берегу Волхова... „такъ и тянетъ порыть ихъ и поискать въ ихъ нѣдрахъ какихъ-нибудь остатковъ до-исторической старины"... (стр. 148). Тѣ же старыя городища и курганы привлекаютъ его и на берегахъ рѣки Роси по дорогѣ въ Корсунь (стр. 183); у Матрониксваго монастыря онъ обращаетъ вниманіе на валы, въ которыхъ находили золотыя и серебряныя монеты первыхъ вѣковъ существованія Византійской имперіи (стр. 184, см. также стр. 71, 144, 148, 176, 198, 202). Отмѣчая непозволительную агитацію, которая началась въ извѣстной части нашей прессы по поводу археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, Н. И Костомаровъ пишетъ (стр. 204): „подозрѣнія, взводимыя тогда на Кіевскихъ ученыхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи. что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной исторіи литературы и этнографіи... а между тѣмъ, если археологическіе съѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то *естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной археологіи и исторіи* *).

Помимо автобіографіи, представляющей значительный интересъ для

*) На стр. 136—139 описано пребываніе въ Вильнѣ, въ которой предположенъ археологическій съѣздъ (IX-й) въ 1893 году, и знакомство съ извѣстнымъ мѣстнымъ археологомъ покойнымъ Киркоромъ (срв. стр. 168).

изученія этнографическихъ видовъ Н. И. Костомарова, въ этнографическомъ изданіи стоитъ упомянуть о двухъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ „Литературнаго наслѣдія“, именно: „о семейномъ бытѣ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и „о воспоминаніяхъ борьбы казаковъ съ мусульманствомъ въ народной южно-русской поэзіи“. Послѣдняя статья - небольшой, легкій набросокъ, написанный на случай и не имѣющій значенія; первая—окончаніе большаго труда Н. И. Костомарова, печатавшагося въ „Бесѣдѣ“ 1872 г., подъ заглавіемъ: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и въ „Русской Мысли“ 1880 и 1883 г.г., подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Она требуетъ довольно осторожнаго къ себѣ отношенія, такъ какъ методическіе пріемы автора ея не всегда способны устоять предъ критическимъ анализомъ современнаго ученаго этнографа. Ея оцѣнка должна, конечно, стоять въ связи съ двумя первыми частями труда.

Мы думаемъ, что „Литературное наслѣдіе“ найдетъ обширный кругъ читаталей, особливо въ виду помѣщенной здѣсь „автобіографіи“ писателя, наиболѣе читавшагося въ нашей публикѣ изъ всѣхъ русскихъ историковъ. Доходъ отъ изданія предоставляется въ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета грамотности.

В. Н. Сторожевъ.

B. Latyschev.—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II. Petropoli. 1890.

Среди немногочисленныхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся классической филологіей, В. В. Латышевъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность образцовымъ изданіемъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ (и досихъ поръ ежегодно находимыхъ) въ районѣ древне-греческихъ поселеній южной Россіи. Второй томъ этого капитальнаго изданія, предпринятаго на средства Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, содержитъ 470 надписей изъ Пантикапэя и его окрестностей, Фанагоріи, Горгиппіи, Танаиды, и нѣсколько такихъ, которыя нельзя пріурочить къ какой нибудь опредѣленной мѣстности.

Сборнику надписей издатель предпослалъ введеніе, въ которомъ (въ главѣ 1-ой) дѣлаетъ обзоръ народностей, жившихъ нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Боспоромъ Киммерійскимъ, представляетъ (во 2-ой главѣ) очеркъ исторіи Боспорскаго царства и (въ главѣ 3-ей) перечисляетъ должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ надписями.

Спеціалистамъ въ классической филологіи предстоитъ сдѣлать оцѣнку труда В. В. Латышева со стороны точности изданія надписей, полноты комментарія, установленія хронологіи и т. д. Я могу здѣсь только отмѣтить высокій интересъ, представляемый изданнымъ г. Латышевымъ эпиграфическимъ матеріаломъ для исторической этнографіи. Какъ извѣстно, среди чисто греческихъ личныхъ именъ, встрѣчается въ надписяхъ немало варварскихъ, негреческихъ, этимологическій разборъ кото-

рыхъ представляетъ для насъ единственную возможность оріентироваться въ вопросѣ о національности тѣхъ племенъ, на почвѣ которыхъ процвѣтали основанные греками торговые города. Въ моемъ изслѣдованіи „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи" (Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CCXLVII. Отд. 2, стр. 231—283), въ которомъ я представилъ этимологическій разборъ иранскихъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ надписяхъ греческихъ поселеній, но особенно обильно въ надписяхъ изъ Танаиды, я уже воспользовался, благодаря любезности В. В. Латышева, большинствомъ личныхъ „варварскихъ" именъ, вошедшихъ нынѣ во 2-ой томъ его изданія. Всего въ моемъ распоряженіи было около 425 такихъ именъ изъ Тираса, Ольвіи, Херсонеса Таврическаго, Пантикапэя, Танаиды, Фанагоріи и нѣкот. другихъ мѣстностей. Анализъ этого лингвистическаго матеріала привелъ меня къ заключенію, что тотъ элементъ въ населеніи, который, нѣсколько неопредѣленно, называли „иранскимъ", можетъ быть опредѣленъ болѣе точно, именно, что припонтійскіе иранцы, особенно населеніе бассейна Танаиса, были предками нынѣшнихъ осетинъ. Подавляющее большинство иранскихъ личныхъ именъ, преимущественно танаидскихъ, представляютъ такія фонетическія черты, которыя роднятъ ихъ съ осетинскимъ языкомъ; но съ другой стороны нѣкоторыя, правда немногочисленныя, имена совпадаютъ съ древне-персидскими и не могутъ принадлежать живому иранскому языку, отразившемуся въ именахъ первой категоріи. *Чистоперсидскія* имена являлись у скиѳовъ и сарматовъ, а также среди потомковъ греческаго населенія припонтійскихъ городовъ, какъ отголоски культурнаго вліянія, которое широко распространилось еще въ періодъ Ахеменидовъ во многихъ неиранскихъ сатрапіяхъ обширнаго персидскаго царства и даже далеко за его предѣлами. Распространеніе персидскихъ личныхъ именъ я старался объяснить, предположивъ два пути—*южный* и *сѣверный*.

Первымъ путемъ могли въ болѣе позднее время приходить на сѣверное побережье понта персидскія имена изъ Малой Азіи, особенно изъ Понтійскаго царства, оказывавшаго при Митридатѣ Евпаторѣ, какъ извѣстно, сильное вліяніе на Боспоръ.

Но персидскія имена болѣе древняго періода, встрѣчающіяся у скиѳовъ временъ Геродота, проникли къ нимъ вѣроятно сѣвернымъ или сѣверо-восточнымъ путемъ, т. е. могли быть занесены въ припонтійскія степи скиѳами изъ Азіи, гдѣ скиѳы (саки) въ древнія времена сосѣдили съ Ираномъ и восприняли нѣкоторыя черты его высокой культуры.

То и другое предположеніе находятъ себѣ новое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ „варварскихъ" именахъ, встрѣчающихся въ надписяхъ 2-го тома. Среди уже извѣстныхъ мнѣ раньше именъ мелькаютъ нѣкоторыя новыя, носящія иранскій отпечатокъ и дополняющія мои прежнія наблюденія.

Но надписи даютъ еще возможность, которой я не имѣлъ прежде, судить, хотя приблизительно, о количественномъ отношеніи варварскихъ именъ къ чисто греческимъ, напримѣръ, въ Танаидѣ.

Читая какую нибудь танаидскую надпись, содержащую списокъ долж-

ностныхъ лицъ или почетныхъ гражданъ города, получаешь такое впечатлѣніе, что большинство изъ этихъ лицъ носятъ ли они варварскія или греческія имена, были *полуварвары* съ точки зрѣнія какого нибудь аѳинянина, т. е. либо потомки сарматовъ, вкусившіе отъ эллинской культуры, либо потомки осарматившихся грековъ. Возьмемъ, напримѣръ, любопытную надпись № 430, относящуюся къ III вѣку по Р. Х., именно къ 220 году: „Съ добрымъ счастіемъ. При царѣ Рискупоридѣ, сынѣ великаго царя Савромата, и Зинонѣ Фаннеевѣ, посланникѣ царя Рискупорида, и при *Хофарнѣ Сандарзіевѣ* (Χοφάρνου Σανδαρζίου), *Вавѣ Вэорасповѣ* (Βάβος Βαιοράσπου), *Нивловорѣ Досимоксарѳовѣ* (Νιβλόβωρος Δοσυμοξάρθου), *Хороаѳѣ Сандарзіевѣ* (Χορόαθος Σανδαρζίου), архонтахъ Танаитовъ, *Хофразмѣ Форгаваковѣ* (Χόφραζμος Φοργαβάκου), я Василидъ Ѳеониковъ, еллинархъ, возобновилъ рыночную площадь на собственный счетъ, возстановилъ городу и купцамъ чрезъ попечителей Зинона Фаннеева, *Фарноксарѳа Тавреева*, (Φαρνόξαρθος Ταυρέου), *Фалдарана* Аполлоніева (Φαλδάραχος Απολλωνίου), и архитекторовъ Діофанта Неополова и Аврелія Антонина. *Навака Мевакова* (Ναύακος Μεύάκου), въ 517 году.“ Въ этой надписи, не совсѣмъ грамотной, какъ многія танаидскія, на 26 личныхъ именъ (не считая царскихъ) приходится 15 „варварскихъ,“ 9 греческихъ и 2 латинскихъ Такъ всѣ четыре архонта Танаитовъ, т. е. туземнаго городскаго населенія, носятъ чисто *иранскія* имена и отчества; изъ такъ называемыхъ *попечителей* ἐπιμεληταί) *двое* (Фарноксарѳъ и Фалдаранъ) также сарматскаго происхожденія, хотя отецъ послѣдняго носитъ чисто греческое имя (Аполлоній); наконецъ изъ трехъ архитекторовъ одинъ носитъ имя греческое, другой римское (Аврелій Антонинъ), а третій, вѣроятно младшій помощникъ, сарматское (Навакъ Меваковъ). Чистыми греками, покрайней мѣрѣ по именамъ и отчествамъ, оказываются высшія лица: царскій посланникъ (Зинонъ) и эллинархъ, т. е. глава *эллинской* городской общины (Василидъ Ѳеониковъ). На доказательствѣ иранства варварскихъ именъ надписи не останавливаюсь, такъ какъ этимологическій анализъ ихъ сдѣланъ мною въ моемъ изслѣдованіи.

Изъ неизвѣстныхъ мнѣ прежде варварскихъ именъ танаидскихъ надписей нѣкоторыя оказываются иранскими, и для пополненія списка уже разобранныхъ мною раньше именъ, считаю нелишнимъ остановиться на нихъ вкратцѣ.

1. Φορίαυος (№ 447): въ первой части я вижу осетин. фур—*много*, *очень*, авест. pouru, входящее въ составъ многихъ именъ: ав. pouru aspa—многоконный, pouru-gâo—обильный скотомъ и др. Тоже слово находимъ вь другихъ сложныхъ танаидскихъ именахъ: Φορ-γάβακος, Φορ-ήρανος, разобранныхъ мною подъ № 82. Вторая половина—ιαυος напоминаетъ осет. jäу—*просо*, слово, которое восходитъ къ арійскому и праиранскому yava (срав. авест. yava, санскрит. yava, н.-перс. jav) и вѣроятно имѣло у сарматовъ значеніе либо хлѣбнаго зерна вообще, либо ячменя. Такимъ образомъ Φορ-ιαυος значило бы: *изобилующій ячменемъ*.

2. Ἀσπάνδανος (№ 447): съ этимъ именемъ можно сравнить мидійское Ἀσπάνδας (у Діодора Сиц. 2,34), такъ что иранство его достаточно засвидѣтельствовано. Но этимологія представляетъ нѣкоторое затрудненіе: усматривая въ первой части обычное *aspa* (конь), мы затруднимся объясненіемъ звука ν, предшествующаго второй части имени, содержащей слово *дапа* (срав. это слово въ первой части танаидскаго имени Δανα-ράζμαχος или Δανα-ράσμαχος). Поэтому я предпочитаю сопоставить Ἀσπαν—съ осет. словомъ äфсäн—желѣзо, прилаг. äфсäінаг—желѣзный (ср. афганск. ospanah, памирск. spin). Иранск. группа согласныхъ sp получила въ сарматскомъ, какъ и въ осетинскомъ, видъ fs, напр. осет. äфсä—кобыла = ир. * aspá. Значеніе второй части dána приблизительно намѣчается авестійскимъ dâna: 1) твореніе, 2) даяніе, даръ.

3. Αὐράζακος (№ 454): это имя восходитъ къ иранск. глагольному корню râz, ср. авест. râz=устраивать, рядить, осет. а-раз ун (inf.)—направлять, править. Αὐ—соотвѣтствуетъ иранск. предлогу ava, входящему въ сложеніе съ глагольными корнями и соотвѣтствующему осет. предл. приставкѣ дигор. ўо-, иронск. ў-, напр: ўо-рам ун (диг.) успокоивать, срав. санскр. (ava+ram) и друг.

4. Ραγοίσακος: это имя не трудно разложить на составные элементы: предложную приставку ρα-, корень γοισ—и обычный суффиксъ—ακ—(ака), но отождествить корень съ какимъ нибудь иранскимъ глаголомъ я не могу. Предложная приставка ρα соотвѣтствуетъ осетинской ра-, восходящей къ иранск. fra-, авест. fra-(въ сложеніи съ глаголами frâ-), парсійск. fra-и far, новоперс. fär. По значенію осет. *ра* отвѣчаетъ нашимъ *вы-*, *из-*, напр. ра-кäсун — *вы*глянуть, ра-тäрун — *из*гонять и др. Замѣчу, что отпаденіе иранскаго f передъ плавными (r и l) составляетъ звуковую черту, спеціально роднящую осетинскій языкъ съ сарматскимъ; ср. танаид. имя Λείμανος съ осет. лімäн - другъ, милый,—причемъ оба слова восходятъ къ иранскому глагольному корню * fri—*любить*, съ суффиксомъ причаст. страд. залога - mana.

Разсмотрѣнныя имена, какъ и большинство „варварскихъ" танаидскихъ, принадлежатъ сарматамъ или потомкамъ объэллинившихся сарматовъ, жившихъ въ Танаидѣ и вообще въ территоріи нижняго Дона. Всѣ они сравнительно позднія, т. е. относящіяся къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., и носятъ фонетическія черты сарматскаго языка, по всей вѣроятности предка нынѣшняго осетинскаго

Но въ надписяхъ 2-го тома встрѣчаются и имена чисто персидскія, изъ которыхъ отмѣтимъ два болѣе древнія и одно болѣе позднее. На отломкѣ плиты, найденной въ 1885 году въ курганѣ, въ 6 верстахъ отъ Тамани, читаются имена: Σατραβάτης Σπιθαμέω, которыхъ персидскій (точнѣе мидійскій) характеръ ярко бросается въ глаза. Первое имя носилъ одинъ сатрапъ Экбатаны (Ath. 12,538, а). Въ первой части Σατρα—находится тоже слово авест. χshaϑra (власть), которое составляетъ первый членъ слова σατράπης, перс. χshatrapâvâ (Behist. III, 14.55), т. е. блюститель власти (волости). У сарматовъ, какъ и у осетинъ,

иранская группа согласныхъ ϑr *) перешла въ группу rt, такъ что иранское χšhaϑra получило въ осетинскомъ видъ ä-xcapt (подвигъ силы), а въ сарматскомъ видъ χsart, передаваемый въ танаидскихъ надписяхъ чрезъ ξαρθ—ος; срав. имена: Φαρνο-ξαρθος. (ср. персид. Φαρναξάθρης), Διδυμόξαρθος, Δοσυμόξαρθος. Такимъ образомъ группа τρ въ Σατραβάτης (№ 381) представляетъ точное доказательство тому, что это имя не сарматское. Имя Σπιτάμας носилъ зять Астіага (Ctes. 45, b.), и оно же является въ Авестѣ постояннымъ эпитетомъ Заратуштры (Spitama или Spitâma), принимаемымъ обыкновенно за отчество: Спитамовичъ, потомокъ Spitama. Надпись съ разсмотрѣнными персидскими именами относится по Латышеву къ IV в. до Р. Х. и указываетъ такимъ образомъ персидское (мидійское) вліяніе въ области древней Фанагоріи.

Другая надпись (№ 299) на надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ 1860 близъ Керчи, содержитъ также *персидское* имя, принадлежавшее, быть можетъ, греку. Она содержитъ 8 чувствительныхъ стиховъ, которые г. Латышевъ переводитъ такъ: Фарнакъ Фарнаковъ, прощай! (Φαρνάκη Φαρνάκου χαῖρε). Взгляни, странникъ, на *надгробную* плиту Фарнака, котораго сломилъ тяжкій Аидъ, изловивъ злосчастную юность, ремесломъ учителя гимнастики, лѣтами молодого, изъ *своей* отчизны Синопы по доблести удалившагося на западъ. Урну *съ* его *прахомъ* скрываетъ Боспорская земля, и гимнасій открыто оплакиваетъ его тщетными слезами; а пріемный отецъ его Химатіонъ предупредилъ любовью природу (т. е. родного отца), поставивъ каменный памятникъ на *его* могилѣ.

Итакъ плита покоилась надъ прахомъ жителя Синопы, попавшаго на Боспоръ и практиковавшаго въ Пантикапэѣ въ качествѣ учителя гимнастики. Для насъ интересно, что этотъ юноша, воспѣтый греческими стихами, носилъ, какъ и его отецъ, чисто персидское имя Фарнака. Такія имена были распространены въ Малой Азіи еще съ той поры, когда ея области входили въ составъ великаго царства Ахеменидовъ. Мы находимъ ихъ въ Каппадокіи (Ἀριαράθης, Ἀριοβαρζάνης), Арменіи (Ἀριάμνης, Ἀρταουάσδης, Ἀρταβάζης) и въ позднѣйшемъ Понтійскомъ царствѣ, котораго цари производили себя отъ одного изъ семи персовъ, свергнувшихъ Лжесмердиса вмѣстѣ съ Даріемъ Гистаспомъ. Естественно, что и среди населенія Синопы встрѣчалось немало иранскихъ личныхъ именъ, носимыхъ объэллинившимися потомками иранцевъ. Отсюда и изъ другихъ мѣстъ южнаго побережья Понта такія имена переходили на сѣверные берега въ греческіе торговые города. Дѣйствительно, имя Φαρνάκης, носимое синопскимъ учителемъ гимнастики, встрѣчается болѣе 25 разъ во 2-мъ томѣ надписей г. Латышева (танаидскихъ и горгиппійскихъ), и разсмотрѣнная нами надпись подтверждаетъ предположенный нами путь перехода такихъ именъ съ южнаго берега Понта на сѣверный. Но, конечно, нельзя думать, что всѣ припонтійскіе Фарнаки были потомки иранцевъ. Разъ это имя было въ модѣ, оно могло быть даваемо и дѣтямъ грековъ.

*) ϑ выражаетъ спирантъ, приблизительно соотвѣтствующій англ. th.

Это видно изъ того, что отцы многихъ фанагорійскихъ и танаидскихъ Фарнаковъ носятъ чисто греческія имена, напр.: Φαρνάκης Ἀπολλωνίου (№ 351), Ф. Ἡρακλείδου (№ 446), Ф. Θεοτείμου (№ 442) и др. То-же популярное имя было элленизировано въ формѣ Φαρνακίων, встрѣчающейся не менѣе часто чѣмъ Φαρνάκης, и точно также отцы многихъ Фарнакіоновъ греки по именамъ: Ф. Ἀγαθοῦ, Ф. Ἑρμαδίωνος, Ф. Ἔρωτος, Ф. Ἡγουμένου.

Этими замѣчаніями я ограничусь, въ виду того, что имѣлъ цѣлью лишь обратить вниманіе на высокій интересъ, представляемый трудомъ В. В. Латышева для исторической этнографіи Южной Россіи.

Вс. Миллеръ.

Н. Θ. Сумцовъ.—Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890.—Новый трудъ проф. Н. Θ. Сумцова представляетъ отдѣльное изданіе ряда статей, которыя онъ печаталъ въ 1889 и 90 гг. въ „Кіевской Старинѣ". „Культурными переживаніями" авторъ называетъ остатки древняго міросозерцанія и древней морали, сохранившіеся до нашихъ дней въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простого народа. Въ небольшихъ этюдахъ Н. Θ. Сумцовъ разсмотрѣлъ до 200 „переживаній", которыя въ концѣ книги, въ предметномъ указателѣ, только для облегченія обзора онъ подводитъ подъ слѣдующія рубрики: внѣшняя природа, село и хата, личная жизнь крестьянина, пища и одежда, семейная жизнь, общественная жизнь, праздники и игры, музыкальные инструменты, промыслы, базарные обряды, проступки и наказанія, демонологія, народно-поэтическая зоологія, народно-поэтическая ботаника, мелкія повѣрья, нѣкоторые литературные мотивы, значеніе нѣкоторыхъ словъ. Вносить какую нибудь систематизацію въ этотъ разнообразный и обильный матеріалъ авторъ считаетъ преждевременнымъ. „Въ народной жизни, говоритъ онъ, культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другого, какъ разнородные и разновременные обломки старины. Въ предлагаемыхъ статьяхъ я не буду подгонять культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, миѳологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлить ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигрываютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, разсматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться на любомъ мѣстѣ своего труда; читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ" (стр. 2). Послѣдняя *выгода* читателя—возможность выбора статей по личнымъ наклонностямъ и привычкамъ (?)—намъ не вполнѣ ясна, потому что мы не знаемъ, какого читателя имѣетъ въ виду авторъ. Но

всякій научный читатель будетъ цѣнить „возможную законченность“ изслѣдованій и въ этомъ отношеніи останется удовлетворенъ многими статьями „Культурныхъ переживаній“. Отличное знакомство съ южно-русскимъ бытомъ, поставленнымъ авторомъ на первый планъ, и значительная начитанность въ литературѣ по общей этнографіи даютъ ему возможность обставить многія „переживанія“ такими параллелями, которыя разъясняютъ ихъ нерѣдко чрезвычайно удачно. Но рядомъ съ „законченными по возможности“ этюдами, книга г. Сумцова содержитъ множество мелкихъ замѣтокъ, иногда въ нѣсколько строкъ, которыя могутъ быть названы только зачатками будущихъ изслѣдованій. Онѣ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ случайно отмѣченный и кажущійся ему интереснымъ фактъ прикрѣпляетъ къ двумъ-тремъ другимъ аналогичнымъ и давно извѣстнымъ и затѣмъ спѣшитъ подвесть этотъ маленькій матеріалъ подъ отдѣльную рубрику. Очень вѣроятно, что такая небольшая замѣтка могла бы впослѣдствіи разростись до „законченнаго“ изслѣдованія подъ перомъ того же автора, и едва-ли читатель посѣтовалъ бы на него, еслибъ карточка съ отмѣченнымъ фактомъ дождалась своей очереди и предстала въ болѣе полномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, для читателя едва ли представитъ интересъ узнать изъ замѣтки № 24 (стр. 84), что на островѣ Суматрѣ привязываютъ на шею скоту деревянный колокольчикъ, сходный съ *калаталомъ*, колотушкой или колокольчикомъ, надѣваемымъ въ Малороссіи на быковъ и коровъ съ тою цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. „Фактъ этого сходства, говоритъ авторъ, интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала“. Но и безъ этой параллели, которою исчерпывается вся замѣтка, мы склонны думать, что калатало снарядъ весьма первобытный, а скептика, не признающаго древности калатала, этимъ фактомъ не убѣдишь. Но это, конечно, частность. Въ большинствѣ изслѣдованій авторъ даетъ параллели дѣйствительно разъясняющія разсматриваемое имъ „переживаніе“, и объясненія его логически вытекаютъ изъ приводимыхъ фактовъ. Я позволю себѣ отмѣтить только нѣкоторые немногіе случаи, гдѣ предложенное Н. Ѳ. Сумцовымъ объясненіе, кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ интересномъ этюдѣ „олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства“ (№ 1), авторъ между прочимъ говоритъ, что религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, и ссылается на описанный проф. Антоновичемъ барельефъ существующій на одной скалѣ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Здѣсь представлена такая сцена: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣняхъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и держащая въ рукѣ чашу. Сзади за человѣческой фигурой стоитъ фигура оленя, поставленная, повидимому, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталъ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что

изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшаго христіанству религіознаго культа. О древности и происхожденіи барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія равномѣрно. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (стр. 7).

По мнѣнію г. Сумцова, все содержаніе рельефа объясняется вполнѣ удовлетворительно фактами *христіанской* символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды. „Плакида", стратилатъ при Троянѣ царѣ, любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ оленемъ. Олень соскочилъ на высокій камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускающій свѣтъ сильнѣе солнца, а посереди роговъ образъ святаго тѣла Христова. „О Плакида, что мя гониши?—сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Іисусъ Христосъ... Слыша стратилатъ пристрашенъ бѣ, спадя съ коня". Это описаніе символическаго оленя, по мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова, „объясняетъ происхожденіе подножія оленя на днѣстровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи" (стр. 11). Но во первыхъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобъ допустить эту мысль: въ рельефѣ нѣтъ нималѣйшаго указанія на христіанство, а нахожденіе въ ближайшихъ окрестностяхъ кремневыхъ орудій и вывѣтренность поверхности рельефа относятъ его ко временамъ доисторическимъ. Во-вторыхъ и сцена, изображенная на рельефѣ, развѣ только присутствіемъ оленя напоминаетъ приведенный авторомъ эпизодъ изъ житія св. Евстафія Плакиды. Человѣческая колѣнопреклоненная фигура стоитъ не передъ оленемъ, а передъ сидящимъ на деревѣ пѣтухомъ, «совершая какъ будто либацію», а главной черты житейскаго символическаго оленя—креста между рогами—на барельефѣ нѣтъ. Кстати по поводу символическаго оленя замѣтимъ, что авторъ могъ бы значительно пополнить свое изслѣдованіе матеріаломъ, собраннымъ въ извѣстной статьѣ Адальберта Куне: *Выстрѣлъ дикаго охотника въ солнечнаго оленя*, помѣщенный въ 1869 г. въ Zeitschrit für deutsche Philologie Höpfner'a u Zacher'a (I т. стр. 89—119).

Въ замѣткѣ объ *игрѣ въ короля* (№ 59), въ которой, между прочимъ, дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту, авторъ говоритъ: «въ игрѣ отражаются *воспоминанія* народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хороводахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія и состоянія». Лично намъ такое объясненіе представляется неубѣдительнымъ, во-первыхъ, потому, что мы сомнѣваемся въ той патріархальной идилліи, которую нарисовалъ авторъ, а во-вторыхъ, не думается, чтобъ южно-русская игра въ короля могла быть отраженіемъ народныхъ *воспоминаній* объ этомъ патріархальномъ времени, если оно

когда нибудь существовало. Что касается самой игры, то авторъ могъ бы восполнить свою замѣтку о ней нѣкоторыми славянскими параллелями, которыя, быть можетъ, привели бы его къ другому объясненію. Обрядовая игра *кралице* совершается около Троицына дня кое-гдѣ въ Сербіи (см. у Вука Караджича, въ словарѣ, подъ сл. *кралице*), а сербская игра соотвѣтствуетъ такой же чешской hra na krále a na králku, совершаемой o svatem Duse. Описаніе этой игры въ разныхъ мѣстностяхъ Чехіи см. у Krolmus'a, Straroceskè povêsti etc. III. p.p. 80—197. Не всегда удачны лингвистическія догадки автора, который, впрочемъ, и не причисляетъ себя къ лингвистамъ. Отмѣчу то, что мнѣ представляется наиболѣе сомнительнымъ. Такъ названіе кувшина Харьков. губ. *куманецъ* (стр. 120), очевидно уменьшительное (съ суф.-ьць) отъ *куманъ*, авторъ считаетъ словомъ греческаго происхожденія и сопоставляетъ съ греч. κῦμα—*волна*, κυμαίνω *волнуюсь*, κυμάς—*беременная*, между тѣмъ какъ *куманъ* есть татарск. *кумганъ*, *кувганъ*—кувшинъ, названіе чрезвычайно распространенное на Кавказѣ и на всемъ мусульманскомъ востокѣ. Глаголъ *гадати* или *гатати* не можетъ быть сопоставленъ съ санскр. корнемъ *да*—пѣть (стр. 122), точно такъ же, какъ употребляемое въ галицкой Руси названіе для зарубокъ *раваши* не можетъ восходить къ корню глагола *рыть* (стр. 123). Страннымъ кажется мнѣ и сопоставленіе названія *каганецъ* (ночникъ, плошка) съ тюркскимъ титуломъ *каганъ* и мотивъ такого сопоставленія: „не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того народа, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ?“ (стр. 126). Названіе *гостецъ*, обозначающее болѣзнь, колтунъ, кашель, и вполнѣ удовлетворительно объясняющееся обычностью умилостивительныхъ названій для болѣзней (напр. великорус *гостья*. *добруха* для лихорадки), авторъ считаетъ возможнымъ этимологически сблизить съ нѣмецк. husten—кашель, англосакс.—huosta, сканд. hosti, др. верхне-нѣмец. huasto, что въ звуковомъ отношеніи невозможно (стр. 224). Въ доказательство тому, что „во многихъ языкахъ *одни и тѣже слова* выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его“, авторъ неудачно приводитъ санскр. bhata—*домовой* (точнѣе это слово значитъ: воинъ, рабъ, названіе одного зміевиднаго демона) и bhûta—*духъ*, *привидѣніе*, неудачно потому, что оба названія восходятъ къ разнымъ корнямъ, не сходнымъ ни въ звукахъ ни въ значеніи (стр. 236). Вообще, интересныя изслѣдованія Н. Ѳ. Сумцова ничего бы не потеряли, еслибъ авторъ рѣже вдавался въ этимологическія соображенія, которыя для неспеціалиста весьма рискованны. Опасно также приводить отдѣльныя слова изъ разныхъ языковъ, не отдавая себѣ отчета въ точномъ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ (напр въ санскритѣ нѣтъ демона Тричиры (стр. 227), а есть Triçiras, гдѣ ç не есть русс. ч. а нёбн. ш).

Спѣшу оговориться, что при подавляющей массѣ фактовъ отдѣльные недосмотры неизбѣжны и нисколько не умаляютъ высокаго интереса новой книги проф. Сумцова. Обширная начитанность автора въ этнографи-

ческой литературѣ русской и иностранной видна во множествѣ отдѣльныхъ этюдовъ. Конечно, и въ этомъ отношеніи возможны пополненія, которые вѣроятно будутъ сдѣланы спеціалистами и впослѣдствіи самимъ авторомъ; съ своей стороны считаю не лишнимъ для №№ 70 и 71 (о цимбалахъ и гусляхъ) обратить его вниманіе на недавно вышедшее изслѣдованіе А. С. Фаминцына - - «Гусли — русскій народный музыкальный инструментъ, историческій очеркъ», С.-Петерб. 1890 стр. I+135, въ которомъ въ *прибавленіи* сообщаются историческія свѣдѣнія о цимбалахъ.

Въ заключеніе въ интересахъ русской этнографіи можемъ пожелать, чтобъ проф. Сумцовъ продолжалъ столь удачно начатый имъ рядъ изслѣдованій въ области культурныхъ переживаній.

Вс. М.

Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XIV. Выпускъ I. Тифлисъ, 1890 г. (416+62 стр. in 8⁰).—Кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества продолжаетъ печатать на страницахъ своихъ Записокъ рядъ интересныхъ монографій, очерковъ, замѣтокъ, посвященныхъ быту народовъ Кавказа и его природѣ. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ статьи Н. Я. Динника: „Путешествіе по Дигоріи". „Поѣздку въ Балкарію", и „Современные и древніе ледники Кавказа". Три статьи посвящены Хевсуретіи: „Замѣтка о Хевсуріи", Н. А. Худадова, „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ", кн Р. Д. Эристова, и Замѣтка о монографіи г. Радде „Хевсурія и Хевсуры". кн. Р. Д. Эристова". Одна статья посвящена ингилойцамъ: „Замѣтки о Закатальскомъ округѣ", Дм. З. Бакрадзе, и одна „Шахсеванамъ на Мугани", В. С. Маркова.

Путешествуя по Дигоріи, Н. Я. Динникъ обратилъ вниманіе на одну пещеру близъ аула Задѣлеска, гдѣ совершаются общественныя жертвоприношенія „передъ началомъ покоса и уборки хлѣбовъ, а другой разъ нѣсколькими днями раньше". Въ послѣднемъ случаѣ дигорцы молятся о всѣхъ младенцахъ, родившихся послѣ жертвоприношенія предъидущаго года. Эта святыня дигорцевъ называемая „Олисай-дона" наполнена предметами домашняго ихъ обихода и массой нагроможденныхъ череповъ и роговъ животныхъ.—„Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о „Хевсурахъ", какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ кн. Р. Эристовъ, даетъ много новыхъ данныхъ, ускользнувшихъ отъ прежнихъ наблюдателей. Юристы для эмбріологіи права найдутъ въ этомъ трудѣ массу фактовъ, неизвѣстныхъ изъ этнографическихъ сообщеній о хевсурахъ. Таковы рубрики: „Сатавно", „самтцунебро", „принятіе на себя грѣха", „Курисъ мотгра" и др. Статья о „Хевисъ-бери" является въ совершенно новомъ видѣ. М. М. Ковалевскій въ своемъ трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ", упрекая изслѣдователей быта кавказскихъ народностей въ томъ, что они обращаютъ исключительное вниманіе на религіозныя вѣрованія, нѣтъ сомнѣнія, не зналъ почтеннаго труда г. Урбнели. О замѣткахъ Д. З. Бакрадзе мы говорили въ IV кн. Этногр. Об." О „Шахсеванахъ" слѣ-

дуетъ сказать, что подъ этимъ именемъ извѣстны персидскіе кочевники, съ 1828 г. перекочевавшіе въ предѣлы Россіи. Много любопытныхъ свѣдѣній сообщается объ ихъ религіи, бракѣ, похоронахъ, языкѣ и пр.

А. Хах—овъ.

Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 г.). Вып. I, подъ редакц. П. Стефановскаго. (Владикавказъ. 1890 г. стр. 274+178 in 8º). Немногія мѣстности Россіи могутъ похвалиться столь значительнымъ количествомъ мѣстныхъ дѣятелей, направляющихъ свои силы на изученіе своей страны, какъ это могутъ сдѣлать съ полнымъ основаніемъ Кавказъ и Закавказье. Кромѣ значительнаго числа ежегодно публикуемыхъ въ различныхъ некавказскихъ изданіяхъ трудовъ мѣстныхъ работниковъ, мы ежегодно имѣетъ и нѣсколько новыхъ „кавказскихъ" изданій, въ которыхъ заключается интересный матеріалъ для Кавказовѣдѣнія. „Труды" Кавказскаго Отд. И. Р. Г. Общества, обширные „Сборники матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа" и др. содержатъ труды мѣстныхъ жителей, стремящихся ознакомить читающую публику съ окружающей ихъ средой, и нельзя не отдать имъ справедливости, что многіе изъ этихъ трудовъ являются не маловажными вкладами въ науку народовѣдѣнія. Теперь передъ нами еще новое изданіе, служащее лучшимъ доказательствомъ того, что силы на Кавказѣ въ отношеніи къ самоизслѣдованію не только не уменьшаются, но съ каждымъ годомъ крѣпнутъ и растутъ. Довольно обширный томъ „Терскаго Сборника" содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, могущихъ заинтересовать этнографа, именно статьи *Е. Максимова*: *Терское казачье войско*, *Пѣсни терскаго казачества*, *Чеченскія пѣсни*, также ст. *Обитатели Кумыкской плоскости*, *Н. Семенова*. Работа Е. Максимова, основанная на статистическихъ данныхъ, даетъ ясную картину современнаго матеріальнаго быта терскихъ казаковъ; что до „краткаго историческаго очерка," которымъ авторъ открываетъ свое изслѣдованіе, то онъ могъ бы, конечно, быть и полнѣе и лучше разработаннымъ. Впрочемъ эти недостатки не могутъ быть поставлены въ упрекъ г. Максимому, такъ какъ очеркъ служитъ скорѣе введеніемъ, чѣмъ отдѣльной частью труда автора. Если мы упоминаемъ объ этомъ, то лишь въ виду того, что желательно было бы имѣть хорошій трудъ по исторіи терскаго казачества,—тѣмъ болѣе, что существующія по этому вопросу сочиненія едвали могутъ быть названы удовлетворительными. Разрабатывать же исторію терскаго казачества, кажется намъ, было бы легче всего мѣстному жителю, такъ какъ ему удобнѣе пользоваться незатронутымъ еще мѣстнымъ архивнымъ матеріаломъ. 71 *NN* пѣсенъ терскаго казачества представляетъ несомнѣнный интересъ для этнографа уже своимъ количествомъ и тѣмъ, что пѣсни записаны въ разныхъ станицахъ. Нельзя однако назвать удачной систему, принятую г. редакторомъ при расположеніи пѣсенъ. Предпосылая сборнику пѣсенъ довольно обширное предисловіе, редакторъ желаетъ въ пѣсняхъ представить бытъ и жизнь терскаго казака; редак-

торъ представляетъ себѣ, что казаки собрались и начинаютъ бесѣду; вспоминаютъ старое и каждый изъ присутствующихъ вставляетъ свое слово; вслѣдствіе этого пѣсни—остатки старины, въ видѣ отрывка изъ былины про князя Владиміра, смѣняются разсказомъ про Полтавскій бой и т. п. Принятая г. редакторомъ система, несомнѣнно, при извѣстной долѣ воображенія, оживляетъ картину, но къ сожалѣнію она ведетъ къ разбросанности пѣсенъ и дѣлаетъ затруднительнымъ пользованіе ими. Въ поименованныхъ нами выше статьяхъ можно было-бы также указать нѣкоторые недостатки: нѣкоторую поспѣшность выводовъ и т. п.; но они, какъ и недостатки указанные нами выше, не идутъ сильно въ ущербъ значенію „Сборника": избѣжать ихъ легко — и тогда новый „Терскій Сборникъ" получитъ такое же значеніе для этнографіи, какъ и „Сборники", издаваемые Кавказскимъ учебнымъ округомъ.

Н. X.

Грузинскія сказки, собранныя г. *Агніашвили*. Книга I. Тифлисъ. 1891 г Изданіе грузинскаго издательскаго товарищества. 1+142 стр. in 8°.—Грузинское издательское товарищество, недавно организовавшееся въ Тифлисѣ, приступило къ печатанію народныхъ произведеній, обнародованіе которыхъ является настоятельною необходимостью, въ виду вытѣсненія устнаго творчества новыми общественными условіями, невыгодно отражающимися на развитіи и сохраненіи народной поэзіи Товарищество намѣревается прежде всего собрать и напечатать сказки, а за ними пѣсни, легенды, поговорки, загадки, заговоры и проч. Въ заключеніе каждаго отдѣла будетъ приложенъ разборъ напечатаннаго матеріала съ прибавленіемъ варіантовъ и дополненій къ опубликованнымъ памятникамъ. Насколько богата грузинская народная поэзія, можно судить по тому факту, который былъ сообщенъ въ „Иверіи": г. Разикашвили передалъ издательскому товариществу до 2000 пѣсенъ, 700 поговорокъ, 350 загадокъ, собранныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи. Обнародованіе ихъ желательно не только въ интересахъ освѣщенія прошлой судьбы Грузіи, но и въ интересахъ этнографіи и всеобщей исторіи литературы. Неисчерпаемый запасъ грузинскаго народнаго творчества можетъ дать много чрезвычайно любопытнаго и новаго матеріала. Отрывки грузинской народной поэзіи послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ для статьи проф. В. Ѳ. Миллера: „Иранскіе отголоски на Кавказѣ". Когда будутъ собраны сказанія объ Амиранѣ и Дареджанѣ, о Таріелѣ и Автандилѣ, явится возможность указать отношенія и связи между произведеніями народной словесности и памятниками искусственной литературы, оставленными Мосе Хонели и Шота Руставели. Тѣ немногія сказанія, сказки, поэмы, какія до сихъ поръ были напечатаны въ грузинскихъ повременныхъ изданіяхъ, даютъ ручательство въ томъ, что собранія народныхъ произведеній обѣщаютъ быть любопытнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для народовѣдѣнія вообще.

Въ настоящей книжкѣ помѣщено 14 сказокъ: Мастеръ и ученикъ, Мачеха и три дочери, Бездѣльникъ, Коробъ лягушки, Судьба, Божій сынъ.

Змѣя и крестьянинъ, Гуламбара и Суламбара (имена собакъ), Два брата, Царевичъ, Бѣдняжка, Мать, три дочери и сынъ, Пастухъ и счастливый мальчикъ, Два вора Лисица и царевичъ. Названія нѣкоторыхъ сказокъ не даютъ представленія о богатомъ ихъ содержаніи и иногда отличаются неточностью озаглавленія сказки, что нужно отнести насчетъ собирателя.

А. Хах—овъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., т. XXI, № 5.—Изъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ „Извѣстій", непосредственное отношеніе къ этнографіи имѣетъ только одна—„Урянхайская земля и ея обитатели , *А. М. Африканова*. Подъ именемъ Урянхайской земли извѣстна сѣверная часть Монголіи между 50° и 53° сѣв. шир. и 59° и 69° вост. долг., окаймляемая хребтами: съ сѣвера — Саянскимъ съ востока — Хангинскимъ, съ запада — Алтайскимъ и съ юга— Танну-Ола. Населена онаполу-ко чевыми племенами, называемыми по-монгольски „урянхай" или „танну-урянхай", а по-русски—сойотами; сами-же себя сойоты называютъ „туба" или „тува". Все населеніе Урянхайской земли равняется приблизительно отъ 35 до 40,000 человѣкъ. Кромѣ сойотовъ, здѣсь-же, на западной сторонѣ оз. Косогала, по рр. Шишкиту, Урею и Хахкему, живетъ монгол. племя „дархаты", которыхъ насчитываютъ до 7,000 чел. Цѣнными въ статьѣ г. Африканова являются свѣдѣнія о сойотскихъ племенахъ или хошунахъ и подраздѣленія ихъ на „сумо" (роды). Описаніе же внѣшней обстановки жизни сойотовъ—ихъ жилищъ, пищи и одежды—очень кратко и въ имѣющіяся въ литературѣ данныя по этому предмету, не вноситъ ничего новаго.

Ал. И—скій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи, т. II, вып. 1 и 2.—Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Имп. Рус. Геогр. Общества за послѣдніе три года, въ бытность правителемъ дѣлъ его извѣстнаго путешественника Г. Н. Потанина, отличался особенно кипучею и плодотворною дѣятельностью, выразившеюся какъ въ снаряженіи нѣсколькихъ экспедицій, такъ и въ выпускѣ ряда изданій, блиставшихъ обиліемъ полныхъ высоко-научнаго интереса работъ мѣстныхъ изслѣдователей. Въ нашемъ изданіи въ свое время были отмѣчены эти работы; въ настоящей-же замѣткѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ двухъ выпускахъ „Записокъ" Отдѣла по этнографіи, вновь обогащающихъ послѣднюю въ высшей степени цѣнными вкладами. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ", *М. Н. Хангалова*. Имя г. Хангалова давно пользуется среди этнографовъ, вполнѣ заслуженною извѣстностью, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ провинціальныхъ работниковъ въ области этнографіи, уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ горячею любовью и неутомимо, занимающагося разностороннимъ изученіемъ быта бурятъ. Новый трудъ г: Хангалова посвященъ спеціально шаманству у бурятъ и является продолженіемъ одной изъ его

статей, разсматривающей тотъ-же вопросъ и напечатанной въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отд.", 1883 г., т. XIV, №№ 1 и 2. Особенно обстоятельно и подробно авторъ останавливается на высшихъ существахъ (тэнгэри, тэнгерины, заяны, бурханы), которыхъ буряты насчитываютъ 99, приводитъ имена всѣхъ ихъ и даетъ характеристику большинства этихъ божествъ. Затѣмъ говоритъ о „хатахъ" или дѣтяхъ тэнгэриновъ, о бѣлыхъ и черныхъ кузнецахъ, изъ которыхъ бѣлые или западные, считаются бурятами за добрыхъ и покровительствующихъ заяновъ, защищающихъ людей отъ восточныхъ, злыхъ хатовъ и заяновъ и излѣчивающихъ отъ разныхъ болѣзней. Далѣе характеризуются „хозяинъ всей земли"—Дабанъ-Саганъ Ноенъ, представляемый старикомъ съ сѣдыми волосами, и хордуты (почитаемые камни), спустившіеся, по вѣрованію бурятъ, на землю съ неба. Изъ такихъ хордутовъ, особеннымъ почетомъ и извѣстностью пользуются два бѣлыхъ камня во 2-мъ Олзоевомъ родѣ Унгинскаго инородч. вѣдомства: „Салингухи-бумал-саганъ-шулунъ" и „Улухэни-бумал-саганшулунъ". Слѣдующія затѣмъ главы, посвящены описанію онгоновъ (глав. обр. т. наз. „вечерочныхъ"—„надани-онгонъ", призываемыхъ на вечеркахъ для веселья), душъ умершихъ шамановъ и различныхъ обрядовъ (до 30) и жертвоприношеній, совершаемыхъ шаманами Вообще трудъ г. Хангалова отличается рѣдкою полнотою и обстоятельностью и въ небогатую литературу о шаманствѣ въ Сибири безспорно вноситъ весьма крупный и драгоцѣнный вкладъ.—Второй выпускъ „Записокъ" содержитъ въ себѣ статьи: *Н. И. Затопляева* —Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ (пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ; анахаи; аршаны, или цѣлеб. ключи; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ); *П. П. Батарова* Бурятскія повѣрья о бохолдаяхъ и анахаяхъ; *М. Н. Хангалова*—1) Судъ заяновъ надъ людьми и 2) Преданія и повѣрья унгинскихъ бурятъ; *Д. Клеменца*—Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9 табл. рисунковъ); *Н. В—скаго*—Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ и *Н. Припузова*—Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Ал. И—скій.

Отчетъ объ Алтайской и Киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1889 г. Томскъ. 1890 г.—Въ приложеніи къ „Отчету", находимъ двѣ интересныя статьи начальника миссій Томской епархіи, *епископа Макарія*: „Инородцы Нарымскаго края" и „Матеріалы для изученія языка Васьюганскихъ инородцевъ (остяковъ) Нарымскаго края" Объ инородцахъ Нарымскаго края писано было много. Достаточно указать на труды Гр. Новицкаго („Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ"), И. С. Полякова („Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби", изд. въ 1877 г. Акад. Наукъ), Финша и А. Брэма („Путеш. въ Зап. Сибирь"), Н. П. Григоровскаго („Очерки Нарым. края" и „Описаніе Васюганской тундры" въ „Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.", кн. IV и VI), А. В. Адріанова („Забытые люди забытаго края"), Н. Городкова („Религіоз. языч. воззрѣ-

нія остяковъ") и мн. др. Но свѣдѣнія, сообщаемыя всѣми этими изслѣдователями, во всякомъ случаѣ оставляютъ еще достаточно пробѣловъ, пополненія которыхъ требуетъ состояніе современной науки. Вышеназванныя статьи епископа Макарія и представляютъ собою попытку—и очень удачную - въ этомъ послѣднемъ направленіи. Являясь крайне сжатыми и краткими, онѣ, тѣмъ не менѣе, заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ литературѣ свѣдѣнія о нарымскихъ инородцахъ—объ ихъ бытѣ, языкѣ, ихъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, о свадебныхъ обрядахъ, занятіяхъ мужчинъ и женщинъ, о вымираніи племени (въ 1862 г. было васьюган. остяковъ 854 чел. об. пола, въ 1882 ,.—726, въ 1888 г.—502) и пр. Статьи еп. Макарія являются тѣмъ болѣе цѣнными и своевременными, что, какъ видимъ изъ выше приведенныхъ цифръ о движеніи инородч. населенія Нарымскаго края, оно быстро вымираетъ, и его, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ ждетъ участь, общая и многимъ другимъ сибирскимъ инородцамъ, т. е. совершенное въ концѣ концовъ исчезновеніе съ лица земли.—Искренно желаемъ, чтобы алтайскіе и вообще сибирскіе миссіонеры, уже не разъ дѣлавшіе крупные вклады въ этнографическую литературу, продолжали и на будущее время обогащать ее своими цѣнными изслѣдованіями.

Ал. И—скій.

Временникъ Центральнаго Статистическаго Комитета. 1890. № 17. А. Ефимовъ: Православное населеніе Томской г. по даннымъ 1870—1880 г. (СПБ. 1890. стр. 43 in 8°).—Небольшой, но хорошо разработанный, демографическій очеркъ г. Ефимова представляетъ данныя о движеніи православнаго населенія Томской губ. Разработавъ данныя за десять лѣтъ, авторъ можетъ придти къ довольно прочнымъ выводамъ о рождаемости, смертности, бракѣ и т. д. какъ городского такъ и сельскаго православнаго населенія губерніи. Значеніе и интересъ его труда однако сильно ослабляется тѣмъ, что г. Ефимовъ раздѣлилъ населеніе губерніи не по племенамъ, не по занятіямъ, а по вѣроисповѣданію. Несомнѣнно, большинство православныхъ падаетъ на русскихъ насельниковъ: однако съ одной стороны есть и инородцы, принявшіе крещеніе, а съ другой, изъ числа русскихъ насельниковъ исключаются старообрядцы (15296 ч.) и единовѣрцы (31573 ч.), такъ что около 5% всѣхъ русскихъ насельниковъ (предполагая, что всѣ православные вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе) исключаются изъ очерка г. Ефимова. Такъ какъ дѣленіе населенія по принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію не совпадаетъ съ дѣленіемъ по народностямъ, не представляющимъ однообразія въ Томск. губ., не совпадаетъ и съ дѣленіемъ по занятіямъ и т. д. — факторами, обусловливающими % движенія народонаселенія, то невольно является вопросъ, для чего г. Ефимовъ предпринялъ свой трудъ, доставившій ему повидимому не мало работы. Для статистиковъ онъ едвали будетъ особенно полезенъ, именно въ виду избраннаго г. Ефимовымъ принципа дѣленія населенія по вѣроисповѣданію; тѣмъ менѣе по

этой причинѣ онъ можетъ быть пригоденъ для этнографа. Приходится невольно пожалѣть, что авторъ, затративъ свой трудъ и время, не принесъ пользы русской наукѣ, которая не будетъ въ состояніи извлечь изъ его работы какія либо свѣдѣнія. *Н. Х.*

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей. I. (Томскъ. 1890. стр. 308 in 8º).—При открытіи Университета въ г. Томскѣ многіе возлагали надежды на то, что съ устроеніемъ въ Сибири научнаго центра пойдетъ и болѣе успѣшно дѣло изученія этой еще почти вовсе неизвѣстной, обширной части Россіи. Дѣйствительно, повидимому, эти ожиданія начинаютъ оправдываться: въ краткосрочный періодъ своего существованія этотъ научный центръ успѣлъ уже дать плоды своей дѣятельности, привлечь и сгруппировать вокругъ себя мѣстныя научныя силы и опубликовать результаты трудовъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей. Открытіе при Томскомъ Университетѣ ученаго Общества (23-го сент. 1889 г.) является лучшимъ доказательствомъ того, что въ лицахъ, желающихъ принести свой трудъ на дѣло изслѣдованія мѣстнаго края, нѣтъ недостатка, а содержаніе статей I тома доказываетъ, что многіе изъ мѣстныхъ дѣятелей не жалѣютъ ни времени ни труда для изученія своего края. Мы не будемъ распространяться о содержаніи всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ,“ такъ какъ многія изъ нихъ не имѣютъ отношенія къ нашему изданію; коснемся лишь тѣхъ статей, которыя являются интересными для этнографа. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить обширную работу *С. К. Кузнецова*: *Отчетъ объ археологическихъ разысканіяхъ въ окружностяхъ* (?) *г. Томска* (съ планомъ и рисунками). Автору удалось совершить обширныя раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ кургановъ, такъ и городищъ; раскопки дали интересные результаты, которые г. Кузнецовъ старается объяснить при помощи уже опубликованныхъ находокъ въ разныхъ частяхъ Европы.—Нельзя не пожалѣть, что слишкомъ малое количество таблицъ, помѣщенныхъ въ качествѣ приложенія къ статьѣ, не даетъ возможности судить вполнѣ о значеніи этихъ находокъ. Крайне интересна работа *И. Я. Соловцова*: *Матеріалы о распредѣленіи кургановъ и городищъ въ Тобольской губ.*, которая несомнѣнно сослужитъ большую службу всякому изслѣдователю археологіи и краніологіи въ указанной мѣстности. Небольшая замѣтка *Н. Ф. Катанова*: *Бубенъ и колотушка шамана, по описанію Минусинскихъ татаръ* даетъ подробное описаніе какъ устройства самого бубна, такъ и рисунковъ, помѣщенныхъ на немъ и — что особенно цѣнно — объясненіе значенія этихъ рисунковъ. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому Обществу въ его полезной дѣятельности всесторонняго изслѣдованія края, выразимъ также пожеланія, чтобы Общество, изучая край въ ахреологическомъ и антропологическомъ отношеніи, обратило еще болѣе серьезное вниманіе и на изслѣдованіе быта современныхъ жителей края, русскихъ и инородцевъ: этимъ оно принесетъ огромную пользу русской наукѣ. *Н. Х.*

Обзоръ Амурской Области за 1889 г. (Благовѣщенскъ. 1890. стр. 23 in fol., съ приложеніемъ 8 ми статист. таблицъ).—Изъ пяти отдѣловъ, на которые раздѣленъ Обзоръ Амурской Области, наиболѣе интересными для этнографа являются отд. I: „Естественныя и производительныя силы Области и экономическая дѣятельность населенія"; отд. IV.: „Народное здравіе и общественное призрѣніе" и отд. V.: „Народное просвѣщеніе." Населеніе области крайне незначительно—а именно: 87,705 д. об. п. при пространствѣ въ 393,366 кв. в., что составляетъ около 0,2 чел. на одну кв. версту. Изъ всего числа населенія 20,242 чел. приходится на города. Остальное населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ Амурскаго казачьяго войска (17,935), крестьянъ (25,488), корейцевъ (990), манжуръ (14,000), инородцевъ (3,000) и пріисковыхъ рабочихъ (6,000). Естественный приростъ населенія не особенно значителенъ, именно около 1,6%; гораздо значительнѣе приростъ отъ иммиграціи; такъ въ 1889 г. переселилось всего 3062 ч. об. п. что составляетъ $3^1/_2$%. Переселенцы приходятъ сюда преимущественно изъ Области Войска Донскаго, изъ губ. Полтавской и Тамбовской и Забайкальской Области. Изъ указанныхъ мѣстностей въ 1889 г. переселилось сюда изъ общаго числа 3062 ч.—2682 ч. б. п. Больше всего переселенцевъ приходится на Тамбовскую губ.—989 б. п. слѣдовательно ок. 32,3%. Медицинская помощь организована довольно плохо; такъ на всю Амурскую Область приходится лишь 4 врача (1 областной, 1 горской, и 2 на золотыхъ пріискахъ) и 17 фельдшеровъ. Быть можетъ, отчасти этимъ слѣдуетъ объяснить сравнительно незначительный естественный приростъ населенія въ Области, такъ какъ, повидимому, многія условія (хорошіе урожаи, отсутствіе недостатка земли и т. п.) должны были бы содѣйствовать большему приросту населенія. Дѣло народнаго просвѣщенія оставляетъ также желать многаго, такъ какъ, если принять во вниманіе только народныя школы, то ихъ окажется всего лишь 33 (2 народ. училища въ Благовѣщенскѣ, 22 казачьи школы, 7 крестьянскихъ и 2 пріисковыя). Наибольшую грамотность мы видимъ среди казачьяго населенія—именно 4,7% (въ крестьянскомъ 1,2% и пріисковомъ 1,9%). Несмотря на этотъ абсолютно небольшой % грамотности среди населенія Амурской Области, мы должны однако отмѣтить, что онъ значительно выше (особенно между казаками), чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а для столь отдаленныхъ окраинъ, какъ Амурская Область, онъ даже относительно высокъ.

Въ общемъ, публикуемые „Обзоры," конечно, оставляютъ желать много лучшаго, какъ въ отношеніи обилія сообщаемаго ими матеріала, такъ и въ отношеніи обработки тѣхъ свѣдѣній, которыя они содержатъ. Но въ виду малаго знакомства нашего съ Сибирью, „Обзоры" представляютъ все таки существенный интересъ для нашего отечествовѣдѣнія и даютъ этнографу матеріалъ, при помощи котораго онъ, занимаясь этнографіей населенія Сибири, будетъ въ состояніи объяснить многія неясныя или вовсе непонятныя явленія сибирской жизни.

Н. Х.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Витебскомъ центральномъ архивѣ, изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина. *Выпускъ двадцатый*. Витебскъ, 1890. Тоже, *выпускъ двадцать первый*. Витебскъ, 1891.

Какъ извѣстно, Витебскій центральный архивъ учрежденъ въ 1861 г. „для сохраненія историческихъ матеріаловъ, для *всесторонняго изученія быта* западнаго края и разработки разныхъ актовъ и документовъ.“ Въ 1869 г. архиву поставлено въ обязанность, „печатно издавать всѣ тѣ матеріалы, которые могутъ относиться до историческаго *быта* бѣлорусскаго края и до опредѣленія правъ на имущество по записямъ“. Задачи, какъ видитъ читатель, не малыя. Къ сожалѣнію, для выполненія ихъ не дано достаточныхъ средствъ: весь штатъ архива, а слѣдовательно и его юридическая, ученая и издательская дѣятельность, заключается единственно въ лицѣ архиваріуса; на печатаніе матеріаловъ ежегодно ассигнуется 2000 р. Понятно, что дѣятельность архива, при этихъ условіяхъ, не можетъ быть блестящею. Тѣмъ не менѣе, благодаря болѣе или менѣе удачному выбору архиваріуса, архивомъ, начиная съ 1871 г., издается ежегодно около 50 печ. листовъ „Матеріаловъ,“ въ общемъ представляющихъ весьма цѣнный вкладъ въ историческую науку. Достаточно сказать, что въ вышедшихъ доселѣ выпускахъ помѣщены, между прочимъ:

22 приходо-расходныя книги города Могилева, обнимающія періодъ времени съ 1679 по 1711 г.

80 актовъ Витебскаго и Полоцкаго земскихъ судовъ за 1592—1731 гг.

55 актовъ Витебскаго градскаго суда за 1634—1712 гг.

54 акта изъ градскихъ книгъ Витебскаго воеводства за 1596—1712 гг.

43 акта Полоцкаго магистрата за 1652—1771 гг.

170 актовъ Витебскаго магистрата за 1743—1791 гг.

1457 актовъ Могилевскаго магистрата за 1577—1787 гг.

и 90 актовъ Кричевской магдебургіи за 1662—1771 гг.

Кромѣ того, здѣсь напечатаны:

Описаніе границъ витебскаго воеводства съ землями государства Московскаго, учиненное въ 1648 г.

Разграниченіе Витебскаго воеводства и гос—ства Россійскаго въ 1777 г.

Fructus spirituales—журналъ, веденный іезуитами Витебской коллегіи съ 1714 по 1813 г.

Инвентарь имѣнія Вялуа, составл. въ 1790 г., и мн. др.

Матеріалы эти, независимо отъ общеисторическаго значенія, представляютъ животрепещущій интересъ и для бытописателя западной Руси, затрогивая всѣ стороны давноминувшей жизни бѣлоруссовъ, начиная отъ политической и церковной, и кончая экономическою, бытовою и семейной.

Обращаясь къ послѣднимъ выпускамъ, мы должны заявить, что своимъ содержаніемъ они не только не уступаютъ прежде вышедшимъ, но значительно и превосходятъ ихъ.

Здѣсь помѣщена, между прочимъ, приходорасходная книга города Мо-

гилева за семь мѣсяцевъ 1711 г., ярко обрисовывающая положеніе этого злосчастнаго города въ періодъ Сѣверной войны, когда бурмистры, войты и райцы игродскіе то и дѣло должны были угощать, задабривать и подкупать енераловъ, полъковниковъ, пановъ капитановъ, атютантовъ, егзекуторовъ, поручниковъ и т. п. чиновъ польскихъ, русскихъ и шведскихъ—то за умнейшенне провиянту, дымовъ въ тарифе, коней почтовыхъ; то — абы презъ мѣсто хорогви не шли, жебы въ месте не стали зъ своими жолнерами, или—жебы жолнеры уступили зъ места, и т. п.

Какъ видно изъ расходныхъ записей, брали всѣ, кто могъ, и все, что могли, начиная отъ денегъ — „золотыхъ,“ лудана, фалендышу (сукна), футръ лиссихъ, скуръ турецкихъ и т. п., и кончая ситницами, селедцами, олеемъ, цыбулей, горелъкою, дегтемъ и кореннями...

Напр., 11 марта 1711 г. куплено для пп. егзекуторовъ рыбы свежія, рыбы вяленой, селедцовъ десятокъ, ситницъ шесть, соли кварту, крупъ кварты три и олею, перцу чвертку, овса мерку, сѣна санокъ двое и вязки три, еще рыбы вяленой, ситницъ пять, пироговъ пять, сѣна ношекъ пять и т. д. 17 марта сольдату дали на горелъку, на баранки и на пиво. 19-го поеднали салдатовъ, што потребовали хомутовъ, 1 золотымъ, 15 восмаками, и горелъки купили на 6 восмаковъ. 22-го купили корення на полмисокъ пану полковнику Баратынскому, на свято: перцу фунтъ, имъберу фунтъ, мигдаловъ фунтъ, розынокъ (изюму), фунта два—великихъ и малыхъ, гвоздикъ лоты два, шафрану лотъ, цынамону лоты два, горелъки гарцовъ сорокъ.

Такія же „корення“ посылались „на свято,“ къ пасхѣ, и многимъ другимъ, между прочимъ, пану пастеру ксенжу Четвертынскому, епископу Бялорусскому, на поклонъ, съ добавленіемъ рыжу, цукру, вина и т. п.

Высокій интересъ представляютъ и помѣщенные здѣсь акты Витебскаго земскаго (53 №№) и гродскаго (54 №№) судовъ, характеризующіе м. проч. отношеніе мѣстнаго населенія къ факту появленія перваго католическаго костела въ Бѣлоруссіи (основ. въ 1387 г. въ м. Обольцахъ, оршан. у. по распоряженію Ягелла), и указывающіе на то значеніе, какое придавалось Римомъ этому костелу, въ цѣляхъ распространенія католицизма среди православнаго бѣлорусскаго населенія (в. XX, № 2). Въ другихъ описываются правовыя и экономическія нестроенія, имѣвшія мѣсто въ краѣ въ эпоху Сѣверной войны и придавшія ему въ концѣ концовъ видъ desertae Arabiae, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ повѣрочная люстраціонная комиссія 1712 г. (ib., № 54). Даются образчики дѣятельности латинскаго духовенства, евреевъ; затронутъ чрезвычайно интересный вопросъ о такъ наз. панцырныхъ боярахъ и польскихъ казакахъ; всесторонне описанъ тогдашній бытъ безправнаго бѣлорусскаго мужика (XX,65). Здѣсь же есть отзвуки смутнаго времени (XXI, № 136), убійства Кунцевича (ib. № 125) и т п.

Въ актахъ Витебскаго воеводства (в. XXI, 81 №№) 1713 г. даны инвентари Усвятскаго замка и староства, приведены примѣры практики

характернаго копнаго суда, указывается жалкое положеніе въ то время православныхъ монастырей и т. д.

Изъ отдѣльныхъ документовъ въ разбираемыхъ книгахъ помѣщены: интересный инвентарь им. Вядуа. вышеупомянутаго Оболецкаго костела, сост. въ 1790 г., Fructus spirituales и 35 документовъ, касающихся главнымъ образомъ дѣятельности іезуитовъ.

Наконецъ, въ обѣихъ книгахъ имѣются особыя „Прибавленія," за которыя нельзя также не поблагодарить редакцію. Здѣсь, между прочимъ, приведены изъ актовыхъ книгъ указанія мѣстъ нахожденія древнихъ памятниковъ: вологовокъ, могильниковъ, городищъ, валовъ, острыхъ могилъ, *скоморошихъ* могилокъ, мостищъ, церковищъ, замковъ, старыхъ и великихъ дорогъ, каменныхъ крестовъ, камней съ крестами и написями, змѣевыхъ могилъ и т. п. Указанія эти въ высшей степени драгоцѣнны какъ для археологической карты Витебской губерніи, такъ и для древней топографіи гор. Витебска въ особенности. Къ выпускамъ, по обыкновенію, приложены указатели личный и топографическій. Въ XXI вып. въ видѣ отдѣльнаго приложенія даны три снимка съ почерковъ.

Вообще. въ предѣлахъ возможнаго, изданіе улучшается съ каждымъ годомъ. Недостаткомъ его—если только можно назвать это недостаткомъ—является отсутствіе переводовъ латинскихъ и польскихъ актовъ, желательныхъ въ настоящее время, въ видахъ доступности изданія для средняго читателя, съ которымъ наукѣ уже и теперь нельзя не считаться. Безъ особаго обремененія изданія, переводы могли-бы печататься петитомъ, въ видѣ выноски; да и самые акты слѣдуетъ печатать помельче (теперь—крупная терція). Слѣдутеъ также, по возможности, устранить корректорскіе недосмотры и опечатки, иногда затемняющія смыслъ текста (XXI, 109 а; XX, стр. XV, 10, 40 b. 41 а, и т. д.) и принять мѣры къ возможно широкому распространенію изданія и на книжномъ рынкѣ и въ средѣ ученой. Вообще же акты. и другія витебскія изданія служатъ яркимъ образчикомъ того, какъ много, при самоотверженной преданности дѣлу, можетъ сдѣлать для науки и одинъ честный труженикъ, даже при ограниченныхъ средствахъ и при неблагопріятной обстановкѣ. Желаемъ изданію дальнѣйшаго успѣха, вполнѣ имъ заслуживаемаго.

N.

А. Сапуновъ.—Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ, 1890. 31 стр. Изд. Витебскаго Статистич. Комитета.

Вопросъ о Двинскихъ или такъ называемыхъ Борисовыхъ камняхъ (что, впрочемъ, не всегда одно и то-же) интересуетъ ученый міръ еще со временъ Стрыйковскаго, впервые отмѣтившаго, во-второй половинѣ XVI в., существованіе памятниковъ этого рода. Сто лѣтъ спустя о нихъ возобновилъ рѣчь Кояловичъ; потомъ, еще чрезъ сто лѣтъ, о нихъ говоритъ Шлецеръ Въ 1818 г., когда производилась очистка русла Двины, два камня съ надписями были взорваны одинъ, по выраженію современнаго оффиціальнаго документа, «растрѣлянъ въ мелкія дребезги», другой

подвергся незначительной порчѣ и существуетъ, въ испорченномъ видѣ до настоящаго времени. Въ этомъ году, какъ видно изъ переписки Канкрина съ гр. Румянцевымъ, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, было вообще констатировано существованіе четырехъ камней, кромѣ «растрѣляннаго». Послѣ Кеппена, упоминающаго о камняхъ въ „Спискѣ русскихъ памятниковъ," болѣе точныя свѣдѣнія о нихъ, съ приложеніемъ рисунковъ, сообщилъ гр. Плятеръ въ журн. „Rubon" за 1842 г. и гр. Тышкевичъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій по археологіи [1]). Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія сообщенія объ этихъ камняхъ, появлявшіяся отъ времени до времени въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ [2]), составляли только перефразировку или переводъ ст. Плятера, не рѣдко съ копіями его же рисунковъ, Болѣе точныя свѣдѣнія и рисунки даны только въ „Трудахъ I. Археологическаго Съѣзда," по сообщеніямъ Кущинскаго и Шмидта.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до настоящаго времени, когда, наконецъ, изслѣдователю мѣстной старины А. П. Сапунову пришла счастливая мысль заняться имъ на мѣстѣ, какъ изъ желанія выяснить, насколько возможно, значеніе камней, такъ и въ особенности дать точное описаніе ихъ и вѣрные снимки. Мысль эта явилась какъ нельзя болѣе кстати, въ виду существующаго предположенія о новой очисткѣ русла Двины, тѣмъ болѣе, что попытки мѣстной администраціи къ извлеченію памятниковъ изъ воды не увѣнчались успѣхомъ, и они моглибы погибнуть—на этотъ разъ, окончательно.

Въ своей брошюрѣ авторъ, прослѣдивъ литературную исторію предмета (стр. 3—18), указываетъ мѣстоположеніе памятниковъ, описываетъ ихъ внѣшность, опредѣляетъ расположеніе надписей и т. п. (18—26). Между прочимъ любопытно, что авторъ приходитъ къ убѣжденію въ болѣе позднемъ происхожденіи Двинскаго камня, находящагося въ настоящее время во дворѣ Историческаго Музея въ Москвѣ. Насколько можно судить, камень этотъ, по начертанію буквъ, близокъ къ каменному кресту въ м. Романовѣ, описанному въ т. XI «Древностей».

Намъ, вообще кажется, что авторъ не ошибся бы, если бы къ этой категоріи позднѣйшихъ камней, не имѣющихъ ни историческаго ни археологическаго значенія, отнесъ всѣ камни съ изсѣченными на нихъ крестами безъ надписей. Кто знакомъ съ Бѣлоруссіей, тому извѣстно, что подобные камни, вмѣстѣ съ массивными крестами, во множествѣ разсѣяны по лицу ея, не только на кладбищахъ, но и средь полей, въ лѣсахъ и т. п. Описаніе такихъ камней авторъ могъ бы найти въ «Древностяхъ»; еще больше ихъ въ архивахъ нашихъ Археологическихъ Обществъ. Давать имъ названіе «Борисовыхъ» едва ли основательно [3]).

---

[1]) „Rzut oka na żrzódła archeologii krajowej," 1842 г.

[2]) „Витебск. Губ- Вѣдом.", „Ученыя Зап. Акад. Наукъ," „Вил. Вѣстн.," „Древности," „Всемірн. Иллюстр.," „Русскій Паломн.," „Живоп. Россія," „Пам. кн. Вят. губ. 1867 г." „Бѣлор., и Литва," „Бѣлорусскія Древности" и др.

[3]) Срав., между прочимъ, Истор.-юрид. матер. Витебскаго центр. арх., вып. XXI, стр. 481—483.

Переходя затѣмъ къ вопросу о значеніи памятниковъ (стр. 27—31), г. Сапуновъ утверждаетъ, что всѣ они, кромѣ вышеупомянутаго, изсѣчены около 1126 г. полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ, и предполагаетъ, что „этотъ благочестивый князь, желая хоть чѣмъ-нибудь отвратить бѣду (?) которою грозили громадные Двинскіе камни предпріимчивымъ его подданнымъ, плававшимъ на своихъ стругахъ по Двинѣ, пожелалъ обезвредить эти камни дѣломъ благочестія—изсѣченіемъ крестовъ и надписей. Въ то-же время эти камни должны были громко свидѣтельствовать (?) и о томъ, что князья полоцкіе — единственные полноправные хозяева этого важнаго торговаго пути и что они—господа всей земли, по которой течетъ эта бѣлорусская рѣка"...

Можетъ быть это и такъ; но могло быть и иначе. Автору, очевидно, неизвѣстно, что въ предѣлахъ той же Витебской губерніи и теперь существуютъ камни, обоготворяемые мѣстными жителями, имъ приносятъ жертвы хлѣбомъ, мелкими монетами и т. п., украшаютъ лентами, вѣнками, цвѣтными лоскутками и т. п. Къ этой же категоріи боготворимыхъ камней должны быть отнесены и многочисленные „кравцы"—камни, чудесно шившіе платье окрестнымъ жителямъ и т. п. Не вѣрнѣе ли допустить, что набожный князь Борисъ (хотя существованіе такихъ камней въ южной части Минской губерніи заставляетъ предполагать и не одно это лицо), стараясь утвердить новую, христіанскую, вѣру въ своихъ подданныхъ—недавнихъ язычникахъ, изсѣкалъ кресты именно на такихъ, боготворимыхъ ими, камняхъ, подобно тому, какъ въ настоящее время духовенство ставитъ подлѣ нихъ кресты или иконы.

Затѣмъ при рѣшеніи вопроса собственно о Двинскихъ камняхъ необходимо имѣть въ виду и существующее до сего времени, у прибрежныхъ жителей этой рѣки, обыкновеніе изсѣкать кресты и надписи на камняхъ, находящихся въ руслѣ рѣки и обнажающихся только въ необыкновенно мелководные годы,—какъ бы въ память этихъ „сухихъ" лѣтъ. Если намъ не измѣняетъ память, не далѣе какъ въ 1888 г. такой случай имѣлъ мѣсто въ г. Суражѣ, отстоящемъ отъ Витебска на нѣсколько десятковъ верстъ, вверхъ по Двинѣ. Лѣтомъ этого года здѣшній мѣщанинъ, замѣтивъ въ руслѣ Двины камень, до того времени никогда не обнажавшійся, поспѣшилъ изсѣчь на немъ крестъ, годъ и свои иниціалы, приготовивъ такимъ образомъ загадку для будущихъ археологовъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и обще-распространеннаго въ Бѣлоруссіи обычая—сооружать кресты по обѣту, въ случаяхъ неимѣнія дѣтей, или непродолжительности жизни ихъ и т. п. Легко можетъ быть, что и большая часть Двинскихъ надписей обязана своимъ происхожденіемъ или любителямъ, желавшимъ въ то многоводное время отмѣтить случаи необыкновенныхъ мелководій, въ которыя выдавались изъ воды такъ называемые Борисовы камни, не каждый годъ видимые и при нынѣшнемъ всеобщемъ обмеленіи рѣкъ,—или „обѣщникамъ", видѣвшимъ въ изсѣченіи ихъ дѣло благочестія. Но, кажется, менѣе всего имъ можно придавать политическое значеніе.

Впрочемъ, въ послѣсловіи авторъ заявляетъ, что не выдаетъ своего мнѣнія за непреложное и что цѣль, его труда—представить точные описанія этихъ интересныхъ памятниковъ. Цѣль эта авторомъ вполнѣ достигнута, и наука не можетъ не быть ему благодарна за настоящій трудъ, тѣмъ болѣе (добавимъ отъ себя), что онъ служитъ доказательствомъ поворота въ дѣятельности г. Сапунова, между тѣмъ какъ казалось, что почтенный издатель „Витебской Старины,“ оставилъ разработку насущныхъ вопросовъ историческихъ, ограничивъ свою дѣятельность узкими рамками церковной старины.

Къ брошюрѣ приложено 22 рисунка камней, причемъ къ изображеніямъ, снятымъ авторомъ, указанъ и масштабъ.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. т. 47 и 48. *Сочиненія А. А. Котляревскаго,* т. I и II, Въ т. 47: „Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ“; „Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ“; „Два вопроса русской исторической Науки“ (по поводу изданія Пѣсенъ Кирѣевскаго); „Сказанія о русскихъ богатыряхъ“; рецензія на рѣчь Ѳ. И. Буслаева: „О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ“; „Русская Народная литература“ (по поводу Пѣсенъ Кирѣевскаго, Духовныхъ стиховъ Варенцова и Памятниковъ старин. рус. лит.); „Новые труды по русской старинѣ и народности“ (Старосвѣтскій Бандуристъ – Закревскаго, Воронеж. Бесѣда, Воронеж. Литер. Сборникъ, Рус. простонар. легенды); „Старина и Народность за 1861 г.“.

Въ т. 48: „Русскія народныя сказки“ (по поводу изданія сказокъ Аѳанасьевымъ); „Замѣтка о значеніи гончарныхъ знаковъ“; „Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей“; „Основной элементъ русской богатырской былины“; разборъ „Поэт. воззр. Славянъ на природу“ Аѳанасьева, рецензія на „Историч. пѣсни малор. нар.“, Антоновича и Драгоманова.

Сборникъ Херсонскаго Земства, 10. «Историческій очеркъ развитія Херсонской земской сельско-хозяйственной статистики». Въ этой статьѣ читатель находитъ рядъ болѣе или менѣе важныхъ указаній на положеніе населенія и на литературу объ экономическомъ строѣ жителей Херсонской губ.—*А. Падалка:* Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г., вып. I., Изд. Губ. Стат. Комитета.

Центральный Петербургскій Стат. Комитетъ, какъ извѣстно, имѣетъ своей задачею руководить изслѣдованіями по статистикѣ при помощи мѣстныхъ губернскихъ стат. комитетовъ. Это руководство выражается, между прочимъ, въ установленіи рубрикъ, по которымъ должны распредѣляться свѣдѣнія, въ выработкѣ общихъ программъ и статистическихъ таблицъ

для изслѣдованія и т. п. Но какъ всякое центральное учрежденіе, стоящее болѣе или менѣе далеко отъ живой жизни, Центральный Комитетъ далеко не выполнилъ бы своей задачи, если бы не предоставилъ мѣстнымъ комитетамъ нѣкоторой свободы дѣйствій. Въ этомъ спасеніе статистики, иначе она окончательно превратилась бы въ рутинную формалистику. Теперь, наоборотъ, мы видимъ, что очень многіе мѣстные статистическіе комитеты даютъ массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и оригинальныхъ изслѣдованій, произведенныхъ по собственной программѣ, обыкновенно утверждаемой Центр. Комитетомъ. По такой именно специальной программѣ издается и Воронежская Пам. Книжка въ текущемъ году. Для составленія ея мѣстнымъ комитетомъ собрано такое количество статистич. данныхъ по всевозможнымъ вопросамъ, что пришлось раздѣлить изданіе на два выпуска солиднаго объема, судя по 1-му выпуску. Хотя въ этомъ выпускѣ нѣтъ ничего строго-этнографическаго, но мы отмѣчаемъ его именно потому, что онъ выдѣляется обиліемъ справочныхъ и статистическихъ свѣдѣній и вызываетъ полную признательность М. А. Дикареву, на долю котораго выпалъ главный трудъ по выработкѣ формъ. собиранію, разработкѣ и печатанію метеріаловъ. Во второй выпускъ имѣютъ войти списки населенныхъ мѣстъ, статистич. данныя по нѣкоторымъ специальнымъ вопросамъ и литературный отдѣлъ, который будетъ состоять изъ поэмы А. Серебрянскаго (друга и учителя А. В. Кольцова), изъ изслѣдованія М. А. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ и собранныхъ имъ пословицъ и поговорокъ, если для нихъ найдется мѣсто.

Н. Я.

А. Лебедевъ.—Духоборцы въ Слободской украйнѣ (Харьковъ, 1890, стр. 31 in 8°). Небольшой трудъ г. Лебедева содержитъ въ себѣ интересныя и новыя свѣдѣнія о духоборцахъ въ Харьковской губ. Опубликовывая данныя добыты авторомъ изъ архивнаго матеріала. Г. Лебедевъ даетъ ясную картину, какъ религіозныхъ воззрѣній духоборцевъ, такъ и дѣйствій администраціи, направленныхъ къ уничтоженію секты въ указанныхъ мѣстностяхъ, въ концѣ XVIII и началѣ текущаго столѣтій. Духоборцы, одна изъ крайне интересныхъ раціоналистическихъ сектъ среди русскихъ крестьянъ, заслуживаютъ вниманія изслѣдователей, и нельзя не отнестись сочувственно къ опубликованію новыхъ данныхъ по этому вопросу. Лишь при накопленіи матеріала наукѣ можно будетъ уяснить причины возникновенія духоборства, а также исторію его происхожденія и развитія, и узнать способы, при помощи которыхъ распространяемо было это ученіе его послѣдователями. Въ концѣ своей статьи г. Лебедевъ приводитъ записанное настоятелемъ церкви въ селѣ Большіе Приходы (въ 30 в., отъ Харькова) о. Григоріемъ Лобковскимъ преданіе, какъ о происхожденіи села, такъ и о распространеніи среди мѣстныхъ жителей духоборства. На основаніи этого преданія, возникновеніе духоборства слѣдуетъ отнести къ болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ это обыкновенно принято, и признать, что оно занесено великоруссами. „Въ этихъ преданіяхъ, справедливо замѣ-

чаетъ г. Лебедевъ... конечно... нельзя искать во всемъ полной фактической вѣрности... но въ общемъ преданія эти, какъ вообще народныя преданія, все таки не могутъ быть лишены реальной основы, и указываемый въ нихъ фактъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи, едвали можетъ подлежать сомнѣнію, въ особенности, когда указаніе это такъ сходится съ указаніями и документальныхъ данныхъ", въ которыхъ фамиліи духоборцевъ великорусскія. Собраніе въ большомъ количествѣ подобныхъ преданій, быть можетъ, помогло бы выясненію вопроса о мѣстѣ и времени происхожденія духоборцевъ,—вопроса, оставшагося до настоящаго времени не разъясненнымъ.

Н. Х.

D. Dan.—Die Völkerschaften in der Bukowina. I Heft. *Die Lippowaner in der Bukowina* (Czernowitz. 1890. Стр. 34 in 8°).

Небольшой трудъ г. Дана о нашихъ раскольникахъ въ Буковинѣ представляетъ изъ себя компиляцію источниковъ уже напечатанныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Большая часть статьи посвящена исторіи заселенія раскольниками Буковины, изложенію ихъ религіозныхъ догматовъ и лишь 6 страницъ содержатъ свѣдѣнія о бытѣ липованъ. Что касается 1-й части, то она для русскаго читателя представляетъ весьма мало интереса, такъ какъ наша обширная литература по расколу можетъ дать и болѣе полныя и болѣе цѣнныя свѣдѣнія, чѣмъ статья г. Дана. Что до 2-й части, то г. Данъ описываетъ въ ней нѣкоторые обряды липованъ, ихъ одежду, внѣшность и т. п. Новаго мы и въ этой части труда едвали много найдемъ. Предназначенная для читателей—нѣмцевъ, статья г. Дана можетъ имѣть интересъ, но не для русскихъ читателей. Отмѣтимъ однако слѣдующіе факты въ трудѣ г. Дана: именно, число липованъ въ Буковинѣ значительно увеличивается; такъ въ 1784 г. ихъ считалось отъ 350—400 душъ, въ 1847 г. ихъ было около 2000, въ 1852—2645, въ 1857—2939, 1863—2942, въ 1869—2928 и въ 1880—2801 душъ. Такой значительный приростъ (хотя и съ нѣкоторыми колебаніями) слѣдуетъ объяснять, кромѣ прироста путемъ естественнымъ, также и распространеніемъ ученія липованъ, какъ среди русиновъ, такъ и среди нѣмцевъ. Въ своемъ костюмѣ и бытѣ липоване не измѣнили своей націальности и до настоящаго времени рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей.

Н. Х.

Georg Buschan.—Germanen und Slaven. Eine archäologisch — anthropologische Studie (Münster. 1890 г., стр. 49 in 8°, съ приложеніемъ таблицъ, карты и нѣсколькихъ рисунковъ въ текстѣ).—Авторъ этого небольшого труда задался рѣшеніемъ крайне интереснаго вопроса о разселеніи славянъ игерманцевъ въ сѣверной и восточной Германіи. Вопросъ, который авторъ избралъ содержаніемъ своей статьи, какъ извѣстно, не новый; многіе ученые старались его рѣшить то въ томъ, тов иномъ смыслѣ; однако, не смотря на тяжелый трудъ, потраченный въ этомъ направленіи, на много-

численные споры, возникавшіе, благодаря разногласію изслѣдователей,— вопросъ этотъ едвали можетъ считаться рѣшеннымъ. Трудъ г. Бушана мало прибавляетъ новаго въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, пока авторъ стоитъ на почвѣ изложенія данныхъ, добытыхъ археологіей, классификаціи этихъ данныхъ, нельзя не отдать полной справедливости въ эрудиціи по указанному вопросу. Основательно знакомый съ литературой предмета, дѣлавшій самъ не мало археологическихъ разысканій, г. Бушанъ даетъ полную, ясную и систематичную картину результатовъ, добытыхъ нѣмецкими археологами. Другое дѣло, когда авторъ переходитъ на почву выводовъ, суть которыхъ сводится къ тому, что германское племя, господствовавшее отъ Вислы до Рейна, уступило около 900 г. по Р. Х. мѣсто славянскому для того, чтобы вскорѣ послѣ этого начать снова свое поступательное движеніе. Если откинуть дату, которою авторъ опредѣляетъ вторженіе славянъ и о которой намъ придется сказать подробнѣе, выводъ автора едвали можетъ подвергнуться серьезнымъ возраженіямъ. Но дѣло въ томъ, что въ указанномъ трудѣ онъ является бездоказательнымъ. Принимая a priori мнѣніе, что однѣ находки относятся къ славянамъ, другія къ германцамъ, и не подтверждая это положеніе никакимъ серьезнымъ доказательствомъ, г. Бушанъ приходитъ къ указанному заключенію, вовсе не обращая вниманія на рядъ источниковъ, которые свидѣтельствуютъ съ большей достовѣрностью, чѣмъ археологическія находки, что въ началѣ христіанской эры балтійское поморье было занято германскими племенами, либо въ качествѣ населенія постояннаго, либо въ видѣ бродячихъ дружинъ, покорившихъ славянскихъ насельниковъ, жившихъ здѣсь. Изъ частныхъ выводовъ останавливаетъ на себѣ мнѣніе автора, что главное заселеніе славянами сѣверной и восточной Германіи произошло между 800—900 гг. по Р. Х. Основаніемъ для этого положенія служатъ автору находки арабскихъ монетъ, относящихся главнымъ образомъ къ этому времени. Постановка вопроса заселенія указанныхъ мѣстностей славянами на эту почву вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ *арабскія* монеты доказывать эпоху занятія какой нибудь мѣстности *славянскими* племенами. Въ этомъ отношеніи мы должны г. Бушану сдѣлать то-же возраженіе, которое ему сдѣлалъ и г. Вирховъ (въ Zeitschrift für Ethnologie. 1890. IV, стр. 171, 172), что находка арабскихъ монетъ, относящихся къ извѣстной эпохѣ, можетъ служить лишь доказательствомъ эпохи развитія торговыхъ сношеній съ арабами—не болѣе.

Г. Бушанъ, повидимому, игнорируетъ тѣ упоминаемыя имъ самимъ (стр. 46, 47) данныя, которыя могутъ свидѣтельствовать о заселеніи славянами указанныхъ мѣстностей задолго до той эпохи, отъ которой сохранились арабскія монеты. Эти послѣднія могли появиться на балтійскомъ поморьѣ лишь послѣ того, какъ арабы расширили свои торговыя операціи—до предѣловъ поморья съ одной стороны, а съ другой лишь послѣ того, какъ образовались и окрѣпли славянскія племена на поморьѣ, завоевавъ для послѣдняго серьезное положеніе въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ. Не касаясь спорныхъ свѣдѣній о заселеніи славянами Поморья въ

началѣ нашей эры, нельзя упускать изъ виду, что на основаніи источниковъ, мы можемъ констатировать уже обширныя населенія славянъ на Поморьѣ въ VI в., когда они являются уже сильными племенами, ведущими ожесточенную борьбу съ своими сосѣдями.

Страннымъ намъ кажется и выводъ автора о томъ, что Венеты, до своего поступательнаго движенія, подверглись уже культурному вліянію германцевъ. Основаніе для этого положенія авторъ видитъ въ словахъ Тацита, который сообщаетъ, что Венеты, „хотя и приняли многіе обычаи отъ своихъ сосѣдей, причисляются однако скорѣе къ германцамъ, такъ какъ они строятъ крѣпкіе дома, имѣютъ щиты, такъ какъ они хорошіе ходоки и любятъ быть пѣшими, чего нѣтъ у восточныхъ сосѣдей ихъ—сарматовъ, которые проводятъ жизнь въ телѣгахъ и верхомъ. И съ внѣшней стороны ихъ можно отличить отъ сарматовъ“ (стр. 23). Бытъ Венетовъ, столь рѣзко отличавшій ихъ отъ кочевниковъ—сарматовъ, естественно могъ подать римскому историку мысль о причисленіи венетовъ скорѣе къ германцамъ, чѣмъ къ сарматамъ; но въ настоящее время серьезный ученый едвали будетъ строить на подобныхъ данныхъ выводъ о вліяніи одного народа на другой. Повидимому, г. Бушанъ держится мнѣнія, что сарматы—славяне, и поэтому и толкуетъ слова Тацита съ этой стороны; ему повидимому неизвѣстно, что теорія о славянскомъ происхожденіи сарматовъ, благодаря серьезнымъ и основательнымъ изслѣдованіямъ, отошла уже въ область историческихъ заблужденій. Другимъ основаніемъ положенія о вліяніи германцевъ на славянъ авторъ видитъ въ обрядахъ погребенія. Констатируя, что въ мѣстахъ, которыя онъ считаетъ славянскими, встрѣчается какъ погребеніе, такъ иногда и сожженіе труповъ, г. Бушанъ, не допуская мысли о возможности развитія этихъ двухъ видовъ погребенія у одного и того-же народа путемъ самостоятельнымъ, объясняетъ обрядъ сожженія труповъ у славянъ заимствованіемъ отъ германцевъ (стр. 24). Незнаніе такого простого факта, какъ существованіе совмѣстно нѣсколькихъ сомостоятельно выработавшихся способовъ погребенія у одного и того-же народа, нѣсколько поражаетъ въ г. Бушанѣ, повидимому хорошо знакомомъ съ данными археологіи. Впрочемъ, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе и, объясняя заимствованіемъ отъ германцевъ обычай сожженія у славянъ, онъ нѣсколько далѣе (стр. 33), говоря, что у германскихъ племенъ существовали тѣ же два способа погребенія, -объясняетъ это не заимствованіемъ отъ сосѣдей, какъ мы были бы въ правѣ ожидать, а тѣмъ, что германское племя, раскинувшееся на широкое пространство, выработало себѣ и разные способы погребенія своихъ усопшихъ; приписывать германцамъ способность выработать разные способы погребенія—авторъ считаетъ вполнѣ естественнымъ; допустить же, что разныя славянскія племена, населившія Поморье, внесли съ собой и разные способы погребенія, - г. Бушанъ, повидимому, не желаетъ. Это послѣднее тѣмъ болѣе странно, что авторъ оттѣняетъ, что заселеніе описываемыхъ имъ мѣстностей произошло посредствомъ неоднократнаго вторженія изъ разныхъ мѣстностей разныхъ славянскихъ племенъ. Конечно, будь г. Бушанъ болѣе знакомъ съ выво-

дами русской археологіи, онъ едвали впалъ бы въ подобное противорѣчіе. Результаты, добытые археологическими разысканіями въ области славянскихъ могилъ въ Россіи, доказали разнообразіе способовъ погребенія разныхъ славянскихъ племенъ, причемъ кромѣ двухъ главныхъ способовъ—погребенія и сожженія—каждый изъ нихъ варіируется по мѣстностямъ. Указанія на разнообразные способы погребенія мы находимъ и въ нашей лѣтописи. Естественно, что и въ Поморьѣ, населенномъ разными племенами (Поморяне, Ране, Лютичи, Стодоряне, Бодричи, причемъ каждое изъ нихъ дробилось на нѣсколько подгруппъ) могли развиться разнообразные виды погребенія.

Незнакомство съ Россіей, можетъ быть, и нельзя ставить въ вину нѣмецкому ученому; однако, такъ какъ такое незнакомство отражается иногда неблагопріятно на достоинствѣ труда, то едва ли оно желательно для серьезныхъ изслѣдователей. Это незнакомство, между прочимъ, заставляетъ г. Бушана считать и Мерю „древнимъ *русскимъ* племенемъ"; хотя авторъ и ссылается при этомъ на сочиненіе гр. А. С. Уварова: „Меряне", тѣмъ не менѣе причисленіе мерянъ къ *русскимъ* племенамъ, принадлежитъ къ собственнымъ соображеніямъ автора.

Въ заключеніе нашей замѣтки, пожалѣемъ, что интересный и важный вопросъ о заселеніи и культурѣ славянъ въ сѣверной и восточной Германіи остался въ томъ же положеніи, какимъ онъ былъ и до выхода въ свѣтъ труда г. Бушана, и пожелаемъ автору быть болѣе счастливымъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ по этому же вопросу.

Н. Х.

Der Buchenwald. № 3 и 4.—R. Kaindl и A. Monastyrski: *Die Rutenen in der Bukowina*. (Czernowitz. 1889, 1890; стр. 87+98 in 8⁰).

Передъ нами двѣ небольшія книжки, посвященныя изложенію этнографическихъ данныхъ о Русинахъ, населяющихъ мѣстности у Нижняго Черемоша (Czeremosz), Прута и до Днѣстра. Русиновъ, живущихъ въ другихъ мѣстностяхъ, авторъ не имѣлъ въ виду (обработка матеріала принадлежитъ г. Кайндлю). Трудъ г. Кайндля начинается краткимъ очеркомъ исторіи Русиновъ, начиная отъ древнѣйшихъ временъ. Этотъ очеркъ, предназначенный служить лишь введеніемъ, не отличается полнотой, но въ немъ собраны всѣ болѣе выдающіеся факты исторіи Русиновъ, вслѣдствіе чего для читателя не спеціалиста онъ представляетъ нѣкоторый интересъ. Болѣе полна и обширна 2-я часть труда, посвященная этнографіи современныхъ Русиновъ. Въ рядѣ небольшихъ очерковъ, авторъ излагаетъ свѣдѣнія объ обрядахъ при рожденіи и крещеніи ребенка, объ отношеніяхъ между молодежью, сватовствѣ и свадьбѣ, отношеніяхъ между супругами, о положеніи пріемышей и работниковъ, о вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ населенія, обряды при погребеніи, и наконецъ нѣсколько легендъ и сказокъ. Если сравнить обиліе содержанія съ небольшимъ объемомъ книги, то уже на основаніи этого можно было-бы сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя по каждому отдѣлу, должны быть не велики. И это дѣйствительно такъ, но въ

виду того, что авторъ передаетъ матеріалъ, собранный имъ и г. Монастырскимъ, почти безъ всякихъ разсужденій, то ему все таки удается дать читателю довольно ясную, хотя и сжатую картину быта Русина. Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ приведеніемъ обрядовыхъ пѣсенъ, колядокъ и т. п., которыя, однако, къ сожалѣнію, приведены только въ нѣмецкомъ переводѣ. Для нѣмецкихъ читателей этотъ переводъ, конечно, имѣетъ большое значеніе, но авторъ во всякомъ случаѣ увеличилъ бы достоинства своего труда, еслибы рядомъ съ переводомъ онъ помѣщалъ и самый текстъ.

Хотя работа гг. Кайндля и Монастырскаго и оставляетъ еще обширное поле изслѣдованія для будущихъ работниковъ по этнографіи Русиновъ, тѣмъ не менѣе, она все-таки имѣетъ свою долю интереса, какъ для желающихъ познакомиться съ духовнымъ бытомъ Русиновъ, такъ и для тѣхъ, кто пожелалъ-бы сравнивать обряды и повѣрья Русиновъ съ обрядами и повѣрьями славянскаго населенія Россіи и другихъ странъ.

Н. Х.

Каталогъ предметовъ Олонецкаго естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Сост. *Ф. С. Шелюковымъ.* Петрозаводскъ, 1889 г. 1—166 стр. Въ предисловіи къ Каталогу говорится объ исторіи музея (основанъ 1881 г.), объ инціативѣ въ этомъ дѣлѣ бывшаго губернатора Г. Г. Григорьева, дѣятельности покойнаго секретаря губ. статистическаго комитета А И. Иванова, помощи со стороны частныхъ лицъ какъ деньгами, такъ и приношеніями предметовъ бытовыхъ, картъ, картинъ и проч. Благодаря дѣятельности людей, завѣдовавшихъ музеемъ, и частнымъ пожертвованіямъ, музей къ 15 мая 1884 г. имѣлъ 2,954 предмета, а къ 1 апр. 1889 г. уже 3,932. Кромѣ предметовъ, характеризующихъ край со стороны фауны, флоры, естественныхъ богатствъ, промысловъ, ремеслъ и проч., музей имѣетъ историко-этнографическій отдѣлъ около 600—700 предметовъ бытовой жизни: утварь, одежда, средства передвиженій, лѣкарственныя растенія, орудія каменнаго вѣка, типы мѣстныхъ племенъ, этнографическія карты и т. д. Завѣдующимъ музеемъ теперь назначенъ А. К. Гинтеръ, человѣкъ извѣстный своими зоолого-ботаническими работами какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ; ему музей обязанъ какъ зоолого-ботаническими коллекціями, такъ и многими бытовыми предметами, орудіями каменнаго вѣка и т. д.

Г. И. К.

---

2. Журналы.

Wisła 1890 г. Вып. 1—4. Вып. I—Orzeszkowa, Ludzie i kwiaty nad Niemnem. Небольшой сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащій перу извѣстной польской писательницы: 35 народныхъ названій растеній, 161 пословица, 24 загадки, нѣсколько пѣсенъ, повѣрій и т. д. Grabowski, Podania i legiendy, zapisane u autorów staropolskich: 45 разнообразныхъ преданій, изъ которыхъ иныя очень любопытны для исторіи „странствующихъ сказа-

ній." Такія выборки очень важны въ виду рѣдкости старо-печатныхъ изданій; желательно было бы, чтобы примѣръ г. Грабовскаго нашелъ себѣ подражателя между учеными, знакомыми со старинной южно-русской литературой, произведенія которой очень мало распространены и извѣстны: въ сочиненіяхъ Голятовскаго, Кальнофойскаго и др. можно подыскать много цѣнныхъ данныхъ для сравнительной исторіи всеобщей литературы. Smoleńcówna, Chłopskie dziecko: сводъ данныхъ, касающихся жизни крестьянскаго ребенка, собранныхъ главнымъ образомъ въ Хмельникѣ Люблинской губ. Matlakowski, Bajki i gadki dziecięce. Al. P., Zabawa dziecięca w Niemca i Polaka. Skrzyńska, Wieś Krynice w Tomaszowskiem (обряды, повѣрія, говоръ и пр.; новыхъ и интересныхъ данныхъ почти нѣтъ). Krauss, Gonitwy ślubne u Słowian południowych: интересныя данныя относительно „умыканія" женщинъ у южныхъ славянъ; знакомство автора съ спеціальной литературой этого вопроса довольно поверхностно. Gloger, Na falach Bugu (археологическо этногр. замѣтки и наблюденія). I. K., Do „brzozy grzyżyńskiej" (дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же журналѣ, т. II, 817 и III, 614). Storożenko, List do redakcji z powodu „Iemioły:" выписка изъ „Роксоланіи" Клёновича, пополняющая замѣтку г. Росгафинскаго объ „jemiole" (Wisła, II). Ziemba, O przezwiskach ludowych: замѣтка, вызванная однимъ изъ параграфовъ „Культурныхъ переживаній" г. Сумцова, посвященнымъ вопросу объ „уличныхъ кличкахъ." Lubicz, Podanie o „prawdzie Osieckiej" i przysłowie: „ślusarz zawinił a kowala powieszono"; любопытныя замѣтки, объясняющія распространенныя въ Польшѣ выраженія, извѣстныя, если не ошибаемся, въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Kopernicki, Odrzwia ozdobne w chatach górali ruskich. Ziemba, Przyczynek do słownictwa złodziejskiego i kilka próbek poezji złodziejskiej w okolicy Dąbrowy górniczej. Нѣкоторыя изъ словъ этого „арго" любопытны: chodaki (buty, trzewiki, wogóle obuwie) извѣстны и въ юго-западномъ краѣ, chlust напоминаетъ объ извѣстной малорусской карточной игрѣ, foter — нѣм. Vater (?), łysy— księżyc, mak срв. макушка. Karłowicz, Systematyka pieśni ludu polskiego (дополненія: пѣсни съ загадками и неисполнимыми требованіями; краткое изложеніе 8 разобранныхъ Чайльдомъ баладъ). Adalberg, Przysłowia Żydowskie (580). Karłowicz, Kobza i skrzypce. Замѣтки Пельчинскаго и Грабовскаго по народной медицинѣ. Ulanowska, Chata łotewska. Al. P., Pismo obrazowe. R. L., Kudelski и Matlakowski, Wołania nazwierzęta Matlakowski, Do słownika nazw topograficznych. Dowojna—Sylwestrowicz, Pilekalnis (курганы и городища) w Lyngmianach. Wolski i Dowgird, Pisanki. S'więtochowski, Żydzi na prowincji. I. K. Liście makowe (обычай класть ихъ подъ голову дѣтямъ). Рецензіи на: „Ieszcze o klechdach i pieśniach ludu w ziemi Sieradzkiej" г-жи Пёнтковской и „Скоморохи на Руси" Фаминцына. Обзоръ журналовъ: Archiv für Antropologie, Das Ausland, Kwěty, Кіевская Старина, Восходъ, Revue d'anthropologie, Mélusine, Ur-Quell, Revue des traditions populaires, La tradition.

Вып. II.—Niederle, Szkic dziejów antropologji (переводъ съ чешскаго) Al. P., Oranie wody (kradzież ziemi, wody, oborywanie wsi podczas zarazy). Ciszewski, O zamku ojcowskim, obleganym przez Szwedów. Weryho, Olsztyn w opowieściach ludu. Dowojna—Sylwestrowicz, Kozik (ножъ, оправленный въ козій рогъ). Zawiliński, Mit o Tantalu i Syzyfie w powieściach ludu od Myslenic i Lidy: многія параллельныя славянскія сказанія остались неизвѣстными автору; пріурочивать этотъ миѳъ къ эпохѣ аріо-европейскаго единства, какъ это дѣлаетъ авторъ, по меньшей мѣрѣ преждевременно. Łasęga, Ziemia chełmińsko—michałowska (главнымъ образомъ статистическія данныя). Ciszewski, Uzupełnienie artykułu: Lud jako twórca terminologji językoznawczej i niektórych nazw plemiennych. Ulanowska, Mądry studant i głupi pan (народный анекдотъ). L. S. K., Ze starej książki (описаніе нѣсколькихъ обрядовъ, найденное въ одной книгѣ прошлаго вѣка). Al. P., Cztery podania o stworzeniu ziemi: 4 космогоническихъ разсказа дуалистическаго характера, взятыхъ изъ „Zbior'a", (1878), статьи Дубасова въ „Древней и Новой Россіи" (1880), замѣтки Данилевскаго и Горбунова въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1888—9). R. T., Przyczynek

do przesądów o babie i innych. Al. P., Zestawienie klechdy polskiej z czeremiską i wociacką (сказка о зайцѣ, котѣ, волкѣ и медвѣдѣ). Dowgird, Spinki góralskie. Karłowicz, Systematyka, piesni ludu polskiego: польскіе варіанты баллады объ Ясѣ и Касѣ; перечисленіе напечатанныхъ, среди которыхъ мы не встрѣтили ссылки на „Srarodawne dumy i pieśni" Glogera, стр. 1—6, и 10 новыхъ и славянскія къ нимъ параллели, среди которыхъ нѣтъ нѣсколькихъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ." Въ концѣ изложено кратко 5 балладъ, разобранныхъ Чайльдомъ. Wolski, Przyczynki do pieśni dziadowskiej o bitwie pod Wiedniem roku 1683. Замѣтка по народной медицинѣ гг. Зембы, Чарковскаго и Сембжицкаго, замѣтки о „кулѣ" или „кривулѣ" (палкѣ) г-жи Уляновской, гг. Любича и Карловича. Lubicz, A pochylone. Lubicz, Czarkowski, Pawłowicz, Wołania na zwierzęta. Czarkowski, Матеріалы для словаря топографическихъ названій. Sokołowski, Piłkalnie. Lubicz, Ciszewski, Kolberg, Добываніе огня посредствомъ тренія. Zawiliński, Wodecki, P. B., Sembrzycki, Названія коровъ и воловъ. Замѣтка о писанкахъ, г-жи Садовской. Замѣтка о „маковыхъ листьяхъ" г. Федеровскаго. Рецензіи на: „Воронъ въ народной словесности" Сумцова и „Былина о Жидовинѣ" Халанскаго.—Обзоръ журналовъ: Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Mélusine, Am Urquell, Revue des traditions populaires, La tradition, Этнографическое обозрѣніе.—Kopernicki, Некрологъ О. Кольберга.

Вып. III. Gloger, Na falach Bugu (окончаніе). Karlowicz, Zabawki dziecięce. Lasęga, Ziemia chełmińsko-michałowska (оконч.). Проф. Сумцовъ, Starodawne sposoby przyrządzania chleba (журъ, siemieniec, каша, кулага, канунъ, кишкекъ, кваша, саламаха или саламата, мамалыга или малай, тетеря, вивсянныкъ, кулишъ, кисель, варченя или солодуха, толокно, кислуха, колотуха, деженъ, крупникъ, pęczak или pęcak, spółka, polewka, zacierka, kruszonka frejdka, muza, rozworka, nawarka, качмакъ, дивекъ, и булгуръ; обрядовые хлѣбы: балецъ, банникъ, боговица, milosti boži, верчъ, vênec, дывень, жыляныки, колачи, козуля, коровай, кошары, крачунъ, kukiełki, курникъ, лежень, лѣсенки, люкшинъ-пряга, медывики, опекуши, перенеча, погача, прыжанина, rogale, сочни, strucla, стульни, тужилка, турта, тутманикъ, faworki, хворостъ или хрустъ, chróst, calta, челпанъ, чорба,[1] шишки, szczodraki, моленица и посохи). Krauss, Powrót umarłych na swiat, studjum wiary ludowej południowo-słowiańskiej (duchy-upiory-tilisum). Матеріалы по народной медицинѣ г-жи Лисовской. Замѣтки о „кулѣ" или „кривулѣ" Сембжицкаго, Карловича и Любича. Ciszewski, Pismo obrazowe. Pleszczyński, Wołania na zwierzęta. Lubicz, Piłkalnie. I. K., Niecienie ognia. Pleszczyński. Nazwy krów i wołów. Wodecki, Żydzi w trzech miasteczkach w Galicji. Pleszczyński и I. K. Liscie makowe. Рецензіи на: „Szkice z dziejów twórczości ludowej. Dumy", г. Равиты. „Zwyczaje w niektórych okolicach powiatu Lukowskiego" Левонцевича. „Przyczynek do wiadomości o żywieniu się ludu wiejskiego", Хелховскаго и „Charakter wierzeń litewskich" Мѣжинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Archiv, für anthropologie, Revue des traditions populaires, La Tradition, Этногр. Обозрѣніе, Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжница, Nyare Bidrag, Kwêty, První a druha zprava společnosti przatel starožitnosi czeskych v Praze.

Вып. IV. Parczewski, Giermanizacja powiatu olawskiego. Grabowski, Podania i legiendy zapisane u autorów staropolskich. Zieliński, Lud Basiowiecki, jego pieśni, zwyczaje i wierzenia. Sembrzycki, Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich. Siarkowski, Wyciąg dosłowny procedury karnej z księgi Akt wojtowskich b. miasterczka Krzyżanowice od 1528 do 1772 oraz z innych akt dawnych. Dowgird, Pisanki. Lorentowicz, Lud fabryczny w Pabjanicach. Reinstein, Pani majstrowa z Podwala. Wawrzeniecki, Siekierki drewniane. Kosiński, Zapiski etnologiczne zebrane w Jurkowie i

---

[1]) Чорба—разсолъ (тур.), а не хлѣбъ. Помнится, въ такомъ же смыслѣ употребляется чорба или щорба въ Малороссіи.

okolicy. Проф. Сумцовъ, Dodatek do spisu chlebów obrzędowych (kolêndrê, koljendari, kollanton, le pain de Calende, бацила, базильта, pain de saint Loup, kullura, coquilles, keniole, cuniole или quéniole, quignot, queugnot, cougnaux или cogné, plum-pudding, mince pie, naines, carnue, le gateau des rois, bretzel, pain de saint Nicolas, craquelin, cornaboeufs, nolais и naulet). Karłowicz Systematyka pieśni ludu polskiego (краткое изложеніе содержанія 11 балладъ, разобранныхъ Чайльдомъ). Siarkowski и Smolencówna, замѣтки по народной медицинѣ. R. F., Kula. Wasilewski, Chata. Plichta, A pochylone. Dowojna—Sylwestrowicz, Pismo obrazowe Plichta, Nazwy topograficzne. R. L., Piłkalnie. Plichta, Liscie makowe. Рецензія на „Ludność Polska w Prusach Zochodnich, jej rozwój i rozsiedlenie w bieżącem stuleciu," Надморскаго, „Roman o Apollonovi krali Tyrskem v czeské, polské a ruské literaturze". „Slaveni u davnini" Маретича, „Нова збирка народныхъ малорусскихъ приказокъ Комарова, „Сказки" Манжуры, „На сѣверѣ" В. Х., „Хронологическая класси" фикація могилъ Южной Россіи" Самоквасова, „La musique et la danse dans les traditions des Lithuaniens" Фехенштедта, „Русскій соловей" Врабеля, „Наши коляды" г. Франка и „Wspomienie Tatrów" Глинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, L'anthopologie, Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie, Altpreussische Monatsschrift, Kwêty, Nowa Zeta, Zeitschrift für Ethnologie, Кіев. Стар., Истор. Вѣстн, Журн. Мин. Нар. Пр., Живая Старина. Krauss, Czorba. Krzywicki, Baba jako wróżba nieszczęścia. Sembrzycki, Skaleczone nazwiska polskie (авторъ объясняетъ такія фамиліи, какъ Kowski и пр., ошибкой нѣмецкихъ чиновниковъ, принявшихъ первую часть фамиліи за имя: Marcinkowski--Kowski. Не было ли это сокращеніемъ фамилій отцовъ для незаконнорожденныхъ дѣтей, довольно распространенныхъ въ Россіи: Репнинъ—Пнинъ, Трубецкой—Бецкой, Дверницкій—Ницкій и т. д.?) съ дополненіями г. Карловича. Komiński, Chłopskie serca. Dębski, Czapka barania. H. R., Czy to „Baba").

Вѣстникъ Европы. 1890.—Декабрь. Рец. на: Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. Изд. Имп. Прав. Палестинскаго Общ. подъ ред. П. А. Сырку. Спб., 1890.—1891. Январь.— Рец. на кн.: Расколъ и его путеводители. Изданіе и сочиненіе К. Попова. Саратовъ, 1890.—Рец. на кн. С. Максимова: „Крылатыя слова". Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится—по толкованію С. Максимова. Спб. 1890.—Рец. на кн. Н. П. Остроумова: Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ I. Ташкентъ, 1890.—Рец. на кн. г. Маркова: Путешествіе по Св. Землѣ. Спб., 1891.--Февраль.—Рец. на: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Подъ ред. Николая Харузина. М. 1890. (Извѣстія. И. Общ. л. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труды Этногр. Отд. т. XI., вып. I).

Вѣстникъ обществ. гигіены, судебной и практич. медицины.— Январь. *Д-ръ Канановъ* сообщаетъ не безъинтересныя данныя о народномъ акушерствѣ на Кавказѣ. Безплодіе у закавказскихъ народовъ, какъ напр. у армянъ и грузинъ, встрѣчается часто, а безплодная женщина считается у нихъ грѣшною предъ Богомъ и съ семейными даже не имѣетъ права разговаривать; вотъ почему противъ безплодія употребляются всевозможныя средства (окуриваніе различными веществами, распариваніе наружныхъ половыхъ органовъ, употребленіе внутрь нефти, тампоны, смоченные различными веществами, и т. д.). Во время самой беременности у нѣкоторыхъ туземокъ принимаются извѣстныя мѣры предосторожности (бинтованіе живота, воздержаніе отъ поднятія тяжестей и проч.). Не мало прилагается стараній узнать плодъ ребенка и избавить его отъ хворости. Что касается родовъ, то здѣсь употребляются различные пріемы для ускоренія ихъ и облегченія. Даются различныя снадобья внутрь, снаружи—встряхиванія, кривлянія и т. п. Пуповина перевязывается только въ одномъ мѣстѣ у пупочнаго кольца, центральный же конецъ остается не перевязаннымъ, чтобы стекала негодная кровь.

Джеджили (Нива — журналъ на груз. яз.). 1891 г.—1. Сказка о царяхъ восточномъ и западномъ, записанная въ Карталиніи. „Разсказъ объ Абрамѣ",—

народная легенда, записанная В. Бабилашвили. Пѣсни, записанныя А. Діасамидзе и А. Хахановымъ. Поговорки и загадки.

Живая Старина, вып. II.—Этнографіи Россіи касаются слѣдующія статьи и замѣтки: *И. Н. Ждановъ.* Пѣсни о князѣ Михаилѣ (окончаніе).— *Приклонскій.* Три года въ Якутской области (продолж.).—*Проф. Соболевскій.* Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Чурило, Пленъ, Дюкъ, Соловей, Будимиръ, Ставръ, Годинъ, Дунай, Хотѣнъ, Блудъ, Козаринъ, Волкъ, Жидовинъ, Микула, Селянинъ, Святогоръ, Бермята, Буславъ, Казимеръ, Колыванъ, Мамелфа—Амелфа, Путята, Рахманъ, Саулъ, Сбродъ, Оника-Аника, Тугаринъ, Шарко, Кощей, Латыгорка, Афромей-Вахромей, Леванидовъ крестъ, Кидишъ, Орѣховецъ, Смородина). Нѣкоторыя изъ сближеній г. Соболевскаго сомнительны (Бермята-Бернъ, Бернъ, лѣтописное Бернко; Леванидовъ крестъ—Леонидовъ; Дюкъ-Дюрдій-Юрій). Къ сожалѣнію, авторъ игнорировалъ въ своей замѣткѣ указанія предыдущихъ изслѣдователей эпоса.—*М. И. Соколовъ.* Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? (выдержка изъ рукописи XVI в.).—*Мамакинъ,* Великорусскія народныя легенды (Марина безбожница и Стенька Разинъ, Брюсъ, Пугачъ, и Салтычиха).—„Огонь на свадьбѣ" (изъ Новаго Времени).—*Г-жа Саковичъ,* Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гроднен. губ., Кобрин. у. (окончаніе).—*Щеколдинъ,* Лопарскія сказки, легенды и сказанія.—*Приклонскій,* Якутскія народныя повѣрья и сказки.—Въ отдѣлѣ критики и библіографіи отмѣтимъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889 г.), Вольтера; рецензіи на „Этнографическое Обозрѣніе" (кн. VI), „Крылатыя слова" Максимова, „Mélusine", „Исторія русской этнографіи" Пыпина (т. II).

Зоря. (Львовъ). Это изданіе, считающееся лучшимъ среди галицко-русскихъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ (съ иллюстр.); посвящено литературѣ и наукѣ, и въ этой области довольно внимательно слѣдитъ за новостями, отмѣчая главнымъ образомъ все, что касается малорусской народности не только въ Галиціи но и въ Россіи. Изъ области этнографіи помѣщаются библіографическія указанія и отчеты (въ томъ числѣ и о нашемъ изданіи); попадаются также и оригинальныя статьи и замѣтки, могущія заинтересовать этнографа. Такъ напр., въ1890 г. находимъ: „Очерки Угорщины" Дениса, „Изъ лѣтней поѣздки по Черниговщинѣ" О. Я. Кониского, „Про покойниковъ" Д. Лепкаго, „Топогр.-истор. записки о старинномъ м. Потыличѣ" Евг. Горницкаго, замѣтки о раскопкахъ проф. Антоновича, о народной медицынѣ и т. д. Въ 1891 г. (№ 2) помѣщенъ портретъ и некрологъ знаменитаго слависта Ф. Миклошича, рисунки свадебныхъ моравскихъ костюмовъ, статья В. Лукича о популярно-народныхъ книжкахъ, замѣтка о раскопкахъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ (№ 3); продолжается „Исторія русской (малорусской) литературы" Огоновскаго и вызванная ею полемика. Въ № 5, посвященномъ исключительно 30-й годовщинѣ смерти Тараса Шевченка (26 февр. 1861 г.), находимъ между прочимъ сообщенное г. Крымскимъ народное преданіе (Кіев. г., Звенигородка) о Шевченкѣ: „Шевченко всегда ходилъ съ Кулишемъ; они были товарищи, но К. не былъ такой храбрый и хитрый, какъ Ш. А. Шевч. былъ страшный богачъ: куда ни ступитъ—за нимъ деньги рѣкой. Около него собиралась масса бѣдняковъ, и всѣ получали деньги горстями. Полиція его невзлюбила, и чтобы завладѣть его богатствомъ, на него навели глубокій сонъ и зарыли въ могилѣ. Но Ш. былъ великій знахарь. Три дня онъ полежалъ въ могилѣ, а потомъ ожилъ, и до сихъ поръ, вѣроятно, живетъ". Мы видимъ здѣсь приноровленіе извѣстной легенды, рисующей народную вѣру въ живучесть и безсмертіе народныхъ и національныхъ героевъ въ широкомъ смыслѣ.

Иверія. 1890. Декабрь. Состояніе Имеретіи, *Л. Орпирели,* Авторъ между прочимъ, отмѣчаетъ существующій до сихъ поръ у имеретинъ обычай поклоненія дубу 15 августа. Жители селенія Джики, переселенцы изъ Абхазіи, въ виду усиленной смертности у нихъ выбрали дубъ, которому приносятъ въ жертву свѣчи, деньги и пр. и просятъ о смягченіи гнѣва и дарованіи продолжительной жизни.

1891 г. Январь. Легенда о сотвореніи человѣка. Богъ, сотворивъ человѣка, далъ ему право жить 30 лѣтъ. Но потомъ онъ выпросилъ себѣ 20 лѣтъ изъ 40, которые были дарованы ослу и 40 лѣтъ изъ 60, отъ которыхъ просила Бога освободить свинья. Поэтому, хотя человѣкъ достигаетъ иногда 100 лѣтняго возраста, но „человѣчески“ онъ живетъ лишь 30 лѣтъ.—Загадки, собранныя въ Озургетскомъ уѣздѣ.—Легенда объ образованіи въ Ахталѣ грязе-лѣчебнаго источника. По этой легендѣ тамъ, гдѣ нынѣ бьетъ ключемъ свинцоваго цвѣта грязь, находилось гумно. Въ день Преображенія священникъ здѣсь молотилъ хлѣбъ; Христосъ, проходя, проклялъ его, а на мѣстѣ гумна стала бить лѣчебная грязь, вынося изъ глубины лопатку, дубину и пр. До сихъ поръ въ народѣ сохранилась легенда въ стихотворной формѣ объ Ахталѣ.—Отзывъ о X т. „Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“. Авторъ замѣтки указываетъ на важные недостатки очерка грамматики сванетскаго языка, составленнаго г. Греномъ.—Февраль. — Пшавы и Пшаветія, ст. *Давида Хизанашвили*. Авторъ подробно и обстоятельно описываетъ порядки, господствующіе въ семьѣ Пшава и взаимныя отношенія между членами дома. Сватаніе и свадьба въ связи съ обычаями, сюда относящимися, составляютъ главное содержаніе статьи.—Разборъ „Сказокъ, собранныхъ г. Агніашвили“, А. Хаханашвили.—Продолженіе статьи г. *Урбнели*: „Атабаги Бека и Агбуга и ихъ законодательство“.

Мурчъ (Молотъ, изд. по армянски въ Тифлисѣ, ежемѣс.). 1890. — 1 и 2. *М. Абегіанъ*. „Народная повѣсть“. Разборъ нар. полуисторическихъ поэмъ: „Давидъ Сагунскій или дверь Мхера“ (Константинополь 1877) и „Давидъ и Мхеръ“ (Шуша, 1889).—*Леонъ Саргинсянъ*: „Поѣздка въ Турецкую Арменію.—1, 2, 3, 7. *Лео*: „Изъ нашей жизни“. Оч. соврем. положенія арм. семьи—9. Рец. на бытовой очеркъ Папазіана: „Лало“ (изъ жизни тур. армянъ).—*В. Папазіанъ*: „Хатъ-Саба“—бытов. очеркъ изъ нравовъ арм. цыганъ.

Православный Собесѣдникъ. Августъ. *А. Вышнегорскій*. Географическое описаніе Аравіи. Глава изъ „Географіи“ Таквимъ-аль-больдана (Альбуфеды). Августъ—Октябрь. *В. Соколовъ*. Обрѣзаніе у Евреевъ.—Ноябрь. *С. Терновскій*. Праздникъ Кущей у евреевъ.

Русская Мысль. 1890. Декабрь. *А. А. Исаевъ*: Какъ относятся въ Сибири къ переселенцамъ? (По личнымъ наблюденіямъ) Рец. на книги Д. Н. Анучина: 1) Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. М, 1890. 2) Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. М. 1890.—Рец. на кн.: „Годъ на Сѣверѣ“, С. В. Максимова. 4-е доп. изд. И. К. Прянишникова. М. 1890.—1891. Январь. *В. Ѳ. Миллеръ*. „Экскурсы въ область русскаго эпоса. I. Князь Владиміръ и Евпраксія“. „Вопросъ объ отношеніи былевого князя Владиміра къ историческому—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго былевого эпоса. Большинство изслѣдователей (напр. О. Миллеръ, Л. Н. Майковъ) высказалось за то, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ князѣ Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженныя въ теченіе вѣковъ позднѣйшими *историческими* наслоеніями“. Эти изслѣдователи не могли объяснить самаго важнаго вопроса: „Почему историческій Владиміръ представляетъ въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру“, хотя всѣ историческія данныя рисуютъ намъ совершенно противоположный типъ? Отвѣтъ на это могутъ дать только восточныя сказанія, отъ которыхъ съ такимъ предубѣжденіемъ отказывался О. Миллеръ. Историческія данныя ясно показываютъ намъ, „какія черты историческаго Владиміра... могли бы отложиться въ народной памяти“. „Въ личности Владиміра надъ княземъ дружиннымъ преобладаетъ князь земскій“, стоявшій за славянскій элементъ противъ варяговъ, оберегатель и устроитель своей земли. Онъ былъ „первымъ популярнымъ княземъ древней Руси“; идеализація его замѣтна уже въ лѣтописномъ извѣстіи [1]). „*Такая* личность должна

[1]) Въ малор. заговорахъ попадается: „Місяцю Владимеру“ (Чубинскій, Тру-

была на долгія времена отложиться въ народной памяти, стать центромъ эпическихъ сказаній... дѣйствительнымъ „краснымъ солнышкомъ" Русской земли, широко разливающимъ свои лучи во всей области эпическихъ сказаній". Былевой Владиміръ отличается непомѣрной трусостью [2]), изображаемою часто былинами въ комическихъ чертахъ; былины заставляютъ его унижаться передъ богатырями, „не скупиться на слезы и поклоны". Въ его характеристикѣ замѣчается двойственность, которую чувствовали и сами сказители: онъ то щедръ и ласковъ, то грубо неблагодаренъ и жаденъ. Само собою разумѣется, что мало можетъ быть общаго между историческимъ Владиміромъ и былевымъ, которому даются нелестные эпитеты: дурень, собака, сводникъ, воръ; такихъ прозвищъ мы не найдемъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ. Для объясненія причинъ такого явленія В. Ѳ. Миллеръ привлекаетъ къ сравненію данныя „Рустеміады", вліяніе которой на нашъ эпосъ „проявляется не въ одной личности, а въ нѣсколькихъ, не въ одной фабулѣ, а въ цѣломъ рядѣ;" „иранскій эпосъ оказалъ вліяніе на русскій не въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ является въ изложеніи персидскаго поэта—историка и эклектика Фирдоуси, но въ наши былины, какъ и въ кавказскія сказанія, могли перейти лишь основы нѣкоторыхъ фабулъ, пройдя притомъ черезъ рядъ передѣлокъ, измѣненій и искаженій какъ въ промежуточной (тюркской) средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ вліяніемъ раціональной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпическаго цикла". На Владимірѣ „отложились нѣкоторыя черты того типа эпическаго или сказочнаго царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ [3]), современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема"; типы иранской царицы и княжны Евпраксіи чрезвычайно сходны. Близость между иранскими сказаніями Рустемова цикла и былинами о Владимірѣ и Евпраксіи доказывается у почтеннаго автора многими сопоставленіями. Съ большимъ интересомъ будемъ ждать дальнѣйшихъ „экскурсовъ".

Сѣверный Вѣстникъ. 1890. Декабрь. Областной отдѣлъ. *Н. Астыревъ*: Монголы-буряты Иркутской губерніи. Интересны этнографическія свѣдѣнія о бурятахъ, съ которыми автору пришлось лично познакомиться. Буряты живутъ отдѣльными родами, причемъ родовыя традиціи еще настолько сильны среди нихъ, что напримѣръ обнищавшаго сородича родъ считаетъ своей обязанностью кормить. У бурятъ часто встрѣчается патронатство: вокругъ богатаго родича тѣснится кружокъ бѣдныхъ кліентовъ, которымъ онъ помогаетъ въ ихъ затрудненіяхъ, за что они въ свою очередь находятся у него въ извѣстнаго рода кабалѣ. Не всѣ буряты ведутъ одинаковый образъ жизни: тункинскіе буряты, напримѣръ, кочевники и занимаются почти исключительно скотоводствомъ; буряты же кудинскаго, капсальскаго и др. вѣдомствъ (вѣроятно тутъ повліяло близкое сосѣдство съ русскими) уже давно занимаются земледѣліемъ. Вообще близость русскихъ отражается на бурятахъ; среди нихъ встрѣчаются люди, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чаще всего такіе буряты по окончаніи курса возвращаются къ сородичамъ и ведутъ прежній образъ жизни, не отличаясь отъ прочихъ бурятъ ни въ обычаяхъ, ни даже въ костюмѣ. Обыкновенно они исповѣдуютъ отцовскую религію, хотя на ряду съ идолами покло-

---

ды, I, 92), т. е. князю, съ именемъ Владиміра, какъ князя κατ᾽ἐξοχήν! Память о немъ въ Малороссіи сохраняется до сихъ поръ (см. Максимовичъ, Сочиненія III, 194, 197, 254, и „О народной истор. поэзіи въ древней Руси", Москвитянинъ, 1845 г.).

[2]) Для образованія подобнаго рода сказаній могъ дать толчекъ извѣстный разсказъ о Владимірѣ, спрятавшемся отъ Печенѣговъ подъ мостомъ.

[3]) Благодаря сказкѣ объ Еруслане, онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ названіемъ Картауса, Картавуса. Мы знаемъ только одинъ случай упоминанія его имени въ малорусскомъ эпосѣ: „якъ бувъ соби *царь Картавусъ*, то надивъ винъ картузъ, на картузъ гарбузъ, на гарбузъ дыню, а на дыню огурець, тай всій казци кинець" (Манжура, Сказки, пословицы и т. п., Харьковъ, 1890, докучныя сказки, № 4 стр. 126).

няются и нашимъ иконамъ. Особенно чтятъ буряты св. Николая Чудотворца; день 9-й мая они празднуютъ моленіями и гульбой. Къ несчастію, по отношенію къ своимъ одноплеменникамъ такіе буряты являются большею частью эксплоататорами. Статья г. Астырева изобилуетъ, вообще, интересными, подчасъ правда мелкими и отрывочными свѣдѣніями: такъ въ болѣе и менѣе полныхъ чертахъ авторъ знакомитъ насъ съ жилищами, костюмами, вѣрованіями свадебными обрядами, жертвоприношеніями и моленіями бурятъ и т. п.—Изъ провинціальной печати. Этотъ отдѣлъ въ данномъ номерѣ посвященъ исключительно вопросу о положеніи кустарей и кустарной промышленности.—Рец. на кн.: VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ отъ 28-го Дек. 1890 г. до 7-го Января 1890 г. СПБ., 1890 г. Рец. на кн. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ. 2 тома. М. 1890.—**1891.**—**Февраль.** Областной отдѣлъ. *Е. С.* Сектанты поселенцы въ Якутской губерніи (изъ личныхъ наблюденій). Авторъ выставляетъ на видъ несимпатичныя черты сектантовъ поселенцевъ Якутской губ., принадлежащихъ къ сектѣ скопцовъ. Трусливость, несообщительность, лицемѣріе, склонность къ кулачеству—вотъ черты, кот. дѣлаютъ скопцовъ ненавистными сосѣдямъ. Живутъ скопцы „гнѣздами", при чемъ можно отличить три вида „гнѣздъ": 1) „гнѣздо"—семья, гдѣ члены связаны между собой бракомъ, 2) „гнѣздо"—семья, члены которой находятся въ кровномъ родствѣ другъ съ другомъ, 3) „гнѣздо"—артель, состоящая изъ людей посторонихъ, соединившихся для совмѣстнаго труда. Положеніе женщинъ въ такой артели болѣе зависимо, чѣмъ положеніе мужчинъ. Общиннаго духа у скопцовъ не замѣчается вовсе.—Изъ провинціальной печати: интересно перепечатанное изъ „Тургайскихъ Областн. Вед." уголовное дѣло, разбиравшееся недавно въ Тургайскомъ областномъ правленіи; дѣло шло объ убійствѣ одного киргиза и о взысканіи съ убійцы его штрафа въ 500 барановъ.—*А. Елисѣевъ.* Опіумъ, гашишъ и ихъ апологи (Психологич. этюдъ). Перечисляя наркотики, употребляемые различными народами, и указывая на ихъ дѣйствіе, авторъ повсемѣстное употребленіе наркотическихъ средствъ приписываетъ желанію, присущему всему человѣчеству, перенестись въ иной міръ „познать хоть каплю блаженства, недостижимаго на землѣ".

Таразъ (Видъ, ежемѣс. армян. изданіе, въ Тифлисѣ). 1890 г.—**1** *Г. Аганяна*: „Настоящія армян. рабочія пѣсни". Пѣсни (баятя) армян. рабочихъ состоятъ большею частью изъ 4-стишій: два первые стиха отдѣльно рѣдко имѣютъ опредѣленный смыслъ и служатъ лишь какъ бы запѣвомъ, а суть пѣсни заключается во второй половинѣ.—**2.** Описаніе нѣкот. др. армян. монастырей.—**6, 7, 8, 9.** *А. Казарянца*: „Гюлэ"—очеркъ изъ жизни курдовъ.

---

3. Газеты.

Акмолинскія Обл. Вѣд. 1891.—**35.** Рогатые люди. Во время послѣдней экспедиціи для изслѣдованія дѣвственныхъ лѣсовъ Гранъ-Чако (въ Аргентинской республикѣ), предводитель экспедиціи капитанъ Альборнотъ взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ индѣйцевъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ два рога на лбу; онъ отличался отъ остальныхъ также и своимъ очень высокимъ ростомъ и большой бородой (товарищи его были всѣ безбородые). Рога имѣли по 2 дюйма въ длину и по заявленію врача, сопровождавшаго экспедицію, по своему строенію ничѣмъ не отличались отъ роговъ оленя.—**37.** Откуда взялась у китайцевъ мода уродовать женскія ноги. Какъ извѣстно, во многихъ провинціяхъ Китая, преимущественно въ сѣверной и средней полосѣ имперіи, существуетъ обычай уродовать женскія ноги, придавая имъ миніатюрный видъ козьей лапки. Мода уродовать ноги идетъ въ Китаѣ съ глубокой древности. Начало ей положила одна изъ императрицъ; она, вслѣдствіе какой-то болѣзни ногъ, должна была бинтовать ихъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ довела ихъ до миніатюрныхъ размѣровъ, причемъ утратила всякую возмож

ность ходить. Крошечныя ножки императрицы, обутыя въ красненькія башмачки, нравились всѣмъ, и вотъ, изъ желанія имѣть такія-же ножки, высшая китайская женская аристократія начала уродовать свои ноги. Мало-по-малу мода эта стала всасываться во всѣ слои общества и, наконецъ, перешла въ обычай. (См. ниже прибавленіе къ „Акмол. Обл. В.“—„Киргизская Газета“).

Архангельскія Г. В. 1890.—22. Изъ народныхъ легендъ Олонецкой губерніи, приводится легенда извѣстнаго Олонецкаго сказителя Щеголенка, послужившая матеріаломъ для извѣстнаго разсказа Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы“.—**25.** Осѣдлые самоѣды, піонеръ П. С. Манзадѣевъ.—**40.** Библіографическія замѣтки *Г. К.* (Дневникъ Антрополог. Отд. в. IV, ст. Н. Н. Харузина, Этнографич. Обозр.).—**58.** Изъ Малой Корелы. Смерть отъ пьянства; „отпускъ“ скота, его значеніе, передача другому лицу.—**71, 72.** Воспоминаніе о Г. I. Минейко (Э. О. IV, 193).—**90.** Документъ къ исторіи Архангельскаго Публичнаго музея.

Витебскія Г. В. 1890. 93 *Е. Р. Романовъ.* Письмо въ редакцію о дѣтскихъ играхъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Предлагается собираніе матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, распространеннымъ въ Бѣлоруссіи.—**97.** Выдержки изъ декабр. книжки „Вѣстн. Европы“ о богатомъ музеѣ покойнаго А. Н. Поля, за который англичане предлагали 200,000 серебрянныхъ долларовъ. Музей завѣщанъ наслѣдникамъ и его ждетъ печальная судьба.—**1891. 2.** Изъ „Новостей“ приводится слухъ объ устройствѣ естественно-историческаго музея въ Соловецкомъ монастырѣ. Оттуда же сообщается объ открытіи въ г. Ковно губернскаго музея, обладающаго порядочнымъ собраніемъ рукописныхъ, печатныхъ и художественныхъ памятниковъ, интересныхъ для исторіи Литвы.—**7, 8, 11, 14, 15.** Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи (неок.).—**14.** Изъ „Южанина“ приводится разсказъ о томъ, какъ въ с. Петровскомъ (Одесс. уѣз.) крестьянинъ продалъ своего отца и мать въ с. Балованное за 25 р., причемъ продажа оформлена распиской. Покупатель обратился даже за содѣйствіемъ къ волости, когда между нимъ и продавщикомъ возникли недоразумѣнія; но здѣсь ихъ сдѣлка нашла достойныхъ судей.

Владивостокъ. 37. *С—ъ.* По рѣкѣ Сучану до угольныхъ копей. Статья содержитъ краткія свѣдѣнія объ японскихъ рыбакахъ, о рабочихъ-корейцахъ и о хлѣбопашествѣ и охотѣ за пантами сучанскихъ крестьянъ.—**40—42.** Современное состояніе Камчатки и Сахалина.—**46.** Къ статистикѣ народонаселенія Сучанской долины.—**46—48.** Тюленій островъ (о котиковомъ промыслѣ).—**48.** Корр. изъ с. Никольскаго о ловлѣ крестьянами, корейцами и манзами рыбы кэты (иначе зубатки) въ Даубихэ и ея притокахъ Тудагоу и Ильдагоу.

Владимірскія Г. В. 1890. 45—50. Историческій очеркъ г. Шуи. Древнѣйшіе обитатели Суздальскаго княжества. Курганы племени Меря. „Ивановское городище“. Изысканія о времени появленія славянъ въ нынѣшней Россіи и о „первоначальной Руси“. Занятіе Мерской земли Юріемъ Долгорукимъ; Суздальское княжество и его дальнѣйшая исторія. Введеніе христіанства въ Суздальскомъ княжествѣ.

Волжскій Вѣстникъ. 302. Елабужскій уѣздъ. О вареніи кумышки, пріемъ въ вотяцкую общину русскихъ, круговая порука, голодовки.—**1891. 8.** Некрологъ С. Я. Капустина извѣстнаго своими трудами по крестьянскому вопросу, артели и общинѣ.—**10.** **Укекъ.** Доклады и разслѣдованія по археологіи и исторіи Укека (бибіографическ. зам.). По убѣжденію авторовъ Укекское городище (одинъ изъ значительныхъ городовъ Золотой орды) представляетъ наслоеніе нѣсколькихъ культуръ, слѣдующихъ одна за другою, изъ нихъ лишь послѣдняя была монгольскою; городъ Укекъ они отождествляютъ съ Гелономъ, городомъ Будиновъ, а Будиновъ Геродота и Аорсовъ Страбона опредѣляютъ какъ Булгаръ и Буртасовъ арабскихъ писателей, почему и начало Поволжья опредѣляютъ не съ Ибнъ-Фоллаха, а 1000 л. раньше.

Вологодскія Г. В. 1891. 5. Пастушьи заговоры при отпускѣ скота.

Восточное Обозрѣніе 1891.—**2.** *Г. П.* Музей въ Красноярскѣ.—**4.** С. Я. Капустинъ (некрологъ).

Врачъ. 1891.—**8.** Въ небольшой выдержкѣ изъ „The Sanitary Record“, отъ 16 февраля, сообщается, что населеніе Мексики употребляетъ странный методъ

оспопрививанія: къ заболѣвшему оспой подводятъ дѣтей, которыхъ послѣ этого и считаютъ привитыми. Изъ „The British Medical Journal“, отъ 14 февраля, приводится краткая замѣтка о крайне курьезной операціи, производимой другъ у друга туземцами Австраліи: въ мочеиспускательный каналъ вводится вѣтка дерева до перепончатой части; затѣмъ вдоль вѣтки дѣлается разрѣзъ длиною въ дюймъ. Операція производится какъ средство противъ ревматизма, воспаленія легкихъ, плеврита и т. д.

Донская Пчела—89. *Ольга Накко.* „Гнѣвъ Архангела“,—повѣріе молдаванъ, что въ день Архангела Михаила, 8 ноября, нельзя работать.

Донская Рѣчь—143. Донская историческая пѣсня (объ уничтоженіи донскихъ казаковъ).—Какъ всплакалась Россія о своемъ бѣломъ царѣ,—стихъ старообрядцевъ безпоповщинскаго толка (Рус. Старина).

Донскія Еп. В.—22. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. Багаевская станица. Ея исторія. Занятія жителей. Урочище „Вертуганово“—по преданію древнее черкесское кладбище. Урочище—„Абашкинъ яръ“. „Малюбановъ“ курганъ, въ которомъ, по преданію, погребенъ татарскій князь Малюбанъ.——1891. 1. Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донского. Станица Семикаракорская; ея исторія. Замѣчательныя урочища. Остатки древняго татарскаго города на урочищѣ „Татарское Городище“. Около хутора Щавельнаго есть татарское кладбище. Упоминается о найденномъ скелетѣ, обращенномъ лицевою стороной къ югу, причемъ руки были сложены около подбородка, а ноги согнуты.——3. Станицы по Донцу: a) Станица Нижне-Кундрючеcкая и окружающіе ее курганы; b) станица Верхне-Кундрючеcкая и ея курганы.—*Н. Кутеповъ.*. „О языческихъ капищахъ или хурулахъ у Донскихъ калмыковъ“ (статья полемическая). Нѣсколько данныхъ объ образѣ жизни Донскихъ калмыковъ.

Екатеринославскія Г. В. 1891.—5. Библ. зам. о „Живой Старинѣ“.

Енисейскія Г. В.—47. Опекунское дѣло среди крестьянскаго населенія. —48. О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ.—1891—1. Библ. зам. объ „Этногр. Обозр.“—4,5. *Ив. Ковригинъ.* Замѣтка о картахъ Енисейской губ., хранящихся въ архивѣ Губернской Чертежной (статист. данныя относительно сагайцевъ, качинцевъ, кизыльцевъ, мелетцовъ, койбаловъ, камасинцевъ, аринцевъ, тунгусовъ и остяковъ).

Земскій Врачъ.—52. *К. Герасимовъ.* „Замѣтка о народной медицинѣ въ Череповскомъ уѣздѣ Новгор. губ.“ Авторъ этой замѣтки приводитъ способы лѣченія и лѣкарства, употребляемыя при нѣкоторыхъ болѣзняхъ; напр.: лѣченіе полеваго опора (боль въ поясницѣ) довольно курьезное и состоитъ въ механическомъ треніи обнаженною поясницею о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ или домовъ. „Переломъ“ (воспаленіе роговицы и конъюнктивиты). Причины: засореніе глаза „порошьемъ“, т. е. соринками, и даже просто вѣтромъ. Лѣченіе: особыя спеціалистки „ломаютъ глазъ“, т. е. черезъ закрытое вѣко растираютъ глазное яблоко пальцами и такъ сильно, что по разсказамъ испытавшихъ эту операцію, слышится въ глазу трескъ. Затѣмъ дуютъ въ открытый глазъ черезъ платокъ. „Острое отравленіе спиртомъ. Опой“. Для приведенія опившагося въ чувство принимаются слѣдующія мѣры: обливаютъ голову горячею водою. Натираютъ уши зимою снѣгомъ, а въ другое время—просто ладонями; если это не достигаетъ цѣли, то трутъ голенищемъ валенаго сапога и въ концѣ концовъ превращаютъ уши въ безформенную массу, послѣ чего для заживленія ихъ требуется цѣлый мѣсяцъ. По временамъ качаютъ на одѣялѣ и водятъ или вѣрнѣе таскаютъ по избѣ подъ руки. Иногда нѣсколько человѣкъ берутъ больного, опускаютъ внизъ головою и затѣмъ, приподнимая къ верху, стукаютъ пятками о потолокъ избы, далѣе дергаютъ за бороду, даже вырывая ее, за волосы, щиплютъ тѣло, толкаютъ и т. д., кто во что гораздъ. При болѣзняхъ живота ложатся на спину и кладутъ на пупъ тяжеловѣсный камень. Иногда лежатъ ничкомъ, принимая колѣнно-локтевое положеніе; другіе упираются на какой-нибудь предметъ, напр., на конецъ полѣна. Всѣ болѣзни вообще, полученныя въ дорогѣ, во время пути, или при работѣ, называются „встрѣшными“. Одною изъ главныхъ

причинъ заболѣванія всякаго рода водянками считаютъ питье воды, не благословясь, ночью. Страдающему глистами совѣтуютъ почему-то принимать лѣкарство не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ, т. е. на улицѣ. Если новорожденный умретъ, то для уничтоженія приливовъ молока къ грудямъ мать „выстреживаетъ" его на горячую печь, чтобы поскорѣй „пригорало", т. е. уменьшалось бы въ грудяхъ.

Казанскій Биржевой Листокъ. 280. *И. Н. Смирновъ.* „Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермяковъ (докладъ въ Обществѣ Арх., Ист. и Этногр.). Подробный обзоръ литературы о пермякахъ занимаетъ значительную часть печатающейся книги того-же автора: „Пермяки" (см. ниже „Извѣстія и Замѣтки").—283. Симбирскій уѣздъ (корресп.): обычай молодежи ѣсть краденнаго гуся на „Кузьминку", въ день Козьмы и Даміана (дѣвичій праздникъ).

Калужскія Г. В.—91. Сообщеніе о томъ, какъ лѣчатся крестьяне въ Юхновскомъ уѣздѣ отъ укушенія ядовитыми змѣями, которыхъ тамъ очень много. Къ укушенному мѣсту привязываютъ лягушку, животомъ къ ранкѣ, и затѣмъ, когда лягушка, впитавъ порами своей кожи на брюхѣ ядъ, издыхаетъ, ее замѣняютъ другой, и такъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока ядъ не будетъ совершенно высосанъ.—1891. 6. О существующемъ среди инородцевъ Иркутской губерніи обычаѣ продавать дѣвочекъ (Нов. Вр.).

Киргизская Газета. (особое прибавленіе къ „Акмолин. Обл. Вѣд.").—45 Сказки: „Медвѣдь и лисица" и „Человѣкъ и собака" (см. ниже, въ отдѣлѣ „смѣси"). —47. *Сейсембай Кутуровъ.* Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ.— 48. Сказка „Лисица и заяцъ". Содержаніе ея слѣдующее: „Сначала лисица была безъ хвоста и не могла уничтожать своихъ слѣдовъ. Волкъ по этому могъ преслѣдовать ее безпрепятственно; однажды онъ абрался даже къ ней въ нору и непремѣнно задушилъ-бы лисицу, если-бы ей не удалось спастись черезъ другой выходъ и убѣжать въ лѣсъ. Тамъ она увидѣла подъ деревомъ зайца, у котораго въ то время хвостъ былъ еще длиннымъ и мѣшалъ ему быстро бѣгать. Лисица поймала зайца и хотѣла-было задушить его, но онъ сталъ просить о пощадѣ, пообѣщавъ уступить лисицѣ свой хвостъ, который ему только мѣшаетъ при бѣгствѣ. Лисица согласилась, и они помѣнялись хвостами; съ тѣхъ поръ у лисицы длинный, а у зайца коротенькій хвостъ". —49. Корр. изъ Зайсана о борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.—Сказка „Пестрыя коровы" (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси").—51. *Магометъ-Гали Ибрагимовъ.* Киргизскій способъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней скота.—Идеалъ воспитанія у калмыковъ. - 52. *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (перепеч. въ переводѣ на киргиз. яз., изъ 327-го номера за 1890 г. „Русскихъ Вѣдомостей".).—1891 г. 1, 2. *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (оконч.).—1—5. *М. Имшенецкій.* Несмѣтное богатство, сокрытое въ киргизской степи (авт. убѣждаетъ киргизъ заняться земледѣліемъ).— 3, 4. Невѣста-всадникъ (армян. сказка).—4, 5. Народный судъ у киргизовъ (извлеч. изъ „Положенія объ управленіи степными областями") —5. *А. Калашевъ.* Шейдулла (татар. сказка): „Бѣдный татаринъ Шейдулла, пошедшій къ Аллаху просить счастья, встрѣчаетъ по дорогѣ сначала волка, потомъ яблоню и, наконецъ, рыбу. Всѣ они, узнавъ, что Шейдулла идетъ къ самому Аллаху, стали просить его передать богу и ихъ просьбы: волкъ просилъ, чтобы Аллахъ вылѣчилъ мучащую его уже третій годъ страшную боль въ животѣ; яблоня, чтобы у нея выросли плоды; рыба, чтобы Богъ полѣчилъ ее отъ страданія отрыжкой и боли въ горлѣ. Шейдулла пообѣщалъ исполнить ихъ просьбы и пошелъ дальше. Доходитъ онъ до рощи изъ розовыхъ кустовъ. Изъ одного куста, стоящаго посрединѣ рощи, выходило какое-то розовато-золотистое пламя и озаряло чуднымъ свѣтомъ всю рощу Вдругъ оттуда послышался голосъ: „Что тебѣ нужно, Шейдулла?" Шейдулла, понявъ, что это говоритъ самъ Вел. Аллахъ, благоговѣйно опустился на колѣни и изложилъ передъ Аллахомъ какъ свою просьбу, такъ и просьбы волка, яблони и рыбы. Аллахъ отвѣтилъ: „У рыбы засѣлъ въ горлѣ драгоцѣннѣйшій камень; когда вынутъ у нея этотъ камень, тогда она и вылѣчится. Подъ яблоней зарытъ

большой кувшинъ съ червонцами; когда выроютъ этотъ кувшинъ, тогда яблоня будетъ приносить плоды. Волку-же, чтобы избавиться отъ боли живота, нужно съѣсть одного глупаго человѣка. Твоя-же просьба исполнена, ступай, будешь счастливъ!". Обрадованный Шейдулла возвращается домой. Встрѣтивъ рыбу и яблоню, онъ передаетъ имъ слова Аллаха. Тѣ просятъ его — рыба вынуть изъ ея горла драгоцѣнный камень, а яблоня—вырыть изъ-подъ нея кувшинъ съ червонцами. Но Шейдулла отказывается, говоря, что богатство ему дастъ самъ Аллахъ, и идетъ дальше. Почти у самаго дома встрѣчаетъ онъ волка и ему передаетъ слова Аллаха, а также разсказываетъ въ какой просьбѣ отказалъ рыбѣ и яблонѣ. Волкъ тогда кинулся на Шейдуллу, повалилъ его на землю и началъ ѣсть, приговаривая: Клянусь Аллахомъ и великимъ Пейгамберомъ, ужъ глупѣе тебя никого не могу найти на цѣломъ свѣтѣ!"

Кишиневскія Еп. В. 1891.—1. *Свящ. Михаилъ Никольскій.* „О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій". Свѣдѣнія о существованіи въ Бессарабской области слѣдующихъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ: 1) обычай опускать 1 копейку въ могилу покойника; 2) обычай „кричать" коляду наканунѣ Рождества; 3) обычай выносить за околицу села стружки отъ гроба покойника, тряпки, которыми его обмывали, солому, которая была подъ нимъ, горшки изъ которыхъ его мыли, и прочія мелкія вещи.

Крымъ.—152. *Н. Н. Балабуха.* Рождественскіе обычаи и обряды въ Тавридѣ. — *Эмбе.* Рождество у иностранцевъ. (Святочный очеркъ.). — **1891 г. 2.** *Б—нъ.* Кто обиталъ въ Кыркорѣ или Чуфутъ-Кале? Народъ оссы, асы (осетины); ихъ религія, мѣстожительство; ихъ городъ—Кыркоръ; свидѣтельства историковъ въ пользу этого положенія. Историческія судьбы Кыркора. (Выдержки изъ статей проф. Всев. Миллера въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.).— **11.** Библіогр. зам.: рецензія и перечисленіе статей 11 № Извѣстій Таврической ученой архивной коммиссіи.—Укекъ. Результаты раскоповъ Укекскаго городища въ 10—12 верстахъ ниже г. Саратова, на правомъ берегу Волги.

Московская Иллюстрированная Газетка.—225. Сообщеніе о существованіи въ Англіи, въ графствѣ Эссексъ, древняго обычая дарить окорокъ ветчины тѣмъ новобрачнымъ супругамъ, которые въ продолженіе года и одного дня не поссорились и не выразили сожалѣнія о томъ, что вступили въ бракъ.—**230.** *Г. Н. Потанинъ.* Тибетское преданіе о сватовствѣ Тибетскаго царя къ дочери китайскаго императора, для своего сына — **1891. 7.** Докладъ Громбчевскаго о его путешествіи по Центральной Азіи.

Московская Газетка. 1891.—14. Отчетъ о докладѣ Ю. А. Кулаковскаго въ Петерб. Археол. Общ. (18 янв.): „О керченской христіанской катакомбѣ," 591 г. Имена надписей въ катакомбѣ свидѣтельствуютъ, что туземцы Босфора Киммерійскаго были иранскаго происхожденія (изъ Нов. Вр.).—Таже газета (отъ 7 февр.) приводитъ (изъ Science pour touts) результаты изслѣдованій проф. Бертело о зарожденіи и распространеніи металлургической промышленности въ области Зап. Римской имперіи, и въ особенности бронзы (отъ г. Брундузіумъ — Бриндизи) См. Antiquitates Italiae, Мураторя.—**39.** Корр изъ Владиміра на Клязьмѣ, объ истязаніи мнимой знахарки, старухи 60 лѣтъ, которую крестьяне заподозрѣли въ порчѣ дѣвушки и требовали, чтобы она „отчитала" порченую.

Московскія Вѣд.—296. *И. Голубевъ*: Корр. изъ Березова заключаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остякахъ, о татарскомъ вліяніи на нихъ, отразившемся въ жилищахъ, постройкахъ, платьѣ, обычаяхъ, о крещеніи остяковъ въ 1712 г. митроп. Филоѳеемъ, о брачныхъ обрядахъ и погребеніи.—**327.** Замѣтка о еврейской колоніи въ Китаѣ, эмигрировавшей въ эту страну за 200 лѣтъ до Р. Хр.; строгое соблюденіе ими древнихъ обычаевъ.—**334.** Краткое содержаніе доклада профессора А. И. Якобія о самоѣдахъ (читаннаго въ засѣданіи Общества Естествоиспытателей въ Казани); стремленіе Самоѣдовъ выйти изъ дикаго состоянія; жилища ихъ, платье, пища, занятіе охотой и оленеводствомъ.—**338.** *К. Случевскій* „Изъ Вершины" Нѣсколько словъ о происхожденіи фамилій крестьянъ, живущихъ по рѣкѣ Тоймѣ; образчикъ заселенія, особенность крестьянскаго дома; „голбчики,"

т. е. деревянные ящики, на которыхъ водружены кресты на кладбищѣ. — *Z*. Библіограф. замѣтка о книгѣ С. Максимова „Крылатыя слова."—**353**. Замѣтка о жизни японскихъ женщинъ: вліяніе американокъ на положеніе ихъ; бракъ въ Японіи и отношенія жены къ мужу.—**354**. „О Черкескомъ словарѣ," составленномъ Лопатинскимъ; между приведенными имъ сказаніями есть нѣкоторыя, мотивъ которыхъ сходенъ съ мотивами Нибелунговъ о Брунгильдѣ; другія же поражаютъ связью съ греческими миѳами.—**356**. *Н. Балабуха*. Рождественскіе обряды и обычаи въ Таврической губерніи (у малорусовъ, бѣлоруссовъ и Грековъ).—**360**. Рабство у Бурятъ (изъ „Новаго Времени"): продажа и покупка дѣвочекъ; право продажи принадлежитъ отцу, матери, братьямъ, дядямъ, а за неимѣніемъ ихъ и другимъ родственникамъ. Проданная становится рабою купившаго и освобожденіемъ отъ рабства можетъ быть только бракъ. Тамъ же: краткое изложеніе сообщенія объ Остякахъ и Вогулахъ, сдѣланнаго 21 декабря въ засѣданіи Этнограф. Отдѣла И. Р. Г. О-ва С. К. Паткановымъ, проведшимъ два года въ Тобольской губерніи.—**361**. Расколъ и штунда на Волыни.—**1891**.—**1**. Обряды китайцевъ наканунѣ Нов. года.—**3**. *А Ярцевъ*. Вертепъ (рождественское представленіе) Авторъ располагаетъ довольно значительной литературой, статья весьма содержательная.—**4**. Вѣра французовъ въ сверхъестеств. силы 7-го сына въ семьѣ.—8. *И. Востоковъ*. Святки въ деревнѣ. Авторъ приводитъ нѣкоторыя общеизвѣстныя подблюдныя пѣсни и обряды гаданія (къ сожалѣнію не указывая, въ какой деревнѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія). Тамъ же въ отдѣлѣ „Смѣсь"—празднованіе новаго года въ Малороссіи, изъ „Кіевскаго Слова."—14, **15**. *Гульбатъ*. Святая Нина—грузинское преданіе. Пространная и пріукрашенная передача церковной легенды о просвѣтительницѣ Грузіи.—17. Экспедиція Н. Ѳ. Катанова въ центральную и Восточную Азію. Краткое изложеніе результатовъ 4-хъ путешествій, совершенныхъ г. Катановымъ въ 1888—1890 гг. въ урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губерніи и въ Китайскій Туркестанъ. Цѣль путешественника была этнографическая и лингвистическая.—**23**. О переселенцахъ Акмолинской области. Русскихъ переселенцевъ лѣтомъ 1890 г. насчитывалось болѣе 17000 душъ; интересы ихъ сталкиваются съ интересами кочевниковъ киргизовъ; свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ главнымъ образомъ о скотоводствѣ. Вслѣдствіе водворенія русской земледѣльческой культуры, киргизы вынуждены будутъ измѣнить традиціонныя формы скотоводства, поглощающія непомѣрно много земли, безъ малѣйшей затраты труда. При размѣщеніи минувшимъ лѣтомъ наличнаго числа переселенцевъ, образовано въ Акмолинской области двѣнадцать новыхъ селеній: девять—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, два — въ Петропавловскомъ и одно — въ Атбасарскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ поселено 7.423 мужскія души, но кромѣ того причислено еще къ прежнимъ селеніямъ, къ которымъ представлялось возможнымъ сдѣлать прирѣзки, 1.313 мужскихъ душъ; всего же вновь водворенныхъ въ Акмолинской области переселенцевъ — 8.736 мужскихъ душъ, распредѣленіе которыхъ по уѣздамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Кокчетавскомъ — 7.225 мужскихъ душъ; въ Петропавловскомъ 1.072 мужскихъ души и въ Атбасарскомъ—409 мужскихъ душъ. — **26**. Замѣтка о японской жизни (имена, жилища, одежда).—**30**. Доклады д-ра *Ольдерогге* о Сванетахъ въ засѣданіи Антропологическаго Общества въ Петербургѣ. Очеркъ Сванетіи, физическое вырожденіе сванетовъ, огромный процентъ (50%) идіотовъ, кретиновъ, эпилептиковъ, слабоумныхъ и т. п. ненормальныхъ психически людей; перекрестные браки между близкими родственниками еще болѣе подрываютъ физическія и нравственныя силы этого несчастнаго народа. Рядомъ съ психическимъ вырожденіемъ идетъ и физическое, безъ сомнѣнія обусловливающее это послѣднее. Сванеты почти всѣ носятъ зобъ. Начиная развиваться съ трехлѣтняго возраста, онъ выростаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, имѣя нерѣдко до 3/4 метра въ окружности. Съ годами зобъ атрофируется и отъ него остается лишь комочекъ известковыхъ солей, болтающихся въ кожномъ мѣшкѣ, свѣшивающемся у старухъ чуть не до половины груди. Развитіе зоба надо поставить въ связь съ высокимъ содержаніемъ гипса въ водѣ Ингура. Интересный фактъ тотъ, что Сванеты живущіе южнѣе, въ такъ-называемой Дадіанов-

ской Сванетіи, болѣе доступной, удобной для жизни, не представляютъ вовсе такихъ высокихъ степеней вырожденія и являются обыкновенными горцами.—41. *Гульбатъ* (псевд.). „Бриллiантъ" — грузинская легенда. Въ ней изображена исторія живописца Мартина — Грека, которому поручено было во время царя Арчила I расписать церковь Св. Стефана; ликъ Божьей Матери онъ писалъ съ дочери своей Пульхеріи. При писаніи картины ему приходилъ помогать въ приготовленіи красокъ неизвѣстный юноша, оказавшійся потомъ наслѣдникомъ престола, Мирдатомъ. Во время послѣдняго похода царевичъ влюбился въ дочь побѣжденнаго имъ персидскаго сатрапа Барзабода — красавицу Сагдукхтъ и, сомнѣваясь въ согласіи отца на этотъ бракъ, рѣшился потрудиться во славу Божьей Матетери, прося ея помощи. До сихъ поръ душа Мартина была чиста, какъ бриллiантъ, которымъ гордились ангелы, а діаволъ рѣшился помрачить чистоту этого бриллiанта; вслѣдствіе неясныхъ намековъ царевича, Мартинъ воображаетъ, что его дочь Пульхерія овладѣла сердцемъ Мирдата, и начинаетъ предаваться честолюбивымъ мечтамъ стать царскимъ тестемъ. Вскорѣ царевичъ возвращается побѣдителемъ изъ новаго похода, и царь въ награду позволяетъ ему жениться на дочери сатрапа Сагдукхтъ, о чемъ глашатаи и возвѣщаютъ народу. При этомъ извѣстіи Пульхерія, полюбившая царевича, падаетъ мертвою; отецъ въ отчаяніи снесъ ее въ храмъ, положилъ у подножія своей картины, а самъ лишился чувствъ. Тогда онъ увидѣлъ, какъ ангелы взяли на небо душу Пульхеріи, и какъ она плакала, что не могла взять съ собою отца, погубившаго душу свою честолюбіемъ. Придя въ чувство, Мартинъ понялъ свою вину, предался раскаянію, и ангелы смывъ слезами темныя пятна съ его души, понесли этотъ бриллiантъ къ престоБожію, гдѣ онъ до сихъ поръ свѣтитъ дивнымъ вдохновеніемъ тѣмъ художникамъ, которые работаютъ для славы Божіей.—55. Замѣтка о вѣрованіи Китайцевъ въ возможность сообщенія душъ живыхъ людей съ умершими; сжиганіе при погребеніи ящика съ письмами, адресованными къ умершему, въ увѣренности, что душа его унесетъ ихъ съ собой на небо; отвѣты на свои письма Китайцы, по ихъ увѣренію, получаютъ во снѣ.—59. Археологическія раскопки *В. З. Завитневича* въ Минск. губ. Рѣчицк. у. (отчетъ о его рефератѣ въ Кіевскомъ историч. Общ.). Изслѣдованія производились съ цѣлью опредѣленія восточной границы поселенія дреговичей, южною границею которыхъ, до сихъ поръ установлена р. Припеть (Кіев. Слово). — 62. Докладъ о Воронежской старинѣ, сдѣланный секретаремъ Ворон. стат. Комитета Л. Б. Вейнбергомъ въ засѣданіи Этногр. отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. 25 февр. Предметомъ сообщенія были „слѣды хазарской народности въ предѣлахъ нывѣшн. Ворон. губ."

Мшакъ. (Работникъ, изд. 3 раза въ недѣлю, въ Тифлисѣ). 1890.—**4.** *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи". XVII письмо посвящено любовнымъ и плясовымъ пѣснямъ, пожеланіямъ, проклятіямъ и играмъ турецкихъ армянъ.—**8.** *Г. А.* Передовая статья по поводу книги Ernest Chantre'a „De Beyrouth à Tiflis." Упомянувъ о нѣкоторыхъ неточностяхъ и ошибкахъ г. Шантра авторъ тѣмъ не менѣе находитъ книгу очень интересной и дѣльной.—**9.** *Асіаци.* „Отличительная черта армянскихъ пословицъ." Авторъ приводитъ цѣлый рядъ не армянскихъ пословицъ и выраженій и, подыскивая подходящія по смыслу армянскія, указываетъ на то, что въ послѣднихъ почти всегда упоминается объ ослѣ. — **10.** Рецензія на соч. I. de Morgan'a: „Mission scientifique de Caucase." — **14.** **Z.** „Армянская семья." Взглядъ на настоящее состояніе армянской семьи.—**15.** Замѣтка о нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ въ окрестностяхъ Новаго Баязета: женихъ обязанъ заплатить родителямъ невѣсты 20—200 р. на приданное. Въ день свадьбы посаженный отецъ и всѣ присутствующіе послѣ обѣда кладутъ въ тарелку деньги.—**21.** Замѣтка о кулачномъ боѣ въ Гори на масляницѣ.—**30.** *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи". XVIII письмо посвящено мотивамъ пѣсенъ турецкихъ армянъ и ихъ музыкальнымъ инструментамъ.—**31.** *Г. С.*—Корреспонденція изъ селенія Нижнія-Ахты (Эриван. губ.). Въ Ахтахъ соблюденіе постовъ, въ особенности среди женщинъ, доведено до крайности. Великимъ постомъ народъ собираетъ деньги на „матагъ." На собранныя деньги покупается нѣсколько быковъ или коровъ. Въ день св. Пасхи рано утромъ рѣжутъ животныхъ и раздаютъ

мясо бѣднымъ и богатымъ поровну. „Матагъ“ по-армянски—жертва.—35. Замѣтка о рефератѣ г-на Артамонова: „О Персіи,“ читанномъ въ засѣданіи Кавк. Отдѣла И. Р. Г. Географическаго Общества.—39. Въ корреспонденціи изъ Адруда говорится, что для удаленія саранчи женщины сварили молочную кашу и разливали ее по полю, дѣти-же производили шумъ мѣдною посудою. — 34. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XIX письмѣ описывается зимнее времяпрепровожденіе турецкихъ армянъ крестьянъ. Резенція на 1-ую часть книги Jos. Spillmann'a: „Durch Asien.“.—44. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменія. XX.“ Нѣкоторые юридическіе обычаи.—45. Тоже. XXI. Черты курдскаго быта.—48. Корреспонденція изъ Ахалцыха описываетъ празднованіе дня св. Георгія 23 апрѣля. Хотя армянская церковь празднуетъ св. Георгія въ сентябрѣ, но ахалцыхскіе армяне соединяются для празднованія 23 апрѣля съ православными. Этотъ день у нихъ называется „цыратоиъ“ (кривой праздникъ). По народному повѣрію все сработанное въ этотъ день будетъ „криво,“ т. е. негодно. Потому, оставивъ работу, всѣ отправляются за городъ на развалины помолиться св. Георгію. Если беременная женщина въ этотъ день будетъ работать, то родитъ урода.—60. „Турецкіе армяне и ихъ сосѣди.“ Рядъ статей преимущественно статистическаго содержанія; есть и этнографическій матеріалъ. — 67 и 68. *В. Папазіанъ.* „Шахна“ — бытовой очеркъ изъ турецкой жизни.—72. *Апро* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XXV письмѣ описывается поѣздка въ весьма почитаемый армянами мужской монастырь св. Карапета.

Новое Время. — **5172, 5179, 5188, 5207, 5222, 5236, 5243, 5250, 5264.** — *В. Машковъ.* Изъ путешествія по Абиссиніи. — **5179.** Сообщеніе о появленіи въ Уфимскомъ краѣ секты „стригуновъ“. — **5198.** *К. Случевскій.* Выдержки изъ его путешествій по Вологодской и Архангельской губ. Бытъ и выносливость населенія, занимающагося лѣсными промыслами. — **5203.** Изъ Керчи—сообщеніе о находкѣ при рытьѣ могилы на новомъ городскомъ кладбищѣ кипарисоваго саркофага древности 1500—1800 лѣтъ съ остатками человѣч. костей и глиняными и стеклянными сосудами. — **5242.** *Г. Робушъ.* О положеніи китобойнаго промысла въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ. — **5243.** *Н. Лендеръ.* Съ Волги. Раскольничья секта „калугуры“. Ихъ обычай бросать трупы своихъ умершихъ въ озеро.—**5248.** Сообщеніе о погромѣ въ Новороссійскѣ персидскихъ лавочекъ—для характеристики отношеній между различными народностями, населяющими его (Южный Край). — *А. Елисѣевъ* Гор. Кизвинъ. Съ богомольцами Мешхеда. —*В — а.* Ташкентская выставка. — **5251.** *В—а.* Ташкентская выставка. — **5271.** Сообщеніе о суевѣріи крестьянъ Полтавской губ., что нельзя тушить пожара отъ молніи, такъ какъ это значитъ итти противъ Бога.—**5281.** Библіографія. Рец. на кн. Д. И. Эварницкаго: „Вольности запорожскихъ казаковъ“. — **5287.** *Н. А. Рубакинъ.* „Какъ и что читаетъ народъ“? Отношеніе крестьянъ къ школѣ и къ грамотности. — **5301.** *П. Ровинскій.* Цетинье (корресп.). Очерки Черногоріи. — *В. А. Жуковскій.* О древностяхъ Закаспійскаго края. — **5303.** Положеніе кустарныхъ промысловъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ. — Похищеніе дѣвушекъ въ Абхазіи. — Обычай прохожденія невѣсты передъ вѣнцомъ черезъ огонь въ Полѣсьѣ.—**5309.** *Д-ръ А. В. Елисѣевъ.* Объ этнологіи Сѣверной Персіи. — **5312.** *Кн. Г. С. Голицынъ.* Сообщеніе о путешествіи по русскимъ владѣніямъ въ Средней Азіи и по Центральной Азіи. — **5315.** *П. Ровинскій.* Очерки города Ульцина (Дульциньо). Его жители: черногорцы, албанцы-католики и малисары (албанцы изъ племенъ клименты и шкрели). Ихъ занятія отношенія, существующія между черногорцами и албанцами-католиками и малисарами. — **5324.** „Украинскія письма“ объ обрусѣніи Малороссіи (Кіевлянинъ).—**5326.** О возникновеніи обычая устраивать елки наканунѣ Рождества Хр. и о замираніи древнихъ обычаевъ—малорусскихъ и бѣлорусскихъ, пріуроченныхъ къ этому дню. — *Дм. Кайгородовъ.* Обычай Рождественской елки. — **5327.** *Б. Познанскій.* Рабовладѣльчество у Донскихъ казаковъ (Кіевская Старина, дек.). — *С. К. Паткановъ.* Сообщеніе въ Спб. географич. обществѣ объ остякахъ и вогулахъ.—**5330.** Мурманскій берегъ (корресп.) — **5331.** *А. Н. Красновъ.* Сообщеніе о путешествіи по Сванетіи.—**5344.** *С. С.* Корр. изъ Казани о языч. вѣрованіяхъ у чувашъ (кереметн).—

Перечень археологич. находокъ въ Вят. г. за 1890 г. (Вят. Г. В.)—**5351.** *Елисеевъ.* Описаніе персидскаго праздника розъ въ г. Кучанѣ. (Рус. Жизнь).—**5357.** Отчетъ о засѣд. Антропологич. Общества въ Петб. (23 янв.), въ кот. докладывали гг. Ольдерогге (см. Моск. Вѣд. 30) и Фортунатовъ, послѣдній — о наслѣдственной безпалости. — *В. Р. Розенъ.* О древней Манджурской письменности, (докладъ въ Рус. Археологич. Обществѣ). — **5359.** Замѣтка о существующемъ въ Елисаветград. у. обычаѣ уступать невѣсту сопернику за плату отступного (Елис. Вѣстн.).—**5361.** *Генри Стэнли.* „Карлики великаго Африканскаго лѣса“ (обитающіе въ лѣсахъ Аватика на р. Итури); ихъ бытъ, занятія, оружіе и ихъ наружность.—**5362.** Отчетъ о лекціи проф. А. А. Исаева о хозяйственномъ бытѣ Россіи.—**5364.** „Борьба со штундой“.—**5374.** Сообщеніе франц. путешественника Габр. Бонвало (въ чрезвыч. собраніи И. Р. Геогр. Общ. въ залахъ дворца в. кн. Екатерины Михайловны, 12 февр.) о его путешествіи по Тибету съ лѣта 1889 г. по 1890 г. — **5378.** Замѣтка о переселенцахъ на Мурманскомъ берегу. — **5381.** Зам. о разрытіи 6-ти кургановъ (кѣмъ ?) во окрестн. Новозыбкова Черн. г. съ признаками трупосожженія (Черн. Г. В.). — **5382.** Отчетъ о рефератѣ г. Соколова о системѣ землевладѣнія въ Зап. Сибири, читанномъ въ СПБ. Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ, 19 февр. — **5388.** Отч. о засѣданіи Этногр. Отдѣленія И. Р. Г. Общ. 25 февр. (докл. Л. Б. Вейнберга о слѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронеж. г.).

Новое Обозрѣніе.—2330, 2335—7, 2343, 2358, 2360—1, 2367 и 2372 „Восточные анекдоты о муллѣ Насръ-Эддинѣ“, собранные *г. Ерицовымъ.* — **2303** и **2322.** Сванетія и Лечгумъ (о зобастыхъ и кретинахъ).—**2349.** Древнія городища на берегахъ рѣкъ Кубани и Лаби.—**2320.** Библіографическая замѣтка о V книгѣ „Этнографич. Обозрѣнія“, *А. Хах—ова.* — **2341.** „Нѣсколько словъ о книгахъ, касающихся народностей Кавказа“, *А. Хахо—ва.* — **2344.** „Къ вопросу о происхожденіи осетинъ“. *Л. Загурскаго.*—**2357.** Годичное засѣданіе Кавказскаго Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общества (Отчетъ Л. П. Загурскаго). — Любопытныя замѣтки, помѣщены г. *Ерицовымъ*, подъ названіемъ: „Изъ нашей старины“, въ №№ 2403, 2410, 2424, 2433, 2448 и 2453—**2419.** „Доглаури“ —историческая легенда, идущая изъ XVII вѣка, г. *Хонели.* Легенда разказываетъ о цѣломудренной стойкости грузинки противъ покушенія царя Ростома.—**2420.** Содержаніе книги: „Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Р. Данибегова“ въ XVIII в., съ ея оцѣнкой, *А. Хах—ова.* — **2475.** Библіографическій отчетъ о VI и VII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ *А. Хах-ова.*—„Кацарскій монастырь“, *Д. Пурцеладзе.* — **2476.** Легенда о „Кважисъ-сакдари“ (воронья церковь), *Ил. Хонели.*

Новороссійскій Телеграфъ. — **4911.** Смѣсь: „Выборъ невѣсты китайскому богдыхану“ и „Обычай лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа въ Китаѣ“. — **4982.** Хожденіе со звѣздой на Рождествѣ въ Одессѣ.—1891 г.—**4986.** О способѣ привѣтствій у народовъ Западной Африки. — **4994.** Китайцы въ канунъ Новаго года. Обычай задабриванія злого духа. — **4996.** Охота на тигра въ Индіи. Описаніе особаго способа этой охоты и употребляющихся при этомъ орудій.—**5013.** Египетъ (корресп.). Открытіе саркофаговъ.—**5021.** Засѣданіе Имп. одесскаго Общества исторіи и древностей (докл. *Л. П. Долинскаго* — о древностяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Волынской губ).

Новости—219. О персидскихъ танцовщикахъ и ихъ танцахъ (Н. Вр.). — **231.** Изъ с. Николаевки о находкѣ у порога Ненасытецкаго каменныхъ орудій (топоровъ и пр.).—**232.** Поминки по киргизѣ біѣ рода Чапрашты, Сарыбаѣ Айдосовѣ, устроенныя на урочищѣ „Улькунъ-сазъ“, на горахъ Алашау, противъ „Узунъ-агача“. — **244.** О положеніи женщины въ мусульманской семьѣ кавказскихъ татаръ.—**252.** Вѣра Чукчей въ загробную жизнь оленей; ихъ „оленій праздникъ“.—Проявленіе народнаго суевѣрія по поводу находки бивня мамонта въ Тамбовской губ.—**254.** Корр. изъ Ярославля о положеніи ящичнаго кустарнаго промысла.—**281.** *О. Ш.* Туркестанская выставка (Отдѣлъ охоты): описаніе орудій охоты мѣстнаго населенія туземцевъ. — **289.** Корр. Изъ Царевосанчурска. О появленіи между православными черемисами секты—„Кутусарта“; ея догматическое

ученіе и взаимныя отношенія сектантовъ (Волж. Вѣсти.). — 310. Рец. на Д. И. Эварницкаго: „Вольности Запорожскихъ казаковъ".—Публичныя лекціи Эварницкаго по археологіи Россіи. — 315. Экспедиція въ Центральную Азію (изъ письма *П. Козлова*). Селеніе Кара-сай. Топографія, флора и фауна всей мѣстности. Жители сел. Кара-сай и ихъ занятія. Описаніе мѣстностей, прилегающихъ къ рр. Бостань-туграпъ и Кютель-дарьи и Ой-ляй-лякъ-булакъ. — Лодзь (корр.): о причинахъ эмиграціи въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 317—8. *Н. Д—въ.* „По Россіи", изъ воспоминаній земскаго статистика. Отношеніе народа къ статистикамъ и ихъ дѣятельности. Описаніе одной кельи „черничекъ" въ Поволжьѣ.—332. Рец. на „Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы", К. К. Абаза.—336. Рец. на М. Пинегина „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ". — 337. Воззрѣнія кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій).—340. „Въ нео-филологическомъ обществѣ". Ѳ. А. Браунъ: отчетъ о поѣздкѣ въ Маріуполь и Манкупъ-Кале съ цѣлью отыскать слѣды давно исчезнувшихъ крымскихъ готовъ. *С. Н. Сыромятниковъ.* Дополненіе къ докладу „Исторія Готландіи" и „Гута-сага". Древніе обитатели Готландіи. — 243. О набѣгахъ персидскихъ кочевниковъ на русскія селенія по рѣкѣ Атреку (Новое Обозрѣніе). — 344. *Е. Ф. Шмурло.* „Разсказъ итальянца Тедальди о Россіи временъ Іоанна Грознаго. Докладъ, читанный въ Спб. историческомъ Обществѣ.—355. *И. Б—овъ.* 25-ое Дек.—день зимняго солнцеворота; почитаніе его у древнихъ и новыхъ народовъ; обычай въ Россіи въ навечеріи Рождества Христова кликать Коляду и Авсень. Сербская колядка и малорусская.—Засѣд.Этногр.отдѣл.И.Р.Геогр. Общества. Сообщенія: г. Истомина—„Сборникъ наговоровъ, заклинаній и нашептываній", распространенныхъ въ купянскомъ и славяносербскомъ уѣздахъ, г. Иванова; г. Пыпина—„Народный лѣчебникъ" священника Саратовской губ.; С. К. Патканова — „О результатахъ этнографическихъ наблюденій надъ бытомъ остяковъ: А. Н. Краснова—о физико-географическихъ изслѣдованіяхъ въ Сванетіи.—357. Въ „Московскихъ письмахъ" отчетъ о докладѣ проф. И. И. Янжула въ засѣд. этнографич. отдѣла И. Общ. Люб. Естествознанія (19 февр.) о значеніи времени и пространства въ народномъ хозяйствѣ.— 358. *Н. Д—въ.* „По Россіи" (изъ воспоминаній земскаго статистика). Баку (корресп.). Бытъ молоканъ и армянъ на Кавказѣ — 359. Замѣчательный типъ русской крестьянки—„Катька" (Рижскій Вѣст.).— 1891. 6 *Каргополовъ.* Медленность роста и развитія и продолжительность жизни африканскихъ дикарей сомалійцевъ и данакалійцевъ; причины этого (Туркест. Вѣд.). — Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго (докладъ его въ И. Р. Геогр. Общ.).— 23. О причинахъ переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 24. Вильно. (корресп.). Сообщеніе о похоронахъ повѣсившейся старухи въ болотѣ, вслѣдствіе суевѣрія литовцевъ, что душа ея будетъ бродить по деревнѣ и принесетъ много зла (Петерб. Лист.). — 26. Рец. на „Антропологію" Э. Ю. Петри.— 28 и 33. О лекціи кап. Громбевскаго въ С.П.Б. Кредитн. Общ. въ пользу фонда имени Пржевальскаго при И. Р. Геогр. Обществѣ. Предметомъ чтенія служило послѣднее путешествіе Громбчевскаго по средней Азіи.—29. *Бол—в.* О возрожденіи сартовъ. Ихъ способность къ промышленной дѣятельности (Волж Вѣст.).—Отчетъ о докладѣ Ѳ. Д. Батюшкова въ С.П.Б. Неофилологич Обществѣ (11-е засѣд.): „Преданія о разлученіи души съ тѣломъ въ др.-рус. письменности и въ дух. стихахъ о богачѣ и Лазарѣ".—Извѣстіе о пуб. лекціи проф. А. С. Трачевскаго (въ С.П.Б Педагогич. музеѣ, 30 янв.) объ отношеніи между языковѣдѣніемъ и антропологіею и о разселенія человѣч. рода послѣ потопа. (См. Новости 39.).— 33. Содержаніе третьей лекціи А. А. Исаева (въ Педаг. муз, 30 янв.): „Очерки хозяйственнаго быта Россіи".—38. Замѣтка о латышахъ и эстахъ въ Псковской губ. Переселенія ихъ начались сюда съ 1855 г. Теперь эстовъ считается въ Псковск. г. (особ. въ Псковск. и Торопецк. уу.) до 11,000 (правосл. до 2½ т.), а латышей (особ. въ Псковск. у.) до 7,000 (правосл. до 1 тыс.). — 39. Содержаніе 4-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи. Содерж. 8-й лекціи проф. Трачевскаго. — 41. Праздникъ „цаганъ-сара" у астраханскихъ калмыковъ, 30-го янв. (С. Отеч.).— 42. Тысячелѣтіе Георгіевск. монастыря въ Балаклавѣ (преданіе о его основаніи 891 г.) греками-мореплавателями. — *А.* Рец. на кн. П.

Ровинскаго: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ".— 41. Случай продажи родителей въ с. Петровскомъ Одесск. у. (Южанинъ).— 46. Содерж. 5-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи.—51. Свѣдѣнія о сектѣ малеванцевъ въ Васильковск. у. Кіев. г.— 58. Изъ молдаванскихъ нравовъ: дѣвица, обольщенная парнемъ, является къ нему въ домъ, садится на печь и требуетъ вѣнчанія, что большею частью исполняется.— О 10-й лекціи А. С. Трачевскаго (20 февр.) о древнѣйшихъ алфавитахъ. — 57. Постановленіе „собора" бѣгло-поповцевъ въ г. Вольскѣ.— 64. *Э. Ю. Петри.* „Научные результаты путешествія Фр. Нансена черезъ Гренландію".

Новости Дня. — 2453. *В. Т* „Первое мая" (историко - этнографическая справка). Славянскія празднества 1-го мая. Праздникъ въ Литвѣ и Польшѣ. Народная примѣта о несчастныхъ бракахъ въ маѣ. — 2472. *В. Т.* „Троицынъ день и Семикъ". Празднованіе Троицына дня въ Литвѣ, Малороссіи, Россіи. Поминовеніе умершихъ въ Семикъ и похороны безъ вѣсти пропавшихъ. Обычай украшать зеленью и цвѣтами дома въ Троицынъ день. Завиваніе вѣнковъ. Пляски въ честь Ярилы.—2502. Объ отрытіи въ Сарат. у. трупа крестьянина, умершаго отъ опоя, для предотвращенія засухи.— 2514. Корр. изъ Карса о томъ, что нѣсколько женщинъ—армянокъ разрыли на кладбищѣ могилу и найденныя тамъ кости бросили въ рѣку Карсъ—чай, какъ средство отъ бездождія.—2528. Корр. изъ Уфы о появленіи секты „стригуновъ".—2541. *Туристъ.* „Изъ Москвы на Уралъ". Отъ Нижняго до Казани. Въ началѣ приведена легенда о мордвинѣ Скворцѣ и чародѣѣ Дятлѣ.—2542 „Людоѣды". Разсказъ католическаго миссіонера въ Убанги о пирахъ туземныхъ людоѣдовъ.—2588. Негритянская сказка о леопардѣ и гіенѣ; причина крас ты ихъ шерсти.—2597. Описаніе празднества, устроеннаго персами въ Тифлисѣ въ день рожденія своего властителя, шаха Насръ-Эддина (Кавказъ).— 2598. *Туристъ.* Изъ Москвы на Уралъ. VI. Въ преддверіи Сибири. Описаніе г. Перми.—2605. *Туристъ.* Изъ Москвы на Уралъ. VII. Въ царствѣ золота и желѣза. Описаніе г. Екатеринбурга.—2626. „Бракъ и судъ въ Камерунѣ". Краткая замѣтка по поводу того, что иногда отецъ невѣсты, взявъ съ жениха извѣстную сумму денегъ, какъ выкупъ за невѣсту, отдаетъ за него другую дочь вмѣсто обѣщанной; судъ по этому поводу.—„Добрый обычай". Сообщеніе о возстановленіи въ Торонто, въ провинціи Онтаріо въ Канадѣ, древняго англійскаго обычая—публично погружать въ воду сварливыхъ женщинъ и сплетницъ.— 2627. *Н. Бочаровъ.* „Подъ Курячій праздникъ". Отношеніе русскихъ людей, начиная съ XI вѣка, къ домашней птицѣ. Курячій праздникъ бываетъ на Козьму и Даміана, когда куръ считаютъ, сортируютъ и рѣжутъ. — 2628. Екатеринбургъ (корресп.). Сообщеніе инженера Лебедзинскаго о находкѣ имъ на берегу р. Лепсіи, притока р. Сосьвы, капища и божества остяковъ-язычниковъ.— 2637. 1-ое Н о я б р я. (Истор. справка.) Этнографическія особенности дня. Народныя поговорки и примѣты на 1-е ноября. Свв. Косьма и Даміанъ — покровители куроводства. Освященіе куръ въ старину. Челобитныя куры; бои и пр. *Н. Бочарова.*—2644. *Н. Бочаровъ.* 8-ое Н о я б р я. Народное представленіе объ Архангелѣ Михаилѣ и народныя примѣты, пріуроченныя къ этому дню. — 2651. *Знакомый.* Литературныя замѣтки: „Старый Гудъ и его царство" (кавказская легенда.).— 2652. *Н. Бочаровъ.* 16-ое. Н о я б р я. Указаніе на народное суевѣріе, по которому съ 15 ноября всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ и зимы. По народному замѣчанію зима пріѣзжаетъ на пѣгой кобылѣ и разгоняетъ всѣхъ нечистыхъ. – 2657. *Н. Бочаровъ.* 21-ое Н о я б р я. День Введенія, по народнымъ примѣтамъ. — 2660. *Н. Бочаровъ.* 24-ое Н о я б р я. Упоминаніе о народномъ обычаѣ раздавать пироги въ день своихъ именинъ. — 2661. *Н. Бочаровъ.* 25-ое Н о я б р я. Донесеніе воеводы Щербатаго о дикихъ людяхъ „Челюгдеяхъ", одноглазыхъ, живущихъ въ верховьяхъ р. Тунгузки.— 2670. *Н. Бочаровъ.* 4-ое Д е к а б р я. „Народныя примѣты и поговорки, пріуроченныя ко дню св. Варвары. — 2697. *Н. Бочаровъ.* 1-ое Я н в а р я. Васильевъ вечеръ въ быту народномъ. Гаданье въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Моск. г.— 2698. *Н. Бочаровъ.* Начало крещенскихъ вечеровъ по народнымъ понятіямъ. — 2717. *Н. Бочаровъ.* 21-ое Я н в а р я. Народныя примѣты, пріуроченныя къ этому дню.

Одесскій Вѣстникъ.—288. Село Солоное (корресп.). Заработки мѣстнаго населенія—извозный промыселъ; отношеніе къ нему Малоросса, Великоросса и Молдаванина.—329 *М. П.* Новые труды по русской этнографіи (Библіогр. замѣтка). Краткая рецензія и перечисленіе всѣхъ вновь вышедшихъ трудовъ по этнографіи.—339. *Н. Вучетичъ.* Дао и Адо (карабахская легенда.). Состязаніе двухъ пѣвцовъ; ихъ пѣсни.—131. *В. В.* въ корр. изъ м. Чилишлія упоминаетъ о существованіи у молдаванъ обычая — похищенія невѣсты.—132. Корр. изъ Ташбунары о суевѣріи, что трупъ вѣдьмы (могилу ея) надо поливать водой, чтобы отвратить бездождіе. — 181. Сообщено вѣрованіе въ скорую кончину міра (Смол. В.).—1891 г. 8. Баку (корресп.). Жизнь молоканъ и армянъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Нищенство армянъ и зажиточность молоканъ. „Чортовы угольщики" (Эльзасская легенда.).— 17. Новозыбковъ (корресп.). Сообщеніе о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, удостовѣрившемъ фактъ сожигавія труповъ древними (Черн. Г. В.).— 19. О торжественной аудіенціи у короля москитосовъ.— 21. *Ю. А. Кулаковскій.* „О керченской христіанской катакомбѣ (докладъ; см. Моск. Газету, 14).

Одесскій Листокъ. — 215. Проф. Позднѣевъ сообщаетъ о найденномъ имъ въ Парижской Національной библіотекѣ Манджурскомъ манускриптѣ.—*Черноморецъ.* „Успеньевъ день на Б. Фонтанѣ". Картинка народной жизни. Взглядъ на появившихся насѣкомыхъ, пожирающихъ хлѣбъ, какъ на наказаніе Божіе.—219. Сообщеніе объ обычаѣ въ графствѣ Эссексъ дарить большой окорокъ ветчины супругамъ, которые не поссорятся въ теченіе одного года и одного дня. — 267. Выдержка изъ сообщенія г. Истомина о состояніи православія среди самоѣдовъ Печорскаго края и объ ихъ идолопоклонствѣ (Мин.). — 302. Каннибализмъ въ Центральной Африкѣ (L'Urivers).—329. О Путешествіи А. П. Чехова. Нѣсколько данныхъ объ о. Сахалинѣ (изъ Новост. Дня).—1891.—10. Баба-богатырь. Женскій народный типъ „Катька".—Обычай современныхъ Грековъ заключать браки между ново-рожденными дѣтьми. — 14. „Изъ путешествія по Святой землѣ". О русскихъ поселеніяхъ въ Палестинѣ.

Одесскія Новости. - 1643. „Повѣрье огородниковъ" (замѣтка), что найденный лапоть надо забросить въ огуречную гряду.—1663. Корр. изъ Екатеринослава о появленіи новой секты, наз. крестьянами „чудными". Ихъ принципы: воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, сквернословія и насилій — 1682. „Изъ жизни Алтая". Охота киргизовъ за птенцами беркутовъ. -- Нѣсколько интересныхъ историч. данныхъ о Под. губ. — 1687. Лейли и Манснунъ (персидская сказка). — 1724. Индѣйское племя, — сообщеніе объ открытіи полковникомъ Голабердомъ въ Колорадо (Калифорнія) новаго индійскаго племени, которое наз. себя „Яви Супіасъ". -- 1736. Одежда китаянокъ. Многоженство въ Китаѣ. — 1770. *Случевскій.* Сообщеніе о томъ, что въ Архангельской губ. косятъ „горбушей" (большой серпъ) (Моск. Вѣд.).—1803. *А. Старковъ.* Хань-о-хе-би-юнь-бянь. Китайско-русскій словарь. (Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи историко- филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ 11 Декабря 90 г.). Двойственность Китайскаго языка; Китайскія письмена, исторія ихъ; исторія сношенія Россіи съ Китаемъ.—1814. Сообщенія о воззрѣніи мусульманъ Кавказа на тюрьму и тюремное заключеніе.—1815. Изъ Китайскихъ разсказовъ.—1863 Корр. изъ Бендеръ о мѣстномъ знахарѣ Куценко (въ предмѣстьи Старыхъ Липканахъ), занимающемся лѣченіемъ водочной настойкой изъ разныхъ травъ и нашептываніемъ.

Олонецкія Г. В. – 72—79. Статья „Изъ народной жизни"—общаго характера, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о лоцманскихъ артеляхъ, о вѣрованіяхъ Корела, сравненіе его съ обитателями береговъ р. Свири, о колдовствѣ и колдунахъ, примѣтахъ и предразсудкахъ.—81—84. Ст. „Ладвинскій приходъ", кромѣ описанія географическаго, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о занятіяхъ, промыслахъ и бытѣ прихода, его праздникахъ (между прочимъ описано жертвоприношеніе въ Ильинъ день, такъ называемое „хватовщина"), увеселеніяхъ, а также объ условномъ языкѣ Ладвинскихъ стекольщиковъ.—1891.—4. „Тягловый промыселъ на Маріинской системѣ"—составленіе тягловыхъ артелей.

Оренбургскія Г. В.—35. *П. А. Юдинъ.* „Башкиры". II. Жизнь и занятія башкиръ. Образъ жизни башкиръ. Жилища ихъ, отопленіе. Безпечность башкиръ; ихъ зависимость отъ кулаковъ. Нечистоплотность ихъ. Бѣдность. Домашній скотъ. Занятія ихъ. Ихъ честность и другія нравственныя качества.—36. *П. А. Юдинъ.* Башкиры. III. Религія и обычаи. Магометанство. Описанія ихъ мечетей. Богослуженіе. Пища башкиръ „салма". Гостепріимство. Посты. Праздникъ Уразанъ-Байрамъ. Воспитаніе дѣтей. Браки. Покупка невѣстъ. Бракосочетаніе. Пѣсни башкиръ. Почитанье умершихъ. Похоронные обряды. Устройство могилы.—37. *П. А. Юдинъ.* Башкиры (окончаніе). IV. Историческое прошлое башкиръ. До 1556 г. они подчинялись Казанскому царству, а послѣ взятія Казани приняли русское подданство, получивъ въ 1557 г. отъ Іоанна IV грамоту на вѣчное владѣніе своими землями. Дальнѣйшее положеніе башкиръ. — 43. *П. А. Юдинъ.* „Съ Дона на Уралъ". Исторія поселенія донскихъ казаковъ на Уралѣ правительствомъ.—50—52. *П. А. Юдинъ.* Киргизы. (Этнографическій очеркъ). I. „Степь". Характеръ киргизскихъ степей. II „Населеніе степей". Дѣленіе киргизовъ на отдѣльныя группы—„орды". Сходство и различіе между ордами. Исторія перехода киргизовъ къ полуосѣдлой жизни и занятію хлѣбопашествомъ. Описаніе стоянки кочевыхъ киргизовъ. Общественное устройство киргизскихъ ауловъ и бійствъ (волостей). III. „Религіозные обряды киргизовъ". Религія киргизовъ—магометанство. Отсутствіе мечетей. Легенда о постройкѣ мечети Тамерланомъ въ Самаркандѣ 1891.—1—5. *П. А. Юдинъ.* „Киргизы" (продолженіе). IV—V. „Нравы и обычаи". Обычаи, сопровождающіе ребенка отъ рожденія до зрѣлаго возраста. Свадебные обычаи. Заключеніе брака. Джигитовка. Музыкальные инструменты киргизовъ. Пляски. Пѣніе. Положеніе новобрачной Многоженство. Трудная доля киргизокъ. Ихъ недолговѣчность. Смертность Похоронные обряды киргизовъ. VI. „Занятія киргизовъ и ихъ достояніе". Хлѣбопашество, сѣнокошеніе, караванный промыселъ (прислуга), разведеніе лошадей, рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ и пр. VII. Боевая пригодность киргизовъ. VIII. „Языкъ и литература киргизовъ". Киргизская сказка о Кривдѣ и Правдѣ.

Оренбургскія Еп. В. 1890.—18. Изъ религіозной жизни чувашей Оренбург. губ. („Моск. Вѣд.").

Орловскія Г. В. 1890.—67. Вигуру. Соблюденіе постовъ въ Западной Европѣ (Science pour tous).

Пастырскій Собесѣдникъ. 1890.—12—13. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ („Подол. Еп. В.").—14. Къ вопросу объ обычаѣ гадать на книгахъ свящ. писанія,—историко-археол. замѣтка.—*Н. Н. Влабуха.* Пасхальные обряды и легенды въ Тавридѣ („Моск. Вѣд.").—17, 18 *В. Преображенскій.* Черты сходства и различія языческихъ сказаній о Богѣ и о происхожденіи міра отъ библейскаго повѣствованія.

Пензенскія Г. В. 1890— 199. Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.— 200. Промыслы сельскаго населенія въ Наровчатскомъ уѣздѣ.—203. Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ уѣздѣ.— 205. Отхожіе промыслы сельскаго населенія въ Саранскомъ уѣздѣ.—207. Промыслы сельскаго населенія въ Инсарскомъ и Нижнеломовскомъ уѣздахъ.— 227. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово Инсарскаго уѣзда (этнографическій очеркъ). Населеніе. Обычай мордвы прогонять скотъ черезъ тоннель между могильными курганами, на которомъ горѣлъ живой огонь, чтобы предохранить его отъ падежа. Миѳологія Мордвы.—228. Свящ. *Н. Н—ловъ.* Письма изъ деревни. VI. Суевѣрные обычаи крестьянъ: „проводы", обычай здороваться съ усопшими весною. – 230. *А. Шевелевичъ.* С. Болдово, Инсарскаго у. „Моляны". „Кереметь". Одежда мордвы.— 233. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово, Инсарскаго у. Старый обычай давать ребенку имя. Обычай красть невѣсту. Обычаи, сопровождающіе похороны; обычай класть покойнику монеты и его любимыя вещи.— 236. *А. Шевелевичъ.* Тоже (окончаніе). Поминовеніе усопшихъ. Болѣзни мордвы. Занятія. Промыслы.— 245. *Св. Н. Н—ловъ.* Письма изъ деревни. VIII. Село Мордовское—Левжа (Мокша). Исторія его заселенія. Занятія населенія. Просвѣщеніе. Религія. „Помочь".— 247. *Св. Н. Н—въ.* Письма изъ деревни. IX. Кустарные промыслы Городищенскаго и Саранскаго уѣздовъ. —

272 - 4. *В. Терехинъ*. Села Ефаево и Рыбкино, Краснослободскаго уѣзда. (Археологическія и историческія замѣтки)

Пензенскія Еп. В. — 1890.—19. *Н. Люстровъ*. „Суевѣрія и примѣты въ средѣ простаго народа", при рожденіи ребенка, крещеніи, при свадьбахъ; вѣра въ колдуновъ, оборотней, вѣдьмъ, знахарокъ, ворожей и домовыхъ; зазыванія домоваго; обрядъ „провожанія души".— 28. *Свящ. Г. Иллюстровъ*. Историко-статистическое описаніе прихода села Ямской слободы, Инсарскаго уѣзда.

Пермскія Г. В. 1890—69—71 и 77. *И. И. Архангельскій* „Этнографическіе очерки Горнозаводскаго населенія Урала".—76. *А. А. Исаевъ*. Описаніе Перми.— 79. *Н. Н. Новокрещеныхъ* Открытіе города Перми 12—18 Октября 1781 г.— 86. Уральское общество любителей естествознанія: 1) докладъ о раскопкахъ С. И. Сергѣева; 2) сообщеніе Лебедзинскаго о находкѣ имъ на берегу р. Сосьвы идола Остяковъ; нѣсколько чертъ изъ жизни Сѣвернаго Урала.—1891.— 6 Сборъ кедровыхъ орѣховъ. Описаніе приспособленій, необходимыхъ въ данномъ случаѣ для рабочихъ кедровниковъ.— Причины, вліяющія на ростъ людей. — 8. *П. В—нъ*. Экскурсіи по верхокамскимъ дебрямъ. I. Раскольничій скитъ.

Пермскія Еп В.—1890. 19. *Д. Смышляевъ*. Воспоминанія о Востокѣ. Турки: ихъ счисленіе времени, посты, кофейни. Турецкіе монахи. Обрѣзаніе, выдача дѣвушекъ замужъ, процессія „зеффетъ-эт-гаммамъ". Похороны. Браки православныхъ. Арабскіе музыкальные инструменты; двѣ арабскія пѣсни въ русскомъ переводѣ.—20. Изъ исторіи старообрядскаго раскола въ Пермской епархіи.

Полтавскія Г. В.—1890.—69. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорусскихъ думъ" (продолженіе см. № 671). Разобрана дума про Ганжу Андыбера.— 70. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорусскихъ думъ (продолженіе). Думы: Плачъ невольниковъ о выкупѣ, плачъ невольника о выкупѣ, Маруся Богуславка, жалоба сестры, отчимъ. Ихъ группировка и разборъ. — 71. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорускихъ думъ". Думы: „О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова", „о Черноморской бурѣ", „о смерти трехъ братьевъ близъ рѣки Самары", „про вдову и трехъ сыновъ". Разборъ первой думы.—72. Тоже. Разборъ второй думы (въ художественномъ отношеніи и бытовомъ по содержанію).—73. Тоже (продолженіе) Разборъ третьей думы.—74. Тоже (окончаніе). Причины появленія думъ; исторія ихъ развитія въ связи съ развитіемъ жизни малорусскаго народа.— 91. *Св. Григ. Коломенскій*. С. Чутово, Полтавской губ. (историч. очеркъ). Иконы и утварь. Приведены два стихотворенія, написанныя малорусскимъ яз. на образахъ Апостоловъ и Бога Вседержителя (всѣхъ стихотвореній—12, по числу Апостоловъ).

Правда—1891. 4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.— 6. Корр. изъ Винницы объ истязаніи разными пытками 4-хъ челов., заподозрѣнныхъ въ воровствѣ.

Руководство для сельскихъ пастырей.—26, 29, 34, 40, 44. *М. А.* Рабочій прикамскихъ соляныхъ промысловъ и инвенскій крестьянинъ—пермякъ (сравнительная характеристика въ религіозно-нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ).

Русскія Вѣдомости. 1890—121. *Н. П. Бѣлоконскій*. Среди Сибирскихъ инородцевъ. Абаканская степь. Описаніе татарской юрты. Вліяніе христіанства на жизнь татаръ. Описаніе татарскаго праздника; религіозныя представленія татаръ о добрыхъ и злыхъ духахъ. Татарское служеніе, отправленное шаманомъ. Взглядъ татаръ на шамановъ. Нравственныя воззрѣнія татаръ.— 124. Людоѣдство на Новыхъ Гебридахъ. Сообщеніе о съѣденіи дикарями р. Мамчикало экипажа шхуны „Elyza Mary"—126, 131. *Серафимовичъ*. Въ тундрѣ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Экипажъ самоѣда, упряжь и одежда. Самоѣдская пѣсня; ея характеръ и содержаніе. Ѣзда по снѣговой тундрѣ. Описаніе самоѣдскаго чума. Понятіе о преступленіи у самоѣдовъ.—144. *П. Г—въ*. Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтаѣ? Объ отношеніяхъ сибирскихъ старожиловъ къ выселенцамъ изъ Россіи.—148. *С.* На плотахъ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Описаніе одного изъ промысловъ Сѣвернаго края—сплава лѣса.—153. Тоже (окончаніе).—136. 143, 155. *А. Плещеевъ*. „Американскія исторійки". Свободный союзъ.—156. Подъ рубр. „Разныя разности": „При Дагомейскомъ дворѣ"—разсказъ губернатора Котону, Байоля, о казняхъ Даго-

мейскаго короля и о кровожадности его амазонокъ.—162. *В. Си—въ.* „Народное представленіе страстей господнихъ въ Баварской деревнѣ Оберъ-Аммергау въ 1880 году“.— 169, 172. Путешествіе Стэнли. Выдержки изъ книги Стэнли „Въ дебряхъ Африки“ о его путешествіи черезъ дремучій Африканскій лѣсъ, о встрѣчѣ и борьбѣ съ туземцами. Описаніе племени карликовъ, которыхъ Стэнли встрѣтилъ въ дѣвственномъ лѣсу Африки.—175. Шемаха (корресп.). О распространеніи куренія опіума среди мѣстныхъ татаръ. — 178. Елисаветградъ (корресп.). О положеніи крестьянъ—переселенцевъ въ Херсонской губ.—182. Алтайскій Округъ (корресп.) О положеніи переселенцевъ.—185. Буква. „Въ буддійскомъ храмѣ и аннамскомъ театрѣ“. (Лѣтніе разсказы). Описаніе буддійскаго храма, бывшаго на Парижской выставкѣ, и службы въ немъ и представленія въ аннамскомъ театрѣ.— 187. *Г.* Кустарная промышленность въ Австріи.— 188. *П. Г—въ.* Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтаѣ?— 190. „Шалопуты на Кавказѣ“. Ихъ догматическое ученіе. Описаніе ихъ молельни и самой службы. Ихъ нравственность и занятія.— 208. Петергофъ (корресп.). Состояніе гончарнаго промысла (кустарнаго) въ уѣздѣ.— 211. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ“. (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу). О нынѣшнемъ положеніи раскольничьихъ скитовъ I. По Ветлугѣ.— 212. Верхнеуральскъ (корресп.) Населеніе уѣзда. Башкиры, киргизы и русскіе; ихъ занятія. Пріобщеніе киргизовъ къ занятію земледѣліемъ. — 215. Екатеринбургъ (корресп.) Возникновеніе и развитіе гранильнаго промысла среди мѣстныхъ кустарей.— 220. Новости науки и литературы. Древнѣйшая манджурская рукопись. Парижской Національной библіотеки, открытая проф. Позднѣевымъ. — 221. На Уральскихъ заводахъ и рудникахъ (корресп.) Занятія населенія Нижняго Тагиля; торговля, возка дровъ и руды, заводскій трудъ, работа въ рудникахъ, кустарные промыслы по обработкѣ желѣза.—223. *Влад. Короленко.* По Ветлугѣ. Легенда о невидимомъ градѣ на берегу озера Свѣтлояра.— 225. Ардатовскій уѣздъ (корресп.) Сообщеніе о зарытіи крестьянами павшей лошади съ живой кошкой для прекращенія эпизоотіи. — 226. Положеніе кустарнаго промысла въ Тулѣ. по по обработкѣ желѣза.— 234. *Вл. Короленко.* По Ветлугѣ. Жизнь мѣстнаго населенія.— 238. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи“. 2. Евстигнѣичъ. Характеристика отношенія русскихъ поселенцевъ въ Башкиріи къ башкирамъ.— 248. Ткацкій промыселъ въ Ярославскомъ уѣздѣ. Положеніе кустарей. — 253, 255, 262, 269, 297, 335, 353. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ“. II. Керженецъ. 256 Петергофскій уѣздъ (корресп.). Положеніе кустарей, добывающихъ глину ярко-голубого цвѣта.— *И.* „Инородцы Нарымскаго края“ (корресп.). Племенной составъ. Жилища. Пища. Одежда. Занятія. Промыслы. Браки. Религія. Языческія мольбища. Кумирни. Жертвоприношенія (шаманы). — 259. Разныя разности: „Древнія городища на берегахъ рѣкъ Кубани и Лабы около станицъ Усть - Лабинской и Ново - Лабинской“. Найденныя тамъ вещи. — 276. *А. А. Исаевъ.* Артель тульскихъ кустарей. (Корресп.).— 278. *А. Р.* Туркестанская выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности. — 287. Рыбинскъ (корресп.). Возникновеніе котельнаго промысла въ Глѣбовской волости и его настоящее положеніе.—311. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи.“ 3. Своя люди. Картинки Башкирской жизни.—325. „Курляндскіе Короли“; этимъ именемъ означается населеніе 7 деревень въ окрестностяхъ г. Гольдингена. Они пользуются привиллегіями. Происхожденіе ихъ точно неизвѣстно: по однимъ преданіямъ имъ дарованы льготы за услуги ордену меченосцевъ, по другимъ—они потомки бывшихъ повелителей Курляндіи.— 326. Миссіонеръ Вербицкій (некрологъ). — 327. *Ал. Ивановскій*: Смерть Киргизскаго пѣвца Улгенбая. —339. *Ал. Головачевъ*: Страница изъ жизни Ильки (изъ быта киргизовъ).—347. *В. С—въ.* Новыя свѣдѣнія о египетскихъ древностяхъ. Сообщенія о результатахъ, добытыхъ г. Голенищевымъ во время поѣздки его по Египту зимой 1888—89 г.—348. Н. О. Эминъ. (некрологъ).— 353. *В. С — въ.* Генрихъ Шлиманъ (некрологъ). — 356. *В. Шуфъ.* Карагёзъ. Описаніе одного изъ представленій турецкаго полишинеля Карагёзъ—родъ китайскихъ тѣней, введенныхъ въ Турціи въ 1421 г. Представленія имѣютъ чисто народный характеръ; въ нихъ проявляется народное

остроуміе и дается воля насмѣшкамъ надъ современнымъ строемъ Турціи.— **1891.—4.** *П. С.* С. Я. Капустинъ (некрологъ). — **7.** *В. Шуфъ*: Въ горахъ. Сообщются свѣдѣнія о повѣрьяхъ Крымскихъ татаръ (о шайтанѣ, Айша).— **11.** Рецензія на кн. VII Этнографическаго Обозрѣнія.—**15.** Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго (подробный отчетъ о прочитанномъ г. Громбчевскимъ рефератѣ въ засѣданіи Им. Рус. Геогр. Общ. 10-го января). *Н. Астыревъ.* Изъ экскурсій по Нижнеудинскому округу.—**30 37, 53, 59.** *Н. Астыревъ.* Тоже.— **44.** Путешествіе Капитана Б. Л. Громбчевскаго (дополненіе къ извѣстіямъ сообщ. въ № 15).—**59.** Некрологъ Миклошича.

Русскій Паломникъ—1890.—6,7. Поклоненіе змѣю у различныхъ народовъ. — **28.** Христіанство среди калмыковъ. — **33,34.** *Л. Ейнсцлеръ.* «Дурной глазъ» у обитателей Святой земли. — **36.** Чукотская миссія (краткая исторія ея). — **42,43.** *В. Кузнецовъ.* Погребальные обряды нѣкоторыхъ народовъ (на Аѳонѣ, Синаѣ, въ Яссахъ, Константинополѣ, у индусовъ, монголо-бурятъ, у древнихъ персовъ, евреевъ, турокъ и др.).

Рязанскія Г. В.—1890 г.—66,67. *Г. Д.* «Жизнь и нравы китайцевъ». Нѣсколько данныхъ объ успѣхахъ китайцевъ въ земледѣліи (изъ брошюры Г. Д. „Между Востокомъ и Западомъ").—**68.** Негритянская сказка о леопардѣ и гіенѣ (Хар. Г. В.). — **77,79,80.** *И. П. Золотницкій* Матеріалы для историко-статистич. описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской губ. (Продолж. въ 1891 г.). — **82.** „Дополнительныя о Рязанской епархіи свѣдѣнія". Въ статьѣ объ Архіепископѣ Мисаилѣ есть разсказъ о попыткѣ его крестить мордву при помощи вооруженной силы въ 1656 г. — **89.** *Д-ръ Елисѣевъ.* „Объ употребленіи гашиша и опіума у Восточныхъ народовъ (С. О.). — **93, 94.** „Надгробныя надписи изъ текіи Афганъ-Махаммедъ Султана въ г. Касимовѣ".

Рязанскія Е. В.—1890 г.—22. „Суевѣрія и примѣты въ средѣ простого народа". Суевѣрные обряды съ заклинаніями при рожденіи ребенка, примѣты при крещеніи его. Суевѣрные обряды, сопровождающіе свадьбу, и примѣты, касающіяся ея. Вѣра въ колдуновъ, оборотней и вѣдьмъ, въ знахарей и ворожей. Вѣра въ домовыхъ; приглашеніе домового въ новое жилище. Примѣты при елеосвященіи и при похоронахъ. Обрядъ „провожанія души".

Самарскія Г. В. 1890—76,77. Особенности быта инородцевъ Волжско-Камскагокрая. Нѣсколько словъ о фотографіяхъ, доставленныхъ на Казанскую Научно-Промышленную выставку, представляющихъ различныя постройки, орудія производства, посуду, кладбища и разные моменты свадебнаго празднества инородцевъ головные уборы, узоры, орнаменты, украшенія и предметы культа инородцевъ (Прав. Вѣсти)—**96.** Сообщеніе изъ доклада д-ра А. И. Якобія о Канинскомъ полуостровѣ и его обитателяхъ — самоѣдахъ (Волж. Вѣст.).—**8, 9.** Историческій очеркъ колонизаціи Ново-узенскаго края.

Саратовскія Г. В.—68. „Въ гостяхъ у крымскихъ татаръ".—**90.** *А. Ранчуговъ.* Шетневскіе крестьяне, Балашовскаго уѣзда. Очерки быта ихъ.—**97.** Счетъ у дикихъ народовъ.—**1891—8.** *Ѳедоръ Ерохинъ.* „Село Малая Сердоба, Петровскаго у." (Нравы и обычаи села). Характеръ сердобинцевъ. Свадебные обычаи. Покупка невѣстъ, что называется „рядиться изъ кладки". — **9.** Корр. изъ с. Журавки: случай женитьбы молодого бѣднаго парня міромъ.—*Ѳедоръ Ерохинъ.* „Село Малая Сердоба, Петровскаго уѣзда". (Нравы и обычаи села. Оконч.). Положеніе новобрачной. Ея обязанность — одѣвать всю свою семью. Свобода отношеній между полами. Пьянство. Одежда. Неопрятность. Суевѣрія. Хороводная пѣсня „Черничка"; пѣсня дѣвушекъ на посидѣлкахъ, пѣсня о порядкахъ села.—**10** *Ѳедоръ Ерохинъ.* „С. Жуковка, Петровскаго у." Исторія его.—**11.** *Ѳ. Дучинъ.* „Дер. Софьина, Елшанской вол., Саратовскаго у."; жизнь ея обитателей.—Полѣшуки. Нѣсколько чертъ ихъ міра ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній.—**12.** *Крест. П. М. Суховъ.* „Село Жирное, Нижне-Добринской вол., Камышинскаго уѣзда". Исторія и бытъ его обитателей.

Саратовскій Дневникъ.—1890 г. 25-го дек. „Рождественскія колядки" (идеализація крест. быта въ пѣсняхъ). — **43.** Замѣтка о случаѣ продажи родителей въ другое село.

Сибирскій Вѣстникъ. — **111**. Въ 85, 88 и 90 №№ „Сиб. Вѣстн". была напечатана статья помощника прозектора Томскаго Университета С. Чугунова подъ заглавіемъ: „Антропологическій очеркъ остяковъ Сургутскаго края". (См. „Этногр. Обозр.", VI, 210). Антропометр. изслѣдованіямъ, по словамъ г. Чугунова, было подвергнуто 122 особи. Въ наст. 111-мъ № Сургутскій окружн. врачъ *В. Клячкинъ*, по поводу „антропол. изслѣдованій" г. Чугунова, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Г. Чугуновъ пробылъ въ Сургутѣ съ 29 іюня до 23 іюля и все время жилъ въ городѣ, выѣзжая только два раза: на одинъ день на Барсову гору, находящуюся въ 10 вер. ниже Сургута, и на столько-же времени на Свиные борки, въ 15 вер. отъ города. Въ г. Сургутѣ не живетъ ни одного остяка: жители состоятъ изъ бывшихъ казаковъ. На Барсовой горѣ нѣтъ ни одного жилья." На основаніи этого г. Клячкинъ совѣтуетъ не слишкомъ довѣрчиво относиться къ изслѣдованіямъ г. Чугунова.— **114**. *С. Чугуновъ*. Замѣтка на „замѣтку" Сургутскаго окруж. врача В. Клячкина, въ которой авторъ объясняетъ, что онъ производилъ антропометр. изслѣдованія надъ тѣми остяками, которые пріѣзжали въ Сургутъ для сдачи ясака и покупки пороха и хлѣба. — **141**. Корр. изъ укрѣпленія Бахты, Семирѣч. обл., объ экспедиціи Н. Ѳ. Катанова. Экспедиція достигала г. Урумчи, древней столицы Уйгурскихъ хановъ. Собранъ богатый лингвистическій матеріалъ по языку сартскихъ племенъ китайскаго Туркестана, именно: сартовъ Турфана, Логучена, Акъ-су, Кучара, Кашгара, Хотана и Каракаша. Больше всего записано пѣсенъ, воспѣвающихъ гл. обр. войну мусульманъ противъ китайцевъ (1864 г.). Нарѣчія всѣхъ вышеупомянутыхъ городовъ весьма близки другъ къ другу. Наиболѣе характерныхъ особенностей сохранилось въ нарѣчіи хотанскихъ сартовъ. Нарѣчія Турфана, Логучена, Пичана, и Ками заимствовали массу словъ изъ кит. яз. Весь сѣверный склонъ хребтовъ Тянь-шаня и Эренъ-кабырги заселенъ китайскими ссыльными и переселенцами. Далѣе экспедиція намѣрена прослѣдовать до Хами, оттуда чрезъ г. Хобдо въ Усинскія селенія и вернуться затѣмъ въ Минусинскъ. — **147**. *А. Спиринъ*. Корр. изъ Чернаго и Бѣлаго Іюсовъ, Минусин. окр., с конокрадахъ и инородческомъ судѣ надъ ними. — **1891 г.**, **1**. *П. Д.* Туруханскій край (тунгусы, самоѣды, якуты, остяки и долгане). **2**. *Я. П.* Новый годъ и его празднованіе китайцами въ Маймачинѣ.

Сибирскій Листокъ. **1891**.—**12**. *Д. Маминъ-Сибирякъ*. Письма съ Урала (письмо 2-е)—о печальномъ экономическомъ положеніи башкиръ.

Смоленскій Вѣстникъ. **1890**—**78**. *М. М. Веселкинъ*. „Народная былина о Смоленскѣ. Зап. со словъ крестьянъ Олонецк. г." (Ср. „Земскій Соборъ при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ" у Рыбникова. II, 236—8; III, 267—271).—**117**. *Щ.* пишетъ изъ Рославльскаго у. о пчеловодномъ промыслѣ у мѣстныхъ крестьянъ. Благовѣщеніе особенно почитается пчеловодами. Просфора, освященная въ этотъ день, хранится круглый годъ на пчельникѣ. — **119**. Изъ Сычевск. уѣз. о мѣстныхъ кликушахъ (особенно много ихъ въ Гривск. вол.). — **119**. Нѣкто „Знакомый" сообщаетъ изъ Жиздринск. у. (Кал. г.) краткія свѣдѣнія о болѣе развитыхъ видахъ промысловъ среди мѣстн. крестьянъ (плотники, шерстобиты, дубильщики, каменьщики, мочальный промыселъ, трепанье пеньки).—**122**. О сновидѣніяхъ, — физіологич. объясненія сновъ. (Газ. Гатцука)—**131**. Перечень поступленій въ смол. ист.-археологич. музей за октябрь.— **133**. Между старожилами смолянами есть преданіе, что смоляне рано ли поздно ли должны покинуть свой городъ „отъ судей неправедныхъ". При этомъ они ссылаются на рѣдкую книгу Петра Могилы, хранящуюся, по ихъ словамъ, въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, а какъ на признаки приближенія этого злого рока, указываютъ на возрастающія притѣсненія со стороны евреевъ; наконецъ говорятъ,будто бы о. Іоаннъ Кронштадтскій наложилъ на смолянъ „черный крестъ"—знакъ несчастія.—*Г. А. Т.* Убійство (изъ судеб. хрон. Витеб. Окр. Суда). Интересны типы, выставленные здѣсь въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, и нѣкоторые эпизоды самой драмы (напр., отравленіе

на свадьбѣ).—*Отъ музея.* Въ музей среди многихъ пожертвованій поступили между прочимъ старыя книги: „Знаменія пришествія антихристова“, соч. Стеф. Яворскаго; рукопись: „О бѣломъ клобукѣ“, съ присоединеніемъ статьи: „о брадобритіи въ церковномъ клирѣ“. — **140.** *С. Я.* Забытый уголъ. Мѣстность, называемая Рущиною или иногда—„Польщей“. Характеръ мѣстности и ея населенія, состоящаго изъ зажиточныхъ крестьянъ, людей довольно честныхъ, но крайне грязныхъ и невѣжественныхъ. Упоминается здѣсь и о пребываніи въ этой мѣстности осѣдлыхъ цыганъ, имѣющихъ не малое вліяніе на рущинцевъ. -- **143.** *С. Г.* Корреспонденція изъ Гжатска содержитъ сообщеніе о слѣпцѣ-миссіонерѣ и бесѣдахъ его съ раскольниками.—**144, 145.** *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя. (Ноября 25-го, 27-го и 28-го). Дневникъ представляетъ изъ себя небольшіе очерки современной деревенской жизни, (см. также 1891 г., № 10). — **145.** Картёжничество среди крестьянъ Порѣчскаго уѣз.: три листика (бончукъ) съ подходцемъ и стуколка.—**149.** *К. Ровинскій.* Письмо въ редакцію, въ которомъ авторъ, услышавъ, что въ Смоленскѣ организуется археологическое общество, предлагаетъ расширить программу, внеся въ нее этнографію и естествовѣдѣніе, и такимъ образомъ организовать „Общество изслѣдователей Смоленскаго края“, по примѣру Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. —

1891.—5. *А. А—вичъ.* Въ корресп. изъ Рославля авторъ между прочимъ касается святочныхъ обычаевъ рославльскаго мѣщанскаго населенія.—„Смѣсь:“ Баба-богатырь („Рижск. Вѣстн.“)—**9.** Корреспонденція изъ Ельни. „Лѣшій“ снимаетъ обувь съ лѣвой ноги у пьянаго мужика и обматываетъ ему около шеи. — **11.** *А. А—вичъ.* Климовичскій уѣздъ Мог. губ. Упоминается о „лирахъ“, на которыхъ играютъ музыканты. — **12,** Въ корреспонденціи изъ Вязьмы (въ концѣ) упоминается о знахаряхъ и между прочимъ о какомъ-то травникѣ временъ Іоанна Златоуста (?).—**18.** Въ Смол. музей между прочими пожертвованіями поступило много стар. рукописей: 1) „Книга старчества“, рук. XVII в. (аскет. содержанія); 2) „Книга глаголемая космографія“ съ присоединеніемъ нѣкот. статей, напр., „о царѣ Сулѣ“ и о томъ, какъ Христосъ былъ воспріемникомъ одного младенца, рук. XVII в.; 3) Списокъ святынь и монастырей по разнымъ городамъ и областямъ русскимъ, послѣ эпохи смутнаго времени (годъ смерти каждаго святого); 4) Повѣсть о Вавилонѣ и шапкѣ Мономаха; 5) нѣсколько рукописей изъ раскольничьей литературы; 6) „Писцовая книга г. Вязьмы“, рукоп. 1630 г., и нѣкот. др.— *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя (см. также № 10 и 22).—**24.** Корр. изъ Рославля (въ концѣ) трактуетъ о знахаряхъ и знахаркахъ. Названы имена и мѣстожительство важнѣйшихъ изъ нихъ.

Ставропольскія Еп. В.—1890.—17. Изъ путешествія по Кавказу. Сообщеніе о развалинахъ большого города, находящихся на правомъ берегу р. Большой Зеленчукъ, на гребнѣ ската Кавказскаго хребта (Моск. Церк. Вѣд.).—*С Ш.* Станица Рязанская (Корресп.). Сообщенія объ отношеніи русскаго населенія къ черкесскому.

Сѣверный Кавказъ. — 139. Станица Червленая (Тер. обл.). Въ этой замѣткѣ неизвѣстный авторъ сообщаетъ любопытная свѣдѣнія о русскихъ переселенцахъ.—**157.** Народное образованіе на сѣв. Кавказѣ.

Тамбовскія Г. В. 1890.—107.—110, 113. Село Кистенево, Шацкаго у. (корреспон.). Нѣсколько данныхъ о населеніи и его языкѣ. Занятія населенія. Религіозные обряды. Обряды при поминовеніи усопшихъ. Обычай раздавать ржаныя просфоры и кусочки блиновъ въ день Благовѣщенія. Обряды, сопровождающіе смерть чью-либо и погребеніе усопшихъ. Обычай ставить свѣчи фитилемъ внизъ на гробѣ пьяницъ и подавать за нихъ просфоры, какъ за умершихъ. Обычаи, пріуроченные къ праздникамъ Ивана Купала (провожаніе русалокъ), Петрова дня (встрѣча солнышка), Семинъ день и ночь, Овсень кликать, обычай „опахиванія села“, костры и ямы по случаю заразы. Съ тридцатыхъ годовъ обычай „опахиванія села“ не повторялся. Портняжество, какъ отхожій промыселъ, и вліяніе его на нравственность портныхъ,

семейную жизнь и общественныя дѣла. Насиліе портныхъ въ сходахъ. — **113.** *П. Падучевъ.* Свадебные обычаи и обряды въ Козловскомъ уѣздѣ. — **115, 116.** *И. Ст—кій.* Суевѣрія и предразсудки простого народа въ отношеніи свѣтилъ небесныхъ. — Село Татаново, Тамбовскаго у. Нѣсколько данныхъ о занятіяхъ его населенія. Исторія его заселенія. при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ.—**121--4.** *К. И. Удовиченко.* Счисленіе времени у древнихъ и новыхъ народовъ.—**131—2.** „Рождество Христово у Русскаго народа"; южнорусскія колядки и ихъ характеръ.—**133.** Село Татаново, Тамбовскаго уѣзда; его исторія.

Тамбовскія Еп. В. 1890.—18. *Свящ. Павелъ Богословскій.* Село Дранкино, Спасскаго у., Тамбовской губ." Населеніе—мордва. Нѣкоторыя данныя объ его племенномъ составѣ, характерѣ, языкѣ, умственномъ развитіи, объ одеждѣ и украшеніяхъ, о семейномъ я общественномъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ, и о религіи.

Тобольскія Г. В.—40—42, 50. *Е. Кузнецовъ.* Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. — **1891 г. — 3.** *К. Г.* Библіогр. зам. о брошюрѣ: „Археологическій отдѣлъ Тобольскаго губернскаго музея", составленной хранителемъ его Н. А. Лыткинымъ.—**6.** *К. Г.* Библ. зам. о „Календарѣ Тобольской губ. на 1891 г" (въ статьѣ: „Въ странѣ кедра и соболя" сообщаются интересныя свѣдѣнія о малоизслѣдованномъ Пелымскомъ краѣ).

Томскія Еп. В.—16 21 Природа и населеніе Алтая. Описавъ физическій типъ алтайскихъ инородцевъ, а именно: 1) алт. калмыковъ, 2) чуйскихъ калмыковъ или теленгитовъ, 3) телесовъ, 4) телеутовъ, 5) кумандинцевъ и 6) черневыхъ татаръ, ихъ одежду, жилища, образъ жизни, и пр. занятія и пр.,—авторъ особенно подробно останавливается на религіозныхъ воззрѣніяхъ алтайцевъ и камланьи ихъ шамановъ, или камовъ. Сообщены также слѣд. миѳы алтайскихъ инородцевъ: 1) о сотвореніи міра, 2) о созданіи людей (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси"), 3) о проклятіи Эрлика и грѣхопаденіи людей, 4) о происхожденіи смерти на землѣ и 5) о кончинѣ вѣка. Свадебные обряды алтайцевъ.—**1891 г. - 1.** *И. И.* Алтайскій миссіонеръ, прот. В. И. Вербицкій (некрологъ)—**3.** Природа и населеніе Алтая (продолж.).

Тульскія Еп. В.—1890 г.—17. Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губ. Интересныя данныя о молельняхъ и молитвенныхъ собраніяхъ этихъ сектантовъ. — **18.** *Свящ. I. Покровскій.* Суевѣрный обычай въ Веневскомъ уѣздѣ. Сообщается объ обычаѣ, сохранившемся у крестьянъ, живущихъ около Серебряныхъ Прудовъ,—прыгать черезъ огонь подъ праздникъ Преполовенія Господня. — **20.** *Прот. Г. Пановъ.* „Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губерніи." (Окончаніе).—Дополненія къ статьѣ помѣщенной въ № 18. Т. Е. В. за 90 г. объ обычаѣ прыгать черезъ огонь вечеромъ, подъ праздникъ преполовенія, „чтобы коровка получше принесла теленочка и чтобы прочая скотинка была сыта," и борьба съ нимъ духовенства. *Свящ. Іоанна Покровскаго.*—**21.** „Скорбященская церковь въ с. Рождественѣ, Богородицкаго у." Въ главѣ „Библіотека и архивъ" приведено 4 четверостишія, написанныхъ на образахъ: Спасителя, Іоанна Златоуста, Василія Вел. и Григорія Двоеслова.—**23.** *Прот. Г. Пановъ.* „Различные взгляды на безпоповщинскіе браки." Приведены взгляды Поморцевъ и Ѳедосѣевцевъ.

Туркестанскія Вѣд 44, 45, 47 — 52. *А. Каріополовъ.* Изъ Адена въ Африку (путев. замѣтки).—**1891 г., 1.** *А. Шишовъ.* Смертность и причины смертности жителей г. Казалинска.—**2.** *Н. С. Лыкошинъ.* Два факта (самопожертвованіе и нравственность сартовъ).—Экспедиція Литльделя въ Кашмиръ (изъ „Pionner-Mail").—**5.** *С. Б.* Поземельно-податной вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ.—Результаты экспедиціи братьевъ Грумъ—Гржимайло.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—2. *Н. Г. М—въ.* Библіогр. замѣтка о „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ", Спб., 1890 г.

Уфимскія Г. В.—1890.—38. *Д-ръ Никольскій.* „Изъ поѣздокъ по Башкиріи". Встрѣчается описаніе Башкирскаго „коша" (жилища) и башкирской деревни Сырекульмяковой. Разведеніе картофеля.—**41.** *М. Колесниковъ.* „Этно-

графическіе очерки русскаго населенія Уфимской г., въ его народномъ быту, обрядахъ, обычаяхъ и проч." (Продолженіе). Народныя повѣрія суевѣрія и предразсудки: — заговоръ на недруга и на любовь красной дѣвицы.—42. *М. Колесниковъ*. — То-же. (Продолженіе). Заговоръ на пчелъ и заговоръ отъ падежа скота. — 43. *М. Колесниковъ*. То-же. „Народные сказы и легенды". Приведено нѣсколько небольшихъ легендъ. — 47. *М. Колесниковъ*. Тоже. Народныя повѣрія и примѣты.—51. *Петръ Добротворскій*. Поѣздка на Сѣверный Кавказъ.

Харьковскія Г. В.—244. *С. Р.* „Новѣйшія работы въ области мѣстной этнографіи". Перечисленіе журналовъ, помѣщающихъ статьи по этнографіи. Задача этнографіи. — **251. 253.** Многоженство въ Китаѣ. — **257, 259.** Мецара (восточная легенда). — **301.** *А. Исаевъ*. Наблюденія надъ переселенцами въ Сибири (Сибирь).—Идеалъ воспитанія у калмыковъ.—**311 и 314.** *Захеръ Мазохъ*. Женщины—Славянки. I Мелица. Характеръ страны Черногоріи. Характеръ отношеній супруговъ—черногорцевъ. 3 черногорскія пѣсни.—**327.** Сообщеніе о древней церкви (возобновленной), находящейся въ пещерномъ городкѣ Топе-Керменъ въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая; надъ усыпальницею ея, древне-греческая надпись.—**337.** *К. Лейко*. Воспоминанія о Литвѣ. Праздникъ Рождества Христова у Литовцевъ. Приготовленія къ празднику. Першая коляда (Сочельникъ). Описаніе вечери (ужина). „Игрища" (посидѣлки). Ихъ устройство.—**1891.—3.** Рец. на кн. Шульгина „Очеркъ Коліивщины".—**4.** Новохоперскій уѣздъ (корресп.) Сообщеніе о появленіи новой секты „аветуевъ".

Церковныя Вѣд.—1890.—19. *Ѳ. Истоминъ*. О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края.

Церковный Вѣстникъ. 1890.—18. *К. Поповъ*. Изъ раскольническаго быта: смерть, похороны и поминки именитаго раскольника въ Саратовѣ. — **21.** Языческія вѣрованія и обряды подъ Москвою, въ с. Крылатскомъ (опахиваніе села дѣвками во время эпидемій). — Чѣмъ намѣренъ бороться комитетъ грамотности съ народнымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. — **24.** Инородческое демонослуженіе (изъ „Записокъ Зап. Спб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ.", кн. IV, стр. 53 и „Томскихъ Еп. В." 1890 г., № 9).—**26.** Къ вопросу о православной миссіи среди инородцевъ.

Черниговскія Г. В. 1890.—74. Помѣщена корреспонденція изъ Спалы, сообщающая интересныя историческія данныя о Волыни и ея городахъ.—**86.** Отчетъ о докладѣ М. М. Плохинскаго „о бобровникахъ въ Малороссіи". — **91.** Замѣтка объ этнографической выставкѣ Средней Африки въ г. Варшавѣ (Варш. Дн.)

Эстляндскія Г. В. 1890.—35--43. Продолженіе. и окончаніе интереснаго и обширнаго сборника эстонскихъ легендъ и преданій подъ заглавіемъ „Былины изъ Гапсаля и его уѣзда и съ острововъ Эзеля и Руно" №№ 123—192. Въ числѣ легендъ много рисующихъ вѣрованія и суевѣрія жителей, ихъ космогоническія представленія и т. п. Съ точки зрѣнія исторической этнографіи интересны статьи „Г. Нарва" (историческій очеркъ), „Борьба Германцевъ и Датчанъ за Эстляндію" и обширный сборникъ грамотъ, имѣющихъ значеніе для исторіи края.

Южанинъ —1890. 149. Въ отдѣлѣ: „Наша Печать" перепечатана замѣтка Кіев. Сл. о статьѣ Сумцова: „Женитьба свѣчки". По изслѣдованіямъ Сумцова обычай „женить свѣчку" есть общеарійскій. Въ замѣткѣ описывается, какъ празднуютъ „женитьбу свѣчки" кіевскіе торговцы и въ Лубенскомъ уѣздѣ.— **171.** Перепечатанъ приведенный въ Елизав. Вѣд. изъ 1-й книги Этнографическаго Обозрѣнія отрывокъ объ общинѣ черничекъ въ Харьковск. губ.— **181.** Перепечатана статья Москов. Вѣд. по поводу книги Вахтина: „Русскіе труженики моря". Между замѣтками объ открытіи Берингова пролива есть замѣтка Беринга о нѣкоторыхъ обычаяхъ народовъ Камчатки. Такъ Берингъ говоритъ, что у этихъ народовъ существуетъ обычай убивать одного изъ родившейся двойни, будь то человѣкъ или животное—безразлично. Что касается больныхъ, то у этихъ народовъ существуетъ обыкновеніе уводить

ихъ въ лѣсъ и оставлять имъ пищу тамъ только на недѣлю. Тѣла покойниковъ отдаются на съѣденіе собакамъ, а „коряцкій народъ мертвыхъ сожигаетъ".—**195**. Въ томъ же отдѣлѣ перепечатано сообщеніе Нов. Дня о серебряномъ мамонтѣ, которому, какъ сообщаетъ Лебедзинскій, поклоняются остяки, живущіе на бер. р. Лепсіи, притокѣ Сосьвы.—**197**. Въ кор. изъ Макарьевскаго у. сообщается о существующемъ у мѣстныхъ жителей суевѣріи, что клоповъ можно вывести только тогда, если удастся нѣсколько этихъ насѣкомыхъ положить въ гробъ къ покойнику и зарыть ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Южный Край.—**3358**. Сообщена басня, слышанная Эминомъ-Пашой въ Тунгуру, близъ озера Альбертъ-Ніанцы, о состязаніи въ бѣгѣ зайца съ землей (Иллюстр. Газ.).—**3361**. Описанъ обычай, существующій въ м. Гершау, на озерѣ Четырехъ Кантоновъ,—совершать торжественное богослуженіе для нищихъ, бродягъ и мошенниковъ въ первое воскресенье послѣ Вознесенія.—**3392**. Сообщеніе о мольбищѣ черемисовъ съ принесеніемъ въ жертву лошади. (Волж. Вѣст.). **3394**. *N*. Отъ Одессы до Сахалина (Путевые наброски). О. Цейлонъ. Европейцы и туземцы. Жизнь и нравы европейцевъ. Индусы: ихъ одежда; попрошайничество. — **3402**. *Проф. Д. И. Багалѣй*. Докладъ въ историко-филологич. Обществѣ „объ устройствѣ городовъ лѣвобережной Украйны, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ". — **3425**. *N. N*. Отъ Одессы до Сахалина. (Путевые наброски). Сингапуръ. Гонъ-Конгъ. Путь отъ Гонъ-Конга до Владивостока.—**3429**. Способы привѣтствій у племени юрубовъ и у другихъ племенъ Зап. Африки.—**3431**. Симферополь (корресп.). Какъ проводятъ сочельникъ подъ Рождество Христово малороссы, греки и бѣлоруссы.

Ярославскія Г. В.--**1890 г.**—**68, 77, 85**. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитревскаго прихода Пошехонск. у. Яросл. г. — **95**. *С. Я. Деруновъ*. 1) Приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ. 2) Сказки и легенды.

Примѣч. Нѣкоторыя редакціи не соблаговолили выслать въ текущемъ году свои изданія въ редакцію „Этнографич. Обозрѣнія" и тѣмъ лишили ее возможности давать полный обзоръ текущей литературы по этнографіи. Не получаются редакціей слѣдующія газеты: *Архангельскія Губ. Вѣд.*, *Владивостокъ*, *Владимірскія Губ. В.*, *Волжскій Вѣстникъ*, *Донская Рѣчь*, *Дѣловой Корреспондентъ*, *Енисейскія Епарх. Вѣд.* (Красноярскъ), *Иркутскія Еп. Вѣд.*, *Каспій*, *Kraj*, *Крымскій Вѣстн.*, *Курскій Листокъ*, *Düna Zeitung*, *Mitausche Zeitung*, *Могилевскія Г. В.*, *Окраина* (Самаркандъ), *Орловскія Г. В.*, *Подольскія Епарх. В.*, *Сибирскій Вѣстн.* (Томскъ), *Сибирскій Листокъ* (Тобольскъ), *Симбирскія Г. В.*, *Сѣверный Кавказъ*, *Тамбовскія Г. В.*, *Тамбовскія Еп. В.*, *Тифлисскій Листокъ*, *Тобольскія Еп. В.*, *Туркестанская Туземная Газ.* (Ташкентъ), *Харьковскія Г. В.*, *Южанинъ*, *Южный край*, *Якутскія Еп. В.* Если нѣкоторыя изъ перечисленныхъ изданій и просматриваются нами (случайно, непослѣдовательно), то только благодаря любезности частныхъ лицъ, которыя ихъ получаютъ. *Ред.*

4. Латышская библіографія.

1) **Austrums** (Востокъ)—ежемѣсячный журналъ, издаваемый г. *Я. Вельмомъ.* 1890. (6-й годъ).—**3—4**. *Р. Берзинь* составилъ стихи о Deews (Богъ) и „вельнѣ" (чертъ) на основаніи извѣстныхъ народныхъ сказаній и легендъ.— Въ № 3 сообщены переводы трехъ литовскихъ дайнъ (пѣсенъ) на латышскій языкъ.—**5**. *Павелъ Юрянъ*: Ивановская пѣсня съ нотами.—**7**. Воззваніе Латышскаго Общества въ Митавѣ, о собираніи діалектологическихъ текстовъ на латышскомъ языкѣ.

Этимъ обществомъ недавно изданъ новый сборникъ латышскихъ „длинныхъ" пѣсенъ. Jelgawas Latweešu Beedribas Rakstneecibas Nodalá Rakstu krajums. I. Tautas dzeesmu wirknes (168 длинныхъ пѣсенъ). Митава. 1890. 72 стр.

2) **Balss** (Голосъ) 1890 г. **1—5** О латышской народной поэзіи.—**9.10**. *П. Клявинь*. О положеніи и обстановкѣ балтійскихъ переселенцевъ Латышей въ Витебской губерніи.—**18** *Таливалодь*. О томъ, какъ съ большимъ успѣхомъ можно собирать матеріалы латышскаго народнаго творчества (пѣсни, сказки, поговорки и т. д.).—**24** *К. Гроудинь* о значеніи латышской народной поэзіи для изученія древнихъ обычаевъ.

3) **Baltijas Westnesis** (Балтійскій Вѣстникъ). 1890 г.—**10**. Легенда о происхожденіи Дурбенскаго озера (Курлянд. губ.), вслѣдствіе гнѣва боговъ на людей.—Легенда о рыбакѣ, вытащившемъ изъ Дурбенскаго озера женщину, которая указала ему за свое освобожденіе мѣсто, гдѣ находилось много денегъ.—**16**. Легенда о колоколѣ, назначенномъ для Дурбенской церкви, который на пути туда утонулъ въ Дурбенскомъ озерѣ. Долгое время онъ мѣшалъ дѣйствіямъ рыбаковъ.—**55**. Легенды изъ Юмурдской волости: I. Объ утонувшемъ въ Юмурдскомъ озерѣ кладбищномъ колоколѣ. II. О близнецахъ, убитыхъ ихъ матерью. III. О кладѣ, зарытомъ на полѣ усадьбы „Ерини". IV. О бочкѣ, полной золотыхъ монетъ, находящейся въ какомъ-то источникѣ. V. О младенцѣ, голосъ котораго слышенъ лѣтомъ около полудня, недалеко отъ болота.—**78**. О способѣ приготовленія пива и меда въ Лифляндіи 250 лѣтъ тому назадъ. (Переводъ съ нѣмецкаго языка).—**95**. Легенда о бывшемъ жилищѣ чорта, находящемся будто-бы въ горѣ въ Инчкаинской волости.—Легенда о деньгахъ, показывающихся проходящимъ въ видѣ бѣлой женщины.—**106**. Легенды: I. Объ усопшихъ, нападающихъ на проѣзжающаго около кладбища. II. О камнѣ съ крестомъ.—**128**. О латышскомъ музеѣ.—Легенда о колоколѣ, вытащенномъ изъ озера, но опять утонувшемъ.

4) **Deenas Lapa** (Ежедневный листокъ) 1890 г.—**4**. Въ статьѣ: „Zińu akmens" разсказывается о какомъ-то камнѣ, находящемся при впаденіи рѣчки Ведзе въ р. Огре (Лифляндской губ.), который весь покрытъ разными знаками, похожими на еврейскія буквы и іероглифы, по которымъ гадатели „kaukeni" предсказывали будущее.—**33** и **67**. Латышская литература. Краткій очеркъ ея, цѣли и задачи.—**40**. „Welns nu gana zens",—Чортъ и пастушокъ,—сказка записанная г. *Перконсъ* въ волости Брукне въ 1890.—**111**. „Латышская народная медицина". Авторъ доказываетъ необходимость собиранія матеріаловъ по этому предмету и даетъ нѣ-

которые примѣры.—115 и 116. Латыши въ Южной Россіи. Краткій очеркъ исторіи тамошнихъ латышскихъ колоній, существующихъ съ 50-хъ годовъ.—

5) **Majas Vesis.** „Домашній Гость“ (еженедѣльная газета) 1890 г.—2. „Dimanta zeme“—Алмазная земля (сказка). Запис. *Янъ Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ Лифл. губ.—4. „Naudas purmale“ —Край болота съ деньгами (преданіе). Запис. *Ліасма*—5. „Kà zagata meestinu darijuse nu kas pee tam noticis“ — Какъ сорока наварила пива и что при томъ случилось,—преданіе изъ прихода Мазъ-Салаце.—8. „Nelaimigais melders“—Несчастный мельникъ (преданіе). Запис. *Я. Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ.—11. „Seetina ceza“ — Сіатыневъ оврагъ. Описаніе мѣстности и сказки о ней.—14. „Par peegulâ jasanu“. Описаніе стариннаго Латыш. обычая, существовавшаго еще лѣтъ 30 тому назадъ. Опис. Ванага, изъ волости Крапе, прихода Гулбенэ.—15. „Naves-eka“ Въ преданіи этомъ отражается вѣра Латышей въ бога Перкона, оружіемъ котораго является громъ и молнія —17. 1) „Naudas zavesana“ (пред.) Запис. *Ценсайшсъ*. 2) Vilku ceis, nogalinatais ciganeetes berns nu sgruvusi pils (преданіе).—*д*—. Преданія о холмикѣ, находящемся въ волости Лунъ Піабалга въ близи Яковлевой школы.—22. Teika par bruńneeku“. Сказка о рыцарѣ, изъ Балтійскаго приморья близъ Дуббельна; разсказывается о зарытыхъ деньгахъ.—23. „Mantu pagrabs“. Преданіе объ углубленіи, находящемся на правомъ берегу рѣки Гауя, въ волости Кроня Бріажумуйжа. Запис. *Ліасма*.—26. „Par raganam“. О вѣдьмахъ. Запис. *Ванагсъ*. Описанъ способъ приготовленія снадобья „raganu svecsts“, которымъ пользуются вѣдьмы, а также, какимъ образомъ можно предохранить себя отъ вѣдьмъ.

6) **Latveetis** (Латышъ) 1890 г., Еженедѣльная газета, редакторъ-издатель К. Укстынь въ Либавѣ.—14. Народныя загадки (7).

7) **Latveesu Avizes** (Новости Латышей), еженедѣльная газ. изд. въ Митавѣ. 1890 г. 2.—5. „Vecu laiku atmińas“. Воспоминанія о старыхъ временахъ. Написалъ *Тыцанъ*. (О суевѣріяхъ латышей, народныя пѣсни о крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, сказка о помѣстьѣ Спиргусъ).—7. Народныя пѣсни (3).—8. Pestelneeku jeb puŝl taju vardi (4). — 9. Сказка. Записалъ *Піазаритысъ* въ Тельшевскомъ уѣз. — 10. Разговоръ латыша изъ прихода Цесвайнэ съ латышемъ изъ пр. Гулбенэ (на мѣстн. нарѣчіи).—11. Преданіе объ озерѣ въ волости Бриньти Записалъ *И. Клявинь*.—15. Воспоминанія о старыхъ временахъ.—*исъ*.—17. Въ какомъ смыслѣ употреблять разные земледѣльческіе termini tecchici.

8) **Tevija** (Отечество) 1890 г., еженедѣльная газ.—2. Средство противъ кашля *П. Аллунана* (изъ народной медицины).—8. О литовскихъ дайнахъ (Библіографія, особенности въ музыкѣ, текстѣ и содержаніи; сравненіе ихъ съ латышскими нар. пѣснями).—10. Кое-что о латышскомъ сватовствѣ (по народнымъ пѣснямъ).—24. О латышскихъ прозвищахъ.

9) **Календарь Балтійскихъ моряковъ** (Baltijas Juhrneeka kalendar). Издает. *А. Бандревичемъ*, третій годъ. За 1891 годъ на стр. 107—118 помѣщена статья *Р. Лейасозола*: „Lihbeešu teikas un mahni“. Ливскія сказанія и повѣрія, собранныя на Домдангенъ-Ирбескомъ взморьѣ.

Примѣч. Замѣтки подъ №№ 1, 2 и 9 составлены мною; подъ № 3 — студ. Спб. университ. г. *Бреденфельдтомъ*; подъ №№ 4, 5, 6, 7 и 8 — студ. Спб. универс. г. *Г. Ансбергомъ*.

Э. Вольтеръ

5. Указатель этнографическихъ статей, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія *).

Сост. А. А. Ивановскій.

Азіатскій Вѣстникъ,

содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части Наукъ, Искусствъ и Словесности странъ Восточныхъ, равно Путешествія по симъ странамъ и разныя новѣйшія свѣдѣнія; издаваемый Григоріемъ Спасскимъ. С.-Петербургъ. Въ тип. Медиц. Департ. Мин. Внутр. Дѣлъ.

1825 г. I, II. Краткое описаніе Тибета (изъ англ. соч.: „A new and complete system of universal Geography.“ By C. Kelly. 1814—1819, in 4°): положеніе, пространство и границы; части (Верх., Сред. и Нижній); климатъ, почва и произведенія; рѣки, озера, горы, лѣса, животныя, минераллы; достопримѣчательные предметы въ природѣ; города, и пр.; правленіе; вѣра; издѣлія и торговля; языкъ и словесность; обычаи, нравы и пр.; исторія. **I—IV.** Странствованіе Габайдулла Амирова по Азіи (составлено изъ записокъ и его словесныхъ разсказовъ): пребываніе въ Бухаріи, Персіи и Кабульскомъ владѣніи; описаніе городовъ: Мерва, Герата, Кандагара, Гандабата, Калата и Шакарпура; жители сихъ владѣній и городовъ: Персіяне, Трухменцы, Аймакцы, Авганцы, Насырханы, Синдцы, Блюджцы; описаніе городовъ: Сакара, Люгара, Хайдаръ-абата, Чесельмира, Пукира, Джютпура, Марета, Джейнегара, Шаги-Джиганъ-абата, Акберъ-абата и окрестностей оныхъ; жители сихъ мѣстъ: Индѣйцы, Маретинцы (Маратты), Музульмане; торговля и промышленность; древности и достопамятности; описаніе городовъ: Тачьгенча, Лакнаура, Бенариса, Азымъ-абата, Максуръ-абата, Калькатты, Даки; достопамятности оныхъ; произведенія природы и искуствъ; пребываніе въ разныхъ Индѣйскихъ городахъ; достопамятности оныхъ; жители: Джуги, Байряки, Сарнасы, Гуссайхиды, Могольцы, Имири (Емиры), злые Секцы, Распуты (Занганіеры), Пенжабцы; торговля; замѣчаніе о браминахъ (Берегменахъ).—**I, II, IV—VI.** Новѣйшее описаніе Великой Бухаріи: географич. и историч. введеніе; естественное состояніе Бухаріи: горы, озера и рѣки; города, крѣпости и селенія въ Бухаріи; раздѣленіе земель; произведенія, доходы; жители Бухаріи: Узбеки, Туркменцы и Таджики; ихъ промышленность и торговля; вѣсъ, мѣра, монета; чины и должности въ Бухаріи.—**I, IV, IX, XII.** Восточная библіографія: 1) Supplement à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. par M. Ios.

*) Въ предыдущихъ кн. „Этногр. Обозр.“ помѣщенъ подобный указатель къ слѣд. сибирскимъ изданіямъ: „Восточн. Обозрѣніе“ (кн. V), „Сибирь“ (кн. VI), „Сибирскій Вѣстн“. п „Сиб. Газета“ (кн. VII). Съ 1889 г. обзоръ сибирскихъ изданій помѣщается въ отдѣлѣ текущей газетной и журнальной библіографіи „Этногр. Обозрѣнія“ (см. кн. II и сл.).

Senkowski (Прибавленіе къ общей Исторіи Гунновъ, Турокъ и Моголовъ, содержащее въ себѣ сокращеніе Исторіи владичества Узбековъ въ Великой Бухаріи, со времени водворенія ихъ въ сей странѣ до 1709 г. и продолженіе Исторіи Харезма со времени кончины Абул-гази-Хана до той же эпохи. Соч. Іосифа Сенковскаго, Орд. Проф. Вост. языковъ и Словесности при Имп. С.-Петербургскомъ Универс. и проч. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, in 4°; Франц. 134 и Персид. текста 25 стр.).—2) Inscriptiones Sibiricae: De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus, in Sibiria repertis; scripsit Gr. Spassky. Petropoli, 1822, in 4 oblong. [статья Абель-Ремюза (Abel-Rémusat), помѣщ. въ октябр. кн. 1822 г. Journal des Savants" и напечат. здѣсь съ примѣчаніями Издателя].—3) Histoire de Mongols etc... (Исторія о Монголахъ отъ Чингисъ-хана до Тимурлана, съ картою XIII вѣка. Т. I въ 2 частяхъ. XLVI и 727 стр. въ 8 д. л., въ Парижѣ, 1824).—4) Ibn-Foszlan's Berichte etc... Von C. M. Frähn (Повѣствованіе Ибнъ-Фослана и другихъ Арабскихъ писателей о древнихъ Руссахъ и проч... г. Френа Спб., 1823, въ 4 д. л.).—II. Взглядъ на Бирманское Королевство (изъ Берл. Вѣдом. Гаудія).—III. Разсмотрѣніе Историковъ Азіятскихъ (изъ кн.: „Mémoires relatifs à l'Asie par Klaproth." Paris, 1824).—IV. О нынѣшнемъ состояніи владѣній Сейковъ.—V. Извѣстіе о Моисеѣ Хоренскомъ, Арменскомъ Историкѣ.—Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Грузію, Карла Густафа Рейнгардта, лѣкаря 1-го класса, сообщеннаго имъ въ письмѣ къ пріятелю, живущему въ Вильнѣ (напеч. въ „Виленск. Денникѣ," 1824 г., № 2).—О изображеніяхъ Китайскихъ письменъ и любопытныхъ изданіяхъ Барона Шиллинга.—VI. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Іерусалимѣ и живущихъ тамъ армянахъ (изъ путешествія Ричардсона).—VIII, X, XI. О Бирманскомъ Государствѣ.—IX. Объ Азіятскихъ памятникахъ, найденныхъ въ Сѣвер. Америкѣ.—X. Географическая Записка о Неджедѣ или Средней Аравіи (съ картою), Члена Франц. Института г. Жомара (изъ „Nouvel. An. des Voyages." T. XXI, p. 396).—XI. Отрывокъ изъ Путешествія на Гималайскій хребетъ.—О двухъ древнихъ монгольскихъ грамотахъ (грамоты Монголо-Персидскихъ Хановъ Аргуна и Ельдшайту къ Франц. Корол. Филиппу Пригожему).—XII. Выписка изъ Монгольской Исторіи, сочиненной Сыцынъ-Сананнъ Тайджею: дѣтскій возрастъ Тимуджина или Чингисъ-Хана

1826 г.—I. Путешествіе по Непальскимъ горамъ въ 1817 году (перев. съ франц. изъ жур. „Nouvelles des Voyages," а въ ономъ съ англ. изъ „Annual Register de Calcutta").—I—III. О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года (о крестѣ, найденномъ въ предмѣстьи г. Сиганфу, или Си-ань-фу). I, III—V. О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи: Хива, Сарсабъ, Гиссаръ, Ходжантъ, Балкъ, Кокантъ, Бухарія, Кабулъ, Гульмъ, Кашемиръ.—Восточная библіографія: 1) Собраніе Путешествій къ татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ: I. Плано-Карпини; II. Асцелинъ. Спб., въ тип. Департ. Нар. Просв., 1825 г., XVI и 306 стр. въ 4 д. л.—2) Voyage de B. Bergmann au pays des Kalmouks (Путешествіе Бергмана къ Калмыкамъ); перев. съ нѣмец. Г. Морисъ, Членъ Париж. Азіат. Общ.; напеч. въ Шатильонѣ, что́ на Сенѣ, 1825, въ 8 д. л.—3) Извѣстіе объ изданіи подлинника Исторіи Монголовъ и Татаръ Абулгаза-Багадуръ-Хана.—II. Нѣчто о кодоттомовой ткани, употребляемой въ Индіи для письма.—Замѣчанія на статью, напеч. въ 21 и 22 кн. „Москов. Телеграфа" на 1825 г., подъ назв: „Статистико-финансовая картина Сибири въ 1698—1700 годахъ."—II, III. Путешествіе В. Франклина по Раджмогальскимъ горамъ въ Дек. 1820 г. и Янв. 1821 г. (изъ „Nouvel. An. des Voyages," T. XXI. p. 178).—III. Развалины Шадіабада въ Мальвѣ (въ Индостанѣ) и водяной дворецъ въ Уджейнѣ —III—V. Арабскія пословицы.—IV. Краткое описаніе Кит. городовъ Нанкина и Макао, принадлежащаго Португальцамъ (изъ кн.: Kelly „New System of Universal Geography").—IV—VI. О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ.—V. Исторія сношеній иностранныхъ народовъ съ Китаемъ.—V, VI, IX—XII. Разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій Юлія Клапрота объ азіятской Исторіи (изъ „Heidelberger Iahrbücher der Litteratur" 1825, oct.).—VI. О предпринятомъ г. Клапротомъ изданіи „Азіятскаго Магазина."—VI—VII. Путешетвіе на Востокъ

г. **Рихтера** въ 1815 и 1816 гг. (изъ „Nouvel An. d. V.,“ 1824, T XXI.—**VII, VIII.** Древнія надписи, существующія въ Арменіи (изъ кн.: „Memoires de Jean Ousk—Herdjan“ etc... „Записка Іоанна Ерджана, Вагарисападскаго Священника, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., Парижъ, 1818).—О вліяніи невѣжества въ географіи на Исторію народовъ.—**VII—XII.** Взглядъ на путешествіе Марка-Поло (изъ I т. „Собранія Путешествій и Записокъ,“ изд. Париж. Географ. Общ., 1824 г., соч. г. Ру).—**IX, X.** О путешествіи гг. Ледебура, Мейера и Бунге по Алтайскимъ горамъ въ Сибири и частію по Киргизъ-Кайсацкой степи.

1827 г.—I. Донесеніе Турнера о свиданіи съ Тишу-Ламою (изъ I т. „Recherches asiatiques,“ Paris, 1805, in 4⁰).—**I, II.** Путешествіе въ Тибетъ Госсейна Пурунгюира, описанное Самуиломъ Турнеромъ въ донесеніи къ Остъ-Индскому Генералъ-Губернатору Макферсану—Восточ. библіографія: Разсмотрѣніе кн.: „Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes, qui's étendent à l'est de la mer d'Aral ef au de là l' ancien Iaxartes; rédigé par Mr. le Baron Georges de Méyendorff etc.“ Paris, 1826, chez Dondey—Dupré, in 8⁰, p. XII et 503. **II.** Странствованіе Московскаго купчины Семена Маленькаго по Персіи и Индіи въ 1694 г.—Описаніе посольства Дервиша Мегмедъ Ефендія въ С.-Петербургъ 1168 г. Геджры (1754 г. отъ Р. Хр.).—**III—V.** *Липовцовъ.* Краткое начертаніе достопамятныхъ происшествій въ Китайской имперіи.—Бенгальскія письма: бенгальскіе мужчины и женщины; уваженіе къ браминамъ; дѣленіе на касты.—**V** Храмъ, посвященный огню, близъ Баку (изъ „Keppel's journey from India“) [1].

Акмолинскія Областныя Вѣдомости [2].

1876 г.—1, 2. О сибирскихъ переводчикахъ и толмачахъ во 2-ю половину XVIII в.—**6—8.** Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ.—**12.** О выставкѣ въ Омскѣ вещей, представляемыхъ на конгрессъ оріенталистовъ.—**13.** Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля.—**14, 15.** Киргизскія пословицы.—**15.** Нѣсколько словъ о байгахъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ, бывшихъ 21 и 27 іюля, и выставкахъ при нихъ.—**19—24.** Киргизскія сказки (Кульмесенъ и Акылъ-Сара).

1877 г.—1—3. Киргизскія легенды (краткое извлеченіе изъ киргиз. легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ“).—**8, 9.** Нѣчто о киргизахъ и области, ими занимаемой.—**23.** Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ въ Акмолин. области.

1878 г. 1—5. Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ.

1879 г. 21. *Н. Красновъ.* Реценз. на „Статистич. описаніе сибир. казач. войска“, Ѳ. Усова и „Матеріалы для исторіи сибир. казач войска“, Золотова.

1880 г. 14, 15. Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области. **45.** *Д. К—ій.* Замѣтка о религіи киргизъ.

1885 г. 8—10. Очеркъ юридическихъ обычаевъ Барабинскихъ татаръ.—**14.** Извлеченіе изъ доклада дѣйств. члена Зап.—Спб. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Г. Е. Катанаева: „О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Зап. Сибири“.

Амуръ [3].

1860 г.—1, 2. Юго-Восточная часть русской Маньчжуріи.—**5.** Торговля въ Японіи (изъ письма голландскиго купца).—**5, 6.** Замѣтки на книгу г. Гагемейстера: „Статистическое обозрѣніе Сибири“.—7. *Стуковъ.* О затмѣніяхъ солнца и луны по понятію сѣверныхъ буддистовъ.—**12, 13.** *П. Цвѣтолюбовъ.* Нѣсколько

---

[1]) Послѣ V-ой кн. изданіе „Азіат. Вѣстн.“ прекратилось.

[2]) Издаются въ г. Омскѣ съ 8 сентября 1871 г. За 1871—1875, 1881—1884 и 1886—1888 гг. этнографическихъ статей нѣтъ.

[3]) Издавался въ Иркутскѣ (тип. Штаба войскъ); въ 1860 г. выходилъ разъ, а въ 1861 и 1862 гг.—два раза въ недѣлю; редактировалъ газету до 52-го № 1861 г. одинъ М. Загоскинъ, а съ 52-го № 1861 г.—М. Загоскинъ и Б. Милютинъ; изданіе закончилось 49-мъ № 1862 г. (12 сент.).

словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ (по поводу статьи г. Халютина въ „Современникѣ" за 1859 г.: „Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокуренія изъ хлѣба")—**14, 15.** Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ *А. Аргентова*: встрѣча съ шелагскими чукчами; плаваніе по Ледовитому морю; достопримѣчательности берега Ледовитаго моря; естеств. произведенія; замѣчаніе о Сѣверной землѣ.—**16.** Свѣдѣнія Китайцевъ о Россіи (управленіе и законы, нравы и обычаи).—**17.** Прибрежья р. Уссури.—Берега р. Лены отъ г. Киренска до Дубровской станціи. —**20.** *П. Кельбергъ.* Поливныя поля въ Забайкальскомъ краѣ (о тунгусахъ и бурятахъ).—**22.** Изъ путевыхъ замѣтокъ: деревенскій праздникъ въ с. Покровскомъ и дер. Петрова.—**22, 23.** Замѣтка по поводу статьи г. Бюлера: „О ламаизмѣ и шаманствѣ" въ іюльской книгѣ „Отечествен. Записокъ" 1859 г.—**23—25.** Хлѣбная торговля въ Сибири и законы объ ней.—**26.** *А. Гильфердингъ.* Мнѣніе западныхъ славянъ объ Амурѣ и его колонизаціи.—Татары Зап. Сибири.—**28, 29.** *К. Будогосскій.* Поѣздка изъ залива Печели въ Пекинъ.—**29—33.** *А. Сгибневъ.* Русскіе на Амурѣ въ XVII столѣтіи.—**30—32, 34.** *В В—нъ.* Договоры найма на золотые пріиски.—**33.** Мангуны (такъ называется русскими тунгуское племя Мангу): жилища ихъ, одежда, обувь, кузнечное мастерство, празднества въ честь медвѣдя, религіозныя представленія.—**34, 35, 37, 38.** *Н. П.* О шаманахъ, какъ кудесникахъ.—**35, 36, 38—43, 45—47.** *А. Сгибневъ.* Виды русскихъ на Амуръ и на торговлю съ Японіею въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.—**40, 41.** Очерки Минусинскаго окр. Енисейской губ.—**46** *П Кельбергъ.* Нѣсколько словъ о жизни покойнаго Бандиды-Хамбы-Ламы-Чойванъ-Дорджи-иши-Чжамдуева.—**50.** Заилійскій край.

1861 г.—2. *Ал. Макеровъ.* Черты народнаго характера. — Нищенство.—**8, 9.** *Хорунжій Батумункуевъ.* Изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ —**15.** Путь отъ оз. Ханкай до поста Владивостока.—**24** Гижигинскіе и Охотскіе инородцы: тунгусы, коряки и чукчи.—**25, 26.** Краткое содержаніе статьи *Гр. Потанина*: „Замѣтки о Зап. Сибири" въ „Рус. Словѣ" 1860 г., сентябрь.—**37, 38.** *Стуковъ.* Нѣсколько словъ о ламайской медицинѣ.—**42.** Минусинскъ и его округъ.—**52—57.** Туруханскій край („Записки о Турухан. краѣ" Ал Мордвинова въ декабр. кн. „Современника" 1860 г. и „Мерзлый уголъ" г. Толля въ „Русскомъ Мірѣ" 1860 г., № 101).— **67, 68.** *А. Аргентовъ.* О полярной сѣверной землѣ: эскимосы, омоки (юкагиры), шелаги (чукчи) и тунгусы. **72.** *П. П. Громовъ.* Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣвер. землѣ.—**77.** *Санджалъ-Дандаровъ.* Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Толля: „Воспоминаніе о Вост. Сибири", напечат. въ „Вѣкѣ", № 30.—**79.** *М. Ш.* Свадебные обряды китайцевъ.—**79, 80.** Ургинь, селеніе въ 60 вер. отъ Читы (о бурятахъ). **88—90.** Японія и японцы.—**93, 95, 98—100.** *М. З—нъ,* Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (по поводу книгъ: „Историч. обозрѣніе образованія Рус.-Америк. Компаніи и дѣйствій ея до наст. времени", Н. Тихменева, Спб., 1861 г., и „Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана", изд. редакціи „Морскаго Сборника" 1861 г.): алеуты (жилища ихъ, занятія, нравы, обычаи и вѣрованія) и ихъ рода: колюжи, или колоши, угаленцы, кольчане, мѣдновцы, чугачи, кенайцы, аглегмюты, кадьякцы или коняги, уналашкинскіе алеуты, кускоквимцы, квихпакцы, кіятенцы и малегмюты.—**96.** Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія принимать въ Иркутское и Нерчинское духовн. училища, а равно въ Иркут дух. семинарію инороческихъ дѣтей изъ бурятъ.

1862 г. 1—3, 5—8. *М. З-нъ.* Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (продолж.; см. выше 1861 г.).—**2—5.** Шаманскій камень (сибир. легенда).—**30.** *Протоіерей Доржьевъ.* О Байкалѣ.—**36.** Чая,—якут. сказка.—**38, 40.** Матеріалы для статистики Вост. Сибири (Примор. обл.).—**39.** Очеркъ современной Японіи.—**39—41.** *Я. П. Аргонавтовъ.* Порча,—этногр. очеркъ. —**40.** *С. Щукинъ.* Бурятскій способъ излѣченія отъ порѣзовъ и порубовъ.—**44, 45.** *А. Нордманъ.* О рыбной ловлѣ у гиляковъ, живущихъ на Амурѣ.

СМѢСЬ.

1. Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи.

1) Вопросъ о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи уже не разъ затрогивался въ „Этнограф. Обозр.“ (кн. V, стр. 32—48, кн. VI, стр. 4 и 139 и кн. VII, стр. 263). Къ имѣющимся матеріаламъ по этому интересному вопросу мы присоединяемъ еще слѣдующія четыре сказанія: „Человѣкъ и собака“, „Пестрыя коровы“ (записаны отъ сибирскихъ киргизъ и напечатаны въ особомъ прибавленіи къ „Акмолин. Обл. Вѣд.“—„Киргизской газетѣ“, 1890 г., №№ 45 и 49), „Сотвореніе міра“ (преданіе алтайскихъ инородцевъ; см. „Томскія Еп. Вѣд.,“ 1890 г., № 20) и „Происхожденіе валуновъ“, записанное нами минувшимъ лѣтомъ во время поѣздки съ проф. Д. Н. Анучинымъ въ верховьяхъ р. Зап. Двины.

I. Человѣкъ и собака.

Богъ сотворилъ тѣло человѣка изъ глины, положилъ его на землю и приставилъ собаку караульщикомъ, а самъ отправился къ себѣ за душою человѣка. Явился чертъ и хотѣлъ разрушить тѣло человѣка, но собака не допускала его и бросалась на него съ лаемъ. Тогда чертъ, напустивъ страшную стужу, отъ которой собака, которая была тогда еще голая, пропала, подошелъ ближе и нѣсколько разъ плюнулъ въ тѣло, отсюда—всѣ грѣхи, мученія и болѣзни людей. Когда Богъ вернулся, онъ вложилъ душу въ тѣло человѣка и выругалъ черта (sic); болѣзни-же и грѣхи оставилъ человѣку, потому что убѣдился, что они необходимы для земной жизни человѣка. Собакѣ-же Богъ, въ вознагражденіе за вѣрную службу, далъ теплую шубу.

II. Пестрыя коровы.

Послѣ сотворенія міра Богъ создалъ и животныхъ на пользу человѣчества. Чертъ также захотѣлъ подражать Богу и создалъ овецъ, козъ и рогатый скотъ; но всѣ животныя были одноцвѣтныя: или бѣлыя, или рыжія, или черныя. Затѣмъ чертъ погналъ свое стадо на пастбище. Наступилъ полуденный жаръ. Присмотръ черту надоѣлъ, и онъ улегся спать. Созданныя чертомъ-же ранѣе этого на муку людямъ и животнымъ осы, комары и другія насѣкомыя бросились на коровъ, и онѣ стали метаться въ разныя стороны. Изъ состраданія Богъ загналъ ихъ въ сарай, въ которомъ онѣ и укрылись отъ жары и насѣкомыхъ. Затѣмъ Богъ, проходя между ними, дотрогивался до каждаго животнаго свѣжею вербою съ бѣлыми полосками, и всѣ животныя превращались въ пестрыхъ. Такимъ образомъ созданъ былъ пестрый скотъ. Между тѣмъ чертъ проснулся и пошелъ отыскивать свой скотъ, но нигдѣ не могъ найти его, такъ какъ онъ искалъ животныхъ одноцвѣтной масти. Поэтому-то и теперь, если родится теленокъ совершенно бѣлой, рыжей или черной масти, безъ всякихъ отмѣтинъ, онъ растетъ плохо и обыкновенно скоро издыхаетъ, такъ какъ принадлежитъ черту; такихъ телятъ киргизы всегда или рѣжутъ, или продаютъ.

III. Сотвореніе людей.

Когда еще не было въ мірѣ людей, Ульгэнь (богъ добра и свѣта) увидѣлъ въ морѣ плавающую, подобно льду, массу, а на ней приросшій слой глины. Ульгэнь снялъ приростъ съ плавающей массы и, сказавъ: „пусть будетъ человѣкъ!“ дунулъ ему въ ухо, и бездушное тѣло стало живымъ. Ульгэнь назвалъ перваго человѣка „Эрликъ“ (мужественный) и оставилъ его; но человѣкъ, осмотрѣвшись кругомъ и никого не видя, самъ пришелъ къ Ульгэню. Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгэню, а послѣ сталъ желать сравняться съ нимъ и даже сдѣлаться выше своего творца, съ завистью началъ

думать о томъ, чтобы самому сотворить такихъ-же и даже лучшихъ тварей, какихъ сотворилъ Ульгэнь. Такимъ образомъ Эрликъ все болѣе и болѣе отдалялся сердцемъ отъ Ульгэня, охладѣвалъ къ нему и, наконецъ, сдѣлался врагомъ какъ Ульгэню, такъ и всѣмъ тварямъ его. На мѣсто отпавшаго Эрлика, Ульгэнь создалъ себѣ другого товарища, богатыря Манды-шире съ тѣмъ, чтобы онъ всегда находился съ Ульгэнемъ и противостоялъ враждебному Эрлику. Кромѣ этихъ первыхъ людей Ульгэнь сотворилъ множество другихъ людей, слугъ себѣ, которыхъ поселилъ въ различныхъ, созданныхъ имъ, мірахъ. Въ нашемъ мірѣ, на нашей землѣ Ульгэнь сотворилъ заразъ семь человѣкъ мужескаго пола и при нихъ семь деревьевъ, по дереву на каждаго. Тѣло человѣка создано Ульгэнемъ изъ глины, а кости — изъ камыша; дуновеніемъ въ уши онъ ввелъ душу въ созданное тѣло, а дуновеніемъ въ носъ—умъ. По сотвореніи семи человѣкъ и семи деревьевъ, Ульгэнь, не сходя съ мѣста, создалъ такимъ же образомъ еще восьмого человѣка и восьмое дерево, помѣстивъ ихъ на горѣ Алтынъ-ту, (золотая гора). Сотворивъ людей и деревья, Ульэнь въ теченіи семи лѣтъ ждалъ, что изъ нихъ будетъ, станутъ ли они умножаться; чрезъ семь лѣтъ онъ увидѣлъ на каждомъ изъ деревьевъ по семи отпрысковъ, а число людей нисколько не увеличившимся. Онъ сказалъ: „почему это такъ,—дерево умножаетъ, а человѣкъ нѣтъ?" Тогда восьмой человѣкъ, поставленный на Алтынъ-ту, отвѣтилъ ему: „откуда произойдутъ и отъ чего умножатся, когда нѣтъ женщины?" Ульгэнь сказалъ ему: „ты знай и алчущаго, ты знай и сытаго, ты знай и болящаго, ты знай и умирающаго, ты знай и живущаго, ты знай и злого; иди теперь къ семи, а я приду чрезъ три дня", и съ этими словами удалился отъ сотворенныхъ людей. Восьмой человѣкъ пришелъ съ золотой горы къ остальнымъ людямъ и началъ творить женщину точно такъ-же, какъ и его самаго творилъ Ульгэнь. Во время творенія пришла къ нему отъ Ульгэня собака съ письмомъ, въ которомъ было написано: „будь твое имя—Майдере; ты знай голову всего (т. е. будь во главѣ, управляй всѣмъ на землѣ)". На третій день, когда тѣло созданнаго руками Майдере новаго человѣка-женщины было уже готово, но оставалось еще бездушнымъ, и когда Ульгэнь, согласно своему обѣщанію, шелъ къ людямъ, Майдере побѣжалъ на встрѣчу идущему Богу, поручилъ стеречь свое неоконченное твореніе собакѣ. Этого только и ждалъ злой Эрликъ: въ отсутствіе Майдере, онъ пришелъ къ начатому послѣднимъ творенію, дунулъ ему въ носъ изъ желѣзной трубы о семи ладахъ и дулъ въ оба уха, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ, — и вотъ въ тѣло, созданное Майдере, вошли душа и умъ, но не вполнѣ человѣческія: душа злобная, какъ змѣя, на семь ладовъ, и умъ на девять разноголосныхъ языковъ; вдобавокъ и тѣло первосозданной женщины было смрадное. Между тѣмъ Майдере, встрѣтивъ Ульгэня, сказалъ ему: „ты сказалъ мнѣ: ты знай... Въ надеждѣ на это я создалъ человѣка-женщину, но души въ немъ нѣтъ еще; велишь-ли творить или нѣтъ?" Ульгэнь сказалъ ему: „бѣги назадъ, иди скорѣе!". Майдере, прибѣжавши и увидѣвъ своего человѣка уже живымъ, сказалъ приставленной для охраненія собакѣ: „собака такъ собака и есть! Зачѣмъ ды допустила Эрлика, какъ онъ обманулъ тебя?" Собака въ оправданіе отвѣтила: „Эрликъ сказалъ мнѣ: я дамъ тебѣ шубу, которой будетъ достаточно до смерти; лѣтомъ тебѣ не будетъ жарко, а зимой не будетъ холодно". Тогда Майдере сказалъ собакѣ: „одежда, въ которой зимой не будешь мерзнуть, будетъ шерсть, которая на тебѣ выростетъ", и изрекъ проклятіе собакѣ: „питайся ты человѣческимъ пометомъ, изношенною и брошенною обувью, падалью и т. п., въ юртѣ съ человѣкомъ не живи, а на улицѣ, и карауль снаружи; пусть человѣкъ бьетъ тебя; если провинишься, смерть тебѣ – удавленіе." По слову Майдере такъ и стало, между тѣмъ какъ прежде того собака жила и ѣла вмѣстѣ съ человѣкомъ, не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человѣка и сама могла хорошо передавать ему свои мысли и чувства. Послѣ проклятія собаки, Майдере призвалъ семь сотворенныхъ вмѣстѣ съ нимъ мужчинъ и сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?" Когда никто изъ нихъ не далъ отвѣта, Майдере подводилъ за руку одного за другимъ трехъ мужей къ женщинѣ, но они, отозвавшись презрительно о новомъ твореніи, убѣ

жали на золотую гору. Между тѣмъ въ это время подошелъ къ тому мѣсту самъ Ульгэнь. У одного изъ четырехъ оставшихся мужей онъ взялъ изъ реберъ обоихъ боковъ по двѣ косточки и сотворилъ изъ нихъ жену, которую и отдалъ этому человѣку, получившему отъ Ульгэня имя Таргынъ-нама. Затѣмъ всѣмъ живымъ существамъ, находящимся на землѣ, Ульгэнь сказалъ: „кому какія ягоды, растенія и проч. нравятся, тотъ то и ѣшь", а Майдерс онъ сказалъ: „что захочешь творить: скота-ли, звѣрей-ли, людей-ли,—меня не спрашивай, самъ твори" Сказавъ это, Ульгэнь удалился на Алтынъ-ту. Мѣсто, гдѣ былъ сотворенъ человѣкъ и гдѣ онъ жилъ до своего грѣхопаденія, называется Аруунь-сюдюнь и находится на востокѣ.

IV. Происхожденіе валуновъ.

Когда Богъ сотворилъ землю и хотѣлъ населить ее людьми и животными, дьяволъ („супостатъ") задумалъ помѣшать ему въ этомъ и, наславъ на землю каменный дождь, велѣлъ камнямъ рости до тѣхъ поръ, пока они не покроютъ собою всей земли и так. обр. не дадутъ жить ни людямъ, ни животнымъ. Богъ, разсердившись за это на „супостата", низвергнулъ его съ неба въ преисподнюю, а камнямъ запретилъ рости.

Ал. Ивановскій.

2. Мелкія замѣтки къ исторіи народныхъ вѣрованій.

I. Къ славянскимъ повѣрьямъ о міроздании.

Перечитывая сербско-болгарскую рукопись Вѣнской университетской библіотеки (Sign. I. 120), относящуюся къ XVI в., я нашелъ на л. 52а и сл. интересное „Слово сказание ѿ бытия". Это — „бесѣда трехъ святителей" и по своему составу очень напоминаетъ позднюю болгарскую редакцію „бесѣды", которую по рукописи XVIII в. напечаталъ Ст. Новаковичъ въ VI т. Загребскихъ „Старинъ". Рядомъ съ обыкновенными вопросами и отвѣтами, здѣсь встрѣчаются и другіе, мнѣ по крайней мѣрѣ незнакомые или съ значительными отличіями отъ извѣстныхъ текстовъ [1]). Такъ какъ эти данныя очень важны, для исторіи народныхъ суевѣрій, то надѣюсь, что не будетъ излишнимъ сообщить ихъ здѣсь [2]).

Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ: когда сотворены солнце, мѣсяцъ, небо и пр.,— читаемъ: „от що сътвори богъ слъньце и месецъ?" Отвѣтъ: „егда сътвори богъ небо и землю, тогда помисли, како да сътворитъ чловѣка, и како да родитъ се отъ него, и како распетъ будетъ и съмръти прѣдати се. егда отъ съмръти помисли господъ (здѣсь текстъ испорченъ), тогда (52 об.) слъза паде изъ ока господнаа, та бо слъза наречетъ господъ слъньце, а месецъ отъ пеграхила господнѣ есть". Подобное въ болг. ркп. XVIII в. (Starine VI, стр. 48). Слѣдуетъ вопросъ: изъ скольких частей сотворенъ Адамъ? съ обыкновеннымъ отвѣтомъ.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: „а како сътвори богъ диавола?" Отвѣтъ: „Егда призре и виде сѣнъ свои въ воде и рече господъ: изиди брати и боудди (sic) съ мною. Изыде чловѣкъ и нар(е)че име емъ *анатаилъ*". Отвѣтъ: „егда сади (л. 53) господъ раи, тогда повелеваше садити, *атаилъ* крадѣше отъ вьсе плодове и просипа на срѣдѣ рая та(и)но отъ господа. Рече господъ: ти крадѣши отъ мене, да то боудѣтъ тебѣ на прогнаніе: изиди *сатанаиле*. И рече: господи благослови, что насадихме. Господъ рече: благословено іесть, азъ посрѣдѣ владаю, ти да не имашъ властъ. Сатанаилъ отидѣ, да видитъ древо, еже насади оукрадѣно, и видѣ древо. Тогда сатанаилъ почръне. Изъгна его древо изъ рая, тогда господъ нарече ем8 дї(а)волъ". О сотвореніи діавола изъ сѣни разсказывается тоже въ названной болг. рукописи, только что человѣкъ, сотворенный изъ сѣни, названъ Самуиль

---

1) Тексты „бесѣды", находящіеся въ сербскихъ рукописяхъ Шафариковскаго собранія въ Прагѣ, изданы мною въ XXI кн. „Starin".

2) Текстъ приводимъ безъ соблюденія палеографическихъ тонкостей, выписывая полностью связи, сокращенія и пр.

(Starine, VI, 48—49); похожее болгарское сказаніе о происхожденіи діавола н печаталъ М. Дриновъ въ VIII кн. Софійскаго „Періодическаго Списанія“ (стр. 123 сл.).

Слѣдуютъ опять знакомые вопросы и отвѣты. Интересны развѣ слѣдующіе: Вопросъ: „По що постави господъ Каина на люна? Отвѣтъ: Да зритъ блага, како се іестъ лишилъ, и зла отъ него зачехоу се“. Далѣе: „Где Адамъ седитъ съ Енохомъ? На престоле висоце гледающихъ въсѣхъ доуше, проваждающихъ праведные душе въ раи, а грешные съ плачемъ въ моукъ“. Ср. Starine VI, 50. Слѣдуетъ: „Вопросъ: Геде (sic) седитъ Авелъ, сынъ его? Отвѣтъ: Седитъ съ Енохомъ пишоущи греси въсѣмъ чловѣкомъ проваждающаго грѣшные въ м8к8 а праведные въ раи. Въпросъ: на кое место бысть кръщение господне? Ответъ: егда рече Евъга Адамоу: покаемь се, господь да (55 об.) свободитъ насъ отъ дїавола, и рече Евга Адаму: где положи дїаволъ твое рукописаніе на чера мида и положи ю, т8 идемъ, да покаем се въ Иωръдани, тоу събраше се въси скоти и гады, птице перънатые и въси аггели божи и пла(ка)хоу се къ господ8 где каетъ се Адамъ, видѣ море и побеже Иωръданъ, възврати се въспетъ Христосъ и господъ приидетъ на томъ месте и кръсти се.

Вопросъ: „От що се огнь заче? Отъ зенице господне вжеже аггелъ и сънесе Адам8“. (Ср. Starine VI, 51).

Наконецъ, еще приводимъ для исторіи космическихъ воззрѣній слѣдующее: „Како звезди на небеси 8твръждени соутъ? Како заходетъ? Небо връттсе, того ради заходетъ. Люна іест на аерахъ и ѣ. денице плаваютъ. Далече ли іест месецъ отъ слъньце, толико іест отъ земле до месеца, толико отъ месецъ до небесъ, имать слъньце рӥг престоли, того ради наїголемъ[1]) дьнъ въ(59а)сходитъ. егда заидетъ слъньце, аггели възимають и носетъ его на престолъ господьнъ. слъньце іест повелико отъ въсеи земли, мѣсецъ іест поголемъ отъ половина въсеи земли. звезда іест колико?— ӗї дни хода иматъ г҃ дрехли птици и ωквасетъ си крила въ акианъ море, да идоутъ предъ слъньцемъ. аще не бихоу биле таіа г҃ птице и погасетъ слъньце, слъньце би въсъ светъ пожеглъ. егда слъньце б8детъ на заходъ, тогда иждежетъ имъ крила и 8даретъ въ акианъ море. тогда (59 об.) паки ωперънатеютъ, паки понесоутъ слъньце аггели, тогда въсака птица пот(?)репещетъ, тогда и петли (пѣтухи) поютъ и авитъ се светъ дьнъ“.

II. Новыя данныя для исторіи рожаницъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ Разысканіяхъ, въ V вып. стр. 178 сл. и 212, указалъ памятники, въ которыхъ доселѣ встрѣчались рожаницы. Весьма важное, какъ мнѣ кажется, свидѣтельство и очень характерное для рожаницъ нашелъ я въ Гамартолѣ.

Въ IX гл. „Лѣтовника“ Георгія грѣшнаго инока разсказывается, какимъ образомъ обличилъ Авраамъ передъ египетскимъ царемъ звѣздословцевъ и волхвовъ. Послѣ пренія приказалъ царь привести человѣка, осужденнаго на смерть сожженіемъ, и спросить впередъ передъ всѣми: [2]) „εὑρεθῆναι τὴν γέννησιν αὐτοῦ καὶ τὸν θάνατον, καὶ διασκεψαμένους εἰπεῖν τὸν τρόπον τοῦ θανάτου“. Отвѣтили, что онъ долженъ быть сожженъ „τῆς γενέσεως ἐπαγούσης καὶ διαγορευούσης τοῦτο σαφῶς“, но что еще не пришло время его смерти. Царь отвѣтилъ, что освободитъ его отъ смерти огненной, но повелитъ умертвить его водою, чтобы показать „ὅτι δύναταί τι παρὰ γένησιν γενέσθαι“.

Въ славянскомъ переводѣ Гамартола, въ синодальномъ спискѣ, изданномъ Обществомъ любителей древней письменности, на л. 41, и въ спискѣ собранія Шафариковскаго, переведено γένεσις, γέννησις: рожденица.

Въ концѣ IX гл. еще читаемъ: οἱ δὲ Εἱρμαμένης πλάσαντες πλάνην, ἑτέραν τὴν λεγομένην γένεσιν (мармению рожденицю), ἧς χωρὶς μηδὲν πάσχειν ἢ ποιεῖν τι δύνασθαί τινα τερατολογοῦσιν· καὶ τῇ αὐτῇ πλάνῃ καὶ δυσσεβείᾳ περιπίπτουσι· νομίσας γάρ τις, ὅτι παρὰ γένεσιν (кромѣ рожденице) ἤγουν Εἱρμαμένην (мармени) οὐδεὶς οὔτε ποιεῖν τι οὔτε πάσχειν ἐξουσίαν ἔχει, ῥαδίως λοιπὸν ὡς κτηνώδης ἐπὶ τὸ ἁμαρτάνειν (здѣсь по ошибкѣ: къ марменѣ)

---

1) Голем (сербс.) значитъ большой (ср. „Этногр. Обозр.“ VII, 140).

2) Цитарую по изданію Миня. Patrologiae graecae t. CX.

ἔρχεται. καὶ ἁμαρτὼν οὐ μεταμελεῖται παντελῶς ἐφ'οἷς ἠσέβησεν, ἀπολογίαν ἄλογον φέρων, ὡς ὑπὸ γενέσεως (Ѿрож дєницє) αὐτὰ ποιεῖν ἐξηνάγκαστο. καὶ ὁ τὴν γένεσιν (рождєниє) κατορθῶσαι μὴ δυνάμενος οὐδὲ τὸ αἰδεῖσθαι ἔχει ἐφ' οἷς ἐξαμαρτάνει.

Списокъ синодальный и Шафариковскій почти современны, первый 1386 г., второй 1389 г., оба списаны съ подлинника болгарскаго, что доказываетъ передача носовыхъ гласныхъ. Переводъ греч. γένεσις (въ одномъ мѣстѣ γέννησις) словомъ *рожденица* принадлежитъ болгарскому переводчику. Онъ представилъ себѣ рожденицу какъ подательницу доли, участи въ жизни; но обособилась ли она уже у него въ отдѣльное демоническое существо, опредѣленно нельзя сказать на основаніи сообщенной выписки.

Интересно, что тотъ-же самый переводчикъ удержалъ греч. Εἱμαρμένη, что онъ не зналъ соотвѣтствующаго славянскаго понятія. Въ другихъ мѣстахъ, правда, онъ старался переводить это слово; такъ, напр., въ VIII гл.: οἱ δὲ ἐπιμελεῖσθαι (sc. τὸν θεὸν) μὲν ἔφασαν, σμικρῷ λόγῳ δὲ τοῦτο ποιεῖν καὶ τῇ σελήνῃ περιορίζειν τὴν πρόνοιαν, τὸ δὲ λοιπὸν τοῦ κόσμου μέρος, ὡς ἔτυχε, φέρεσθαι τῇ τῆς Εἱμαρμένης ἀνάγκῃ (рождьствьнїимь приключєниємь нꙋждєю) δουλεύειν βεβιασμένον. Въ началѣ VIII гл.: οἱ δὲ τύχην καὶ εἱμαρμένην ἐδόξασαν (чєсть и ієстко сирѣчь рождєниє добро прославишє) καὶ τὴν μὲν εἱρμαμένην ἀναγκαστικὴν δύναμιν εἶπον εἶναι (и ѹбо ієстко нꙋждная сила рѣшє быти)... И далѣе: τὰ μὲν ἐκ θεοῦ πάντες ἔχομεν, τὰ δὲ ἐκ τῆς εἱρμαμένης καὶ τύχης (а иже Ѿ ієства, сирѣчь Ѿ рождєнины добра и чєсти).

Понятія о судицѣ, даже о fatum у нашего переводчика не было, но изъ оборотовъ, которыми онъ старался описывать греч. εἱμαρμένη, можно предполагать, что онъ зналъ вѣрованіе, по которому судьба человѣка опредѣляется при рожденіи.

Прага Чешская. *Ю. Поливка.*

3. Камень-латырь.

Наши былины не разъ говорятъ о камнѣ-латырѣ, какъ объ одномъ изъ урочищъ *внѣ* Русской земли. Сынъ Ильи, послѣ неудачнаго боя съ отцомъ, объясняетъ, что онъ „отъ камня отъ латыря", отъ бабы Латыгорки. Илья Муромецъ, выѣхавъ за предѣлы Руси, въ степь—въ „чистое поле", ставитъ шатеръ у „камня-латыря". Онъ же, разъѣзжая „по чистому полю", находитъ у камня-латыря три дороги и на самомъ камнѣ надпись (Гильфердингъ, 709,946,1053), и т. п. Это заставляетъ насъ поискать этотъ загадочный камень за предѣлами старой Руси, но въ мѣстахъ хорошо знакомыхъ въ прежнее время русскимъ.

Остановимся прежде всего на словѣ *камень*. Старые памятники сѣверной, новгородской Руси употребляютъ это слово между прочимъ въ значеніи *гора*, въ частности въ значеніи: Уральскій хребетъ. Такъ, въ Двинской рядной начала XIV в. межа землямъ Шенкурскаго погоста опредѣляется такимъ образомъ: „межа землямъ—по *Великой Камень*"; въ другой Двинской рядной XIV—XV в. „межа выше *Камени* по Глубокому ручью". (Акты Юр.). Въ книгѣ Большаго Чертежа мы читаемъ: „отъ устья Мезени до горы Шамагодскаго *Камени*... отъ того *Камени*... изъ горы изъ Большого *Камени*" (184—185). Московскіе и др. документы XVII в. называютъ Уральскій хребетъ почти постоянно *Камень*, Большой *Камень*. Въ настоящее время слово *камень* находится какъ составная часть во многихъ сѣверно-русскихъ названіяхъ горъ: Чайцынъ *Камень*, Собачій *Камень* и т. п. (Подвысоцкій). Итакъ, слово *камень* въ сѣверной, новгородской Руси изстари до сихъ поръ между прочимъ имѣло значеніе *гора*.

Что до слова *лáтырь*, то оно можетъ быть сокращеніемъ болѣе древняго *лáтыгорь*, которое въ свою очередь есть не что иное, какъ прилагательное отъ этнографическаго названія *Латыгоръ*—лотышъ (при: *Латыгора*—Лотыгола, лотыши; Псковская лѣтопись), образованное одинаково съ *Володимирь*, *Иванъ*, *Отьчь*. Срв. съ словомъ *латырь* мѣстное названіе *Латырево* (Владимирской губ.) рядомъ съ названіемъ *Латыгорево* (Тверской губ.).

Если слова *камень-латырь* первоначально могли значить: Лотышская гора, Лотышскій хребетъ, то не были ли они первоначально названіемъ тѣхъ горъ,

которыя находятся въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которыя были хорошо извѣстны много разъ вторгавшимся въ предѣлы этихъ губерній древнимъ новгородцамъ и псковичамъ и о которыхъ совсѣмъ забыли ихъ менѣе воинственные потомки XV в. и слѣд.? [1]) *А. Соболевскій.*

4. Легенды о Кудеярѣ въ Саратовской губерніи.

Въ Саратовской губерніи едвали существуютъ былины и пѣсни о богатыряхъ Владиміра-Краснаго Солнышка. Изслѣдовавъ Саратовскій и Аткарскій уѣзды, я только 1860-хъ годахъ слышалъ отъ старика крестьянина с. Колѣна, Аткарскаго уѣзда, пересказъ старинной былины:

Подъ градомъ Кіевомъ,
На степяхъ Цыцарскихъ
Стояла застава богатырская:
Атаманомъ Илья Муромецъ,
Еще Гришка-боярскій сынъ,
Да Васька Долгополый,
Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ,
Соловей разбойникъ, Татарскій полкъ...

Затѣмъ слѣдовалъ запутанный разсказъ о названныхъ богатыряхъ, представлявшій лишь искаженіе извѣстныхъ былинъ. Зато наша губернія богата преданіями и легендами о мѣстныхъ разбойникахъ, главную роль между которыми играютъ—Стенька Разинъ и Кудеяръ; за ними слѣдуютъ Волжскіе атаманы: Уракъ, Буданъ, дѣвушка Палагеюшка, Водкинъ и другіе разбойники: Голяевъ, Дороня, Кутыревъ, Уланъ, Симъ, Кувыканъ, Ермошка, Ерема, Бакутъ и масса другихъ, не говоря уже о довольно свѣжихъ преданіяхъ про Пугача—какъ о самомъ Пугачевѣ, такъ и о его атаманахъ и полковникахъ.

Въ данномъ очеркѣ я приведу лишь сказанія о *Кудеярѣ*. Костомаровъ относитъ Кудеяра ко времени царствованія Ивана Грознаго, указывая мѣстности подвиговъ его: Москву, Крымъ и р. Оку. По народнымъ преданіямъ Саратовской губерніи какъ главное становище «нашего» Кудеяра указывается гора съ пещерой около с. Лохъ, Саратовскаго уѣзда, описанная мною въ „Народныхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Саратовской губ." (Изд. Имп. Геогр. Общ., 1890 г.).

Кто былъ Кудеяръ—народъ не знаетъ; есть только указаніе Леопольдова (Истор. оч. Сарат. края. 1848 г.), что это былъ татаринъ необыкновеннаго роста и силы, звѣровидной наружности; жена его была русская - рѣдкая красавица. Время подвиговъ Кудеяра нашъ народъ тоже не опредѣляетъ, а говоритъ: было это очень давно, когда еще не существовало окрестныхъ селеній. Крестьянинъ Пензенской губерніи, кладоискатель Милинъ сказывалъ мнѣ, что у его товарища есть документъ 1605 г., подписанный Кудеяровымъ, въ которомъ означена запись и мѣсто зарытыхъ имъ кладовъ. Несомнѣнно одно, что Кудеяръ жилъ около горы, носящей до сихъ поръ его имя, далеко до основанія с. Лохъ, которое населено пахатными солдатами на Петровской сторожевой чертѣ вскорѣ послѣ постройки въ 1698—99 году Петровской крѣпости и сторожевыхъ слободъ пахатныхъ солдатъ на р. Медвѣдицѣ: Бурапкой (с. Старые Бурасы) и Еткаринской (городъ Аткарскъ).

Кудеяръ жилъ въ своей горѣ, говоритъ преданіе, внутри которой были богато убранныя помѣщенія сокровищами, добытыми имъ при набѣгахъ на дальнія страны; туда велъ узкій, извилистый и невысокій подземный ходъ отъ средины горы, тянувшійся внутрь саженъ на 100 и болѣе; изъ внутреннихъ помѣщеній до верхней площади горы было отверстіе, саженъ въ 30 длины, „*труба*", черезъ которую выходилъ дымъ въ наружу. Въ глубокомъ долу, передъ горою, текла быстрая и свѣтлая рѣчка—Соколка, кругомъ же подымались горы, покрытыя, какъ и Кудеярова, густымъ старымъ лѣсомъ, тянувшимся далеко на сѣверъ и на югъ. Рядомъ съ Кудеяровой подымается и теперь „*Карраульная*" гора - высокій

[1]) О камнѣ-латырѣ см. А. Веселовскаго, Разысканія, III, 1—46 *Ред.*

конусъ, поросшій въ то время хвоей, гдѣ Кудеяръ становилъ своихъ часовыхъ.— Становище Кудеяровыхъ войскъ было окопано рвомъ и валомъ; въ концѣ же дола Соколки (Маіорова), въ нынѣшнемъ урочищѣ *„Пушка“*, были кузнецы Кудеяра, гдѣ изготовлялись оружіе и ружья. Вся мѣстность кругомъ охранялась стражей. Когда Кудеяръ уходилъ въ набѣгъ съ своимъ войскомъ, то запиралъ подземелье огромными замками, съ поросенка величиной, выходъ же заваливалъ такъ, что никто не могъ отыскать его. Кудеяръ былъ *„хозяиномъ“* и чеканилъ монету изъ своей руды. У него былъ товарищъ *Симъ* или Симонъ; однажды они поспорили о силѣ и ловкости своихъ коней, порѣшивъ для опыта перескочить съ Маруновой горы на Кудеярову черезъ Маіоровъ долъ, гдѣ течетъ Соколка: Кудеяръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину; въ мѣстѣ, гдѣ онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ конемъ, ударилъ родникъ, носящій до сихъ поръ его имя.

Здѣсь умерла жена (по другимъ любовница) Кудеяра и онъ схоронилъ ее верстахъ въ 2-хъ отсюда (въ дачѣ М. В. Устинова, Петровскаго уѣзда), зарывъ съ нею въ могилу всѣ уборы и драгоцѣнности, принадлежавшіе покойницѣ. Свои сокровища Кудеяръ хранилъ въ кладовыхъ внутри горы за желѣзными дверями; говорятъ, кромѣ того, они были скрыты Кудеяромъ и на противоположномъ берегу рѣчки Соколки, въ склонѣ горы, въ трехъ погребахъ: въ одномъ—золото, въ другомъ—серебро и въ третьемъ—драгоцѣнная конская сбруя; входъ заваленъ и Кудеяръ положилъ зарокъ на этотъ кладъ на 200 лѣтъ; что-же касается до сокровища Кудеяровой горы, то найти ихъ и отпереть желѣзныя двери можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ *Симовъ* родникъ и найдетъ въ немъ золотые ключи отъ пещеры, или же кто почерпнетъ воды изъ *„Уженина“* озера.

Кудеяръ, какъ видно изъ преданій, часто оставлялъ Лоховскую мѣстность, становясь станомъ и въ другихъ. Такъ верстъ 25 отъ Лохъ къ сѣверо-востоку стоялъ на верхахъ р. Медвѣдицы большой *Бурацкій* лѣсъ, гдѣ теперь село Старые Бурасы (Бурацкая отъѣзжая сторожевая слобода, поселенная въ 1699 г.), здѣсь верстахъ въ 2-хъ, въ правомъ берегу рѣчки большой Медвѣдицы, находилось прежде отверстіе въ горѣ съ нѣсколькими ходами внутрь въ разныя стороны: эта пещера служила тоже жильемъ Кудеяру, а на бугрѣ с. Бурасъ, обнесенномъ валомъ и носящемъ теперь названіе *„городокъ“*, поставленъ былъ Кудеяромъ сторожевой маякъ. Верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ с. Лохъ, около Мордовскаго села Оркина (Кучу-горы тожъ), въ лѣсистой и гористой мѣстности, рядомъ съ *Гремучимъ* родникомъ и горой *Камбразъ-панда* (Сѣдло-гора) указываютъ долину *Божедомъ*“, гдѣ, по народному преданію, Кудеяръ (подругимъ—разбойничій атаманъ *Уланъ*) побилъ и похоронилъ много народу.—Кладоискатель Милинъ говоритъ, что въ Пензенской губерніи есть пять становищъ Кудеяра. Въ Балашевскомъ уѣздѣ, въ лѣсу с. Рѣпнаго, есть курганы: на одномъ изъ нихъ—*Крутицы* (Крутцы), по другимъ въ землянкѣ горы *Богатырки* надъ Хопромъ (недалеко отъ с. Большаго Карая), жилъ тоже Кудеяръ, насыпавшій. невдалекѣ другой курганъ — *Пупки*, гдѣ схоронилъ свою красавицу жену... Въ Сердобскомъ уѣздѣ, Барковской волости, не далеко отъ р. Изнаира и Малиновскаго озера, есть кручь, около 30 сажень высоты, получившая лишь въ 1889 г. названіе *„Кудеярова обрыва“*, по слѣдующему поводу: одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ Дьячкинъ жилъ въ 1883 г. въ Астрахани, гдѣ какой-то человѣкъ показывалъ ему книжечку, въ которой описано 99 кладовъ Саратовской губерніи, положенныхъ: Ермакомъ, Кудеяромъ, Стенькой Разинымъ, Чуркою и другими; Дьячкинъ досталъ выписку изъ этой книжечки, въ которой сказано, что „отъ Хопра по рѣкѣ Знанру, отъ верши съ всходной стороны лѣсъ по горѣ березовый“, затѣмъ идетъ подробное описаніе мѣстности и разстоянія до подвала, въ которомъ находятся пять скелетовъ, золотые вещи и 90 пудовъ *„монеты Кудеяровой“*.—По этой записи Дьячкинъ дѣйствительно нашелъ въ обрывѣ 2 человѣческіе костяка и каменныя стѣнки въ родѣ подвала, но было ли найдено что изъ цѣнностей—неизвѣстно.

Въ Посельской волости, Хвалынскаго уѣзда, па высокомъ мѣстѣ близь с. Поселокъ, лежащемъ при впаденіи рѣчки Избалыки въ Терешку, есть два бугра,

обрытые канавами, подъ названіемъ „*Мары*"; въ старину, въ 100 саженяхъ отъ этого мѣста, были озеро и осиновый лѣсъ. Мѣстный крестьянинъ Яковъ Старовъ проживалъ нѣкогда въ г. Уральскѣ, гдѣ слышалъ отъ тамошнихъ казаковъ, что на Саратовской степи есть насыпной *Маръ*, близь котораго, на сѣверо-востокѣ, находится болото и осиновая роща: на этомъ мѣстѣ, по преданію, стоялъ однажды Кудеяръ съ войскомъ; у него была любимая лошадь, которая пала, а затѣмъ онъ и самъ вскорѣ умеръ; тогда его посадили на эту лошадь и несли ему со всѣхъ сторонъ дары: золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными вещами, съ которыми и зарыли его, насыпавъ надъ нимъ *маръ* (курганъ). При раскопкѣ этихъ маровъ, Посельскіе жители находили лишь человѣчьи и лошадиныя кости.

По другимъ преданіямъ, Кудеяръ живъ до сихъ поръ и сторожитъ свои сокровища въ Кудеяровой горѣ.—Окольные жители с. Лохъ утверждаютъ, что онъ живетъ на этой горѣ въ землянкѣ сѣдымъ и древнимъ старцемъ; днемъ эта землянка невидима, ночью же влетаетъ туда огромная птица и долбитъ голову Кудеяра до мозга, улетая къ разсвѣту; онъ обреченъ уже вѣка два сторожить свои сокровища въ горѣ и несетъ кару Божію за разбои. Въ землянкѣ лежитъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Приведя выборку изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пока преданій нашего края о Кудеярѣ, я укажу на тѣ особенности, что ни одно изъ нихъ не выставляетъ его колдуномъ, какъ Стеньку Разина, Водкина и другихъ, собственно Волжскихъ атамановъ; ни одно изъ нихъ не называетъ его сообщниковъ—шайкой, а—войскомъ; самъ Кудеяръ лишь въ нѣсколькихъ пересказахъ позднѣйшей формаціи зовется разбойникомъ, но общей суммой преданій онъ поднятъ на болѣе высокій пьедесталъ: это „*хозяинъ*"—какъ называетъ его кладоискатель Милинъ. На Волгѣ мы Кудеяра не видимъ и Балашевско-Сердобско-Пензенскія легенды подводятъ его къ окраинамъ древне-Рязанскимъ, т. е. къ Костомаровскому Кудеяру.—Набѣги Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ на нашъ край и верховья рѣки Медвѣдицы были нерѣдки въ старину и продолжались до 1718 года.

Примѣчаніе. Въ Москов. Императ. Археолог. Общ. имѣются переданные мною рисунки Кудеяровой горы и пещеры, снятые мною въ 1880 г.

А. Н. Минхъ.

5. Персидскій варіантъ сказанія о Мидасѣ.

Жилъ шахъ. У него на головѣ выросла шишка, которую шахъ тщательно скрывалъ подъ чалмой, вслѣдствіе чего никто этого не зналъ. Узналъ объ этомъ лишь его цирюльникъ, но шахъ ему строго запретилъ говорить кому либо изъ людей, „а если скажешь, прибавилъ онъ, я велю тебя казнить". Цирюльникъ долго берегъ свою тайну; наконецъ не вытерпѣлъ пошелъ къ озеру, и, приложивъ руку ко рту, сказалъ тростнику: „у шаха рога выросли". Тростникъ зашумѣлъ и сталъ повторять: „у шаха рога выросли" — и объ этомъ узналъ весь свѣтъ. Дошло извѣстіе и до шаха, что весь свѣтъ знаетъ, что у него рога выросли; разсердился шахъ, позвалъ болтливаго цирюльника и сталъ его спрашивать, кому онъ сказалъ, и хотѣлъ казнить его. Цирюльникъ отвѣтилъ, что онъ исполнилъ приказъ шаха и никому изъ людей не говорилъ, а сказалъ лишь тростнику у озера. а тотъ уже разнесъ эту тайну по свѣту. Шахъ не рѣшился казнить цирюльника.

(Сообщено *Ник. Ив. Артемьевымъ*, слышавшимъ этотъ разсказъ въ Персіи, въ прикаспійской части ея).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, совмѣстно съ двумя другими Московскими Обществами—Археологическимъ и Общ. Акклиматизаціи, приняло предложеніе заграничныхъ ученыхъ, объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ международ-

ныхъ конгрессовъ, имѣющихъ слѣдовать одинъ за другимъ въ 1892 г.: 1) конгр. доисторической Археологіи и Антропологіи (съ 1-го по 8 авг.) и 2) конгр. зоологическаго (съ 10 по 18 авг.). При Обществѣ Любит. Естествознанія съ этой цѣлью учрежденъ спеціальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Общества Люб. Ест., заслуж. проф. А. П. Богданова. По полученіи разрѣшенія на устройство названныхъ конгрессовъ отъ г. Министра, Комитетъ дѣятельно принялся за предварительныя работы, которыя, благодаря энергіи его предсѣдателя, идутъ весьма быстро. Масса иностранныхъ ученыхъ (списки которыхъ отпечатаны), отозвались чрезвычайно сочувственно и собираются посѣтить Россію въ большомъ числѣ.

Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествозн., Антроп. и Этнографіи приступилъ въ настоящее время къ печатанію сразу двухъ томовъ своихъ „Трудовъ"; одинъ изъ нихъ посвященъ общей этнографіи, другой—русской. Изслѣдованіе по общей этнографіи, принадлежитъ г. Товарищу Предсѣдателя Отдѣла В. М. Михайловскому и озаглавлено: „Міросозерцаніе шамановъ". Въ составъ другого тома войдутъ матеріалы и статьи по изслѣдованію Бѣлоруссіи, а именно гг.: М. В. Довнара-Запольскаго, Н. Я. Никифоровскаго и Е. А. Ляцкаго. Для дальнѣйшихъ томовъ имѣются матеріалы 1) по Сѣверному краю, 2) по Средней Россіи и 3) по Малороссіи. Печатаніе начатыхъ томовъ будетъ окончено въ теченіе лѣта. Время же изданія послѣдующихъ томовъ будетъ зависѣть отъ средствъ Отдѣла.

Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія при Моск. университетѣ продолжаетъ изданіе „Дневника Антропологическаго Отдѣла", который, повидимому, принимаетъ еще болѣе обширный объемъ, чѣмъ въ прошломъ 1890 году, и такимъ образомъ сосредоточиваетъ массу цѣннаго матеріала какъ по чистой антропологіи, такъ и имѣющей отношеніе къ этнографіи. До марта (включительно) этого года вышло два выпуска. Въ первомъ выпускѣ слѣдуетъ отмѣтить обильный фактами антропологическій матеріалъ Н. И. Лыжина по татарамъ Крыма (бахчисарайскимъ, мелитопольскимъ, перекопскимъ, ѳеодосійскимъ и судакскимъ), который при обработкѣ навѣрное дастъ возможность освѣтить интересныя тюркскія группы, еще почти совсѣмъ не затронутыя въ литературѣ. Во второмъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья А. В. Елисѣева: „Турки-османы", антропологическое изслѣдованіе еще совсѣмъ неизученной группы анатолійскихъ турокъ.

Кромѣ „Дневника" въ этомъ же году выйдутъ два крупныхъ тома (ихъ печатаніе близится къ концу), посвященные антропологическому изслѣдованію русскихъ и киргизовъ. Изслѣдованіе русскихъ принадлежитъ Н. Ю. Зографу и будетъ заключать сводку всѣхъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ, кромѣ того много новаго и оригинальнаго на основаніи многочисленныхъ измѣреній, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ ростъ. Что касается киргизовъ, то печатающійся томъ составитъ второй выпускъ „Киргизовъ Букеевской орды" А. Н. Харузина и принадлежитъ тому же автору. Этотъ томъ представляетъ результаты детально разработаннаго антропологическаго матеріала по киргизамъ разныхъ ордъ въ сравненіи съ кара-киргизами и многочисленными другими инородцами Россіи—финской, тюркской, монгольской и иранской группъ.

Импер. Московское Археологическое Общество въ годичномъ засѣданіи своемъ 26 февраля вновь избрало единогласно на должность Предсѣдателя графиню П. С. Уварову, а въ Товарищи Предсѣдателя проф. Д. Н. Анучина.— Съ 5-го по 8-е января происходили въ И. Моск. Арх. Обществѣ засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1893 г. лѣтомъ въ г. Вильнѣ IX-го Археологическаго съѣзда. Въ засѣданіяхъ принимали участіе и иногородніе депутаты и были выработаны правила предстоящаго съѣзда, а также намѣченъ цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ, имѣющихъ служить предметами рефератовъ на съѣздѣ —Въ обычныхъ засѣданіяхъ Общества въ текущемъ году были сдѣланы слѣдующіе интересные для насъ доклады: В. И. Сизова— о раскопкахъ (своихъ и Е. Романова) въ Смоленской и Могилевск. губ. лѣтомъ